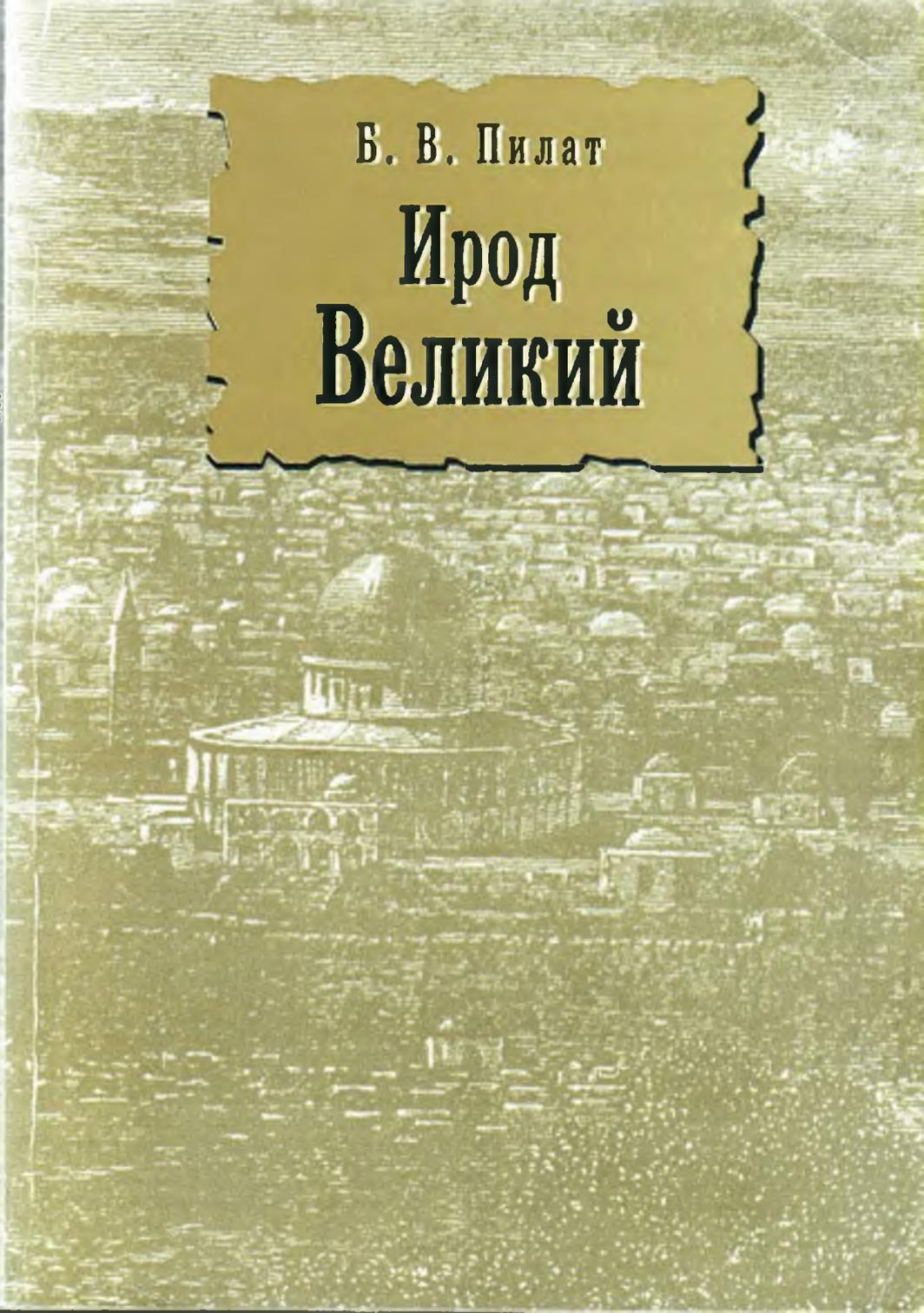

Б. В. Пилат

Ирод
Великий

Б. В. Пилат

Ирод Великий

Москва Когелет 1999

ББК 86.3

П 321

© Б.В. Пилат, 1999
Редактор: *Иванова Н.В.*
Макет и верстка: *Лопатин Ю.Д.*

Лицензия ЛР № 066383 от 10.03.1999 г.
Гигиеническое заключение
№ 77.ФЦ.8.953.П.51.2.99 от 11.02.1999 г.
Подписано к печати 08.12.98 г. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Печ. л. 28. Тираж 3000 экз. Заказ **6955**.
Издательство «Когелет», 117418, Москва, а/я 64.
Отпечатано с готовых диапозитивов.
ПФ «Полиграфист», 160001, Вологда,
ул. Челюскинцев, 3. Тел.: (8172) 72-55-31, 72-61-75.
OCR - Давид Титиевский, март 2017 г., Хайфа

ISBN 5-93348-011-8

*И останется беззаконие их на костях их¹
(Иез. 32:27).
Не судите, да не судимы будете
(Мф. 7:1).*

От автора

Случай бродит по истории. Путь его долог. Время от времени к нему присоединяются Мом² и Дионис... Только так можно объяснить навешивание ярлыков «великий злодей» или «великий правитель». И еще — случай не любит оттенков.

Один из величайших полководцев Древнего Рима — Тиберий, своими талантами во многом превосходивший Августа и отнюдь не более жестокий, волей случая и пером Тацита превращен в маразматика со множеством мерзких наклонностей. Иосиф Флавий, через призму ортодоксального национализма описывающий жизнь Ирода, вылепил эту колоритнейшую фигуру из желчи, но даже это не в состоянии умалить деяний, о которых говорят его книги.

Кому-то повезло больше. Страстный и не страшщийся кровавых мер Петр I, близнец Ирода по духу, — из-за перенесенных страданий, решительных попыток мгновенно трансформировать страну — блестящим пером Алексея Толстого превращен в национального героя и таким вошел в наше сознание.

А Клеопатра, которой Ирод противостоял, и безуспешно, на протяжении многих лет, тоже не жалела крови. Она казнила плененного царя Армении Артавазда II и его семью, повелела умертвить Арсиною, свою сестру, да и ее последний муж, он же сводный брат, расстался с жизнью не без участия супруги. Однако на протяжении веков Клеопатра — любимый образ поэтов, писателей, читателей.

Таких примеров в истории множество.

Эта книга — отнюдь не апологетика Ирода и его деяний. Я просто пытался воскресить те давние события и понять мотивы его поступков.

¹ Т. е. великий грех не искупает и смерть (несинодальный перевод).

² Мом — бог злословия в греческой мифологии.

*Все устраивается Богом,
но действия человека – его собственные.
Barclay, Talmud, 18*

Глава 1

Предистория

Иудейское царство, состоящее из колен Иуды и Вениамина, благополучно просуществовало с 928 до 586 г. до н.э. Это было типичное патриархальное государство, в котором за многие столетия оформились свои традиции и обряды, возник особый, ни на что не похожий Закон. Единобожие было спецификой и сущностью этого народа, чьи постоянные войны с соседями носили отнюдь не религиозный характер, а были обычными территориальными стычками. Еврейский народ был сплочен, уверен в себе, и его религиозное рвение составляло тот стержень, который объединял его.

Вавилонское нашествие разрушило и уничтожило патриархальную Иудею — это было нашествие варваров. Иудея побеждена, Храм разрушен. Победители увозят в полон элиту — наиболее образованную и дееспособную часть населения. Земледельцы остаются в Иудее, в Вавилонии таких и своих хватает. Надо отдать должное халдеям: никаких препятствий пришельцам нет, они получают доступ к самым престижным видам деятельности — торговле, финансам и быстро добиваются успеха и процветания.

Происходит какое-то удивительное мистическое действо. Небольшая плененная популяция не только не растворяется в массе вавилонского народа, а, совсем наоборот, в очень короткий срок завоевывает ключевые посты в государстве. Разумеется, происходившее можно объяснить и волей Яхве, как это делали многие пророки: Даниил, Иезекииль, Исая, вышедшие из Вавилонской школы, но существует и более простое объяснение, прекрасно переданное в фантастическом рассказе Пола Андерсона «Поворотный пункт». Речь там идет о том, что в эпоху космических полетов земляне сталкиваются с цивилизацией инопланетян, чей интеллект существенно выше земного, и земляне находят такое решение: «Распылить десять

миллионов джорильцев среди наших пятнадцати миллиардов». А когда дети-«гибриды» вырастут, их ждет место среди тех, кто правит миром. Они сделают колоссально много для земной цивилизации и будут пользоваться заслуженным признанием. И это уже будет новая, общая цивилизация.

Нет сомнения, что взаимное обогащение культур было полезным, и Вавилонский царь Навуходоносор II оказался прав. Пребывание иудеев в вавилонском плену породило ряд проблем, о которых можно сказать, что все они были «впервые». Впервые небольшая популяция побежденных не только не приняла господствующее у победителей вероучение, но и сумела сохранить собственные культовые традиции. Впервые были созданы молитвенные дома — прообразы будущих синагог. Была в окончательном виде сформулирована Тора и зафиксированы в писаниях те пророчества, которые до тех пор существовали только в устном виде.

«Есть мужи Иудейские, которых ты поставил над делами страны Вавилонской: Седрах, Мисах и Авданго; эти мужи не повинуются повелению твоему, царь, богам твоим не служат и золотому истукану, которого ты поставил, не поклоняются»¹.

Естественно, что долгое пребывание на чужбине даже при наличии письменной традиции не могло не отразиться на вере евреев. И, хотя сущность единобожия осталась у них непоколеблемой, еврейская религия приобрела новые, совершенно чуждые ей качества: веру в ангелов и демонов. Пророк Даниил так об этом вещает: «И нет никого, кто поддерживал бы меня в том, кроме Михаила, князя вашего»². Нам кажется, что эта фраза просто из-за невнимательности редакторов не была удалена при канонизации книг Ветхого Завета, ибо не должно быть посредников между человеком и Богом.

Примерно через 50 лет завоевавший Вавилонию персидский царь Кир предоставил возможность всем желающим пленникам вернуться в Палестину. Но за годы плена уже выросли новые поколения. Может быть, только несколько стариков пустились в этот многомесячный путь. Первая волна переселенцев состояла в основном из мужчин дееспособного возраста и насчитывала около 42 тысяч человек. Последующие караваны представляли небольшие группы и общей картины состава прибывших на родину не меняли.

¹ Даниил, 3:12.

² Даниил, 10:21.

Потухшие глаза жителей, бедность и запустение увидели они в родной земле, бывшей, по их представлению, раем. Они были мужчины, и началась их активная ассимиляция. Они брали в жены сирийек, самаритянок, аммонитянок, идумеек, моавитянок, филистимлянок, ханаанеянок — словом, женщин всех соседних племен и народов. И в этом был определенный промысл Божий. Они не могли жить без храма и начали его строить. 12 марта 515 г. до н.э. состоялось торжественное освящение Второго храма, а с ним и новая эпоха Иудеи — эпоха эллинизма и Закона.

К концу лета 458 г. из Вавилонии в Иудею прибыл потомок еврейских первосвященников книжник Эзра и привез рескрипт царя-язычника Артаксеркса I.

Артаксеркс, царь царей,

Эзре — священнику, знатоку Закона Бога небесного

От меня дается повеление, чтобы всякий из народа Израиля и из его священников и левитов, желающий идти в Иерусалим, пусть идет с тобою, так как ты посылаешься от царя и семи его советников, чтобы обозреть Егуд и Иерусалим по Закону Бога твоего, находящемуся в руке твоей, и чтобы доставить серебро и золото, которое царь и его советники пожертвовали Богу Израиля, которого обиталище в Иерусалиме, и все серебро и золото, которое ты соберешь во всей области Вавилонской, вместе с добровольными пожертвованиями от народа и священников, которые они жертвуют для Дома Бога своего, что в Иерусалиме... Ты же, Эзра, по премудрости Бога твоего, которая в руке твоей, поставь правителей и судей, чтобы они судили народ и «заречье»¹ — всех знающих Закон Бога твоего, а кто не знает — тех учите. Кто же не будет исполнять Закон Бога твоего и закон царя, над тем немедленно пусть произведут суд: на смерть ли, или на изгнание, или на штраф, или на заключение в темницу².

¹ «Заречье», заречные, ибрим — евреи, которые вернулись в Иудею из вавилонского плена с берегов реки Евфрат. — *Прим. ред.*

² *Эзра, 7:12–26.*

В марте 457 г. до н.э. состоялось знаменитое собрание, во время которого комиссией, возглавляемой более чем ста священниками, были оглашены списки смешанных семей. Вердикт комиссии был примерно таков: «Кто хочет стать полноправным членом общины, должен соблюдать Закон и развестись с язычниками».

А. Мень по этому поводу пишет: «И так фанатичный законник окончательно превратил Израиль из нации в своего рода религиозный орден или замкнутую касту. Эта его победа — одна из мрачных страниц послепленной Иудеи»¹. Вряд ли это в полной мере так. Приток новой крови всегда идет на пользу народу, а в начавшейся эпохе Эзры смешанным бракам не было места. Те, кто не захотели подчиниться новому порядку, эмигрировали, например, в Самарию, всегда находившуюся в оппозиции к Иудее.

Наступил период благоденствия, когда «ограда» вокруг Торы² — библейской религии строилась добротной и тщательно. Но тут происходят события, не поддающиеся логическому объяснению. Войска Александра Македонского, как нож пронзившие Палестину, не причинили Иудее ни малейшего ущерба. Любопытство — природная черта иудеев. Они даже сочувствуют завоевателю. Без боя в 332 г. сдают Иерусалим, что очень благожелательно воспринимается Александром.

В том же году он основывает в устье реки Нил город Александрию, которую иудеи и греки заселяют очень интенсивно. В период расцвета иудейская община города достигает миллиона человек.

Иудея вначале входит в состав Сирии, потом — Египта и снова Сирии. Этот период длился с 302 по 140 г. до н.э. Затем наступает эпоха Хасмонеев — одна из славнейших эпох в истории Иудеи — и совершенно алогичное ее следствие.

Александр Яннай — хасмонец, правивший со 103 по 79 г. до н.э., — победитель моавитян и галаадцев, не может найти общего языка с собственным народом. В Иудее начинается Первая гражданская война (с 88 по 82 г. до н.э.), объективных причин для которой нет. Яннай истребляет, по записям Флавия, до 50 тысяч человек, но неуправляемая возбужденность народа не утасует. Вторая

¹ Мень А. История религии в поисках пути истины и жизни. М.: Слово / Slovo, 1992, с. 311.

² «Ограда» вокруг Торы — т. е. Талмуд. — *Прим. ред.*

гражданская война длится весь начальный период правления Ирода (с 39 по 37 г. до н.э.). Третья гражданская война начинается сразу же после смерти Ирода, (4 г. до н.э.). Четвертая — по вине партии zelотов — вспыхивает в 66 г. и кончается полным разрушением Иерусалима и храма в 70 г. и Великим рассеянием. Чтобы дополнить эту картину, следует отметить практически полное уничтожение вавилонской диаспоры около 41 г. и уничтожение храма Яхве в Египте в Леонтополисе, в 76 г. н.э.

Столь длительная эпоха гражданских войн, направленных на самоуничтожение еврейского народа, не поддается простому объяснению. В какой-то мере можно понять нежелание народа принимать Ирода в качестве правителя. Он — полуараб-полуидумей, т.е. полуеврей, но Александр Яннай, с которым тоже воюет народ, — потомок Хасмонеев, Антигон, его внук, — вообще народный любимец.

Отчасти напряженность в Иудее можно объяснить соблазнами эллинизма. Многие в греческой религии с ее культом тела и склонностью к сексуальной свободе было противно традиционному иудаизму, но в эпоху Яннай цирков, арен, спортивных состязаний и зрелищ в Иудее практически не имелось, а греки, свободно передвигавшиеся по этой стране, — в основном солдаты и купцы. Вели они себя вполне корректно, не покушаясь на религиозные устои иудеев.

На взгляд автора, лучше всего объясняет происходящее с Иудеей теория пассионарности. Сменилось 40–50 поколений со времени введения Законов Эзры, и, по Гумилеву, наступает либо внутрисистемная аннигиляция, либо вытеснение популяции за границы этнического этноса. И то и другое верно для Иудеи. Отдельные народы время от времени уподобляются леммингам, собравшимся в стаи и организованно уничтожающим самих себя.

Египетские жрецы, обладавшие знанием древнего мира, утверждали: «Каждый народ, культура, цивилизация проходит испытание, как феникс»¹. Все имеет свой конец, и тогда общность людей испытывает потрясение. Это может быть некий духовный импульс, смена экономической формации и даже изменение места обитания. Покинут старые места, например, иберы и венгры и уйдут на запад в поисках лучшей доли. Так было, так есть и так будет.

¹ Птица феникс и возрождается вновь в Египте, по разным данным, через 500, 1460 и 12 954 года.

Иудеи и не оспаривали знание египтян, но никогда не мирились с очевидными истинами. И возражали: «Господь Бог сам привел нас в Землю обетованную и заключил с нами союз. Ему одному решать, что делать со своим избранным народом. Сомнительно, очень сомнительно, чтобы он отлучил нас от тех мест, где обитал сам». Возможно, они были правы.

В эту непростую эпоху, когда раздраженность народа достигла предела и ему время от времени необходимо было «выпускать пар», в Иудее пришел к власти Ирод. И вся неосознанная скопившаяся за столетия народная ненависть волею случая вылилась именно на него, Ирода, хотя дело было вовсе не в нем, да и вообще не в конкретной личности...

Все началось еще за сотни лет до этого и заключалось в весьма сложных отношениях избранного народа с Суцим. Дав ему свои заповеди, Суций отвлекся на какие-то неотложные дела. Он был безвременен, и тот небольшой период времени, когда избранный им народ оставался один на один с остальным миром, для него ничего не значил. Он полагал, что находящийся под его покровительством в конце концов выкрутится сам из любой ситуации.

У народа же ничего не было, кроме заповедей, и он начал возводить вокруг них сложное здание этических норм. Сооружение это иногда напоминало карточный домик и сразу же разваливалось, а иногда удавалось создать некое этическое чудо, нечто невиданное и великолепное. Самой большой проблемой стало то, что сам народ оказался замороженным своими этическими построениями. Он хотел заниматься только ими и больше ничем, до реалий окружающего мира ему не стало никакого дела. Но мир не понимал таких его устремлений.

Греко-римский мир в равной степени стучался в двери и Палестины, и Египта. Парфянское царство, долгие годы противостоявшее римлянам, уничтожено Помпеем. Отдельные набеги и даже победы парфян будут продолжаться еще долго, но это уже агония.

Итак, ассимиляция, но не равноправная, а односторонняя, под диктовку победителя. Никто прямо не формулирует эту идею, но она уже существует в подсознании народов.

Египет защищен от ассимиляции своей религией. Армия его — ничто в сравнении с римской военной машиной, но его обороняют мертвые. Монотонная жизнь со странным культом, тягучая, как

трясина, как мох на болоте, кружит, засасывает и успешно противостоит чужим идеям. Так продолжается тысячи и тысячи лет.

А рядом бурлящая, страстная Иудея. Единный, в которого иудеи верят безоговорочно, награждая его различными эпитетами, воспринимает их как должное. Но среди сотен его имен отсутствует Всепонимающий и Всепрощающий. Незримый один раз встретился с представителем избранного народа и с той поры был очень занят. И избранный народ понял, что у Сущего нет и не может быть понимания и прощения, как, впрочем, и других земных качеств. У него другие мерки для событий, происходящих на земле, и людям просто не дано понимать их. Они осознали это и смирились. А за это Сущий оказал им еще одну милость: позволил просить его о чем угодно, благодарить и славить. Его это не трогало, но результат действий избранного народа, естественно, был: он проявился в ритуалах, а ритуалы хоть и защищали веру, но хуже, чем солдаты. Избранный народ по существу оказался предоставленным самому себе. Единственной защитой для него были те десять заповедей, которые Бог передал Моисею. И народ максимально использовал это благодеяние. За тысячелетия он неспешно построил этику — новую систему отношений, ранее неизвестную в его мире, как и вообще в мире людей.

Когда римляне проникли в Египет, жители этой страны, безразличные и не очень любопытные, мысленно произнесли: «Ну и что?» — и продолжали заниматься своим делом. Рим не вызывал у них антагонизма, а римляне, в свою очередь, были веротерпимы. Иудеи не были ни равнодушны, ни покорны, они встречали римлян с непониманием и ужасом. А удивление римлян, пожалуй, было еще большим. Никто не взял на себя труд объяснить им, да они все равно бы не поверили, что этика этого странного народа опережала их этику на многие тысячи лет.

Право, которым римляне заслуженно гордились, отнюдь не являлось эквивалентом этики, и они не принимали происходящего. Иудеи расселились вначале в Риме и Малой Азии, а затем и во всех провинциях Римской империи. И почти везде 2 тысячи лет их этические воззрения были непонятны приотившим их народам, и иудеи считались изгоями.

Это был очень короткий период времени в истории человечества, когда общество, построенное на этических принципах,

соприкоснулось с миром другим, реальным, — с кулаками. А иудеи не хотели замечать этого нового мира, потому что им было хорошо с Сущим. И они были единственным народом, который предпочитал всем радостям этого пестрого, яркого и красочного мира решение, на первый взгляд, очень глупых проблем. И мир презирал этот «глупый» народ, потому что не понимал его устремлений. Тем более что поиск народа был труден, очень труден. Он отошел от человеческих жертв, и даже Сущий не мог сразу решить, каким способом может он внушить своему народу чувство если не благодарности, то понимания...

Сущий не ждал от избранного народа благодарности, идущей не от сердца, он не был столь наивен. И оставался по большей части глух к словоизлияниям и словопрениям, потому что они шли не от сердца и еще потому, что многие просили, не понимая, чего просят, и верили, не понимая, в кого.

Бог дал этику и мораль. В его десяти заповедях было все необходимое, но иудеи долго смотрели, читали то, что дал им Творец, смеялись и плакали от восторга, смутно понимая или вообще не понимая, чему радуются.

Наряду с теми истинами, которые существовали с ними рядом, шли рука об руку по жизни, были просты и понятны, Сущий дал иудеям и другие, которые веками перемалывались в их сознании, и некоторые все же дошли до них, а другие — нет. И эти истины были не только в заповедях, но и в Законе, который развил, уточнял, повторял и дополнял это идеализированное Знание применительно к конкретной жизни, и оно, это Знание, давалось иудеям очень трудно.

Закон не одобрял многоженство и в конце концов добился своего.

Закон дал кошерность — странный обычай, не до конца понятый иудеями и вообще не понятый другими народами. А в сущности, идея этого обычая была проста: он требовал уважения крови, в особенности пролитой, и иудеи генетически проникались к ней почетом и не любили проливать ее.

Закон запретил есть пищу, которую можно было доставать без усилий, и иудеи в большей массе следовали этому запрету, хотя и не понимали его.

Закон запретил изображать живое.

Он запретил работать в субботу, желая лишь одного: чтобы после захода солнца в пятницу они приглушили ту частицу огня,

которую он сам вложил в них, и предались отрешенности и самопознанию, ибо только в самосозерцании можно разглядеть свою душу и раскаяться в грехах.

Но Сущий хотел слишком много и сразу. Перед ним были люди, обычные люди, в которых горел огонь познания, часть из них была властолюбива и склонна ко всем тем порокам, которые отмечают людей вообще, и их порочность вела непрерывную войну с их знанием, открытым для немногих. Им было горько и больно, но они не могли ничего поделать с этим и уничтожали друг друга, потому что были неудовлетворены своей раздвоенностью. И Сущий с интересом наблюдал за проявлением двойственности их природы: властолюбием и сластолюбием, с одной стороны, и искренностью и стремлением к самопознанию — с другой.

В стране шла гражданская война, которой, казалось, не будет конца, а еще эта война была не только гражданской, а и человеческой, потому что в ней одна сторона природы человека не понимала и не хотела понимать другую.

В страну медленно вползало странное, незнакомое и мерзкое чудовище — греко-римский мир. И тут обе стороны природы посмотрели на общего врага и, не переставая грызться между собой, бросились на него. А у власти стоял Ирод. Мы не берем на себя смелость комментировать деяния и жизнь этого совершенно незаурядного человека. В равной степени его можно назвать и гением, и злодеем. А лучше не вешать ярлыков, ибо жизнь так неоднозначна.

Иудеи размышляли и с ужасом внимали Сущему, потому что мораль превращала их в некое подобие кентавров, столь любимых греками: они должны всю жизнь нестись вскачь неизвестно куда и зачем и при этом подгонять себя, стегая по крупу, а это было больно. И в ужасе от увиденного, — а Сущий сделал так, чтоб эта картина разом промелькнула в мозгу всего любимого им избранного и очень глупого народа, — они взмолились: «О Указующий путь! Мы слабы, дай нам знание, как лучше следовать тому пути, который ты предначертал для нас». И Сущий не мог отказать народу в этой простой и справедливой просьбе. Он нашептал одному из них Откровение, которое было понятно и очевидно. Но то, что очевидно для стоящего перед Вечностью, не обязательно понятно смертным, даже лучшим из них, в особенности если учитывать, что все сделанное Сущим для избранного народа содержало некое противоречие.

И знание, печальное знание, которое они выпросили у него, тоже было противоречивым и загадочным.

Когелет, или Екклесиаст, — вот что было этим знанием, и «мудрецы хотели скрыть книгу Когелета, потому что его слова во многом противоречивы»¹. И они веками читали эти простые, мужественные и восхитительные строки, продиктованные Сущим, и чем больше читали, тем меньше понимали, или им просто казалось, что они понимают:

«Все содеял Он в свое время восхитительным, услаждающим взор и вложил мир в сердце их, хотя человек не может постигнуть дел, совершаемых Сущим... и чтобы они видели, что они сами по себе животные»²...

Это был вызов, легкая провокация, поддевка. Потому что они бросились доказывать Сущему свое несогласие с ним в этом маленьком и не очень важном вопросе.

А между тем греко-римский мир в образе «зверя» или «морды зверя» возник у них дома, у их порога; примерно через сотню лет они красочно опишут его в Апокалипсисе, ибо Апокалипсис явился не только их ощущением присутствия Нерона, но и всего чуждого им, укравшего у них отечество и бросившего их в многовековое странствование.

Греко-римский мир был враждебен иудеям именно своей простотой, яркостью и красотой, он сверкал и переливался радугой и перламутром, он был доступен, понятен и именно поэтому чужд. И что самое страшное было в этом мире, в эстетике этого мира — в нем не было противоречий. Греки просто не понимали их. Все у них было ясно, рельефно и осязаемо: обнаженные тела атлетов, скульптуры, на столетия опережавшие время, мифы — чудные, на все случаи жизни. А какими восхитительными были их могучие и не очень интеллектуальные герои, какими прекрасными их не очень моральные подруги! Конечно, в этих мифах, отражающих понимание жизни греками и римлянами, были и ужасы: Горгона Медуза, Аид, Цербер и т.п. Но у греков, любящих простоту, не было двойственности. Ужас или чудовища на всю жизнь, до попадания в ад или тартар как были, так и оставались ими. Небольшие отклонения или

¹ Шабат, 30 в.

² Этот перевод точнее синодального, Екклесиаст, 3:11,18.

попытки двойственности в силу их эстетических традиций все равно перерождались в прекрасный миф, например о насмешнике Моме, говорящем праведную ложь. Эстетика и мораль греков и римлян были логичными и не терпели внутренних противоречий.

У иудеев же все, как в зазеркалье, — наоборот. Противоречия — очень похожие на небольших мерзких существ, напоминающих зубастых ежей, — разъедали мозг и иссушали сердца, потому что весь их мир был полон противоречий и сомнений. Они на века остались самым противоречивым, самым сомневающимся, самым странным и самым странствующим народом, а причиной тому были те десять заповедей, которые Господь на горе Синайской адресовал им. Поколения мудрецов толковали эти заповеди так же, как и другие законы и заветы, данные Господом, и великая путаница проложила тропу к их сердцу, к их разуму, и по этой тропе рука об руку или вприпрыжку бежали и смеялись противоречия и сомнения.

Им была понятна первая заповедь, но Господь сказал Моисею: «Приносящий жертву богам, кроме одного Господа, да будет истреблен»¹. И еще было «око за око, зуб за зуб». Они не решились убить, но под гневным взглядом фанатика отказались от жен своих, это было вскоре после возвращения из Вавилона. А потом вспоминали Соломона и плакали. Разве он не нарушал? Разве не построил он капище Хамосу, мерзости моавитской, и Молоху, мерзости аммонитской? Разве не прелюбодействовал? А в дебре — святая святых, хранилище ковчега — он установил двух крылатых херувимов. Что, в общем-то, тоже было изображением. И херувимов было множество в храме Соломона, и еще львы, и волы, и это вовсе никуда не годилось. И почему-то Господь был вполне лоялен к Соломону?

Изображений было множество у греков, все божества египтян — а ведь их цивилизации было много тысяч лет — тоже были изображениями, т.е. «мерзостью». И евреи Египта, в частности Александрии, каждый день смотрят на «мерзости», и, говорят, им это даже нравится.

Некоторые иудеи бывало задумывались над противоречиями между заповедями Закона и реальностью и удивлялись этому, продолжая размышлять. Вот, например, когда они соблюдали субботу, то Помпей (конечно, не знавший, что они исполняют наказ Господа)

¹ Исход, 22:20.

именно этим воспользовался для взятия Иерусалима и самого храма. Не лучше ли было и евреям сражаться с врагами, хотя это и была суббота?

Самыми странными и трудными для исполнения были две заповеди: «Не сотвори себе кумира» и «Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно».

Невысказанные слова и незафиксированные изображения плясали у них в умах, толкались и искали выход. Но иудеи не смели произносить имени Бога, хотя нуждались в нем каждую минуту, каждый час. У них не было выдержки буддийских монахов, они даже не знали основ буддизма, и слова, которые они готовы были сказать ему в надежде получить какое-то утешение, застывали у них на устах и тоже направлялись в мозг и в душу, — в гушу сомнений.

Конечно, такие сомневающиеся были, однако народ этот по странной прихоти судьбы безоговорочно поверил в Сущего, причем без всяких оговорок, не отождествляя его ни с природой, ни с некой призрачностью, ни с высшей сферой, и, естественно, ни у кого из народа даже в мыслях не было сподобиться узреть Незримого. Насколько же далеко ушли они от Будды, сказавшего: «Я покинул все и обрел освобождение через разрушение желаний. Самостоятельно овладевший знанием, кого бы я мог назвать учителем своим? Нет у меня учителя. Нет равного мне ни в мире людей, ни в областях богов. Я — святой в этом мире, я — высший учитель, я — единственный просветленный».

Нет, никогда ничего подобного не могло прийти им в голову, и Сущий по достоинству оценил их приверженность монотеизму — Ему. Он помог этому народу обрядиться в тогу пуританизма, в эту смиренную рубашку, с удовольствием созерцая свое деяние.

И их страна, их мир, их дом стали напоминать корабль желаний. Иудеям стали недоступны те простые радости и удовольствия, которых было в изобилии у других народов, например у греков. Нагота была запрещена, и изображение тоже, и прелюбодеяние, и многое-многое другое. И если грек в любой момент мог призвать на помощь Марса, Аполлона или Венеру, то им было отказано и в этой малости — Сущий запретил без надобности взывать к нему. А желаний меньше не становилось. И они научились усмирять их в себе, и каждый стал «маленьким Буддой», ибо мог сказать: «Я подавил в себе желание». И когда иудеи сделали это, Сущий подбрисил

им некую планку, или высоту, которую они должны были преодолеть все время подобно Сизифу. Но если Сизиф поднимал камень на одну и ту же гору, то здесь гора понемногу росла, и легче, хотя бы оттого, что дорога уже проторена, не становилось.

Конечно, в те минуты, когда Бог дозволял им обращаться к нему, многие восклицали: «Господи, зачем нам нужна эта ужасная новая высота?» На что Сущий очень редко удостоивал их ответом.

Бог снисходил лишь до избранных, до тех, которые могут все понять, но таких были единицы. Он говорил им: «Я не обещаю вам ни рая, ни гурий, ни каких-либо других удовольствий, и не будет ни воскрешения, ни перевоплощения, но я наделил вас мужеством, которое позволит вам понять, это вас ждет великое ничто, именуемое Вечностью. И еще я дал вам то единственное, что может противостоять Вечности, — наделил даром творчества, и не будет конца высотам, которые вы будете перед собой ставить, а затем преодолевать. Так было, так есть и так будет. И не будете вы любимы во все времена, теми, у кого нет дара».

Стараниями Сущего религиозное рвение иудеев, как и буддистов, было полностью интровертным, приглушенным, погруженным в глубины своего «Я». Они, казалось, делали шаг... и прислушивались. Ждали, что скажет им некий внутренний голос. А верен ли был их шаг, а стоит ли делать следующий? И каждый шаг, рожденный в сомнениях, требовал огромных интеллектуальных усилий...

Но мир уже давно не являлся таким, каким был после возвращения евреев из вавилонского плена, из которого в интеллектуальном плане они не вынесли ничего. Мир возмужал, окреп. Стараниями и талантами греков, а затем римлян была создана величайшая культура, которую Сущий, как и его избранный народ, не любил и не понимал...

А на троне Иудеи воцарился Ирод. Жесткий, прагматичный, не боящийся крови. Заповедь «не убий» ему будто и незнакома. Он пренебрегает ею, а в остальном чтит Сущего. А еще он влюблен во власть и в греко-римский мир, в который он стремится завлечь, протолкнуть Иудею. Не так важно, какими устремлениями он руководствуется, вряд ли мы сейчас пойдем их в деталях. Возможно, он верил, что лучшее для Иудеи — это интеграция в Римскую империю, а может быть, у него были другие мотивы. Важно другое — цели, которые он преследовал, и средства, которые он использовал.

И был он в основном одинок. Сподвижники были, а вот друзей — очень немного. Такова доля царей.

Он был непонят и не мог быть понят. Потому что древний обрядово-ритуальный мир Иудеи, в котором было полно двусмысленностей и абстрактных построений, столкнулся с прозрачным и звонким, как весенняя капля, греко-римским миром. Это было столкновение несовместимого — воды и пламени, оно не могло продолжаться вечно. Одно должно было взять верх, и случилось то, что должно было случиться: Рим поглотил Иудею, но только в географическом плане.

Столкновение несовместимых этических, эстетических и религиозных традиций двух великих культур непременно должно было вылиться в некое новое интеллектуальное рвение, в новую религию — и оно явило миру христианство.

А Иудея была подобна змее, греющейся на солнце и меняющей кожу: она выползала из самой себя, она вступила в фазу обновления, она скоро должна была засверкать в новом обличье, а до этого ей больно, очень больно, потому что всегда больно лишаться кожи.

Глава 2

Отец Ирода Великого

Гиркан I вступил на иудейский престол в 135 г. до н.э. — так исполнилось великое древнее предсказание. Он был старшим сыном Симона — первого Хасмонейского князя. Он был первым из великой плеяды правителей, властвовавших над Иудеей до прихода династии Иродов. Он сделал многое для объединения страны, подчинил племя нуфейцев и разрушил Храм неискренних на горе Гаризим. Ибо не должно быть двух святилищ в одном государстве. Иерусалим — один.

Самым великим деянием этого князя было покорение Идумеи — родины Антипатра, отца Ирода. Страна Эдома, получившая от греков, влюбленных в красоту, чудесное, звучное, какое-то волшебное название — Идумея, сохраняла свою самобытность. Кровь иудеев, обильно пролитая идумеями во времена Навуходоносора, не породила взаимной ненависти. Генетическое родство их не смогло заглушить и вавилонское вторжение. Цепь войн и преступлений в великом смешении народов была данью времени и исполнением некоего высшего предназначения.

Теру Гедома¹, извлекаемый из шофаров трубачами, означал одновременно конец старой и начало новой Идумеи. Два ее крупнейших города — Адара и Марисса, названия которых звучали как выдох любимой на рассвете, были покорены иудеями. Это была почти бескровная победа. Побежденные оказали минимальное сопротивление. Иудеи, ранее ассимилировавшие в своей среде часть племени маовитян, принесли в Идумею и смешали с потомками других племен израильских новую кровь, насквозь пропитанную солнцем, жаркую и горячую. Они приняли обрезание и слились в единый еврейский народ, потомки Исава и Иакова, чтобы совместно

¹ Призыв к всеобщему наступлению.

разделить печальную участь двухтысячелетнего изгнания и разлучения с родиной.

Нельзя сказать, что вторжение иудейской культуры в Идумею происходило абсолютно безболезненно. Обрезание – странный, очень странный обряд, не признаваемый ни одним народом, соседствовавшим с Иудеей, и неисполнение которого даже каралось смертью. Но иудеи ставили обрезание много выше других заповедей и даже шли из-за него на смерть, потому что в Писании сказано: «Если б не завет мой (т.е. обрезание), то я не создал бы ни дня, ни ночи, ни уставов неба и земли я не утвердил бы»¹.

Идумеи – дети двух культур – были тем оселком, на котором Предвечный отгачивал новое Знание, ведомое пока ему одному. Они, словно гибрид лимона и апельсина, обладали некой горчинкой, и этой горчинкой была их импульсивность и кровожадность. Они были храбры, своего рода гасконцы Палестины, они были безжалостны, они принимали решения, в которых потом раскаивались. Таким же был и Антипатр.

Шейхи, которых вера обязывала принять обрезание, сидели и обсуждали... Они обсуждали важную проблему, и спешить было нельзя. Они знали, как иудеи относятся к этому обряду, и у них был выбор: они могли погибнуть в бою, стать рабами или принять обрезание. Обычно говорливые, шумные, хватающиеся за кинжал или короткий меч при первом удобном случае, теперь они сидели, молча слушали других, и лица их становились все утрюмее. Первый вариант принимать не хотелось. К рабству они питали отвращение. Ну почему они вообще должны принимать этот странный обряд, над которым так насмеялись их соседи – аравитяне?!

Когда же они приняли решение согласиться, то плясали и радовались неизвестно чему. Но тяжесть ушла из их сердец, и они смеялись и плакали. Когда эйфория прошла, они вновь стали утрюмы, и требовалась совсем небольшая искра для поддержки того адово-го огня, который подогревал их холерический темперамент.

Сначала изредка, а потом все чаще и чаще идумеи стали жениться на иудейках, и дети их стали иудеями. Они смирились: зачем им нужна независимость, если Иудея, гораздо теснее общавшаяся с

¹ Иеремия, 33:25. Синодальный перевод этого места очень неточен и полностью искажает смысл изречения.

греко-римским миром, была страной более культурной, яркой, красочной, храмовой. Они влились в эту среду органически, но сами иудеи помнили, что идумеи другие, а идумеи знали про закон иудеев, запрещающий чужакам занимать священнические должности. И эта некая второсортность гнетом давила на самосознание идумеев. Они не сопротивлялись своим чувствам, копили их и, чтя Писание, все же полагали, что из десяти заповедей первые пять, написанные на той скрижали, которую Моисей держал в левой руке, имеют безусловное преимущество перед заповедями другой скрижали. И еще все они знали, что Исав, а не Иаков должен был наследовать в Иудее. Отсюда выросло и стремление Антипатра занять иудейский престол.

Может быть, мстя за украденное первородство, много лет спустя они, объединившись с zealотами, начнут бессмысленную вакханалию убийств, захлестнувшую Иерусалим. И не найти логичного обоснования тому, что будет сделано.

Лемминги иногда, повинувшись некоему неведомому зову, идут в океан один за другим и тонут, киты без причины выбрасываются на берег. А люди уничтожают друг друга, потому что они разумней. И их горечь, выплеснутая наружу, переросла в демона самоуничтожения, который был, пожалуй, в еще большей степени заложен в иудеях, потому что в конкретной исторической ситуации они уподобились леммингам, бросившимся в океан эллинизма. Конечно, часть из них где-то глубоко-глубоко в подсознании противилась этому, но путь их был предрешен...

Петра, некогда довольно долго бывшая городом идумеев, их столицей, была одновременно и столицей Nabatei. Она располагалась во впадине, была окружена горами, полностью защищена от ветров. Она была многолюдна и любима путешественниками. И еще — неприступна. Антипатр здесь нашел девушку, ставшую затем его женой и матерью Ирода. Кипра была из знатного набатейского рода и родилась в этом городе. Тогда в ее браке не было ничего необыкновенного. Ибо Идумея была патриархальной и очень походила на Иудею до возвращения пленников вавилонских, до принятия закона о чистоте крови. Она хотела определить свое место в будущем, искала его, но так и не сумела найти. Это было предрешено роком. У нее не было будущего и не могло быть. Народ ее стоял на распутье. И Сущий сжалился над ним. Капища

многочисленных богов других народов, в ужасном и тяжелом каменном воплощении, находились совсем рядом с храмом, в котором обитал Незримый. И Незримый возмущался этим соседством и презирал его. Он не терпел конкурентов. У избранного народа, при всех его недостатках, хватало ума поклоняться только ему, Незримому, и за это он просил им многое.

Когда-то Незримый нашел в себе мужество, а он вообще был мужественным, отказаться от человеческих жертвоприношений, от человеческой крови, и он немедленно запретил избранному народу поглощать кровь в любом виде, и это было правильно. Ему было трудно, насколько же легче была жизнь у Будды, который обитал далеко-далеко на востоке. Там были лотосы, другие диковинные цветы, и Будда совершенно закономерно считал, что все имеет право жить. Он вообще не любил крови — ни человеческой, ни животной.

В Иудее, расположенной на пересечении разных дальних путей и заливаемой кровью, невозможно было сделать вид, что ее — крови — не существует, и потому Незримый оставил себе небольшую поблажку. Он согласился принимать жертвенную кровь, но это была кровь агнцев или голубей, а это было не так уж и существенно и нравилось народу.

А рядом, от юго-восточной Набатей до Карфагена (Туниса), за исключением Египта, каменные идолы очень любили ощущать на губах вкус крови человеческой. Еще совсем недавно Гамилькар, отец Ганнибала, жадно взирал на то, как руки жрецов бросали в пасть Молоха младенцев, и это зрелище было не для слабонервных и ожесточало.

И Иудея, а теперь уже вместе с Идумеей оказались меж двух огней: с севера и северо-востока на них надвигалась греко-римская культура с человеческими жертвами в виде гладиаторских боев, а с юга и юго-востока время от времени людей поглощали каменные идолы, и неизвестно, что было хуже.

Незримый сделал много для своего народа. Сердца иудеев, усталых и ожесточенных после египетского пленения, смягчались, а отказ от человеческих жертвоприношений и вовсе изменил их менталитет и поставил грань между иудеями и окружающим миром. Все знали, что Незримый, однажды избрав некую позицию, никогда не менял ее, а потому иудеи отторгали гладиаторские бои, и

волновались, и противились Риму. А набатеи смеялись над ними, потому что их боги не могли существовать без пищи, кровавой, человеческой. А сами они не понимали Незримого, ибо очень трудно молиться и призывать в помощь того, кого нет.

И это непонимание между двумя народами росло, а к концу царствования Ирода стало нормой на века. А Ироду, хотя он был обращен и соблюдал Закон иудеев, всегда было трудно, потому что вся Иудея знала и понимала, что Антипатр, отец его, — идумей, а мать — набатейка¹.

Александр Яннай — нелюбимый сын Гиркана I — назначил управлять теперь уже не страной и даже не провинцией, а областью или местностью Идумеей некоего Антипу — богатого идумея. Тот умножил свои богатства. Александра, вдова Янная, также всячески оказывала свое покровительство этому мудрому правителю, чтимому своими арабскими соседями и потому без особых проблем, только в результате своего огромного обаяния добившемся долгого и прочного мира с жителями Газы и Аскалона. Для Александра Янная, правителя Иудеи, чьи финансовые и людские ресурсы были на пределе, это было крайне важно. Сын Антипы I Идумейского, также названный Антипой и впоследствии трансформировавший свое имя на римский манер в Антипатра, был отцом будущего Ирода Великого и еще он был богат и энергичен.

После смерти Александра Янная в 79 г. до н.э. Гиркан II, сын Александра и внук Гиркана I, был объявлен первосвященником. Его младший брат Аристовул II вступил с ним в жестокую схватку и быстро узурпировал власть. Надо отдать ему должное. Он, не в традициях эпохи, оставил Гиркана II на воле, дав ему солидный достаток и полную свободу как частному лицу. Антипатр, бывший тогда начальником войск, находясь в натянутых отношениях с Аристовулом II, немедленно воспользовался ситуацией, начав побуждать Гиркана к активным действиям. Далось это ему нелегко. Неагрессивность Гиркана была хорошо известна в Иудее, но он был старший сын — престолонаследник и формально прavoта была на его стороне.

Гиркан II и Антипатр бегут к Арету, аравийскому царю и правителю Петры, у которого давние и прочные контакты с иудеями.

¹ Аравитянка.

Состоялись переговоры, смысл которых сводился к следующему: поддержка Гиркана II в получении им престола, возврат Арету захваченных Яннаем городов Мидавы, Навалло, Ливиады, Фарависы, Агаллы, Афона, Заоры, Орона, Мариссы, Ридды, Лусы и Оривы. Антипатр женился. Рождения сына он уже не застал, бок о бок сражался рядом с Гирканом II за иудейский престол.

В 65 г. до н.э. 50-тысячное войско — арабы и иудеи, сторонники Гиркана II — осадило Иерусалим. Осада длилась без особого перевеса какой-либо из сторон. Война Помпея обострила ситуацию. В Дамаск, где находился лагерь Помпея, практически одновременно прибыли посланцы Гиркана и его брата. Оба добивались поддержки Рима. Оба предлагали Помпею по 400 талантов. Помпей, чьи отношения с Римом занимали гораздо больше, чем проблема Иудеи, принятие решения переложил на Скавра, только что назначенного наместником провинции Сирии. С присущей римлянам педантичностью он взвесил все «за» и «против» и принял сторону Антипатра, славившегося своей щедростью. Царю Арету он повелел вернуться в Аравию. Последний не решился ввязаться в войну с Римом и отступил, однако Антипатр, теперь уже чувствуя мощнейшую моральную поддержку, бросился вдогонку за отступающими врагами, победил их при Папироне. В этом сражении погиб брат Антипатра — Фаллион. Вину за это сражение Антипатр возложил на Аристовула и без труда убедил Гиркана в том, во что тот и сам хотел верить: Аристовул — враг.

По прибытии Помпея в Дамаск последовали взаимные жалобы Аристовула II и Гиркана II. Причем посольство первого возглавлял некий Никодим, а второго — Антипатр. В этих обвинениях и перепалке Аристовул допустил известный просчет, обвинив Скавра и военачальника Помпея — Габиния во взяточничестве. События менялись с калейдоскопической быстротой. В конце концов Помпей осенью 63 г. до н.э. овладел Иерусалимом, встретив горячую поддержку Гиркана II.

Аравийская Петра, так и не покорившаяся римлянам, была не то чтобы источником особых смут. Болевых точек в империи было более чем достаточно, но Арет был непредсказуем в своих поступках, порядок и логика римлян были ему так же недоступны, как и иудеям. Хаос — качество, свойственное семитским народам. Они импульсивны, живут по наитию.

*Глава 3***Помпей Великий**

Рубежом двух великих культур — греческой и египетской — стала Иудея. Они, эти культуры, были совершенно несопоставимы и органически несливаемы друг с другом. Подобно двум кораблям, каждый из которых плыл своим курсом, у них было свое предназначение. Если курсы кораблей почему-то пересекаются, один из них сворачивает в сторону в противном случае катастрофа неминуема. Благоразумие ни разу не изменяло ни грекам, ни египтянам, они существовали сами по себе. Вопрос даже не в том, какая из цивилизаций древнее, здесь, бесспорно, первенство было за египтянами. Дело было совсем в другом. Очаровательный дух Средиземноморья породил с течением времени физический тип человека, который присущ именно грекам. Десятки, сотни народов и рас создали ту Грецию, которая заложила один из основополагающих камней в историю эстетики. Египтяне были другими. Их изоляция позволила им на протяжении многих тысячелетий сохранять присущую им индивидуальность и культуру, и эта культура была обособленной и великой. Жизнеутверждающий дух греков с их любовью к красоте, вакханалиям, диспутам, потребовал четкого рационального мышления. Вера как таковая, без доказательств была им абсолютно чужда. Египтяне задолго до греков выпестовали и бережно сохранили другой мир, населенный сфинксами, охраняющими их гробницы, их покой. Боги их обладали головами шакалов либо птиц. Они всегда имели элемент фантастики в божестве. Этот принцип не получил подтверждения, не проявился ни у одного из соседних народов, с которыми враждовали либо уживались египтяне. Мир их был иррационален.

Евреи, на протяжении веков очень близко контактировавшие с египтянами, жившие с ними бок о бок, абсолютно ничего не заимствовали у них в религиозном плане. Они ждали своего просвещения свыше. Однако иррациональность генетически влилась в их сущность,

составив одну из основополагающих черт этого народа. Может быть, из чувства противоречия либо по какой-то другой причине они даже в большей мере, чем египтяне — основные носители иррациональности, прониклись ее духом, подкрепленным идеей монотеизма.

В то же время греческое, а затем и греко-римское влияние не оставило их равнодушными. После древних обрядов и мрачных обычаев Вавилона новый мир, основными носителями идей которого были греки, засверкал перед ними во всем блеске своей эстетики. И иудеи вначале невольно, а затем в течение двух-трех поколений, как губка, впитали прагматизм, сделавшись едва ли не больше греков сторонниками рационального. Два диаметрально противоположных начала — рациональность и иррациональность, — подобно двум сторонам медали, составляли сущность этого народа. Дух их был иррационален, ум рационален, а сердце принадлежало Единому и Предвечному.

Они понимали Сущего и стремились доказать всем исключительность своего знания, но оно просто не воспринималось другими народами. Это постоянно приводило к конфликтам между греками и иудеями. Но все эти осложнения не могли помешать одному — слиянию культур, проводником чего служили иудеи. Вооруженные тезисом или идеей богоизбранности, они осознавали свое превосходство над окружающим миром. Близость к Богу на протяжении тысячелетий создавала им неограниченный душевный комфорт и уверенность в любых деяниях. Эта тысячелетняя убежденность в собственной правоте наложила неизгладимый отпечаток на их поведение, культуру и мышление. Выражаясь языком современной психологии, они были абсолютно интровертным народом. Это совсем не означает, что отдельные индивидуумы не были склонны к путешествиям, к активной созидательной деятельности. Отнюдь нет. Интровертность народа является лишь интегральной характеристикой его представителей. И, обладая верой в свое предназначение, способностью к языкам и миграции, евреи, сами того не замечая, стали своеобразным мостом между греческой и египетской цивилизациями, в течение нескольких поколений расселившись по всему Средиземноморью.

Александрия была их вотчиной, впрочем, как и многие другие города. Община их была значительна и в главном сирийском городе — Дамаске, столице одной из ключевых римских провинций.

Помпей Великий прибыл в Дамаск. Греки, создатели величайшей цивилизации, сравнительно легко мирились с римским варварством. Их философия и религия без труда утвердились в Риме, и поэтому до конца не было ясно, кто над кем одержал победу. В приступе своего великодушия или раболепия они назвали Помпея «царем царей». Помпей, бывший в действительности гениальным полководцем, в эту пору не обладал ни зазнайством, ни скупостью. Только что он покорил Галатию и Каппадокию, Киликию, Сирию и Финикию. Извечные враги Рима — Тигран и Митридат потерпели чувствительное поражение. Практически на Востоке не осталось противостояния римским легионам. Он принимал поздравления и подношения из Египта, Сирии и Иудеи. Их было много, этих даров, разнообразных и ценных.

Иудеи преподнесли ему только один подарок — точную копию виноградной ветви, украшавшей ворота Иерусалимского храма. Это была ветвь винограда чуть выше человеческого роста, стоимостью в 500 талантов и изумительно сделанная. Даря эту ветвь, как витевато излагал посланец Иудеи, они полностью признавали власть и могущество Помпея и Рима. Дело было сделано. Ветвь эта вплоть до нашествия варваров украшала храм Юпитера Капитолийского. Потом она была украдена, изломана и поделена.

Помпею скоро стало понятно, что в Иудее существует две враждебные партии — Гиркана и Аристовула. Помпею вовсе не хотелось омрачить свой триумф на Востоке принятием или поддержкой одной из сторон. Сенат больше всего приветствовал деньги и мир, а поляризация власти в Иудее неизбежно привела бы к волнениям, а возможно, и к гражданской войне. Обе партии взывали к нему, стараясь заслужить благорасположение Рима. Помпей сделал мудрый шаг. Он сослался на усталость и отложил разбор до весны. Время — лучшее средство против междоусобиц.

Весной, когда период дождей окончился, дороги подсохли и температура стала приятной, римские легионы двинулись вглубь Сирии. Был ранний апрель. Помпей последовательно разрушил крепость Апамею, укрепленную кизикийцем Антиохом, разгромил извечного врага иудеев — Птолемея Меннея, впрочем, откупившегося за 10 тысяч талантов и тем спасшего свою жизнь. Это была очень своевременная победа, позволившая Помпею выплатить солдатам зимнее жалование и тем самым резко поднять их настроение.

Затем он овладел Липсаидой, управляемой иудеем Силасом, прошел через города Гермополь и Халкиду и через Пеллу вернулся в Дамаск.

Успех этой небольшой весенней кампании воодушевил Помпея, и он решил наконец рассмотреть вражду Гиркана II и Аристовула II.

Помпею казалось, что он вполне мог рассчитывать на успех, ведь Гиркан и Аристовул — родные братья. Заседание происходило во дворце, спешно сооруженном по случаю прибытия Помпея. В полном смысле слова, это был не дворец, а небольшая строгая вилла, выполненная в типичном римском стиле. Помпей начал слушание и после нескольких минут понял, что попал в трясины, топившую в себе все идеалы римского правосудия. Слава Цицерона была в разгаре. Римские законы вместе со штандартами легионов распростерли свои крылья над большей частью мира и признавались безусловно и безоговорочно. Но здесь, среди восточных словопрений, они не имели никакой цены. Здесь могли тот или иной факт прокомментировать словами какого-либо мудреца или толкователя, сказанны, например, 300 или 500 лет назад, а затем развязать дискуссию или, наоборот, прервать процесс для размышлений.

Перед ним были две партии. Одна молодая, франтоватая, иудейской волны, новой формации, носившие мудреные прически, браслеты на запястьях, цепи, — все это было вопреки традициям иудеев и крайне неодобрительно воспринималось даже его судом, все члены которого были профессиональными военными. Другая партия была представлена Антипатром, отец которого, знатный и богатый идумей, был большим другом Александра Янная и жены его Александры. Антипатр был женат на аравитянке — знатной, спокойной, не очень образованной, но обладавшей незаурядным мужеством женщины. И этот Антипатр-идумей подал петицию, подписанную тысячью знатнейших иудеев, поддерживающих законные требования Гиркана II. Они обвиняли Аристовула II в узурпаторстве власти, в постоянной вражде с соседями и в морском разбое. Это последнее более всего не понравилось Помпею. Он признал неправоту Аристовула, однако по неизвестной причине проявил слабость: не вынес никакого вердикта, призвал враждующие партии к миру и обещал, что после завершения кампании с набатеями прибудет в Иерусалим и примет окончательное решение. Впрочем, это будет только в том случае, если братья сами не договорятся между собой.

Аристовул, отпущенный Помпеем, направился в Дий, оттуда в Иудею, где занял крепость Александрион, откуда, по существу, поднял мятеж против римлян, твердя всем и каждому демагогические лозунги о традициях, вере и свободе. Ближайшее окружение Аристовула разделилось на две партии. Одна понимала бесперспективность борьбы с Римом и настаивала на подчинении и принятии условий Помпея, другая – ортодоксальная – росла в геометрической прогрессии. И тут случился небольшой пассаж, совершенно противоречащий римским традициям и непонятный историкам.

Войско Помпея, миновав Пеллу и Скифополь, как замороженное остановилось около Корей – самого северного города Иудеи. Аристовул, оставляя на время своего отсутствия Александрион на попечение брата, начал курсировать между крепостью и Кореей, наращивая свои силы и попросту мороча Помпею голову. Такие посещения повторялись трижды, затем, к чести Помпея, он действует решительно, как и подобает римлянину. Он велит Аристовулу сдать крепость и поручает ее двум своим начальникам легионов. Аристовул подчинился и без препятствий со стороны римлян уехал в Иерусалим, где стал открыто готовиться к войне. Конечно, Помпею все донесли.

В очередной раз подивившись вероломству Аристовула, Помпей возглавляет движение своих войск и совершает форсированный бросок к Иерусалиму. В пути его извещают о смерти его давнего врага – Митридата, убитого собственным сыном Фарнаком. Он объявляет об этом войскам. Война с парфянами окончена. После захвата Иерусалима он прекращает кампанию и собирается возвращаться в Рим. Ликование царит в легионах. Они победители, они при деньгах. И очередная странность: в предместье Иерусалима, как ни в чем не бывало, Аристовул с небольшой свитой встречает Помпея. Он обещает Помпею 5 тысяч талантов и свободный доступ в город. Римлянин в раздумье. За все время своих кампаний он не встречал более беспринципного и более вероломного человека, чем Аристовул, но бескровное окончание кампании на Востоке и 5 тысяч талантов весьма привлекательны. В его лагере находятся Гиркан и Антипатр – враги Аристовула. Помпей советуется с ними. Серо-зеленые глаза Гиркана, перешедшие к его внучке Мариамне, красивы и безбрежны. Слово воды Средиземного моря, они спокойны и убаюкивающи. Помпей мгновенно оценивает Гиркана и

обращается к Антипатру. Этот молодой человек — полная противоположность правителю Иудеи. Его черные, чуть выпуклые глаза на редкость выразительны.

«Аристовул предаст», — коротко бросает молодой человек. Помпей согласен, но чем он рискует? Габиний — его лучший полководец — с небольшим отрядом направляется в город за деньгами. Аристовул остается в пределах временно раскинутого лагеря. Через несколько часов Габиний возвращается. У него вид кота, залезшего на стол с яствами и которому надавали по морде. Его не впустили в город, денег, естественно, тоже не дали. Помпей все понимает, едва взглянув на Габиния. Он смеется, недолго, не желая обидеть полководца, встает с ложа, обнимает его, хлопает в ладоши и отдает команду схватить Аристовула. Больше шутить он не намерен.

Римские войска движутся к Иерусалиму. В городе возникают волнения. Странники Аристовула захватывают храм и укрепляются в нем. У остальных хватает здравомыслия согласиться на сдачу города. Но Иерусалим невозможно отделить от его храма. Собственно, город не представляет собой особой военной ценности. Иное дело храм — сильнейшая крепость на Востоке. Помпей знает, что с трех сторон естественные ущелья настолько увеличили высоту его стен, что говорить об их штурме бессмысленно. Четвертая, северная, стена и башня — иное дело: приложив усилия, их можно взять. Пизон — легат Помпея укрепляет дома вблизи храма, превращая их в форпосты. Мирные предложения Помпея отвергнуты фанатиками, и он начинает осаду — первую осаду храма римлянами. Осада ведется по всем правилам военного искусства, и иудеям нечего противопоставить римлянам. Кроме проклятий, разумеется. Время от времени то один, то другой священнослужитель, а иногда и целые их группы появляются на стене, нараспев читают свитки Закона и проклинают римлян и Помпея. Не меньшее количество проклятий падает на голову египетского царя Птолемея XII. Он содержит 8-тысячный корпус Помпея, снабжая его провиантом, фуражом, всем необходимым. Разве это не война против Иудеи?

Суббота — святой день, но постоянные войны заставили ортодоксов пойти на уступки: иудеям было разрешено отражать вражеское нападение в субботу. И хотя это было определенным прогрессом по сравнению с мрачным вековым заблуждением, но все же это полумера. Закон не ограничивает римлян в ведении

строительных и ремонтных работ, это не повод для войны в субботу — таков вердикт левитов. Неважно, кто из римлян предложил использовать это ложное благочестие, эту глупость. Римляне строят вал напротив северной стены и засыпают ров. В субботу они это могут делать беспрепятственно. И их вал растет именно в эти злощастные дни. Осажденные сжимают кулаки, осыпают проклятиями римлян и молятся. Легионеры благодушно улыбаются, шутят — им нравится осада крепости без потерь. Много-много лет из поколения в поколение будут передаваться в римских войсках легенды об идиотизме иудеев. Странно их поведение. Ни один народ не позволил бы врагам делать то, что позволяют иудеи. Или они не понимают, что влечет за собой сдача храма?

Когда вал достиг необходимой высоты, т.е. сравнился с высотой стен храма, Помпей дает сигнал к штурму. Без труда две «черепахи» римлян прорывают хаотичную оборону и врываются в храм. Историк Иосиф Флавий пишет, что в побоище, учиненном римлянами, погибло до 20 тысяч человек. Нам кажется, что он преувеличивает. Быстра и скоротечна была осада римлян.

И вот осенью 63 г. до н.э. Помпей стоит перед иудейским святилищем. Гиркан и Антипатр с небольшой свитой находятся рядом. Помпей, легаты, начальники легионов получают возможность проникнуть в это обиталище Бога, знаменитое обиталище Единого и Безвременного.

Помпей приглашает иудеев войти в храм вместе с римлянами. Но нет, нет желающих в этой толпе совершить такое святотатство. Только первосвященнику дозволено входить в обиталище Яхве. Один Антипатр присоединяется к римским воинам. Помпей, Пизон, а затем и остальные один за другим с трепетом входят в святилище. Последним идут Антипатр и девятилетний мальчик, с детской грустью наблюдавший за шествием в храм — дом Сущего, сын Антипатра — Ирод.

Они вошли в зал средних размеров, увидели золотой семисвечник, жертвенные чаши, сияющие холодным серебряным светом и теплым золотым, и множество курений по углам. Они стояли полукругом в центре, озирались. То ли от легкого запаха неизвестных курений у них чуть звенело в ушах, то ли по другой причине, но их беспокойство нарастало. Где-то в темных уголках сознания стала взрывать мысль: «Мы здесь лишние, незванные, скорее уйдем». Но

они все были воинами, прошедшими десятки сражений, и они держали марку. Слегка толкнув следующую дверь и чуть ли не задев головой за притолоку, они вошли гурьбой в соседнюю небольшую комнату. Подсознательно они шли плотно, прикасаясь друг к другу. Если бы могли, то держались бы за руки. В центре комнаты на изящном кедровом постаменте стоял древний-древний ковчег, очень небольшой, длиной в семь ладоней. Больше здесь ничего не было. Никто не проронил ни слова. Быстро покинули они эту странную комнату, затем зал и вышли из святилища к мрачной толпе иудеев, ожидавших неизвестно чего.

Ничего не случилось. Огромным усилием воли Помпей заставил себя улыбнуться и помахать толпе рукой. Лица остальных были отрешенными. Они все, включая Антипатра, прошли в палатку Помпея и пили до тех пор, пока не свалились. Пили молча, едва ли они за этой странной трапезой сказали друг другу десятков слов. Ординарцы и рабы развели их по палаткам. Наутро Помпей велел храмовым служителям освятить храм и принести Всевышнему достойные жертвы. Затем он назначил Гиркана первосвященником и велел отрубить головы зачинщикам войны.

Спешно готовил Помпей войска к уходу из этого города. Он не взял в сокровищнице храма ни одной монеты из хранившихся там 2 тысяч талантов. Их потом конфисковал Красс. Помпей отобрал у иудеев десять городов и включил их в состав римской провинции, он обложил Иерусалим данью и вместе с пленным Аристовулом II и его семьей спешно покинул город. А храм велел освятить, но это не помогло. Всем, кто побывал в святилище, кто потревожил покой Яхве, в течение семи дней снились странные провидческие сны, и все они умерли насильственной смертью. Такая же участь впоследствии постигла Красса.

Едва завершилось освящение храма, как Помпей получил приглашение от Птолемея XII приехать в Египет, в Александрию. Много яда таило это невинное приглашение: приняв его, он официально признает Птолемея в качестве союзника Рима. А раз так, то не может же он вторгаться в Египет. Птолемей ни за что не даст ему для этого повода. И хотя завоевание Египта стратегически важно для Рима из-за его колоссальных богатств, сделать это пока невозможно. На это нет согласия Сената. И Помпей принимает самое мудрое решение: вернуться в Рим, получить триумф, а там будет видно...

Глава 4

Птолемей Авлет

Птолемей XII, Филопатор, Филадельф, Новый Дионис, возлюбленный Птахом и Исидой, в конце марта 76 г. до н.э. был венчан на царство. Сделано было это без согласия римлян, у которых в ту пору было множество своих проблем. Содеянное приносило Птолемию массу неприятностей. Египтяне не жаловали его. Утешение он находил в игре на флейте, чем занимался с гораздо бóльшим удовольствием, чем государственными делами. Народ почему-то мало ценил музыкальное дарование монарха и нашел ему прозвище Авлет¹. Оно прижилось.

Правитель Египта был настроен проримски, он не был ни храбрцом, ни трусом, он был реалистом. Подобно Антипатру, затем Ироду, а также десяткам других царей, он в полной мере осознавал мощь римской военной машины. Но видение царя и видение народа — не всегда одно и то же.

Рим молчал, и в Египте росло недовольство Птолемеем Авлетом. Возмущались иудеи. Вести о покорении храма и насилиях, чинимых Помпеем, дошли до них в сильно очерченном виде, и они роптали.

Как мог восточный правитель, их правитель поддержать римлянина, нарушителя покоя Сущего? За Сущим никогда ничего не пропадало. И всех их ждет кара: и Помпея, и Птолемея, и многих других, осмелившихся вторгнуться в его храм. Возмущались египтяне. Иудея когда-то была под протекторатом Египта, только их царь-недоумок своими руками мог отдать Иудею во власть Помпея. Бузили греки, просто так, разве для всего нужны причины?

А обстановка в Риме не позволяла принять какое-либо конкретное решение. В 65 г. до н.э. Марк Красс предложил взимать подати

¹ Флейтист (греч.).

с Египта. Юлий Цезарь пошел еще дальше и при помощи друзей хлопотал о том, чтобы ему поручили превратить Египет в римскую провинцию. Цезарь предвидел или предчувствовал выгоды от этого похода. В оппозиции Крассу, бывшему в тот год цензором, выступал другой цензор — Квинт Катулл. Они спорили, и, как обычно, без какого-либо результата. Катулла поддерживал Цицерон.

В 63 г. до н.э. Цицерон, избранный консулом, произнес яркую демагогическую речь против предложений Красса и Цезаря. Но консульство дается на один год. В следующем году консулом был избран Юлий Цезарь, и к тому времени уже был образован триумvirат Цезаря, Помпея и Красса. Сенат не мог им противиться. Цезарь произнес яркую речь в Сенате и в народном собрании (он был выдающимся оратором) с предложением признать Птолемея XII царем Египта и другом римского народа — ведь он помог Риму обратить Иудею в римскую провинцию. Решение было принято, текст, как и положено, отдан на хранение в Капитолий.

Цезарь, будучи наместником Испании в 61 г. до н.э., награбил достаточно, чтобы расплатиться по всем своим весьма многочисленным долгам, но свободных денег у него не было, а политика невозможна без денег, даже если ты Цезарь. И тут к нему обратились посланцы Птолемея с предложением «разумно» решить египетскую проблему. «Разумность» Цезарь оценил в 6 тысяч талантов — годовой доход Египта — и не уступал при торге. На том и порешили. Цезарь понимал, что ему придется делиться, в особенности с Помпеем, но это его не смущало. Во-первых, еще в молодости он сформулировал для себя важное правило: «Маленькие подарки делают большую дружбу», во-вторых, сумма была настолько приятна, что при любом раскладе он оставался в выигрыше.

Но таких денег у Птолемея не было, и Цезарь тут же пришел к нему на помощь: был пущен слух о выгодности помещения капитала под кредит богатейшего в мире египетского монарха. И римские поставщики наперебой стали обращаться с предложениями. Основной кредит был выдан известным римским богачом Постумием Рабрием. И Цезарь получил свои деньги.

В следующем году консулами стали Пизон — тесть Цезаря, на дочери которого, Кальпурнии, он был женат, и Авл Габиний Нипот, когда-то друживший с Цицероном, а сейчас его злейший враг, сделавший совместно с Пизоном все для его изгнания. Вступление

консулов в должность 1 января 59 г. до н.э. было омрачено одним событием, навсегда определившим отношение Габиния к Египту.

Не только Незримый не терпел конкурентов, Юпитер Капитолийский — сибарит и жизнелюб — иногда (правда, это случалось с ним очень редко) оглядывал Рим с неба и приходил в ужас: рядом с его святилищем на Капитолии соседствовали храмы чужих богов — египетских Исиды и Сераписа. Возмущение Юпитера сразу же становилось известным народу и, конечно, Сенату.

Незадолго до выборов Цезаря консулом по распоряжению Сената «пожелание» Юпитера было исполнено и алтари Исиды и Сераписа разрушены. Чернь вышла на улицы и требовала восстановления алтарей. Пизон и Габиний — люди мужественные — велели не прерывать жертвоприношений, а когда торжества были окончены, Авл Габиний хриплым, пропитым голосом, так не сочетавшимся с его женственным лицом, велел восстановить порядок и поклялся еще встретиться с богами, которые чуть не отравили ему начало консульской деятельности. И он сдержал клятву, но лучше б он этого не делал.

Это было первым выступлением Юпитера Капитолийского против конкурентов. Через восемь лет история повторится и консул Эмилий Павел первым вонзит топор в стену храма Исиды и разрушит его.

А в Египте между тем произошло еще одно, на первый взгляд не столь важное, событие: верховный мемфисский жрец Бога Птаха начал интриговать против Птолемея.

Летом 59 г. до н.э. на Кипр, находившийся под египетской юрисдикцией, приехал Катон и убедил правителя Кипра — родного брата Птолемея Авлета не оказывать Риму сопротивление. Царь взвесил все, борьба с Римом была бесперспективной, и гордо и достойно выпил яд.

Птолемей Авлет, не имевший возможности хоть как-то повлиять на развитие событий, в глазах подданных был предателем, проримски настроенной марионеткой и был вынужден бежать из Александрии вначале на Родос, а затем в Рим. Противники Птолемея провозгласили царицей его старшую дочь, двадцатилетнюю Беренику.

Зимой 58/57 г. до н.э. в Риме начался голод, а в Египте было много хлеба, и вопрос о необходимости присоединения Египта к Римской

империи приобрел актуальность. Особый интерес испытывал к нему Помпей, на вилле которого жил и предавался игре на флейте Птолемей. Лентул, консул 57 г., во всем поддерживал Помпея.

В первых числах января 56 г. Рим был напуган и опечален. Никто не помнил подобного события. Молния ударила в статую Юпитера на Альбанской горе. Несомненно, знамение было зловещим, но истолковать случившееся никто не решался. Наконец коллегия жрецов нашла ответ в Сивиллиных книгах: «Если египетский царь обратится за помощью, не отказывайте ему в дружбе, но и не давайте войска, ибо подвергнете себя многим трудностям и опасностям». Это объяснение было не совсем к месту, тем не менее оно полностью отражало настроение Сената в отношении Египта и было достаточно туманным, чтобы дать пищу для размышлений народу и заставить его выйти на улицу с криками «Даешь Египет!». В том же 56 г. Авл Габиний был назначен наместником провинции Сирии, а Помпей добился того, чтобы ему продлили управление Сирией и на следующий год.

В начале 55 г. Габиний оказался в трудном положении. Ему предстояло решать вопрос о завоевании Египта. На одной чаше весов были Сивиллины книги, не рекомендующие вторжение, и молчание Сената, а на другой — настоятельные требования Помпея и, что еще более важно, уговоры Рабирия и Птолемея Авлета, обещавших ему гигантскую сумму — 10 тысяч талантов. Наместник решился. Армия Габиния вышла из Сирии в марте 55 г. Предлогом для похода явилась мифическая угроза захвата финикийского побережья войсками Береники и ее мужа Архелая, поэтому римское войско двинулось вдоль побережья до Газы и далее.

В Газе к нему присоединился Антипатр со своими двумя сыновьями. Старшему, Фасилу, было 18 лет, а младшему, Ироду, только что женившемуся, — 17. Это первая серьезная война, в которой участвуют юноши. Дисциплина, порядок, вооружение римлян выгодно отличают их от восточного разгильдяйства. Братья все дни находятся среди легионеров, постигают каждую мелочь. Упорядоченная мощь римских легионов внушает уважение, трепет и понимание того, насколько римская военная организация опередила другие народы. Легионеры хорошо относятся к ним, показывают приемы владения оружием, особенности построения войска, они дружелюбны во время отдыха и привалов, но в строю нет римлянина,

нет человека, наделенного душой, — есть элемент военной машины. Семитские народы так не могут, а иудеи тем более, ибо не случайно Суший выбрал их из множества племен, а выбор у него был, и отнюдь не малый.

Что бы они ни делали: играли на флейте, пели и плясали, рассуждали, дискутировали или воевали, — во всех их поступках присутствовала страсть, во всё они вкладывали душу. И, если грешили, то уж не по мелочам. И Суший решил, что страстность — это отнюдь не худшее человеческое качество, а может быть, он и выбрал этот народ за то качество, которого сам был абсолютно лишен. Нельзя ведь быть страстным, стоя перед Вечностью, — таково было правило Предвечного, если на него вообще распространяются какие-то правила.

Нескончаемым потоком двигались римляне вдоль финикийского побережья, и, несмотря на весну, было жарко. Жара усиливалась с каждым днем, с каждым шагом, с каждым метром забытого и оставленного где-то позади пути. Все больше становилось желтого мелкого песка, противного, проникающего во все щели, в любые отверстия: в нос, в рот, в уши. Спасали лишь бурнусы. Иудеи, иудеи, несколько набатеев, служивших проводниками, египтяне — те не замечали жары, они сжились с ней, она была их сестра, хоть и не родная. А потом заплясал воздух, потому что ему тоже было жарко, и стал обманчив для взора, искажая видимую перспективу.

Антипатр делил свое время между Габинием, войском и сыновьями. Он встречался с бедуинами, которые выходили им навстречу, и они охотно указывали оазисы и колодцы; он был из их народа, женат на женщине их кровей и знал их язык. А еще он был храбр.

Это был другой мир, и братья учились жить в этом ином, не иудейском, мире, постигали его. Пустыня стала их домом на короткий срок, но они долго потом вспоминали школу отца.

Антипатр садился за трапезу бедуинов — нельзя же было оскорбить их гостеприимство, и сыновья его пристраивались рядом. Отец объяснял им, что гостеприимство арабов священно, и гости ни движением, ни жестом, ни словом не должны оскорбить его. Их угощали блюдами и напитками, о которых они даже не знали, потому что слишком много запретов поставил Суший избранному народу, а чем он руководствовался, известно лишь ему одному, а он был

Неподсуден и Невопрошаем. Решал он, а народ должен был только верить и исполнять, что ему иногда удавалось. Но Сущий не очень сердился на людей, потому что природа их непостоянна и грешна. Сущий не считал, что другой народ лучше, тем более, что он уже много энергии и времени посвятил именно этому племени. И в конце концов, ему было не то что бы любопытно, поскольку был лишен любопытства, но все же интересно, как этот народ, сочетавший все лучшие и худшие черты человечества, выкрутится из тех проблем, в которые он сам себя постоянно вовлекал.

Их кормили запрещенной им едой: сушеной саранчой и сброженным молоком верблюдицы, жирным и хмельным. Их желудки не выдержали этой непривычной пищи и сразу же потребовали очищения. А бедуины вместе с их отцом посмеивались над ними и говорили, что приобщение к иному миру происходит каждый раз, когда попадаешь в новое место, что теперь они отмечены пустыней и потом смогут есть все. Так оно и случилось. И они полюбили эту Великую Желтизну и научились сидеть молча и размышлять перед принятием решений, конечно, не так долго, как арабы, поскольку наполовину они были идумеями.

В каком-то оазисе вдруг взбеленился осел. Он сбросил поклажу и бил ногами, и круп его взлетал вверх, и белая пена выступала изо рта. Римляне схватились было за луки, но Антипатр дал им знак, пошел к ослу, а потом внезапно бросился к животному и сунул ему пальцы в ноздри. Осел затих через несколько секунд, и сквозь хлопки и выражения восторга римлян Ирод услышал цоканье языка старого араба, стоявшего рядом. «Смелый человек, храбрец», — сказал он. И Ирод подумал, что отец хорошо знает обычаи жителей пустыни, и еще он вспомнил, как в начале похода отец говорил Антонию, что всех легионеров надо обуять подобающим образом, потому что укус змеи в пятку или около щиколотки смертелен. А змей действительно было много, они грелись на солнце, и отец учил сыновей отличать ядовитых от неядовитых.

— И люди, и змеи, и скорпионы — все разные, — говорил он, и в доказательство брал желтого, как песок, скорпиона. — Он мало ядовит и не смертелен, не надо бояться, даже если он заползет в ухо, — без необходимости он не ужалит.

— А когда у него возникнет необходимость, отец? — спрашивал Ирод.

И Антипатр молча поднимал палец вверх, туда, где обитал Всезнающий. А потом он находил скорпиона черного.

— Это страшная тварь, — говорил отец, стрелой от лука трогая насекомое, — его жало толщиной с палец и очень ядовито.

Антоний и несколько римлян, которые были с ними рядом, тоже учились. Потом воины миновали перешеек и углубились на территорию Египта. Скарабеи, которых много было и на Синае, оставшемся позади, словно чувствовали любовь египтян: их было много, они никого не боялись и сновали удивительно быстро. Фасаил взял в руки одного из них — большого, черного, в белую крапинку. В глаза ему брызнула едкая жидкость. Фасаил отбросил его с отворачиванием, раздавил ногой. «Ты плохо сделал, сын мой, — сказал старый египтянин. — В твоей стране скарабей — просто жук, у нас — любимец богов, он священен. Будь осторожен, тебя ждет беда».

В 35 километрах от моря возвышалась крепость Пелусий — огромная, серая, мрачная. Как потом узнал Ирод, сюда свозили поврежденный камень со строительства пирамид и Александрии. Камня было много, и крепость была сильна. Конница Антония беспомощно топталась на месте. Перед городом была топь, они ведь были в устье Нила, а других подходов к Александрии не существовало. Конечно, оставался путь морем, но кораблей у них не было.

Эту крепость, находившуюся в гиблом малярийном месте, защищали иудеи, и Антипатр сказал Антонию: «Я пойду поговорю с ними, может быть, они без боя сдадут крепость».

Антоний оценил его инициативу и даже не пытался отговорить Антипатра. Крепость с ходу он взять не мог, а так появлялся шанс. Антипатр направился к крепости. Сыновья обреченно смотрели ему вслед. Им было страшно за него. Римляне начали делать ставки, как на ипподроме. В игру включилась вся конница. За то, что он вернется, ставили один к двум, а за то, что договорится о сдаче, — один к четырем. Антипатр вернулся не скоро. Потому что вначале он рассказывал им о покорении храма, потом о римской армии. Иудеи внимательно его выслушали: они вовсе не хотели умирать за Беренику и сдались при условии, что им будет гарантирована жизнь. Антипатр обещал на свой страх и риск, он не обговаривал детали сдачи с Антонием, но хорошо знал будущего триумвира и угадал его настроение. Вся конница — и победители и проигравшие — приветствовала его, когда он объявил:

— Крепость сдалась, но я гарантировал им жизнь.

Антоний подошел к нему, стоящему в обнимку с сыновьями, и сказал:

— Твое слово — это мое слово.

Он действительно был благодарен Антипатру и запоминает лица его сыновей.

Они входят в крепость, с любопытством оглядывая всё, — здесь много камня. Как трудна была бы осада Пелусия!

Подтягиваются пешие легионы, ведомые Габинием, и когда они вступают в крепость, Птолемей Авлет выходит на небольшую площадь и фальцетом, за который его так не любят египтяне, кричит:

— Казнить, всех казнить!..

— Я дал слово, — обрывает его Антоний, — слово римлянина. Они не оказали сопротивления и останутся живы.

Габиний и не думает вмешиваться: вне зависимости от своих желаний он обязан поддерживать Антония. Таково правило римлян. Инцидент как-то незаметно исчезает, прячась в расщелинах меж каменных глыб. Это первая египетская крепость, доставшаяся римлянам, и вечером Габиний устраивает пир.

Египет не нравится воинам: их донимают мошкара и комары, противное кваканье лягушек. Засветло они уходят из Пелусия и приближаются к Александрии покрытые укусами, а потому злые. Архелай призывает египтян к сопротивлению, но все знают, что иудеи, хитрющие и рассудительные, не оказали сопротивления и остались живы, поэтому все благоразумно занимаются своими делами. Незначительные отдельные группы приверженцев Архелая уничтожаются римлянами, пленных не берут. Легионеры раздражены и ищут, на кого бы излить свой гнев. Но врагов не было, это было плохо, и воины роптали, словно они были варвары. Иудеи видели разброд в их сердцах, но не могли понять, чем он вызван. Наконец они вступили в столицу Востока — Александрию, узорчатый шарфом опоясывающую этот участок моря. Город протяженностью в 17 километров делился на 13 частей длинными проспектами. Во всех крупных домах, расположенных в центре, была проточная вода; была она и в доме, где поселился Антипатр с сыновьями. С утра до вечера галдела, шумела и работала Александрия, здесь не было столько празднующихся, как в Иерусалиме. Этот постоянный шум утомлял иудеев, для которых тишина почиталась

наравне со святостью, потому что только в тишине можно предаваться размышлениям. В Иерусалиме же даже езда в дневные часы запрещена — так было, так есть и так будет, ибо это угодно Сущему.

На следующий день все военачальники направляются к величайшей достопримечательности города — мавзолею с останками Александра Македонского. Одинокий и прекрасно сохранившийся, лежит он в золотом гробу и взирает на мир печально, но без укоризны. А после окончания официальной части они бродят по городу, заходят в его знаменитые харчевни, где так много незнакомой пищи. Они видят множество блюд из рыбы, названия которой не знают, словно Иудея и не соприкасается с тем же морем. И, конечно, в харчевнях подают свинину — всем известна приверженность к ней египтян. Готовят также голени и копыта верблюдов, страусиные яйца и пиявки с кровью, жаренные на оливковом масле. Даже гуся они фаршируют кровью, жиром, луком и яйцами. И нет конца яствам.

Братья едят только знакомую пищу, ту, на которую иудеям нет запрета. И просят о встрече местных иудеев — чванливых, богатых, образованных, составляющих большую часть чиновничьей прослойки города. Их встречают с любопытством. Братья посещают главную александрийскую синагогу, огромную, значительно большую, чем Иерусалимский храм, вмещающую 100 тысяч человек. В ней стояло 71 золотое кресло для членов Синедриона, и они поняли, зачем с каждой стороны зала стоял человек с флажками, только тогда, когда в конце службы те взмахнули флажками и по этому взмаху толпа дружно выдохнула: «Аминь». А без флажков невозможно, это им объяснили потом, так как в конце зала голос священника не слышен и толпа отвечает невпопад, а Сущий любит слушать согласованные благодарения.

Братья рассматривали девушек: белокожих, желтокожих, смуглых. Они были какие-то другие — не как в Иудее, Идумее или Набатее. Вечерами, смертельно усталые, они обменивались мнениями, почему египтянки другие? Может, потому, что так своеобразно красили глаза, отчего они становились такими же, как у сфинкса? И очень много бритоголовых мужчин было в этом городе, величественном и чужом.

И весь Египет, если судить по Александрии, странен, хотя братья увидели и многое из того, о чем знали и раньше по чьим-то

рассказам. В храмах, больших и малых, стояли изображения богов с головами шакалов, собак, ибисов, а часть изображений была вообще насмешкой над человеческой сущностью, что и удивляло, и завораживало. А по улицам бегали кошки, которых нельзя было обижать, ибо они были священны, и это обожествление животного, похожего на сфинкса еще больше, чем египтянки, тоже было странно и даже неприятно. Они мало общались со здешними иудеями, которых было более 400 тысяч и которые как-то умудрились выжить во всей этой мерзости. Братья были из другого племени, их вера в Сущего даже укрепилась, да и все иудеи, бывшие в их отряде, проклинали египетские мерзости, как много веков назад их предки. Ибо Египет был духовным антиподом Иудеи, ее зазеркальем. Его обитатели делали все, чтобы разозлить Сущего. К счастью, это им не удавалось. Те двенадцать израильских колен, которые когда-то покинули Египет, сделали все возможное, чтобы стряхнуть, словно прах с ног своих, эмоции и воспоминания о жизни и обычаях этого приютившего и эксплуатировавшего их странного народа. Сорок лет кругами и восьмерками ходили они по пустыне и ждали знака. Когда? Когда же будет им знак свыше и забудут они про все странности Египта, про страх, потому что нельзя быть избранным народом, лежащим ниц. Они растворили в себе другие племена, как вода растворяет соль; и кожа их посветлела, а волосы, по крайней мере у части из них, выгорели и приобрели цвет солнца. После чего Сущий дал им шанс и, наверное, поступил правильно: их цивилизация стала резко отличной от египетской.

Через несколько дней состоялась коронация Птолемея Авлета. Он, как и положено, держал в руках корону царя Верхнего и Нижнего Египта. Он добился своего, и лицо его выражало радость и надежду. Хорошее настроение царя поддерживалось и его мудрым решением: несколько дней назад он велел удушить свою дочь Беренику, и не потому, что питал к ней злые чувства, отнюдь нет. Просто его дочерью, как некогда принцессой Бант-энт-решт, овладел демон. Иначе чем объяснить то, что она поторопилась натянуть на себя царскую корону вместо того, чтобы терпеливо подождать, когда отец будет призван на трон богом Осирисом?

Теперь рядом с тронном отца стояли Клеопатра, которой уже исполнилось 14 лет, Арсиноя, ее младшая сестра, ей было около 11 лет, и два Птолемея, которым, видимо из-за отсутствия фангазии,

дали имя отца, — Птолемей Старший 6 лет и Птолемей Младший — 3 лет.

Ирод стоял не очень далеко от трона, но впечатлений было так много, а церемония настолько впечатляющая, что он не обратил на Клеопатру никакого внимания. Через много лет он честно признался ей в этом.

Потом иудеи покинули Египет. В Иудее, как всегда, было спокойно. Антоний направился в далекую Галлию к Цезарю, а Габиний, оставив часть армии в Египте, в 54 г. вернулся в Рим: он ждал триумфа. Но в том году Тибр разлился и было множество жертв. В этом усмотрели гнев Юпитера: ведь не вняли же прорицанию Сивиллы о Египте, и народ с упоением искал виноватого, особенно старались приверженцы Исиды и Сераписа. Приезд Габиния в Рим решил проблему виновного: он был осужден и отправлен в изгнание.

А Птолемей Авлет умер в конце мая 51 г., причем в последние месяцы, чувствуя приближение смерти, он царствовал вместе с Клеопатрой, передавая ей все свои знания. Она оказалась очень способной, эта молодая девушка, и научилась всему, кроме игры на флейте.

Глава 5

Александрйская война

Помпей передал Скавру, назначенному наместником, огромную территорию от Евфрата до Египта и два легиона, сам же поспешил в Рим. Аристовул, не представлявший для Рима ни угрозы, ни интереса, через некоторое время бежал в Иудею, был схвачен, повторно заточен в Риме, где и был отравлен приверженцами Помпея. Сын его, Александр, бежал от Помпея еще по дороге в Рим. Оба они, отец и сын, еще долго и безуспешно будоражили Иудею, без труда находя себе сочувствующих среди любителей лозунгов и призывов к свободе от римлян. Эта блестящая ветвь династии Хасмонеев, как ни странно, вполне благополучно пережила весь смутный период. Великодушие римлян позволило семье Аристовула вернуться в Иудею. Они поселились в Аскалоне. Впоследствии сын Птолемея Халкидского женился на Александре — дочери Аристовула, но был казнен отцом — на то были причины. Птолемея Халкидский страстно влюбился в невестку, на которой сам женился после казни сына. Он взял под покровительство и ее братьев, и Антигона, родного брата Аристовула, о котором речь пойдет позже.

Смуты — обычное состояние Иудеи — не проходили. Скавр предпринял очередной поход на аравийскую Петру, и, как и раньше, без особого успеха. Антипатр, чьи выдающиеся способности были оценены еще Помпеем, выполнял множество самых разнообразных дел: от снабжения римских войск провиантом до организации иудейских отрядов. Он блестяще справился со всеми поручениями, никто не знал, когда он отдыхал. Скавр направил Антипатра к аравийскому царю Арету в качестве посла. Он предлагал мир, но Рим не может просить и заискивать. Арет должен был внести определенную дань, пусть небольшую, чисто символическую. Надо сказать, что ресурсы аравийского правителя также были истощены, и стороны легко договорились. Этому во многом способствовал посреднический

талант Антипатра. Все знали, что жена Антипатра — аравитянка, период смут она часто пережидала в Мариссе или Петре. Антипатр сам внес за Арета первоначальную сумму в 300 талантов, и успех этого приношения семьи Ирода был очень велик. Арет стал другом Антипатра, а Скавр рапортовал в Рим об успешном завершении войны с Аретом. Он не солгал. Казалось, что звезда Антипатра, взошедшая после его посещения храма в свите Помпея, сияла не переставая. Часто ночью, бросив под голову седло, лежал он на сочной траве, уставившись в небо. Видения вновь начинали посещать его, они были смутны и непонятны. Какой-то старик, чем-то неуловимо похожий на него, стучал посохом по мрамору пола и вместе с посохом он часто-часто вздымал руки к небу, ища у Всемогущего справедливости и защиты. Где-то в глубине души Антипатр понимал, что это не он, старик был кто-то другой, движения его и жесты не были характерны для Антипатра. Это кто-либо из сыновей — постепенно созрела мысль...

Антипатр оказал огромные услуги Габинию в период Александрийской войны и после нее. В особенности это сказалоь во время последнего мятежа Александра, выступившего во главе 30-тысячного войска против Габиния. Естественно, что иудеи не устояли против военной машины римлян. В битве у Итаверийской горы пало около 10 тысяч иудеев, но трудно подсчитать, сколько человеческих жизней удалось спасти Антипатру, отговорившему их от мятежа.

Габиний перед отъездом из Сирии передал провинцию Марку Крассу, представив и охарактеризовав главных чиновников провинции. Вся светская власть в Иерусалиме к тому времени прочно принадлежала Антипатру. На всех этих переговорах присутствовал храбрый и энергичный Марк Антоний, бывший центурион, отмеченный Помпеем и назначенный начальником легиона. Красс — богатый, знатный, жадный, победитель Спартака. Обо всех его качествах можно говорить в превосходной степени, одним взглядом из-под припухлых век оценивал он представлявшихся. На несколько секунд больше, чем на других, он задержал взгляд на Антипатре. «Прямо Юпитер Капитолийский, — сказал он своему квестору Кассию, бывшему с ним во всех последних сражениях со Спартаком, — какая царственная осанка у этого человека».

Сам Красс был тучен и приземист. Он ограбил храм, пошел войной на Парфию, где и погиб страшной смертью. Вся Иудея

восприняла это как должное, ибо Всевышний не делится своим достоинством и не терпит присутствия непосвященных в своем доме. Провинцию Сирию принял Кассий, чудом уцелевший в той войне. Слова Красса об Антипатре он запомнил.

Кассий должен был, имея всего два сирийских легиона и остатки войск Красса, вступить в войну с парфянами, чье воодушевление после победы над римлянами передалось всему Востоку. В Иудее начались мятежи, но здесь Кассию улыбнулась удача. В Тарихее ему случайно удалось захватить Пифолая — главного мятежника после гибели Александра. Естественно, что он спросил совета у Антипатра. Нельзя начинать войну с парфянами, имея в тылу мятежную Иудею. «Казнить», — таков был вердикт Антипатра, и Кассий не возражал. Затем он направился в Парфию.

Цезарь прибыл в Александрию 2 октября 48 г. до н.э. Здесь его нашла неожиданная новость: несколько дней назад, 29 сентября, Помпей был убит предательским ударом в спину. Цезарь, последний из триумвиров, был несколько растерян и задумчив. Он нуждается в деньгах, да и положение в Риме сложное. Он вспоминает, что Птолемей не уплатил Риму всей суммы, обещанной за помощь Габиния. Повод для войны найден, но Цезарь в Александрии не желает и не может воевать. Основные войска находятся в подчинении Гнея Домиция Кальвина, назначенного им префектом Азии. Идут утомительные переговоры. Партию египтян возглавляет министр финансов Потин, желающий бескровного вытеснения войск Цезаря из Египта. Но Потин из клана Птолемея, а следовательно, враг Клеопатры. 13 октября Клеопатра проникает во дворец Цезаря и проводит у него ночь. Птолемей и Потин понимают, что их партия проиграна, и объявляют Цезарю войну. На их стороне, помимо архаичной египетской армии, чья тактика и вооружение на десятки лет отстали от римской, иностранный легион, куда входят рабы, дезертиры, беглые солдаты Габиния, разный сброд. Цезарь назначает своего командира кавалерии Антония вице-диктатором Рима и весной 47 г. вступает в Александрийскую войну.

Гиркан II и Антипатр, чья дружба за девять лет непрерывной войны выдержала все испытания, единодушны в полной поддержке Цезаря. Диктатору необходимо направить вспомогательное войско пергамскому царю Митридату, чья приверженность Риму не

подлежит сомнению. Много лет со времен Александра Македонского Пергам, чьи богатства и библиотека под стать александрийским, находится в противостоянии со столицей Египта. Вспомогательный легион практически не имеет в своем составе ветеранов, а город-крепость Пелусий отказался пропустить римские войска. Одним легионом крепость не взять. Сын Кассия, начальник легиона, останавливается лагерем близ Аскалона и выжидает. Он надеется на чудо, и оно приходит в лице Антипатра, явившегося к римлянам с 2 тысячами тяжело вооруженных иудейских воинов — это первая иностранная армия, построенная по римскому образцу.

Никто не знает, что толкнуло Антипатра, слепо доверившего своей интуиции, на этот поход. Он почувствовал легкое дуновение ветра, неясное томление, которое всегда возникало у него перед битвой, — словом, Зов Неведомого, управляемого Сущим, и он понял, что ему надо делать. Менее чем за неделю он собрал 3 тысячи воинов, и сам вместе с четырьмя сыновьями, для которых это будет еще одной школой, двинулся в путь тем же маршрутом, которым вел авангард Марка Антония восемь лет назад.

Они идут больше ночью, под яркими крупными звездами, готовыми, кажется, упасть каждую минуту, но нити, на которых Сущий подвесил эти звезды к небу, очень прочны и рвутся редко. Днем они встречают арабов. Их черные фетровые палатки либо жилища, покрытые листьями пальм, бедны. В предвкушении пребывания в Александрии Фасаил и Ирод рассказывают двум младшим братьям байки про сказочную столицу Египта, теперь уже близкую, где все прекрасно и женщины доступны. Они смотрят на араба, поджаривающего на костре ящерицу, — для жителя пустыни это деликатес — и усмеваются: как же отличается эта жизнь от александрийской и даже иерусалимской! А верблюды, которые с поклажей идут рядом с ними и чуть позади, горды и чванливы, особенно когда жуют. «Они напоминают александрийских иудеев, только верблюды чуть больше», — говорит Фасаил, и все смеются, у них легко на душе, давно им не было так хорошо, как в этом походе.

Митридат с радостью встречает Антипатра. В его жилах течет иранская и греческая кровь, а по матери и кельтская. Он, воспитанный при дворе Митридата Понтийского, абсолютно лишен расовых или национальных предрассудков. Он образован, как грек, прямодушен, как иранец, и пьет, как кельт. Они с Антипатром сразу же

прониклись взаимной симпатией. Как много нового и интересного узнают сыновья Ирода от Митридата: тот любит поговорить, и у него никогда не было такой благодарной аудитории.

К Антипатру, репутация которого у арабов очень высока, присоединяются союзники из Аравии. Из Сирии движется небольшое войско Ямвлиха и его сына Птолемея. Практически одновременно все отряды подходят к Пелусию. Антипатр, как никто на Востоке, удачно сочетает обязанности интенданта с ролью дипломата. Кассий-младший понимает политическую значимость этого союза: в кои-то века на стороне Рима против общего врага выступают еще и арабы, иудеи, сирийцы. Не было такого в истории.

Объединенное войско выстраивается вокруг жертвенника. Значение обряда понимают все народы. Жрецы совершают положенные омовения, опускают в жертвенные чаши фимиам. Жрец ударом тяжелого молота по голове оглушает быка, добывая его ударом топора. Жертвенник обгагрется кровью животного. Внутренности жертвы собирают в бронзовую чашу и передают авгурам для гадания. Не только римляне, но и их языческие союзники серьезно воспринимают всю процедуру. Иудеи тоже вполне разделяют торжество обряда.

Авгуры оглашают результат гадания. Римлян ждет безусловная победа. Антипатр, чьи таланты дипломата и организатора признаны всеми, отличается еще и безудержной храбростью. Первым бросается он на штурм крепости, ведя за собой все войско. Пелусий пал. Антипатр легко ранен. На пути к Цезарю командиры едят и пьют вместе. Это в традициях римлян. Антипатр, говорящий на всех языках Востока, находит верного друга в лице высокообразованного и благородного Митридата. Их дружба имеет огромное значение для будущего Иудеи.

Объединенное войско движется к ставке Цезаря. Египетские иудеи, населяющие область Онии, колеблются: пропускать или не пропускать. Антипатр один направляется к их предводителю. Он убеждает, говорит о величии Рима, вручает письмо Гиркана, в котором тот просит их быть друзьями Цезаря и обеспечить войско провиантом. Поздно вечером он возвращается в римский лагерь, изнемогающий от ожидания, и объявляет, что конфликта не будет, путь открыт. Утром иудеи приносят в лагерь продовольствие. Слухи распространяются быстрее, чем движется колонна, и город Мемфис,

где уже все известно об успехах римлян, заявляет о своей покорности.

Решающее значение имеет битва близ дельты Нила. Правым крылом войска командует Митридат, левым — Антипатр, римляне — в центре. Битва завязалась упорная. У Митридата нет боевого опыта, крыло его быстро начинает отступать, обращается в бегство, его самого с небольшой свитой окружили египтяне. Но левое крыло, возглавляемое Антипатром, пользуясь после недавних событий непререкаемым авторитетом, атакует буквально на одном дыхании. Они блестяще используют новую тактику, предложенную их изобретательным вождем. Стройной шеренгой, с сомкнутыми щитами, образующими единую полосу, движутся они навстречу египетскому войску. Сражение началось за час до полудня. Войско Антипатра двигалось с севера, и солнце, отражаясь в щитах, превратило их в горящую устрашающую полосу. Египтяне бежали при первом соприкосновении. Легкая арабская пехота и отряды арабских всадников быстро обогнали тяжело вооруженную иудейскую пехоту, врезались в ряды неприятеля, по берегу реки пробились к Митридату. Затем подоспели иудеи. Войско пергамского властителя было спасено. Погибло около 800 пергамских солдат и только 40 человек из отряда Антипатра. Митридат объективно изложил все Цезарю. Гиркан делил с Антипатром все тяготы Александрийской войны.

Цезарь сразу же отправил несколько египтян, всецело преданных римлянам, в Александрию. Их задача — рассказать о поражении красочно и подробно. А сам кратчайшим путем двинулся туда же.

Эффект в точности соответствовал ожиданиям Цезаря. Александрийцы, обрядившись в одежды, предназначенные для просьб о милосердии, нестройными рядами движутся навстречу Цезарю. И много-много изображений и статуй их божеств вместе людьми скорбят и просят...

Войску дан строжайший приказ не мародерствовать, соблюдать дисциплину. Цезарь не Габиний, он не допускает шуток, и Александрия покоряется диктатору 27 марта 47 г. до н.э.

Ирод вместе с отцом и братьями присутствует на церемонии встречи Цезаря и Клеопатры. Она вся задрапирована в тяжелое и золотое. На лице ее слишком много краски и румян, оно каменно и ядовито сурово. Братья не желают слишком долго наблюдать за

торжеством. Александрия манит их. Здесь так много соблазнов, которых нет в Иудее. Отец их — слишком важная фигура. Он не может надолго отлучаться из лагеря по многим причинам, но он отнюдь не против того, чтобы мальчики «нагулялись». Фасаил уступает Ироду верховодство, и тот ведет их к алебарху общины. Ирода удивило отношение еще совсем недавно такой гордой и уверенной в себе иудейской общины к ним, представителям новой — римской Иудеи. Совершенно неожиданно братья получают богатые подарки — их первые подарки, после того как они перестали быть детьми. Два таланта — очень большие для них деньги. И Ирод понял всю прелесть вовремя сделанных даров. А затем им предложили девушек на выбор. И они выбрали египтянок.

Война завершена. Цезарь решает свои проблемы с Клеопатрой и собирается возвращаться в Рим. В Дамаске его последняя остановка. Он дает напутствие чиновникам Сирии, Малой Азии. И очередная удача неразлучных друзей — Гиркана II и Антипатра. Невесть откуда к Цезарю буквально продирается сквозь толпу молодой человек. Это Антигон, брат Александра, недавно казненного Сципионом. Цезарю интересно. Это тот сын Аристовула, которого он хотел поставить во главе сирийских легионов. Молодой человек высоким резким и чистым голосом обвиняет Гиркана и Антипатра. «Вопреки справедливости, они изгнали меня и братьев моих из нашего отечества, высокомерно и жестоко обращались с нашим народом; да и в Египетский поход они не из преданности к Цезарю посылали вспомогательные отряды, а из боязни за прежние свои враждебные отношения к нему и из желания только умыть руки от прежней дружбы с Помпеем». Цезарь, не видевший в Помпее заклятого врага, чувствует некую фальшь и лукавство, но ничего не успевает сказать.

Военачальники и приглашенные полукругом сидели вокруг трона. Антипатр вскочил с кресла, сорвал с себя одежду, показал на свои раны и сказал: «Чтобы доказать свою преданность Цезарю, мне не нужны слова, ибо мои раны доказывают это. Но как ты смеешь, Антигон, ты, сын врага Рима и римского дезертира, унаследовавший от отца беспокойный характер и мятежный дух, как ты осмеливаешься жаловаться на других римскому правителю? Ты хочешь получить у Цезаря какую-нибудь подачку, в то время как

должен радоваться, что вообще жив. Ты хочешь власти лишь для того, чтобы опять настраивать иудеев против римлян!»

Цезарь молчит. Его удивили требования Антигона, в сущности не имеющего никаких прав на власть. Вялым, не свойственным ему жестом Цезарь велит Антигону удалиться. Помолчав в раздумье некоторое время, тихим голосом Цезарь сказал: «Дело сделано».

Он подтверждает первосвященничество Гиркана II, а Антипатра назначает прокуратором Иудеи с предоставлением ему права римского гражданства. Он разрешает Гиркану отстроить стены храма, разрушенные Помпеем. Кроме того, он устанавливает с Иудеей дружественный союз. Это был величайший триумф Гиркана II.

Гиркан стал первосвященником не только из-за своего высокого происхождения, он это заслужил, так как был умен. Конечно, у него не было той жизненной активности, как у Антипатра, но он был величайший стратег и великий политик.

В узком кругу своих приближенных собирает он совещание и отправляет гонцов в различные города Азии, в Египет, в Пергам.

От Долабеллы, претора Малой Азии, он получает разрешение на освобождение иудеев от военной службы и позволение придерживаться своих обычаев. Подтверждают привилегии иудеев города Эфес, Делос, Сард, Милет, Александрия, Лаодикея, Геликарнас. И конечно же Пергам. А потом множество других городов приняли аналогичные постановления. Иудея получает право вводить пошлину на произведенные ею товары.. А из Яффы удаляется римский гарнизон.

Всего за несколько месяцев достигнут колоссальный успех. Устранены многие препятствия, изолирующие Иудею от остального мира. Только некоторые понимают, что произошло, и к числу этих некоторых относятся Гиркан и Антипатр. Для иудеев открыты врата греко-римского мира.

Евреи были интровертным «кошачьим» народом. Они продвигались по времени медленно, осторожно «трогая мир лапой». И еще им непременно надо было его «обнюхать». Кошка она и есть кошка. Они, чувствуя некую внутреннюю схожесть между собой и этими животными, не жаловали их и еще в массе своей не понимали и не любили моря. Они с опаской покидали то небольшое географическое пространство, которое называлось Иудеей, потому что только здесь, вблизи Сиона и Мориин, в полной мере могли они сохранять

свое единение с Сущим. Здесь и нигде более ощущали они резонанс с Незримым, именно здесь, в скинии, любил он наигрывать одному ему понятную мелодию, и она трогала их души. И только здесь, в Иудее, все было чистым: и вода, и воздух, и пища.

После Навуходоносора следующее их великое переселение совершил Александр Македонский. Он переместил огромные массы иудеев в Египет, главным образом в Александрию. И, что самое странное, они очень удачно прижились здесь, потому что при всех вековых разногласиях с этим народом он тоже был интровертным.

Но Юлий Цезарь, а затем Август и Агриппа заложили основу их экспансии в греко-римский мир, в империю. Правда, постановления диктатора оказали им медвежью услугу.

Законы Цезаря позволяли иудеям иметь свои моленные дома, где Сущий все же мог слышать их голос, пусть несколько приглушенный. Они сохранили субботу и все свои обычаи. Эти неслыханные привилегии, которые Цезарь дал им несомненно под влиянием Сущего, имели и негативную сторону, потому что у любого деяния есть обратная сторона.

Жители Рима, малоазийских и других городов смотрели на иудеев, этих пришельцев, с удивлением, недоумением, презрением, завистью. Только недавно появившись в их городах, они очень быстро добивались успеха в любой сфере, особенно там, где необходимы были интеллектуальные усилия. В этом не было ничего необычного. Они были интроверты, они привыкли обсуждать и анализировать, глубоко вникая в сущность вещей, и это позволяло им быстро находить наилучшие решения. И тогда возникала зависть, тут же изыскивая пищу для возмущения: «А почему это они не работают в субботу? А почему они не служат в армии? Почему не несут общественную повинность?». Их возмущение было обоснованным. Потом появлялся сарказм. Как от них сильно пахнет чесноком! Гневались руководители городов, гневались жители. Ведь часть денег, заработанных иудеями в их городе, уходила в храм того, которого нет. И возмущение росло, накапливалось, искрилось. «Пришельцы пользовались привилегиями, пришельцы грабили их, богатели...»

Глава 6

Суд Синедриона

В 47 г. до н.э. Антипатр назначил своего старшего сына Фасаила начальником Иерусалима и окрестностей, а второму сыну, Ироду, которому только что стукнуло 25 лет, отдал в подчинение Галилею. Жители этой северной провинции Иудеи степенны. Это в основном скотоводы и земледельцы. Среди населения Иудеи, сформированного различными коленами, они наиболее обстоятельны, рассудительны. Иисус и его ближайшие апостолы — тоже выходцы из этой местности. У Ирода сразу же появляется шанс проявить себя. Остатки отрядов Аристовула и его сына — ныне просто разбойничьи шайки. Наиболее известна из них одна, возглавляемая неким Иезеккией. Мнения жителей Галилеи об этих людях были различными. Шайки практически не трогали местных жителей — у тех и взять-то нечего. Объект их нападений — мыгари, римские фуражирские отряды, сирийцы. Часть галилеян видит в этих выступлениях продолжение традиции Маттафии и Иегуды Маккавеев, их хасидских отрядов. Другая очень небольшая группа, главным образом саддукеи, понимает бесперспективность этой неравной борьбы, но молчит. Патриархальные традиции очень сильны в провинции. Иное дело Ирод. Он честолюбив и беспринципен. Долгое время он с семьей жил в Петре, где свои законы. Петра шумна и интернациональна, но у Арета порядок. Будущее Ирода связано только с Иудеей, но у него нет ни традиций, ни патриархальной сентиментальности. Он, полуараб-полуидумей, слепо верящий в Единого, выбирает свой путь, цена которого — кровь.

Антипатр отдает Ироду своих лучших воинов, прошедших египетскую школу, воевавших рука об руку с римлянами, арабами и сирийцами. Они космополиты, они боготворят его отца, им нет дела до его происхождения. С неким любопытством оценивают они своего нового командира, молодость которого не может скрыть даже

густая окладистая борода. Ирод красив и замкнут. Он неуверенно чувствует себя среди ветеранов, превосходно владеющих оружием, и он начинает брать уроки. Тренируясь постоянно на протяжении многих лет, он особенно хорошо научился бросать копье. Легионеры охотно наставляют сына Антипатра — он их друг. Но есть одна область военного искусства, где Ирод не превзойден. С 12 лет обучают его лучшие арабские лучники, которые стреляли точнее римлян. С 12 лет привык он часами стоять, держа лук в вытянутой руке и слушая отрывистые гортанные команды. Он знает, что в этом ему нет равных в Иудее, но отец, которому Ирод безгранично верит, советует ему не торопиться с применением оружия: «У тебя еще будет время блеснуть своим умением», — говорит он сыну. И хотя тому очень хочется проявить себя, он сдерживается.

Ирод организует систему сыска, которая через десяток лет становится тотальной. Каждый вздох иудея в пределах государства ему известен. Через несколько лет Ирод готов к операции. Дело не в вооружении или мужестве солдат. Разбойничьи шайки — это сброд. Узнать места их дислокации — вот была основная проблема.

И вот отряды Ирода берут одно селение в кольцо и без потерь захватывают группу Иезеккии. Вождя и ближайших сподвижников он казнит. С большим или меньшим успехом проводятся облавы. За несколько дней Галилея очищена от смутьянов. Впервые за много десятилетий в провинции воцаряется спокойствие. Имя Ирода прославляется в селах и городах как спасителя страны и водворителя мира и порядка. Секст Цезарь — родственник Великого Цезаря и наместник Сирии — передает Ироду свои поздравления. На границе с Иудеей сирийцы, встречая Ирода, скандируют его имя. Общее улучшение политического климата в провинции Сирии очевидно.

Фасаил, его старший брат, относящийся к Ироду несколько покровительственно, прилагает все усилия, чтобы добиться расположения иерусалимских жителей. В Иерусалиме нет разбойничьих шаек. Здесь стоит римский гарнизон, и Фасаил занимается тем, что не менее важно, чем борьба со смутьянами, — упорядочивает сбор налогов, трансформирует шаг за шагом законы, которые плохо приживаются здесь, в центре патриархальной Иудеи. Он не злоупотребляет властью, не занимается казнями.

Впервые за длительный срок в Иудее на короткое время восстанавливается полное взаимопонимание между народом и властью.

Гиркан вовсе не плохой первосвященник, а Антипатр, опираясь на разумное правление двоих своих сыновей, вполне справляется с прокураторскими обязанностями. Много лет знают друг друга Гиркан и Антипатр, дружили их отцы. Антипатр никогда не сможет стать первосвященником, ведь он идумей, а Гиркан слышать не может о поставках продовольствия — он саддукей, он из рода Хасмонеев. Они прекрасно дополняют друг друга. Но идиллия не может длиться вечно.

О Адонай! Партия истинно верующих — фарисеев — еще не набрала полную силу. Это случится примерно на 50 лет позже, но демагогические выкрики играют огромную роль в жизни Иудеи. Родственники, матери казненных не перестают взывать к Богу. Разве их дети и мужья не выступали против ненавистных римлян и сирийцев? Разве не защищали они милую их сердцам патриархальную Иудею? Разве их смерть была согласована с Синедрионом, с Гирканом? Разве можно казнить без суда? Или проклятым потомкам Исава, идумеям, дозволено все?

Гиркан II в трудном положении. В Иудее казни не новость. Дед его, Гиркан I, и в особенности отец не считались с мятежниками и инакомыслящими. Но они были свои — из Хасмонеев. Эти же — пришельцы. Хуже того, Ирод — этот молодой богоотступник — наполовину араб. Что он знает о вере иудеев? Гиркан советуется с Антипатром. Он решает созвать Синедрион для суда над Иродом. Антипатр не возражает. Но он слишком умудрен опытом, чтобы пускать дело на самотек, тем более, что речь идет о его сыне. Иосиф, младший брат, передает Ироду наказ и пожелания отца. Иосиф молод, но он обстоятельно обсуждает со старшим братом, что же лучше сделать. Через несколько часов Иосиф уезжает в Дамаск к Сексту Цезарю. Он говорит ему, что прибыл из Иудеи от Антипатра, вручает наместнику послание отца Ирода. Секст Цезарь неоднократно встречался с Антипатром, разделяет мнение прокуратора Иудеи и пишет такое письмо:

Гиркану, сыну Александра, первосвященнику.

Напоминаю тебе, что Гай Юлий Цезарь, император и верховный жрец, избранный диктатором, постановлением своим назначил тебя первосвященником, а Антипатра —

прокураторам, с присвоением ему римского гражданства, которое передается по наследству. Римский гражданин не может быть судьим Синедрионам.

Секст Цезарь, наместник.

Правитель доволен собой. Он вручает письмо Иосифу и с усмешкой говорит: «Гиркан не посмеет». Иосиф везет послание Ироду.

За эти несколько дней Ирод расставил заставы по всей Галилее и далее до Иерусалима: он не хочет случайностей, да и оглашение вслух послания наместника вовсе не в его интересах. Он честолюбив, и, что самое парадоксальное, он считает себя иудеем, так как воспитан с верой в Единого, а его отец Антипатр — идумей и к тому же римский гражданин и потому не может быть правителем Иудеи. Но решено. Иосиф поедет вперед Ирода и передаст письмо Гиркану.

Ирод вовремя прибывает на заседание Синедриона. С ним отборный отряд телохранителей в полном тяжелом вооружении. Сам Ирод, тщательно завитый, в пурпурной мантии, без оружия, занимает кафедру. В амфитеатре сидят 70 членов Синедриона и председатель. Тишина висит в зале. В дверях — стража. На площади собралось много людей. Некоторые обмениваются приветствиями с охраной. Немудрено: это переодетые телохранители Антипатра, тоже бывшие «египтяне».

Ироду практически ничего не грозит, у него тройная охрана: его собственная, отца и индульгенция наместника Сирии. Лицо его красиво, но усмешка холодит у зрителей кровь в жилах, впрочем, это пока только усмешка, а не тот страшный оскал, который приобретет Ирод через несколько лет. Во главе Синедриона стоят рабби Шамаи и Авталион, унаследовавшие сан от высокочтимого рабби Симона-бен-Шета. Авталион молчит, лик Ирода завораживает его, и своим молчанием он подписывает себе смертный приговор, как и все остальные члены Синедриона. Только Шамаи, человек безусловно мужественный, говорит:

Точно так, как вы, судьи, и ты, мой царь (Гиркан II), я в первый раз вижу человека, который в качестве подсудимого осмелился бы в таком виде предстать перед вами.

До сих пор обвиняемые обыкновенно являлись в траурной одежде, с гладко причесанными волосами, дабы своей покорностью и печальным видом возбудить в верховном совете милость и снисхождение. Но наш друг Ирод, обвиняющийся в убийстве и призванный к суду вследствие такого тяжелого преступления, стоит здесь в порфире, с завитыми волосами, среди своей вооруженной свиты для того, чтобы, в случае если мы произнесем законный приговор, убить нас и насмеяться над законом. При всем этом я нисколько не упрекаю Ирода, если он своей личной безопасностью дорожит больше, чем святостью законов, — виноваты вы все вместе с царем, которые так много позволяли ему до сих пор. Но не забудьте, что наш Бог велик! Придет день, когда тот, которого вы в угоду Гиркану хотите оправдать, вас же накажет и не пощадит также и царя. Вам решать, что угодно Всевышнему, — святость закона, которую мы пронесли со времен Моисея, или наш страх¹.

Эта речь смелого человека и нравится Ироду. «А старик молодец, — думает он про себя, — остальные — так».

Но Ирод еще молод, он не улавливает того, что чувствует Гиркан. Конечно, он подготовил Синедрион, он первосвященник, но простая и мужественная речь Шамаи — гиря, брошенная на чашу весов против Ирода. Если начнется голосование, Ирода обвинят, и тогда последствия непредсказуемы. Гиркан переносит заседание на завтра. В принципе смертный приговор Синедриона в физическом смысле Ироду не грозит, он охраняем, но человеку с таким клеймом — приговором Синедриона — в Иудее делать нечего.

Он не знает, что вскоре после заседания Гиркан задаст Шамаи вопрос: что он думает о происходящем?

— История Израиля богата, — почти шепчет Шамаи, так тих его голос. — Иеффай, сын блудницы и разбойник, разве не был в году испытаний призван народом и поставлен над собой, и разве не пожертвовал он дочерью, когда в этом возникла необходимость? Он отдал Богу ее тело, и Адонай смилостивился. Положа руку на

¹ Флавий И. Иудейские древности, 14:9.4.

сердце, разве видишь ты сейчас кого-либо из претендентов, могущих хотя бы приблизиться к Ироду? Но он идумей — это правда.

Но царей, любимых народом, мало. Разве что Соломон, и то, я подозреваю, что он стал тем Соломоном, которого мы чтим по Библии, только через века после смерти, и он — Соломон Библии — не обязательно копия реального. Народ нуждается в героях, в лидерах, в сказках, и он выбрал Соломона, который, возможно, в действительности не был плохим человеком. Но сейчас мы не в сказке, а реальность такова: кроме Идумей у нас нет союзников и друзей на юге и юго-востоке, за исключением Египта, где традиционно велика наша община. Да и то, это только временный союз, мы просто в одной упряжке, мы в лучшем случае нейтральны. Им гораздо проще с греками и римлянами. Север — сирийский, северо-восток, занятый своими проблемами, — никакой.

Нам еще придется противодействовать мощнейшему нашествию греков и римлян, если мы хотим сохранить свою самобытность, свою культуру. Народов, окружающих нас, в десятки, сотни раз больше. Их оружие лучше. Их зрелища много привлекательней наших, их изображения, статуи чудовищно правоподобны и жизненны. Что мы можем противопоставить им?

— Яхве, — спокойно и серьезно ответил Гиркан. — Тебе ли, отец мой, не знать, что избранный Богом народ не нуждается в особом оружии? С нами Бог.

Шамаи внимательно и долго, не отрывая глаз, смотрел на правителя.

Серо-зеленая мгла, похожая на осеннее море, вдруг встала перед взором Гиркана. Он отчетливо услышал рев волн бушующей стихии, которую видел один раз в жизни. Он услышал трубные звуки незримого оркестра. Стремительно встал, зажал уши руками и начал ходить взад и вперед в середине залы. Наваждение исчезло.

Шамаи продолжал:

— У него великолепные внешние данные. Он искусен в пользовании оружием, как грек, он хитер как лис и смел как лев. Он сын набатейки. Весь юг и юго-восток знают это, но они не знают, что Ирод мечтает только о своей державе, честолюбие — основной мотив всех его поступков. Он будет драться с народом своей матери так же, как с иудеями и греками, за трон, за свое величие. Да и война с собственным народом — не его открытие. Небезызвестный

Александр Яннай тоже, призвав на помощь греков, дрался с иудеями, египтянами, сирийцами, арабами — словом, со всеми, кто мешал его царствованию. И что с того? Он, проклятый при жизни, как никто из древних, оплакиваем и почитаем сегодня. Память толпы — ничто. Другой кандидатуры просто нет, и, кроме того, если мы не выберем его, он выберет себя сам. Он будет править с нами или без нас.

— Хорошо, — кротко согласился Гиркан.

Вечером он рекомендует Ироду бежать, не присутствовать на втором заседании. И Ирод следует совету, он унижен, он осознаёт незримую мощь произнесенного приговора, и хотя суд не состоялся, но вердикт вынесен.

Действия Гиркана не понятны Ироду. Отец объясняет ему происходящее одной фразой: «В Иудее первосвященник решает далеко не все, есть еще Синедрион». Ирод слушает отца насупившись. Внутренне он не согласен с подобным проявлением демократии. В Набатее или Идумее все по-другому. Решение шейха и есть закон.

— Но он мог подготовить заседание, переговорить с ними. Разве они посмели бы пренебречь его мнением, отец? — говорит он.

— Члены Синедриона погрязли в традициях — отвечает Антипатр. — Их традиции как зыбучие пески возле Квар-Сабы¹. Никто не может выбраться из зыбучих песков. А ты всегда требуешь от людей слишком многого. Никогда не требуй от человека больше того, на что он способен.

Может быть, отец сказал бы ему еще что-нибудь запоминающееся, но не успел. Небольшая процессия приблизилась к ним.

Несколько рабов поставили рядом с ними носилки, из которых не очень ловко выбрался Гиркан, а за ним, смеясь, выпрыгнула его внучка-кюрасон². Первосвященник был одет в простой белый халат, подчеркивая этим неофициальность визита. Его халат снизу был оторочен синей полосой, а между ней и полой сплетались в гирляндах яблоки и гранаты — признак его сана.

Он не тайлся. Кто бы стал осуждать его! Члены Синедриона вечером и тем более утром стали дивиться собственной смелости. Они вынесли правильное решение, но понимали, что оно никогда

¹ Город неподалеку от Тель-Авива.

² Кюрасон — девочка, не достигшая 13 лет.

не будет реализовано. Слава Ирода страшила их. Традиции, знаменосцы шли впереди них, они всегда шествовали достойно перед Синедрионом, они, эти традиции, высоко и гордо несли Славу предков, Славу Израиля, они гордились своей миссией не меньше, чем члены Синедриона, но в отличие от последних традиции не способны были рассуждать и никого не боялись. А чего им было бояться?

Но члены Синедриона были людьми фанатичными, с довольно ограниченным кругозором, они были мудрецами, но без кругозора, потому что они были этическими мудрецами. Они шли за традициями, они несли в народ мудрость, они ограждали свой народ от опрометчивых поступков. Они, конечно, понимали, что мир меняется, но гнали от себя эту мысль. А мысли так редко навещают людей, что к ним надо прислушиваться, но они не прислушались — и мысль ушла. А ее уход имел, конечно, последствия, и весьма неприятные. Впоследствии Ирод велел отрубить им головы практически всем.

Гиркан подошел к Антипатру и Ироду. Они обменялись традиционными приветствиями. Ирод холодно поклонился, отошел в сторону. Девочка подошла к нему, взяла его за руку, чего не должна была делать, и звонко сказала:

— Делай, как говорит дед, и все будет хорошо.

Взрослые засмеялись. Обстановка немного разрядилась. И они пошли в ночь парами: чуть впереди Антипатр с Гирканом. Им всегда было о чем поговорить, а позади — Ирод с Мариамной. Слуги почтительно отстали. Негоже им слушать первосвященника, если он не хочет, чтоб его слушали.

Ирод всматривается в лицо девочки. Он видел ее и раньше, но только издали, мельком. Никогда он не встречался и не говорил с ней, не было случая.

Напряжение последних недель уходит вместе с ним в ночь, а место его занимает Вожделение. Жадно, как голодный волк, оно голодно оглядывается по сторонам. А чего оглядываться, добыча — вот она, рядом. И Вожделение яростно щелкает зубами и урчит в предвкушении добычи. А Мариамна еще не знает, что она добыча, но запах Вожделения, запах хищника, смешивается с запахом мужчины, и они вместе вползают ей в ноздри, и она скорее удивленно, чем тревожно, оглядывается по сторонам.

Мариамна. Волосы ее на висках подобраны кверху, и брови тоже чуть приподняты, и все это придает ей какое-то удивленное выражение, словно удивляется Мариамна, всегда удивляется. Может быть, и больше бы разглядел Ирод в этой девочке, но ночь машет перед ним крыльями, а от этого воздух теряет прозрачность, и трудно Ироду запечатлеть ее образ, но два верхних зуба у нее чуть крупнее других, это он заметил точно. «Грызун», — шепчет он про себя, но не успевает запомнить это слово, потому что Вожделение толкает его в бок.

— Ты выйдешь за меня замуж, Мариамна? — спрашивает он.

— Конечно, — очень серьезно отвечает девочка, — ты красивый. — И добавляет: — если дед и мама позволят. — И убегает вперед, к деду.

Это хорошо. Потому что теперь Ирод может думать. Слова сказаны. Они с Мариамной нагоняют отца и Гиркана.

— Зачем же было доводить дело до суда Синедриона? — резче, чем следовало бы, спрашивает Ирод.

Гиркан молчит несколько секунд. Как трудно объяснять этому молодому человеку, что первосвященник может далеко не всё. Да и Антипатр сказал ему всё. Потом он говорит:

— Иди с миром, сын мой. Ты вернешься скорее, чем думаешь, — и он слегка усмехается.

А ночь, похожая на черного лебедя, собирается взлететь, она хочет сопровождать Ирода, она машет крыльями, она скрадывает улыбку Гиркана. Молчание старика и его интонация не нравятся Ироду. Подозрения, как потревоженные змеи, поднимают головы и оглядываются по сторонам. Они только начинают искать убежище в душе Ирода. Он обнимает отца, вновь кивает Гиркану и исчезает. И кажется ему, что Мариамна скачет с ним рядом, а в правой руке у нее ветвь, которой она нещадно нахлестывает высокие травы, и от трав поднимаются брызги, нет, не брызги, а запахи. И кажется Ироду, что это пахнет Мариамна, хотя это только трава. Молоденькие девочки не имеют запахов.

Мрачный, сменяя коней на заставах, с несколькими всадниками покидает он пределы Иудеи, Галилея остается позади. Он чуть-чуть отгаивает лишь в предместье Дамаска, где позволяет себе небольшой отдых. У него нет и не было личной ненависти к захваченным

и казненным бунтовщикам. Они нарушали порядок, они сеяли смуту и вражду — только и всего. Он жил в Петре, он сопровождал отца в Египетском походе. Он сторонник римского порядка, он влюблен в Рим. В эти часы у него возникает первое ожесточение — против Синедриона, против Гиркана, заставивших его испить чашу унижения. И, отвечая некоему внутреннему зову, зову демона, проскакавшему вместе с ним весь путь от Иерусалима до Дамаска, он казнит их всех — и членов Синедриона, и Гиркана, но это будет позже.

Без сопроводительных писем, надеясь только на удачу, направляется Ирод к Сексту Цезарю. Секст впервые видит молодого иудейского вождя, о котором столько наслышан. Он предлагает Ироду разделить с ним трапезу. Вдвоем возлежат они на ложах за обильными яствами. Ироду чуть-чуть не по себе: впервые он за столом римлянина, причем знатного. Секст проникателен. Виночерпий наливает им превосходные вина, доставленные из Рима, беседа их нетороплива. В Петре свои правила приема пищи — там приходилось сидеть поджав ноги под себя. Здесь удобств несравненно больше. Вскоре Ирод расслабляется. Он рассказывает Сексту о своей жизни прямо и без прикрас. Да, впрочем, и скрывать ему нечего. Обычная жизнь воина. Знаменательно другое. Секст — первый человек, которому, помимо членов семьи, так много известно об Ироде. Римскому сановнику без труда удастся понять, что вердикт Синедриона, который мог быть вынесен или, возможно, в будущем будет вынесен, — это тот водораздел, по одну сторону которого находится справедливость Рима, справедливость цивилизованного народа, который всегда помнит, что закон и порядок прежде всего, а по другую сторону — та вера, что царит в Иудее. Ее можно сформулировать так: «Мы угодны Богу, мы одной крови, ты и я, нельзя казнить человека, ибо жизнь есть самое дорогое у человека». Принципы римлян и иудеев несопоставимы.

Трапеза подходит к концу. Секст, который гораздо лучше Ирода переносит опьянение, почти трезв. Ирод же дерзко заявляет: «Я никогда больше не пойду в Синедрион».

Он сказал эту фразу чуть вызывающе и несколько смутился. Не в его правилах просить. Ни к кому, кроме Антония, Августа и Агриппы Великого, не будет он обращаться с просьбой. Слова его повисли в воздухе. Секст молчит. Он вспоминает, как протекала их беседа в течение этих двух часов. Они говорили на латыни и

арамейском. Латынь Ирода не совсем правильна: его учителя — легионеры, но произношение его приятно, он говорит еще на двух языках, распространенных здесь. Ирод предан Риму; его признали и арабы, и иудеи, правда с оговорками; он храбр и хороший организатор. Секст встает напротив Ирода, кладет ему руки на плечи и говорит: «От имени диктатора Цезаря Великого и Сената я дарую тебе в управление Келесирию и Самарию».

Иосиф Флавий абсолютно не прав в своих книгах, передавая сплетни о том, что Ирод приобрел эту должность за взятку. Не было у него денег, совсем не было, но не это главное. На следующий день он, угрюмый, сидит один в своей комнате и подробно вспоминает разговор с Секстом. У него нет друзей в Дамаске, а своим подчиненным он не любит открывать душу, и потому Ирод, слушает лишь себя, свой внутренний голос, своего демона. И прозрачная ясность ответа, которого он так жаждет, вырисовывается перед ним: не нужны ему ни Келесирия, ни Самария, доставшиеся без борьбы, а только по воле наместника. Он хочет Иудею, отвергнувшую его, незаслуженно оскорбившую его, жаждущую вынести ему смертный приговор. Только она, эта мрачная, пустынная на юге и лесистая на севере страна, нужна ему. Она, крикливая и шумная, чье назначение и существование выливается в один вздох: «О Адонай!». И еще он хочет домой.

Однако Ирод принял новую должность. Он набирает войско и движется к Иерусалиму. Он не взвешивает, по силам ли ему овладеть Вечным городом, не анализирует причины похода. Неясная тоска управляет его поступками. Еще не раз подвигнет она Ирода на странные деяния, но мало к кому на протяжении всей своей жизни будет так прислушиваться грозный Иудейский царь.

Глава 7

Смерть Антипатра

Ирод любил и ненавидел Иудею одновременно. Его чувства нельзя было сформулировать однозначно. К тоске примешались горечь и месть, отсутствие цели. Он собрал войско, довольно значительное, преимущественно из самаритян, галилеян, сирийцев, келесирийцев, без помех прошел свою новую вотчину — Самарию, царем которой никогда не был, вторгся в пределы Иудеи, неспешно, что совершенно не соответствовало его характеру, двинулся к Иерусалиму. Четких намерений у него не было: он сам не знал, хотел ли он смерти Гиркана, разгона Синедриона или чего-то еще. Отец его, Антипатр, которого уважали даже большинство врагов, прокураторствовал в Иудее, Иерусалимом управлял любимый старший брат Фасаил. Какова была цель этого выступления? Невозможно ответить однозначно. Демонстрация мускулов? Но военные походы — слишком дорогое удовольствие. Войско надо было содержать, а средств у Ирода не было. Отец и Фасаил, выехавшие к нему навстречу со свитой примерно в двадцать человек, встретились с Иродом в двух переходах от Иерусалима. Отряд Ирода состоял из нескольких десятков легионеров, по тем или иным причинам осевшим на Востоке, и новобранцев, остро нуждающихся и рассчитывающих на легкую наживу. Многие из них смутно представляли, что такое битва.

После обмена приветствиями отец, любовно оглядывая Ирода, задает ему вопрос:

— Так против кого ты собираешься воевать, против Иуден, Синедриона или Гиркана?

И Ироду наконец-то становится ясно, во имя чего затеян этот поход. Эти месяцы, первые месяцы его разлуки с семьей были просто невыносимы, потому что у него никогда не было другого убежища, кроме семьи. А Вожделения конечно же знали это и навещали

его часто и всегда приводили с собой Мариамну, а она становилась еще красивее, взрослее и доступнее, потому что питалась воображениями Ирода. О, как вкусны были его воображения! А страсть, похожая на маленькую, но быстро взрослеющую птицу билась в его душе, как в клетке, и возмущенно клокотала.

— Я хочу Мариамну, — отрывисто и несколько неожиданно для себя говорит Ирод.

Он не жалеет о своих словах и с неким внутренним напряжением ждет ответа. Положительный ответ означает слишком много: Мариамна знатна. Фасаил, женатый на Александре, двоюродной сестре Мариамны, заразительно смеется.

— Все уже знают, что ты ее избранник, — добродушно говорит он. Но она не из тех, кто будет на вторых ролях. Тебе придется расстаться с Дорис и с сыном, — продолжает он, и как бы испугавшись своего предложения, спешно добавляет: — усрать их куда-нибудь подальше. Конечно, ты сможешь навещать их, но жить в одном доме с Мариамной они не смогут. — Фасаил замолкает, он сказал все.

— Это путь к власти над Иудеей, — задумчиво говорит Антипатр и добавляет: — законной власти. Мариамна любима народом. Ты просто обязан жениться на ней — это желание всех нас, и я рад, что твое намерение совпадает с нашими чаяниями, — говорит он ритуальную фразу. — Это просто устроить. Мы вернемся в Иерусалим и сообщим Гиркану и Синедриону, что ты с огромной армией сирийских наемников грозишься разорить Иудею. Ты согласен уйти с незначительным выкупом, но требуешь Мариамну. Гиркан согласится. Он готов к этому, он ждет чего-то подобного. А нашествия сирийцев он боится, пожалуй, больше, чем римлян. Да и с некоторых пор он говорит о тебе в достаточно уважительных тонах.

— Это Шамаи, — добавляет Фасаил, — по каким-то соображениям он питает к тебе симпатию. — Фасаилу известно многое от жены.

— Может быть, из страха? — не очень уместно говорит Ирод.

Он знает, что это не так, он не должен говорить так, но все равно говорит.

— Он слишком стар, чтобы бояться, — сурово обрывает его отец, — и слишком мудр, — продолжает он после паузы. — Но Дорис и вашего сына Антипатра хотя бы на время нужно отправить в

Идумею, там они будут в безопасности. Кроме того, Дорис любит Идумею, — добавляет отец без связи с предыдущей фразой. — Решай.

Ирод кивает головой.

— А что делать с ними? — Он слегка поворачивает голову назад. — Они хотят денег, славы.

— Славы? — как эхо переспрашивает отец. — И дает Ироду первый урок дипломатии. — Ты только молчи. — Он вскакивает на коня и кавалькада направляется к войску Ирода.

Антипатр выезжает перед отрядом Ирода и говорит:

— Воины, славные мужи. Иерусалим уstraшен вашим прибытием. В то же время иудеи будут защищать город Господа, как делали это во все времена. Осада будет продолжительной, и это одинаково плохо и для них, и для вас. Они предлагают вам выкуп, они готовы дать по десять дидрахм¹ на человека, продукты и вино. Вино вы получите сейчас, деньги завтра, а славу такие отважные воины, как вы, добудут всегда. Согласны ли вы?

Отдельные выкрики, вероятно, означающие несогласие, тонут в сплошном гуле. Никто не хочет участвовать в осаде. Предложение Антипатра слишком заманчиво.

— А где ты возьмешь денег? — спрашивает Ирод отца. — За ночь их не собрать.

— Часть дам я, часть — Гиркан. Это наш свадебный подарок, — отвечает Антипатр. — Вели отступить от города, станешь лагерем чуть дальше, а вино и провиант мы тебе сейчас передадим.

Ирод благодарно потерся о бороду отца. Потому что он был мудр, и он любил его.

А деньги доставили только к вечеру следующего дня. И Птолемей — командующий конницей, которого в отличие от Птолемея Дамасского величали Иерихонским, так как он был из Иерихона, вызвался отвести отряд из пределов Иудеи и распустить воинов, оставив наиболее обученных. А Ирод вступил в Иерусалим и спал до обеда, потом ел и снова спал, а вечером, вымытый, в парадном убранстве, он предстал перед Мариамной, и она, оглядывая его снизу вверх, чуть морща носик, сказала звонко:

— А ты стал еще красивее, Ирод.

¹ Двойная драхма.

И он видел ее улыбающийся рот и два зуба, которые были больше других.

Ничто, казалось, не мешало его предстоящей свадьбе. Гиркану ничего не оставалось делать, как дать принципиальное согласие, но судьба решила иначе.

Около Апамеи, небольшого города близ Антиохии, вспыхивает мятеж, в результате которого Цецилий Басс, помпеянец, убивает Секста Цезаря. Подавление мятежа вначале ведется без особого энтузиазма, а затем из Рима в качестве преемника Секста Цезаря прибывает Мурк. Он не успевает еще ничем себя проявить и выжидает. В Сирию бежит Кассий: ему понятна неизбежность войны с вице-диктатором Марком Антонием и усыновленным племянником Гая Юлия Цезаря — Октавианом. Междоусобица губельна для него, поэтому он снимает вялую осаду, которую Мурк ведет против Басса, окопавшегося в Апаmee, и заключает перемирие с Бассом. Кассию нужны войска и того и другого, и он спешно начинает сбор денег со всех восточных провинций. Доля Иудей — 700 талантов. Административные способности Антипатра проявляются в полной мере. Он четко определяет долю каждой области, каждого города и вручает этот список Кассию. Почти одновременно с посланием Кассий получает и первые 100 талантов, которые Ирод собрал в подвластной ему Галилее. Но в целом сбор денег идет туго. Жители Гофны, Эммауса, Лидды и Фимны вообще не торопятся, и Кассий обращает их в рабство.

Начальник Иерусалимского гарнизона, Малих, настроен антиримски. Он призывает саботировать поборы, чем ставит Антипатра в затруднительное положение. Кто-кто, а уж он-то понимает всю мощь военной машины римлян. Буквально по нескольким шекелям лестью, угрозами достает он необходимую сумму — он нищ, но угроза вторжения римлян предотвращена.

Конфликт с Малихом все-таки нарастает. Формально Антипатр — прокуратор Иудей и главнокомандующий ее войсками, а его сын Фасаил правит Иерусалимом. Малих же только командует гарнизоном. Но надо знать общественное мнение иудеев, настроение войск. Они целиком на стороне Малиха. Маленькая независимая страна не хочет платить дань.

Антипатр отправляется за Иордан, на левом берегу которого множество кочующих племен и оседлых арабов. Там он собирает

войско, хотя средства его ограничены, но на его стороне Мурк, понимающий, что костер возмущения, зажженный Малихом, может привести к прямому столкновению. Гиркан верно оценивает происходящее и улаживает конфликт. Антипатр возвращается в Иерусалим, Мурк молчит. Кассий завершает подготовку войска, он обошел все провинции, а поскольку денег все равно не хватает, ввел нечто вроде проскрипций (повторяя на Востоке времена Суллы). Идея была проста: имущество занесенных в проскрипционные списки конфисковалось. Восток застыл в ужасе. Политика Рима в этом регионе, подпадавшем и под парфянское влияние, не допускала ничего подобного. На вопрос Мурка, какую часть имущества он оставил несчастным, Кассий ответил своей знаменитой фразой: «Я им оставил солнечное сияние».

Кассий и Мурк вскоре отправились в Лаодикею, где одержали убедительную победу. В Келесирии остается Ирод, повторно провозглашенный правителем этой страны, теперь уже не номинально. Кассий оставил ему флот, конные и пешие отряды, обещав после завершения войны передать ему и Иудею. Влияние Ирода резко возрастает, он постоянно поддерживает отношения с отцом, старшим братом. Власть идумейской партии заметно увеличивается. И Малих решается. Он подкупает виночерпия Гиркана, и тот отравляет Антипатра — первого известного государственного деятеля из идумеев, так много сделавшего для Иудеи. Ему не было еще 50 лет.

Гибель отца — первое звено в цепи ударов и испытаний, которые судьба предназначила Ироду. Ему сейчас 29 лет. Основное, что он успел для себя уяснить, — это власть силы и жестокости. Он видел в бою римлян — покорителей мира, он видел римлян, беззастенчиво конфискующих имущество знатных граждан Дамаска, он казнил преступников и был оскорблен Синедрионом, чуть было не вынесшим ему смертный приговор. Он не верит в справедливость. Отец, при всей своей смелости, был удивительно богобоязнен, он как мог отстаивал свою Иудею, ее верования, но он был еще и трезвомыслящим человеком, он понимал то, чего не хотела знать Иудея: между нею и Богом сейчас находился Рим, и с этим нельзя было не считаться. Ирод открыл для себя и другую истину: Рим гораздо ближе, чем Бог, и поэтому с ним считаться надо в первую очередь. Получив известие о смерти отца, Ирод бросает все и мчится в

Иерусалим. Но на похороны он не успел. Обычай иудеев предписывают хоронить умерших как можно скорее из-за жары.

Фасаил, стараясь ничего не упустить, рассказывает Ироду подробности событий того злосчастного вечера. Потом вдруг он замолкает и через несколько секунд говорит: «А зачем тебе все это?»

Врачи Гиркана и Антипатра в один голос говорят, что его отравили: это видно было и по характерным пятнам на теле, и по пене, пузырившейся на губах. Называют имя наиболее вероятного отравителя — это Малих. Перед Гирканом они обвиняют Малиха, но тот все отрицает. Доказательств нет, а без доказательств и без суда казнить начальника Иерусалимского гарнизона — это значит закрыть себе все перспективы в Иудее. Братья это понимают. Ирод делает вид, что поверил, но со следующего дня начинает собирать досье на всех присутствовавших на пире, старается вызнать, кто доставил яд, оставляет троих своих людей Фасаилу для сыска и возвращается в Сирию.

Через несколько дней после возвращения Ирода его брат Иосиф — вечный посланник — привозит ему письмо от Фасаила. Один из оставленных, Птолемей, юноша, едва достигший 18 лет, спасенный Иродом в Дамаске, раскрыл это преступление. Он легко вошел в доверие к женщинам дворца и узнал, кто доставил виночерпию яд. Люди Ирода схватили его, и тот указал на Малиха.

Ирод пишет письмо Кассию, извещая о смерти отца и прося совета, — тонкий дипломатический ход. Он срabатывает. Кассий прекрасно помнит Антипатра. Когда во время злополучного Парфянского похода он не согласился с планом Красса, тот повернул назад два своих легиона и пробился в Сирию, а Кассию одному пришлось вынести всю тяжесть обороны против парфян. Кто знает, удалось ли ему бы это сделать без Антипатра? И Кассий посылает к Ироду двух трибунов. Римляне приветствуют наместника Келесирии и передают Ироду пакет, в котором лист бумаги с одним только словом по-арамейски: «Казнить».

У Ирода есть подходящий способ отомстить. Бунтует Самария, причем просто так, причину установить не удастся. Она и не нужна Ироду. Быстро собирает он свою тяжеловооруженную гвардию, в которую влились добровольцы из отряда отца, и выступает. Без труда, при одном погибшем и двух раненых усмиряет он Самарию и направляется в Иерусалим, благо приближается праздник опресноков.

У стен Иерусалима происходит небольшая задержка. Ироду передают слова Гиркана: «Во время праздника опресноков въезд в город чужестранцев и вооруженных воинов запрещен. Жители освящают себя». Ироду это на руку, он велит разбить лагерь близ ручья Кедрон, а сам только с двумя телохранителями вступает в город и сразу же идет к Фасаилу.

— Это Малих приказал закрыть город, — говорит Фасаил брату.

— Понятно, — бросает коротко Ирод, и верхняя губа его чуть подрагивает, обнажая ровные белые зубы.

Через несколько лет челядь, вольноотпущенники и рабы — все будут прятаться в дальних уголках дворца, лишь только начнется этот волчий тик у их царя.

В течение недели все зауспокойные молитвы были завершены и все прощальные слова сказаны. Потом братья устроили поминальный пир на берегу Кедрона. Малих, без усталости молившийся все эти дни и соболезнававший, тоже приглашен. У него нет выхода: если у братьев есть подозрения, он бессилен. Сейчас побег его из Иерусалима невозможен, да и сын его предусмотрительно увезен Иродом в Тир, он заложник, впрочем, его Ирод впоследствии отпустит; он еще молод и не знает знаменитой формулы: «Грехи отца да падут на сына».

Торжественное шествие с горящими факелами спускается с восточной городской стены вниз к Кедрону. Что-то глубоко волнующее чувствуется в этой ночной мистерии. Последние лучи солнца прощаются с куполами храма, громадой возвышающегося над ними. Гиркан — первосвященник, он начинает траурную речь. Вдруг какие-то люди выскакивают из засады и хватают Малиха. И вот уже тело его изрешечено десятками кинжалов. Гиркан падает в обморок. Ему смачивают водой виски, вливают несколько капель вина в рот.

— Кто убил Малиха? — Первое, что спросил он, придя в себя.

— Это — приказ Кассия, — находчиво ответил один из трибунов¹.

Гиркан быстро полностью овладел собой, и вот он опять — восточный правитель. Так, чтобы слышали трибуны, он говорит:

— В таком случае, Кассий спас меня и мое отечество, ибо устранил человека, бывшего опасным для нас обоих.

¹ Военные трибуны — командиры римского легиона.

Затем он просит унести его во дворец. Ирод велит убрать останки Малиха, место, где тот лежал, засыпают песком, и через полчаса начинается пир. О как вкусны яства в эту ночь! Как сладостна месть!

О Адонай!

Для римлян все происходящее вполне естественно. Разве не самая вкусная трапеза во время гладиаторских боев? Разве не особенно сладостны женщины после возбуждения, охватывающего всех на этом празднике смерти? Один из трибунов в начале обеда, подняв большой кубок за Ирода и осушив его до дна, говорит ему тихо, чтоб не слышали окружающие:

— Там, где хватит одного удара кинжала, не надо наносить тридцать.

Ирод пристально смотрит на бесстрастное лицо трибуна, молча поднимает бокал и так же тихо отвечает:

— Ты прав.

Глава 8

Смута

Война Кассия и Брута против диумвиров Антония и Октавиана была в разгаре. Кассий, разоривший Сирию, перед отъездом разделил ее на тетрархии, отдав Тир в управление некоему Мариону. Птолемей Менней — правитель Халкиды, женатый на Александре — дочери Аристовула, испытывал огромную нежность к жене и все время пытался пристроить ее братьев. Он богат, а наместник Дамаска Фабий беден, другой его грех — у него нет хозяйственных навыков. Поэтому он без успеха начал решать задачу, что делать с Антигоном, но, ничего не придумав, разрешил просто вооружить отряд на территории Сирии, а дальше как получится.

Ироду конечно же сразу донесли. Он немедленно отправился в Дамаск, а в оставленном им Иерусалиме начались волнения. Небольшой римский гарнизон, возглавляемый центурионом Геликсом, отказался подчиняться указам Фасаила. Резня, произошедшая на площади и стоившая жизни двум легионерам и двум десяткам горожан, всколыхнула весь Иерусалим. Отношение к Фасаилу, набравшему войско на борьбу с Геликсом, изменилось полностью. Он стал героем, разумеется, не масштаба Маккавеев, но героем. Ирод, в эти годы необычайно резко чувствующий одиночество, желал одного — быть рядом с братом. Жена его, Дорис, не обладала должным кругозором для светской жизни в Дамаске. Сын — его единственный сын — был тих и задумчив. Он был человек иного темперамента, другого мира. Ироду хотелось к брату, к сестре, к матери. Но две недели какая-то лихорадка трепала его. Он чувствовал себя настолько плохо, что врачу без труда удалось уговорить его не садиться в седло.

С некоторых пор Ирод полюбил прогулки, они были той нивой, на которой пышно колосились его воспоминания, и росли они быстро. Ночь часто присоединялась к нему, она пристраивалась рядом,

невидимая вначале и неотвратимая. Она нежно брала его за локоть своими бестелесными руками и всем своим бестелесным существом прижималась к нему, пробуждая воспоминания, горькие и сладостные. Иногда воспоминания сплетались в клубок и, поднимая свои незрячие головы, шипели друг на друга, как змеи; тогда ночь, которая была рядом, отгоняла их веером звезд, и они исчезали. Ночь не любила, когда воспоминания ссорились. А Ирод гулял со своей новой подругой, и ему было хорошо оттого, что она была бестелесна. Он гулял в ночи, а потом спал до полудня — так он боролся со временем, ведь ничего нет хуже для деятельной природы, как ожидание. А ждать приходилось. Огромная римская бюрократическая машина подобно сове осматривала свои новые восточные владения и старалась с наименьшими издержками приспособить их к своим нуждам, к нуждам империи.

Тень Цезаря устрашающе летала над Востоком, и он был спокоен, но все в мире относительно. Рим точно знал, чего стоило это спокойствие, не подкрепленное ключевыми фигурами, на которых можно было бы закладывать фундамент взаимоотношений. С Египтом существовало огромное множество проблем, которые в данный момент из-за очевидного противостояния партий, разрешить было невозможно. Но Клеопатра была именно той стержневой фигурой, на которую делались ставки, ибо власть ее была прочна. Она была абсолютным монархом, и это было хорошо и понятно. В Сирии же не было центральной фигуры и не должно было быть, ибо культ римского наместничества нашел здесь благодатную почву, он рос и укреплялся.

Иной была Иудея со своей вечной, со времен Александра Македонского, лояльностью. Односторонней была эта лояльность. Все знали, что Иудея лояльна, но после завершения Египетского похода дальше словопрений дело не шло. У отцов-сенаторов время от времени возникал вполне справедливый вопрос: а можно ли эту лояльность перевести в нечто более материальное? Удалось же египетскую победу трансформировать в золото и пшеницу. На этот вопрос ответа не было. Воевать с лояльной страной было бы верхом идиотизма, так как кроме лояльных стран существуют еще и нелояльные и лояльные, но не очень. А многоходовые маневры Октавиана и Антония должны были рано или поздно увенчаться успехом. А к миру, как и к войне, надо готовиться.

При всем этом независимо от партийной принадлежности сенаторам было ясно, что прежде чем требовать что-то с Иудеи, необходимо найти конкретное лицо, с которым можно вести дела, ибо вести дела с первосвященником Гирканом невыносимо трудно. Он часто отвлекался от разговора, устремляя взгляд куда-то поверх собеседника, каким бы важным римским сановником ни был беседующий. Возможно, это одна из очередных иудейских уловок. Хитрость иудеев известна всем, но доказательств не было, а если бы они и были, то какой из них прок?

Словом, Ирод был здесь весьма кстати. Кассий понимал, что с ним можно вести дела. Его мнение разделяли и другие военачальники, администраторы.

Но для укрепления власти ставленника прежде всего нужны деньги, а деньги империя давала скупой и очень осмотрительно. Приходилось ждать. А приятных вестей из Иудеи все не было.

Геликс, с присущей римлянам надменностью, мало заботился о своей безопасности, справедливо полагая, что открытое нападение войск Фасаила маловероятно. Независимо от внутренних конфликтов в метрополии римских войск на Востоке сейчас было много, а римляне всегда отличались взаимовыручкой. Логика была на его стороне, но он ошибся. Фасаил, чей воинский талант не многим уступал таланту Ирода, ночью бесшумно снял малочисленную охрану и овладел гарнизоном. Геликс был ошеломлен и раздосадован и легко согласился подписать локальное мирное соглашение, тем более, что Фасаил показал ему текст мирного договора с Иудеей, принятый Сенатом. Конфликт был исчерпан, все римляне благо разумно были отпущены на свободу. Но у Фасаила тут же возникла еще одна более серьезная проблема: брат Малиха вступил в борьбу с ним, захватив ряд крепостей, в том числе, как считалось в Иудее, совершенно недоступную Масаду, впрочем, он не потратил на это больших усилий: гарнизон попросту открыл ему ворота.

Фасаилу доносили, что Гиркан либо одобряет действия его врагов, либо сочувствует им. Они встретились. «Почему ты не поддерживал меня? — спросил Фасаил. — Разве отец мой и я сам мало послужили Иудее?» Гиркан все отрицал, но развеять подозрения Фасаила не смог. Фасаил все рассказал брату, и много лет спустя Ирод припомнил Гиркану все: и его двуличие в первой стычке с

Синедрионом, и поддержку брата Малиха. Оправившись от болезни, Ирод был рад, что брат пока обходится без него. У него самого возникло множество проблем, вызванных смутой.

Марион вторгся в Галилею и захватил три небольших поселения. Сделано это было без всякой цели, но согласовано с Римом. Ирод разбил его, преследовал до самого Тира, впрочем, город не тронул, наоборот, составил со старейшинами договор о дружбе и богато одарил их.

Следующий поход против Антигона был еще более успешным. Фабий, после угрозы Ирода написать обо всем Кассию, держал нейтралитет, а без римской помощи, как и полагали советники Ирода, разбойничий сброд Антигона не выдержал и первой битвы. Он бежал из Иудеи на север и исчез.

В Иерусалим Ирод вступил во главе не очень большого, но хорошо вымуштрованного и гордого собой войска, созданного по римскому образцу. Изменчивая толпа на этот раз бурно приветствовала его, Ирод даже был увенчан лавровым венком.

Две занозы были выдернуты из тела страны, и она радовалась просто потому, что нуждалась в радости. Ирод не преминул воспользоваться моментом. Разве Мариамна не обещана ему? Только нелепая смерть отца помешала их свадьбе. Победа над Марионом имела и то, на первый взгляд очень мелкое, достоинство, что ему достался обоз, а в обозе — великолепное пурпурное тирское одеяние с позументами. Ирод всю жизнь любил красный цвет и, удивляясь самому себе, осматривая добычу, долго и с удовольствием поглаживал гладкую ткань рукой. Теперь одежда ему очень пригодилась. Возможно это был и не тот наряд, который приличествует надевать жениху, но Ирод не мог отказать себе в этом удовольствии. В сопровождении Фасаила, Гиппика и нескольких ближайших друзей вновь как и в тот раз, когда его представлял отец, да будет он благословен, входит он в дом первосвященника. И почему-то первый его взгляд останавливается не на Мариамне, а на руке Гиркана, которую он протянул внучке, и Ирод замечает, что рука слегка подрагивает то ли от старости, то ли от волнения. Затем он переводит взгляд на Мариамну, и какое-то новое ощущение, которое невозможно передать словами, овладевает им. Глаза ее как два огромных и полных озера или как две луны, отраженные ночным озером, упираются в него и оценивают. Это уже не та девочка,

которая провожала его после суда, и не та, которая встречала его после возвращения. Мариамна по иудейским законам уже взрослая, и она внимательно изучает мужчину предназначенного ей в мужья. Ирод не выдерживает ее взгляда, отворачивается, говорит что-то незначительное брату, а через секунду, когда вновь бросает взгляд на Мариамну, он видит только ее улыбку, огромную и очаровывающую.

В самый разгар помолвки прибывает разведовательный отряд. Объяснения людей путанны и туманны. Со стороны Средиземного моря на Иерусалим движется войско его извечного врага Антигона. Его людям удалось захватить пленного, и он что-то говорит, вернее, говорил про парфян. О чем идет речь, толком понять невозможно. Но Ирод и не нуждается в точном понимании. Зачем ему это знание? Поспав несколько часов, ранним утром он провожает Мариамну в Иерихон. Там много воды и нет невыносимой иерусалимской жары. На прощание она дарит ему лилию и вновь долго и запоминающе смотрит на него. Он тоже будет помнить эту лилию до последних своих дней.

Дорис, как только узнала о предстоящей свадьбе Ирода, забрала сына и сказала, что отправиться в Идумею. Ирод не противился. Это решение устраивало всех. Мать и Саломея остались в Иерусалиме. Жара не страшит их. Им ли, выросшим в Идумее и Набатее, бояться жары.

Ирод прощается с Мариамной и Гиппиком, на которого он всегда может положиться, и они договариваются, что при извещении о победе Гиппик доставит Мариамну в Иерусалим. В случае поражения Гиппик привезет его невесту в Масаду или Мариссу. Это решение доставит Ироду дополнительные переживания. После первой победы над Антигоном он пошлет гонца к Гиппику, и тот с Мариамной прибудет в Иерусалим, а ситуация в городе очень быстро сложится.

Глава 9

Парфяне против Ирода

Поздней весной 40 г. до н.э. три корпуса парфян перешли реку Евфрат. Один корпус направился в Малую Азию, другой – в Сирию, третий – в Финикию и Палестину.

Антоний может сколько угодно долго находиться в объятиях Клеопатры, пренебрегая Фульвией, но он понимает, что бездействия перед лицом вторжения давних противников Рима Сенат ему не простит. Он понимает и другое: любое промедление на руку Октавиану. Он направляется в Тир Финикийский и спешно организует оборону. Тир, расположенный на полуострове, способен выдержать длительную осаду. Он семь месяцев противостоял Александру Македонскому, а это что-то значит. Антоний удерживает город. Это все, на что в условиях форсированного марша парфян готов Рим. На большее войск нет. Парфяне, ведомые царевичем Пакором и сатрапом Барзафарном, практически без боя овладевают Сирией. Многие как в Сирии, так и в Палестине сочувствуют им. Поборы римлян слишком велики. Лисаний, занявший престол после смерти своего отца – Птолемея Меннея (событие это произошло как раз во время триумфального шествия парфян), дружит с Антигоном, сыном Аристовула. И оба они, что совершенно естественно, – враги Гиркана и Ирода. Антигон обещает парфянам крупный приз – 1000 талантов и 500 женщин за избавление от пары Гиркан – Ирод. Парфяне, поскольку это не противоречит их интересам, соглашаются. Пакор движется на юг по Средиземноморской береговой полосе, Барзафарн пересекает Иудею, двигаясь на юго-запад.

Виночерпий Антигона, носивший это же имя, возглавляет передовой отряд иудеев, прокладывающий путь парфянам. Сопrotивления практически нет, а в районе горы Кармел в отряд вливается значительное пополнение иудеев – противников римлян. Антигон ободрен, он уже примеряет регалии, которые должен получить от

своего тезки. Близ местности Дримы происходит первая стычка со сторонниками Ирода, и Антигон терпит поражение. Его войско дробится на небольшие отряды, которые все же движутся к Иерусалиму. Без препятствий они проникают в город. Их встречают объединенные силы Ирода и Фасаила и без труда разматывают по городу войско Антигона. Часть из побежденных прячется в храме. Другую часть Ирод пытается оградить, но толпа сожгла их. Город вновь разделился на две части. Проримски настроенная часть населения немногочисленна, она поддерживает братьев, но главная толпа ждет, она ждет праздника Пятидесятницы.

Жарко, многочисленные паломники, стекающиеся в Иерусалим, сразу же примыкают к враждебно настроенной против Ирода толпе. Несколько десятков тысяч ослепленных фанатизмом людей наводняют город и занимают святилище. В руках Ирода немногочисленное войско, но это ветераны, бывшие с ним в десятках сражений. Полководческий гений Ирода сказывается и здесь. Фасаил остается у стены храма, изображая подготовку к штурму святилища. Ирод между тем движется на предместье, словно метлой, очищая его от беспорядочно мечущейся толпы. Его противники через некоторое время покидают храм.

И вот уже Иерусалим в руках Фасаила и Ирода. В город прибывает немногочисленный конный отряд парфян под предлогом оказания помощи в подавлении восстания. Руководит отрядом царевич Пакор.

Мужество наследника парфянского престола производит впечатление. При желании войско Ирода и Фасаила без труда может пленить царевича. И Ирод, и Фасаил достаточно умудрены опытом, чтобы оценить безумство подобного шага. Парфяне в Иерусалиме из-за своей малочисленности ведут себя довольно сдержанно, однако их неопрятный вид резко контрастирует с великолепной выправкой римлян. Ирод, раз и навсегда покоренный Римом, давно уже сделал для себя выбор. Под предлогом легкого ранения он удаляется из дворца за Кедрон, ближе к Идумее и Петре, где он всегда чувствует себя свободнее.

Фасаил выступает навстречу Пакору. Любезно приглашает он парфянина в свой дом. Гость ест и пьет у него дома, что на Востоке означает слишком много. Нет у него злых мыслей по отношению к Фасаилу. На следующий день Пакор уговаривает Фасаила выступить

с посольством навстречу Барзафарну. Фасаил, естественно, советуется с братом, благо от Иерусалима до места, где укрывается Ирод, минут двадцать езды. Ирод категорически против. Позиции братьев легко понять: для Ирода Иерусалим — ничто, просто город с суетным, враждебным населением; для Фасаила — это его город, он сжился с ним. Да, впрочем, есть ли у него выход? Скорее всего — нет. О войне с парфянами без поддержки Рима нечего и думать.

Первосвященник Гиркан и правитель города Фасаил направляются к парфянам. Ирод, как бы оправившись от раны, встречается и прощается с Пакором, тот идет вместе с Гирканом и Фасаилом на встречу с Барзафарном. В городе остаются около 200 парфян и 10 человек из отборного войска — «свободные», так именуются они у парфян. В принципе, это уже победа. Парфяне не оккупируют Иерусалим.

Встреча посольства Иерусалима с Барзафарном происходит в Галилее. Рядом с сатрапом стоят правители северных городов Иудеи, все в полном вооружении. Их вид не предвещает посольству ничего хорошего. Впрочем, до стычки дело не доходит. Небольшой отряд Фасаила и парфяне движутся к морю и останавливаются близ Экдиппона — небольшого городка между Тиром, окруженным плотным кольцом парфян, и Птолемаидой, занятой парфянами. Близость городка к Тиру создает в нем какую-то нервную атмосферу. Все понимают, что военные действия только начинаются. Богатые скорее на стороне римлян — им нравится упорядоченность римской цивилизации. Среди приближенных Фасаила находится Офеллий — он из этих мест, он бывший моряк, у него на всем побережье знакомые. Он запросто собирает новости, пробегая по трактирам.

Фасаил и Гиркан живут сравнительно свободно. Их охраняют или стерегут, но ненавязчиво, издали. К вечеру Офеллий приносит новости. Его старый знакомый — финикиец Самарала, очень богатый и проримски настроенный, рассказывает об обещании Антигона, о тех самых пресловутых 1000 талантах и 500 женщинах. Он предлагает пленникам побег сегодня ночью. Самарала подготовит два корабля. Фасаил практически не раздумывает и отвечает отказом. Его мотивы просты: он сдружился с Гирканом, он не желает оставлять старика одного, а мысль о побеге категорически отвергает. Оба прекрасно понимают, что в случае их бегства ничто и никто

не оградит Иерусалим от нашествия. Фасаил немедленно направляется к Барзафарну, предварительно направив к Ироду трех посольных с уведомлением о случившемся. Двое из них попадают к парфянам, а Офеллий и не думает ехать в Иерусалим, он растворяется на побережье: любая хижина — его дом. Утром несколько небольших лодок берут курс на Тир Финикийский — римляне найдут возможность известить Ирода, а Самарала обещает послать весть другим путем.

Барзафарн — сама любезность, как должное воспринимает он ночной визит Фасаила, предлагает ему разделить с ним трапезу, много пьет, как это принято у парфян. Фасаил предлагает заплатить больше, чем Антигон, — 1100 талантов, но женщин у него нет. Сатрап клянется, что все это чушь, его оклеветали, подозрения ложны. Чем больше слушают Гиркан и Фасаил Барзафарна, тем меньше верят ему. Середина ночи. Барзафарн предлагает гостям остаться. Утром он поедет к Пакуру, вернувшемуся в Иерусалим, и тот развеет все подозрения. Он действительно направляется в Иерусалим, а утром пленников берут в оковы. Их гнев и брань понятны, но винить они могут только свою доверчивость. Вряд ли решение парфян базируется на желании получить 500 женщин, хотя это и немаловажный фактор. Одно дело, когда рабынь поставляет Антигон, другое дело — брать женщин в Иудее. Парфяне воюют с Римом, всколыхнуть и настроить против себя в общем-то благожелательную Иудею им совсем не хочется. Другое дело братья — их проримский настрой ни для кого на Востоке не является секретом.

Антигон, бывший виночерпий, а ныне военачальник, отправляется к Ироду на переговоры. У него одна цель — выманить Ирода за пределы города. В городе у Ирода подавляющее преимущество в людях, он в безопасности. У парфян есть одна отрицательная черта — восточная вальяжность, склонность к пересудам. Их можно понять, посланцы Фасаила у них в руках, осталась одна последняя проблема — Ирод. За несколько часов до того, как Антигон вступает в довольно скромное, но хорошо охраняемое жилище Ирода, туда же прибывают гонцы от Антония. Утром Ирода информируют о случившемся. Александра — дочь Гиркана, к ней прибыл гонец от Самаралы. Полагают, что Александра — его будущая теща, он помолвлен с внучкой Гиркана, кроме того, мать умна. Так считают. Ирод поверил сразу же. Он с самого начала не доверял

парфянам. Антигон — иудей, витиевато, подражая парфянам, говорит он об их мужестве, о дружбе, утверждает, что из Галилеи едут послы с известиями от Фасаила и Гиркана, и предлагает выехать им навстречу. Но уже вечер, и Ирод решил отложить поездку до утра. В общем-то это логично. У Антигона нет оснований настаивать, и он откланивается.

В лагере парфян начинается одно из бесчисленных и поэтому нелепых совещаний. Ирода можно упрекнуть в чем угодно, но не в медлительности. Его побег из Иерусалима — своего рода шедевр. Он собирает воинов, приказывает достать вьючных животных, на которых сажает мать, сестру Саломею, невесту Мариамну, ее мать Александру, сына Фасаила, прислугу и домочадцев. Он забирает всю казну, и около двух часов ночи караван через южные ворота покидает Иерусалим и направляется на юго-восток, в Идумею. Двое поскакали предупредить его брата Иосифа, а сам Ирод со своими воинами замыкал шествие. Вскоре их настигла погоня, не парфян, а иудеев, их противников, с которыми Ирод беспощадно расправился несколько дней назад. Ирод принимает бой и быстро обращает в бегство плохо вооруженный сброд. Эта победа дает ему выигрыш в несколько часов. И он задает себе один вопрос: придет ли подкрепление к парфянскому отряду раньше, чем караван Ирода достигнет одного из городов Идумеи, где может рассчитывать на помощь?

Место, где Ирод одержал победу над иерусалимскими иудеями, остается позади, за холмом. Через несколько лет в благодарность Богу Ирод воздвигнет здесь крепость Иродион, а пока... томительно идут минуты.

Парфяне, как обычно, действуют полумерами. Отряд, присланный в помощь Пакору, насчитывает около 500 человек. И теперь вместе с теми, оставшимися в Иерусалиме, их около 800, примерно столько же, сколько у Ирода. Развернув в цепь свой отряд навстречу парфянам, Ирод готовится отдать приказ, и в эту минуту под его матерью падает мул. Ирод впадает в отчаяние, первый и единственный раз в жизни. Это просто нервная реакция на происходящее, не более того. Смерть отца, пленение брата, падение матери — все выстраивается в одну цепь. Он воет, как дикий зверь, он грозит кулаками небу, правой рукой выгаскивает кинжал, закатывая в ярости рукав левой руки: хочет вскрыть себе вены.

«А что будет с матерью и Мариамной? — спрашивает его Офеллий, находящийся рядом. — Ты отдашь их парфянам?»

Вмиг очнувшись, Ирод бросает кинжал, указывает рукой вправо и влево и бросается на парфян. Те устали с ночи, они не ожидали отпора. Потеряв несколько человек, они отступают. Никто из парфян не преследует Ирода. Они искали его казну. Казну не нашли. При первых слухах о нашествии парфян Ирод отправил сокровища в Идумею, а остатки денег захватил с собой.

Парфяне начали с того, что обычно начинают делать победители, — с грабежей. Впрочем, отряд их был невелик, возмущение жителей нарастало очень быстро, и Пакор резкими гортанными призывами собрал свои отряды у дворца. Изнасилований в городе не было. Зная, как чувствительны иудеи к этому вопросу, он еще в дороге предупреждал своих воинов. Однако даже этот незначительный грабеж имел последствия. Народ был озлоблен, и тронуть имущество Гиркана, т.е. сокровища царского дворца: утварь, убранство, посуду — парфяне не решились. Во дворец был введен Антигон. Процедура водворения нового царя была жалкой и угнетающей. Парфян на «торжестве» было больше, чем иудеев, причем они также были раздражены. Денег у Антигона не оказалось, грабежи были запрещены.

Началось недолгое царствование парфян в Иудее. Их дикость и необузданность доставляли жителям немало неудобств. Иудея была свободной страной, она терпела Ирода (он хоть и происходил из побочной, что ли, ветви, но все же был с ними одной крови), а тут — парфяне. Война в Сирии только начиналась. Римляне отнюдь не считали себя побежденными, а геополитическое положение провинции Сирии было слишком важно... Дела требовали присутствия Пакора в Сирии, и ему предстояло решить, что делать с Гирканом и Фасаилом. Увезти с собой? Но зачем? Оставить в городе? В этом был определенный смысл, поскольку за них можно было попросить хороший выкуп, но тут таилась известная опасность. Антигон не пользовался никакой популярностью, и в Иерусалиме все больше распространялось такое общественное мнение: «А ведь как хорошо было при Гиркане и Фасаиле». Не надо было пренебрегать и весьма вероятным вторжением отрядов Ирода. Он отнюдь не был побежден. Крупный отряд, посланный в Мариссу Идумейскую, разрушил и разграбил город, не найдя в нем ни Ирода, ни сокровищ.

Парфяне сделали ошибку. Если иудеи, по крайней мере поначалу, были даже благорасположены к их приходу, то Идумея сразу и безоговорочно приняла сторону Ирода. Спротивление нарастало по минутам. К Мариссе мчались вперемежку конные отряды идумеев и арабов, в дикости не уступавшие парфянам, и те спешно ретировались. Основные их силы теперь покидали и Иерусалим.

Стояла глубокая осень. Шел дождь. Было зябко. Пакор продрог, он был раздражен и принадлежал к тому типу людей, которые от выпитого мрачнеют. Он пил, смотрел на пламя камина, пил и еще больше мрачнел. Немногочисленные царедворцы и Антигон, присутствующие на этом «вечере», почти не разговаривали, что было несвойственно для Востока, они пили и ели. Антигон ел молча, много, уткнувшись в тарелку и не поднимая головы. Мясо козленка было хорошо прожарено, но он не чувствовал вкуса. Решение неопределенное, необратимое и страшное вползло в комнату.

Пакор велел привести Гиркана. Стража вернулась со стариком. Ему уже было очень много лет, он был невысок, но держался прямо и гордо. Пакор встал, стоя осушил огромный рог вина и, покачиваясь с носка на пятку, начал что-то длинно и бессвязно говорить на смеси арамейского и парфянского. Его невозможно было понять, никто и не пытался. Оцепенение витало над людьми подобно двум большим крылам летучей мыши, огромной летучей мыши. Потом он потерял равновесие и облокотился на Гиркана, одной рукой хватая его за бороду, а другой упираясь в плечо. За счет давления на плечо Гиркана развернуло, и он упал. Голова Пакора, удобно упавшего сверху, устроилась у него на спине, чуть повыше поясницы. Потом он приподнялся на руках и резко бросил свое тело вперед, голова его оказалась рядом с головой Гиркана. Ухо старика оказалось прямо перед ртом Пакора. Парфянин аккуратно, как кролик, поедающий траву, губами вобрал ухо в рот и начал отгрызать его. Льву приятно, когда лань трепещет и цепенеет в его смертельных объятиях, может быть, этот древний животный инстинкт овладел сейчас Пакором. Гиркан глухо и коротко вскрикнул и потерял сознание. Парфянин перевернул его голову, точь-в-точь как голову барашка на блюде, и отгрыз часть второго уха. Затем он поднял кверху свое лицо, похожее на плоскую кровавую маску, и торжественно завыл. Хорошее настроение вернулось к нему.

Парфяне, привыкшие к различным и изощренным видам казни, не отреагировали, они много выпили и устали, была ночь, они засыпали. Антигон и два иудея, его свита, устали не меньше парфян. Видения множились, кружились хороводом у них в мозгу. Такого святотатства не знала история Израиля: диким образом низложен их первосвященник. Увечный не может руководить народом, избранным Богом, — таков закон, и Пакор несомненно знал его. Кружась по полутемному залу и играя со своими тенями, длинными и ужасными, он выкрикивал в сторону бездвижного тела: «Ты никогда больше не будешь править в Иудее!» Глумясь над стариком, он воображал себя покорителем Рима и даже целого мира. Что-то липкое и страшное, как кровь Гиркана, обволакивало его мозг. Потом он сделал знак, двое рабов подскочили к нему и под руки повели в опочивальню. За несколько шагов до двери он повернул свое окровавленное лицо к Антигону и вполне связно произнес: «Передай Фасаилу, завтра его очередь».

Царевича увели. В зале воцарилась тишина, пламя камина угасало. Антигон тяжело встал с ковра и вышел. Он пошел к темнице, в которой находился его заклятый враг Фасаил — бывший правитель Иерусалима. Теперь он, Антигон, будет править Иудеей, вернее только одним Иерусалимом, который стал парфянским. Он ухватился за решетку окна, что позволило ему удержаться на ногах. Ужас происшедшего несколько минут назад с Гирканом с ритмичностью метронома возвращался к нему и будет возвращаться до самой смерти. Человек из свиты принес стул, и Антигон сел. Ужас на время исчез. Он наклонился к двери, за которой находился пленный Фасаил, и начал говорить, говорить... и от этого ему становилось все легче и легче. Он рассказал о только что произошедшем, а также о событиях в городе, о том, что Ирод в добром здравии, равно как и вся семья Фасаила. И наконец объявил: «Завтра твоя казнь». Затем он ушел, уже твердой походкой.

А на следующий день, один из самых неудачных дней в жизни Антигона, после того как ему донесли о Фасаиле, к вечеру он узнал о странном и страшном предсказании, сделанном здесь же, в Иерусалиме, у стен храма. Пришелец — то ли ессей, то ли халдей, их много было в Иудее — сказал толпе, в этот промозглый и тусклый день мрачно взирающей на храм: «Его уши слишком коротки для власти, но уши того, кто укоротил их, окажутся вскоре слишком

длинными и соединятся с кожей». Что бы ни сулило это предсказание, оно не было добрым, но сказавший исчез, и искать его не имело смысла.

Фасаил скорее обрадовался словам Антигона — он узнал о спасении семьи и брата, и это было главное. Он и раньше не питал в отношении своей дальнейшей судьбы никаких иллюзий, а теперь тем более. Парфяне славились на Востоке своей страстью к мучениям пленников. Была абсолютная темень, даже свет луны не проникал в каменный мешок, где находился Фасаил. Именно камень пригодился сейчас ему. Нельзя сказать, чтобы он был в состоянии аффекта, скорее наоборот: спокойствие и решимость отличали его действия. В камере ничего не было, кроме циновки — вещи, совершенно непригодной для его решения свести счеты с жизнью. Внимательно водил он рукой по каменной кладке, и вдруг ему повезло: сантиметрах в двадцати над уровнем пола у двери, где толстая каменная кладка образовывала относительно острый выступ, камень поддался его рукам, возможно, его расковырял пленник или пленники, томившиеся здесь раньше. Он вынул камень, и обнажился острый каменный выступ. С нетерпением Фасаил дождался зари, несколько раз примерился и заставил себя упасть виском на этот выступ. Пакор после вчерашней пьянки не сразу и сообразил, что произошло. Равнодушно выслушал он донесение о смерти Фасаила, вяло махнул рукой, откинулся на подушки и попросил пить. Мужество Фасаила, не запятнавшего себя ни одной жестокостью, почему-то прошло мимо внимания историков, наверное потому, что он был иудеями и принадлежал к проклятой династии.

Младший брат Ирода, Иосиф, встретил его уже с очень приличным отрядом. Братья совещались. Иудеи, бежавшие с Иродом из Иерусалима, иудеи, также опасавшиеся нашествия парфян, небольшой отряд наемников, женщины — все они лишали их мобильности. Воевать с парфянами в этих условиях было нереально.

Ирод обратился с речью к толпе примкнувшего к его отряду гражданского населения и рекомендовал укрыться в Идумее. Своим великолепным голосом он понятно, доходчиво и зычно объяснил причины такого своего решения. Всем уходящим он дал денег на дорогу (300 талантов — это были все его деньги) — жест, привлекавший на его сторону определенное число воинов, из которых

сформируется в будущем постоянный контингент его гвардии. Практически всех женщин (около 800 человек) он повел с собой к Масаде. Эта крепость, как и Петра, считалась неприступной. Впоследствии римляне захватили и ту и другую, но с гигантскими потерями. Мужество защитников Масады до сих пор является национальной гордостью Израиля.

Глава 10

Предательство Малка

39 год близится к концу. Ирод пребывает в тоске: его старший и любимый брат Фасаил оказался в плену у парфян по собственной неосмотрительности. Разве можно доверять парфянам — лжецам и сынам лжецов? Ироду необходимы деньги для выкупа — 300 талантов. Сумма достаточно большая. Он направляется в Аравию, на родину своей матери, к Малку, царю. Не мог же тот забыть их многолетнюю дружбу. Ирод знает, что Антипатр не рисковал оставлять деньги в Иудее. Все полученные или завоеванные деньги он перевозил в Аравию, его деньги там, у Малка. Ирод берет с собой своего семилетнего племянника — сына брата Фасаила. Он едет в Аравию, предварительно известив царя. Дорога ему хорошо известна с юных лет.

Когда Ирод завидел трех всадников, утомленно скачущих навстречу, дурное предчувствие охватило его, клещами сжало сердце, уничтожило волю. Ирод останавливает свой небольшой отряд и ждет. Предчувствие не обмануло его. Один из посланцев передает письмо Малка, гортанно и выразительно повторяя смысл послания. Ироду предписано покинуть страну. Тому ничего не остается делать. Он круто поворачивает на северо-запад — не ехать же через пустыню. Малк допускает огромную ошибку: его письмо создает основу для пожизненной вражды. Как только Ирод повернул коня, прежняя ясность ума вернулась к нему, словно он едет, ведомый роком. Он на несколько сот метров опережает свой отряд, хочет побыть один. И через час возвращается к группе. Решение принято. Они едут в Египет. Один из всадников направляется на север предупредить отставшую свиту о месте встречи. Отряд Ирода направляется в Ринокоруру¹. Там его нагоняют сопровождающие. Отдыхает

¹ Порт на Средиземном море.

цельный день, запасается провиантом. На следующий день прискакал гонец с извещением о смерти Фасаила. После отца старший брат — самый близкий Ироду человек. Ирод едет неторопливо, чуть впереди, обычно говорливые иудеи молчат, они шадят его, сочувствуют ему.

Они движутся по очень пологому холму, там за гребнем долина, по которой основная дорога идет к Яффе.

Ирод долго едет в полной отрешенности, затем дает знак сделать привал, а сам проезжает чуть вперед. Его раб поясняет, что Ироду хочется побыть одному. Он поворачивается лицом к Иерусалиму. И сидит неподвижно. Солнце готово уже исчезнуть за холмом, приближая ночь. Ирод видит, как его длинная тень, тоже задумавшаяся и устремленная в своих молитвах в Вечный город, уже не одна: рядом с ней пристраиваются три другие тени — это тени шакалов, они неприятны, как и сами их хозяева, и Ирод велит прогнать их.

Ветер гнул траву к земле. Делал это он постоянно с завидным упорством, и Ирод, глядя на траву, думал о том, как много усилий иногда тратится напрасно. Земля была теплой, и трава тоже, и поэтому она потела и издавала хорошо знакомый запах — запах воспоминаний. И они, эти воспоминания, были сейчас как никогда конкретны, они, подобно жаркому и сухому ветру, так часто дующему в аравийской пустыне и обжигающему внутренности, пытались пробраться в мозг Ирода и сжечь его. Иногда им это удавалось, и тогда боль становилась невыносимой, и он, большой и сильный, с черной бородой, которую еще не посетила седина, повизгивал жалобно. И это повизгивание напоминало ему бляенье козлят, в огромном количестве бродивших по Петре, потому что козы были у всех — у богатых и бедных, знатных и самых захудалых родов.

В эти минуты он, повизгивающий, становился противен себе до невозможности, и воспоминания, словно боясь сильно раздражать столь властного и гневливого господина, группировались, превращаясь в конкретные видения.

Шакалы возмущались, пели и выли, как казалось, очень далеко, хотя, а Ирод знал это, они были не более чем в пяти минутах ходьбы, там за холмом, где Гиппик скармливал им печень недавно убитой косули и уговаривал их не мешать Ироду.

У видений были свои игры, они любили танцы, в которых постоянно менялся темп, становясь то быстрым и резким, похожим на дробный скрежет цикад, при этом картины менялись с непостижимой скоростью и раздражали, запечатлеть их не было никакой возможности, потом, словно устав, они танцевали плавно, ненавязчиво, и Ирод мог выбирать то или иное событие по своему желанию и вспоминать и грустить тихо-тихо. Но видения не отличались добротой, и когда им удавалось добраться до подсознания Ирода, они застывали в нем, словно скульптурная группа, рельефно и отчетливо, и тогда Ироду оставалось только ждать, пока они, словно бутон, не начнут раскрываться перед ним, чтобы он в полной мере осознал именно тот эпизод, который они хотели ему показать. И Ирод шел на поводу у воспоминаний, потому что противиться им он был не в состоянии. Он был в театре, у которого заперт выход, а так как зрелища разворачивались в его подсознании, то взгляд его мог отдыхать, блуждая в ночи, горькой и пахнущей травами.

Ирод был в Петре — городе своего детства, с традициями более чем странными: она была столицей кочующих племен, и потому ее не должно было существовать вообще, а она существовала, и если можно процветать в безводной пустыне, даже процветала.

Издавна она была прибежищем кочевников, совершающих набеги на соседние племена. В ней удобно было укрываться, несмотря на то, что скалы, созданные Творцом из красного песчаника, были непрочными и ветер долгие столетия трудился над ними, создавая из них красочный и меняющийся пейзаж. Песчаник был и в Египте, и в Иудее, но там он был другой, не такой красный и не такой податливый, поэтому ветер предпочитал Петру и здесь жил постоянно. И еще в Петре имелась вода. Ее было немного, и приходилось экономить, но она была, чистая и холодная, что опять же странно для пустыни.

Скалы, окружающие поселение, были круты и практически недоступны, а узкие многочисленные проходы переходили в ущелья. Племена набатеев, в давние времена облюбовавшие эти места, быстро оценили их географическое преимущество. На протяжении веков они укрепляли поселение только двумя способами. Рабы, жизнь которых они в грош не ставили, потому что те не были приспособлены для пустыни и умирали очень быстро, успевали за свою короткую жизнь наработать немного. Их место занимали другие

рабы. Время здесь ничего не стоило и текло медленно. Так же медленно продвигалась работа. Задача рабов – прорывать в песчанике узкие проходы, такие узкие, чтобы по ним мог пройти один сухощавый человек. В других местах, где горы с обеих сторон стеной стояли вдоль дороги, проход перегораживали камнями, нагромождая их один на другой. И к моменту описываемых событий Петра была почти недоступной. Она управлялась шейхами, потомками первых поселенцев.

Растительность была здесь скудной, и коров не держали, а только коз, поэтому пищи было мало. Но тут пролегла наиболее удобная караванная тропа, уходившая вглубь Аравийского полуострова и далее в Индию, а другая дорога вела на северо-восток, в Парфию. Караванщики платили дань, и этот источник дохода не пересыхал, но дани, как и пищи, всегда бывает мало и поэтому приходилось совершать набеги. География помогала мало: Египет отделяло Красное море, и был он далеко. Идумеи были свирепы, пожалуй еще свирепее набатеев, и порука в племени была круговая. У них не было деления на роды, и за каждого убитого идумея горой вставало все племя, и с ними предпочитали не связываться. А на севере и северо-западе, там, где сухие кусты тамариска сменялись растительностью сочной и пышной, простирались богатые водой земли иудеев. Они были другим племенем, чуждым для идумеев – ведь они пришли из Египта, и, как полагали набатеев, были еще хуже египтян. Набатейские воспоминания делали слабые попытки утвердиться в душе Ирода, но вдруг перед Иродом встало лицо Малка, тогда еще молодого, стройного, одетого в черное. Он был красив, но глаза были бегали, как у рабов, растирающих в маленьких глиняных мисках почву, содержащую соль: от попадающей в глаза соли они слезились, моргали и казались бегающими. А глаза Малка бегали по другой причине, и Ирод точно знал, по какой, – из жадности. Он хотел всего, что было в Набатее, и еще многое сверх этого. А когда им удавалось заполучить это «сверх», они становились черными и блестящими, как маслины.

Ирод помешал веточкой угли, сереющие от пепла, и подумал, что он все-таки плохо знает людей. Потом достал финикийские пресные ячменные лепешки. Поел. Встав с земли, он распахнул свою одежду, чуть надорвал ее, как положено законом, посыпал голову пеплом и приказал седлать коней. Близ Яффы его нагнали курьеры

от Малка. Двое из них — те же, что привозили первое послание несколько дней назад. Малк цветисто просит Ирода пожаловать в Аравию. Ирод читает письмо, слушает гонцов и угрюмо выдавливая из себя лишь одно слово: «Поздно». Затем не оглядываясь, Ирод продолжает путь. Он не забудет предательства: за короткое время он потерял отца, брата и родину своей матери. «О Адонай!» — мысленно обращается он к Единому. Но слово не покидает его уст: нельзя произносить имя Бога всуе.

«Почему мир таков?» — думает Ирод, и ему кажется, что из глубин темнеющего неба приходит ответ: «Мир таков, каков он есть». — «Тогда, — обращается Ирод к Богу, — почему на скрижалях нет заповеди Не предавай? — «Она была, эта заповедь, — слышит он голос, — но Моисей не смог донести ее людям».

И успокоение находит на царя. Он просит помощи у городских властей Яффы, чтобы ускорить отплытие, и тотчас получает ее. Через день корабль с Иродом и его свитой отплывает в Александрию.

Ирод много передумал за это короткое плавание. Он как бы подводил итог предыдущего этапа своей жизни. Он гол, без друзей, без денег, едет на поклон к Египетской царице, которую видел мельком один раз. В первое посещение этой страны он вообще не обратил на нее внимания. А теперь он готов отдать себя в ее полное распоряжение. Хотя между Египтом и Иудеей сейчас мир, но разве можно верить египтянам, о лживости которых говорил сам Цезарь? Но еще хуже египтян оказались друзья его молодости. Отказать ему в праве въезда на родственную территорию, на родину матери! Непостижимо! Они, чьи сердца вырублены из камня, а мозги похожи на страусиные, которыми его потчевали иудеи Александрии, не заслуживают доброго отношения. Рот Ирода наполнился слюной, он потребовал пищи, ел много, хищно, и его вольноотпущеннику казалось, что он видит кровь, капающую изо рта Ирода, хотя никакой крови не было.

Глава 11

Ирод и Клеопатра

Ирод многого ждал от поездки в Александрию, особенно от встречи с царицей Египта Клеопатрой. Почему? Он не знал. Таково было его предчувствие. Его предупредили, чтобы в одежде не было красного, гранатового или багряного цвета, столь любимого иудеями, но противного египтянам, ибо красный цвет принадлежит Сетху и является порождением зла¹.

Ирод надел черное и голубое с серебром — три цвета, сочетающие в себе покорность, чистоту и богатство. Он предпочитал эти цвета потому, что сам не обладал ни одним из этих качеств, да и просто другой парадной одежды у него просто не было.

Платье Клеопатры, зеленого, вернее, изумрудного, золотого и желтого цвета, повергло его в шок: оно играло, завораживало, гипнотизировало. Клеопатра, прекрасно разбиравшаяся в людях и обладавшая тонким психологическим чутьем, сразу почувствовала настрой мрачного Иудейского царя и тут же пришла в хорошее настроение.

«Она некрасива» — была первая мысль Ирода, оправившегося от шока.

«Он красив» — было краткое резюме Клеопатры. Но и у нее, и у Ирода это было только первое впечатление.

После секундной паузы глаза, изумрудные кошачьи глаза Клеопатры, подведенные сурьмой, широко раскрылись. Ирод видел только ее улыбку, прекрасные белые зубы. Он перестал замечать ее резковатые скулы, острый длинноватый нос, довольно большой рот. Он видел ее великолепную шею с нефритовым ожерельем, столь любимым египтянами, он поддавался ее чарам. Но щит недоверия, который оставила ему Смерть, взявшая взамен жизнь отца и брата,

¹ В папирусе Эберса все злое названо красным.

выдержал первую атаку Клеопатры. Очарование первого момента начало таять. Клеопатра не стала ждать, это было не в ее правилах, она заговорила первой. По-арамейски, без акцента. Она свободно владела четырьмя языками. Мелодичность ее голоса была удивительна. Он звучал как музыкальный инструмент, как колокольчик и свирель одновременно, он пел и убаюкивал; наверное, так пели Сирены, а может быть, таинственная птица феникс.

Клеопатра встала с трона, выполненного в форме продолговатого щита, покоящегося на четырех ножках, изображающих связанных пленных азиатов, согбленных под бременем этого щита. Подлокотники были сделаны в виде двух львов, мирных, не рычащих. Она направилась к Ироду, и эта вторая атака всего ее очарования, подкрепленная мелодией голоса, была сильнее первой.

Ирод даже не стал, вопреки тому, как он это делал обычно при встрече царственных или знатных женщин, задавать себе этот мужской вопрос: а какова она в постели? Он терял чувство уверенности, постепенно подчиняясь чужой воле, ее воле. Чтобы отвлечься, он стал озиаться по сторонам, пытаясь собрать свое внимание, свое мужество. Громада тронного зала выручила его. Зал был высок, уходя в небо; темно-синий потолок, усыпанный звездами, был бы, пожалуй, похож на звездное небо, как это и было задумано, но звезд было слишком много. И эта ошибка зодчих почему-то порадовала Ирода. Огромное впечатление производили колонны, выполненные в виде ливанских кедров и финиковых пальм. На коврах, застилавших пол, были изображены рыбы, раковины и морские растения, неведомые Ироду. Драпировка зала была голубой, ткань обильно была украшена бисером, серебряным шитьем и пластинками слюды. Пластинки слюды были дешевым, доступным и любимым украшением у жителей Петры, где в детстве часто бывал Ирод: Антипатр предпочитал держать семью подальше от злосчастной Иудеи. И эта знакомая с детства деталь вернула его в реальность. Царица мгновенно почувствовала смену настроения Ирода: он стал улыбчивее, спокойно поддерживал беседу, обстоятельно отвечал на ее вопросы, иногда зло иронизируя над самим собой. Кратковременная власть, которую над ним поначалу взяла Клеопатра, исчезла, когда Ирод сумел взять себя в руки.

Царский прием был продолжен на торжественном обеде. Огромное количество кресел стояло вокруг стола, но за обедом кроме

Клеопатры и Ирода присутствовало лишь несколько жрецов, бритых наголо и одетых в белое, молчаливых, странных, смотрящих не на Ирода, а поверх его головы. Около трех часов провели они за обедом. Разнообразие блюд не удивило Ирода, он воспринял это как нечто само собой разумеющееся. Он понимал, что традиции и обычаи Египта, восходящие к глубокой древности, должны быть отличны от иудейских.

Глаза Клеопатры менялись каждую секунду. Они иногда сжимались в узкие щелки, точь-в-точь как у сидящей у ее ног кошки, похожей на длинношеего сфинкса, хищного и ленивого. Статуэтки этого животного, как и многих других, отражающих верования египтян, встречались во дворце повсеместно. Это были идолы, и это было противно Единому. Но Клеопатра гладила зверька, так похожего на нее своей негой и грацией, что Ирод иногда завидовал им обоим. Впрочем, эти ассоциации занимали у него мало времени, не больше, чем длится один взмах крыльев бабочки. Он старался следить за нитью разговора, а это было нелегко. Клеопатра хорошо говорила по-арамейски, речь ее была звонка и мелодична, голос был ее любимым инструментом, и она играла им со всей страстью своей многогранной натуры, ласково и нежно баюкая Ирода.

«Так, наверное, поступают все сфинксы», — подумал Ирод. Он сосредоточил внимание на верховном жреце Бога Сераписа. Это помогло ему переключить часть сознания, освободив его от натиска Клеопатры. Жрец был могуч, и Ирод любовался им, как, может быть, восхищался бы породистым конем. Он был лыс, брит, высок и плечист. Нос его был мясист — характерный семитский нос. Глаза черные, злые и веселые одновременно и еще — умные. Он, казалось, с удовольствием слушал царицу и в то же время вел с Иродом молчаливый диалог. Даже чуть заметное движение век или наклон головы давали Ироду некую информацию. Эти двое с первого взгляда понравились друг другу. А Клеопатра была на другой стороне.

Замечала ли царица обмен взглядами верховного жреца и Ирода или нет — значения не имело. Она играла в привычную ей игру, она была на своей территории. Она чувствовала поддержку предков, которых так бессовестно обманули иудеи, и готовилась взять реванш. Она начинала хитроумную партию с этим чернобородым, как ассириец, царем, ее сверстником, почти одногодком. И в этой хитроумной женской игре все шансы были на ее стороне. И голос, и

речь, отточенная и живая, и осанка, и жесты, и мимика, и смех — все виды оружия старались обеспечить своей хозяйке победу.

Разговор шел, естественно, о блюдах. Как бы щадя обычаи гостей, к столу не подавали ни зайцев, ни тушканчиков, ни мясо свинины, так любимых египтянами. Царица, конечно, упомянула об этом. Хитрющая, узкоглазая, скуластая кошка. Она была в эту минуту не только некрасива — страшна и загадочна. И вдруг ее глаза вспыхивали, округлялись, становились огромными, на пол-лица, и она уже была нежной и внимательной собеседницей. И еще очень-очень красивой... И Ирод склонялся над очередной золотой тарелкой, стараясь уйти от этого наваждения, имя которому было «Клеопатра» и которую он сейчас прямо при жрецах готов был бросить на ковер. Царица чувствовала это. Она наслаждалась собой, едой, питьем, замешательством этого провинциала. И чтобы усилить свое преимущество, завоевать еще немного психологического пространства, сказала, указывая на два блюда: «Возьми, цаплю — она замечательна с травами, а вот моллюски с лимоном».

Какого-то подвоха за обедом Ирод ждал, и его настороженность сослужила ему огромную службу. Он вспомнил Писание: «Есть можно всех, у кого плавники и чешуя, в воде, в морях или в реках, — их можете есть. Все же те, у кого нет плавников и чешуи, в морях или в реках, из всех гадов водяных, из всех живых существ, которые в воде, — мерзость они для вас». И далее: «А из птиц вот этих вы должны гнушаться, нельзя их есть, мерзость они — орел, и гриф, и орел морской, и коршун, и сокол по роду его, и суч, и баклан, и ибис, и филин, и пеликан, и сип, и аист, и цапля...»¹

Конечно, он мог отказаться. Но не захотел, во-первых, из любопытства: в Иудее эта пища запрещена. Во-вторых, он вырабатывал для себя новые взаимоотношения с Предвечным, как называли Бога иудеи: у Ирода начало создаваться мнение, что, пребывая в Вечности, Бог становится несколько рассеянным, предоставляя людям самим решать свои проблемы, числа которым не было. А потому, съест или не съест Ирод запретную пищу, — большого значения для его взаимоотношений с Богом это не имеет.

Он согласно кивнул. Услужливые руки тут же подали ему оба блюда. Цапля была чуть жестковата, но других разных закусок было

¹ Вакра II Шмини, 10–19.

много. Он переел, чувствовал тяжесть, мозг его под влиянием выпитого вина тоже расслабился, обед пора было заканчивать.

Клеопатра ушла, ее ждали дела. Молодой жрец, данный Ироду в проводники, знакомил его с дворцом. Особенно поразили Ирода колесницы: боевая, запряженная львами, и парадная, с упряжкой из страусов. Познать дух Египта Ироду было просто необходимо: он увидел людей, вещи и обычаи, резко отличные от тех, с которыми он до сих пор встречался. Иудея копировала Рим, вбирала традиции греков, а Египет менялся мало, хотя население Александрии почти на 40 процентов состояло из иудеев.

Во дворе Ирод встретил маленького бородатого иудея, которого признал еще издали, — это был Николай Дамасский, будущий его верный спутник, а затем один из ближайших друзей Октавиана Августа и его биограф. Они обменялись немногими словами, но понравились друг другу.

Вечером Клеопатра прислала Ироду девушку Марьях, чтобы она познакомила Ирода со священными книгами и исполнила все его желания. Гостю предоставили во дворце роскошные покои с глубокой и мягкой постелью, с подушками, набитыми пухом цапель.

Девушка носила «девичьи локоны», что указывало на ее знатность, была хороша собой и, в отличие от Клеопатры, совершенно не подавляла Ирода. Она рассказала ему легенду о талисманах, которые использовал Александр Македонский для защиты Александрии при ее строительстве.

Когда было заложено основание города и начали возводиться стены, с моря каждую ночь стали приходиться какие-то животные, разрушавшие все, что было построено за день. Были выставлены часовые, но, несмотря на это, каждое утро оказывалось, что сделанное накануне — разрушено. После долгих размышлений Александр разработал план, как помешать морским чудушам, и приступил к его осуществлению. Он сделал ящик длиной в десять и шириной в пять локтей. Ящик имел стеклянные стенки, укрепленные в рамках с помощью дегтя и смолы. В него сели сам Александр и два искусных рисовальщика, затем ящик закрыли и отбуксировали в море двумя судами на указанное Александром место. Там к ящику прикрепили грузы

из железа, свинца и камня и с помощью тросов погрузили его в воду. Поскольку стенки ящика были стеклянными, а морская вода прозрачной, Александр и два его спутника, оказавшись на дне моря, могли наблюдать за морскими чудовищами, плавающими вокруг. Они увидели, что чудовища эти имеют человеческие тела и головы животных. У одних в руках были топоры, у других – пилы, у третьих – молотки, и все они были очень похожи на рабочих. Когда чудовища проплывали мимо ящика, Александр и его спутники старательно зарисовывали на бумаге их ужасные морды и фигуры. Когда все было сделано, по сигналу Александра ящик подняли из воды. На берегу Александр приказал своим мастерам сделать из камня и металла изображения морских чудовищ, используя в качестве образца выполненные под водой рисунки. Когда работа была закончена, он приказал установить изваяния на пьедесталах вдоль морского берега.

Работы по строительству города возобновились. Ночью из моря вновь вышли чудовища, но, увидев на берегу свои изваяния, повернули назад, и никто их больше не видел. Однако, когда город уже был построен и обжит, морские чудовища появились вновь. Каждую ночь исчезали люди. Чтобы прекратить это безобразие, Александр установил талисманы на колоннах, сохранившихся до сего времени. Каждая колонна была высотой 80 локтей и стояла на медном цоколе. Талисманы были помещены у основания колонн и представляли собой изображения или статуи с соответствующими надписями¹.

На следующий день Ирод посетил храм бога Сераписа. Тут и там стояли статуи Сехмет – грозной богини войны с львиной головой. Каменная львица Сехмет была так же противна, как и ее живой усатый прообраз.

Рядом с Сехмет часто присутствовал ее сын Нефертум – юный бог, восседающий на лотосе и абсолютно довольный собой. Он по-

¹ Les Praires d Or. B. ed Meynard and Pavet de Courteille. Paris, 1861, t. 2, p. 425 ff.

нравился Ироду. Некоторые божества особенно заинтересовали Ирода: например, Нейт — богиня войны и охоты с луком в руке, ассоциировалась с короной Нижнего Египта. Самым занимательным из божеств, пожалуй, был Бэс — кривоногий карлик с ехидной гримасой, одетый в шкуру льва со свисающим хвостом. Считалось, что он — охранитель от злых сил и покровитель семьи. Бэс был уродлив, но не противен, он не носил масок, а изображался таким, каким был.

Куда более неприятной оказалась богиня Хатхор, к которой его повела сама Клеопатра. Богиня любви и веселья — мрачная и строгая, с коровьими рогами на голове производила отталкивающее впечатление.

Клеопатра любила пекторали¹, искусно выполненные из серебра и золота. У нее было много и других украшений: стилизованные изображения птиц, животных, змей или цветов в виде застёжек, браслетов и значков. И Ироду это нравилось, правда, только в первое время.

А вечером Марьях читала ему «Книгу мертвых».

Владыка истины, приношу тебе самое истину: ни одному человеку не сотворил я зла, нарушив клятву. Не сделал несчастным никого из моих ближних. Не позволял себе сквернословия и лжи в доме истины. Не дружил со злом. Не причинял сам зла. Повелитель страны, я не принуждал подвластных мне людей работать сверх сил. Никто по моей вине не стал боязливым, калекой, больным или несчастным. Я не делал ничего, что отвратило бы от меня богов. Я не истязал раба. Не доводил до слез. Не убивал. Не принуждал другого к вероломному убийству. Не лгал. Не расхищал имущества храмов. Не уменьшал доходов, жертвуемых богам. Не крал хлеба и опоясок у мумий. Не содеял греха со жрецом моего округа. Не отнимал и не урезывал его именья. Не употреблял фальшивых весов. Не отнимал младенца от груди его кормилицы. Не совершал зверских поступков. Не ловил сетями жертвенных птиц.

¹ Шейное металлическое украшение, облегающее грудь и плечи. — Прим. ред.

*Не вредил разливу рек. Не отводил течения каналов. Не гасил огня в неположенное время. Не похищал у богов жертвенных даров, которые они выбрали для себя. Я чист...
Я чист... Я чист...*

Клеопатре вскоре надоела эта идиллия. Через несколько дней Марьях исчезла, а к Ироду была приставлена другая девушка, но она почти не знала его языка, и Ирод прогнал ее. Вскоре он покинул Александрию. Но о Марьях долгие годы вспоминал он с огромной нежностью, в особенности после смерти Мариамны.

Глава 12

Царь Иудеи

Третье путешествие Ирода в Александрию можно было считать удачным. Он перестал комплексовать, этот огромный город теперь стал понятен ему, и это было главное. Алебарх иудейской общины принял его с почетом и обеспечил вполне достойное существование. Он даже получил от него в подарок некую сумму денег конфиденциально. Это не для ушей египтян.

Ему стала понятна и Клеопатра. Она охотно разделила бы с ним постель, он это знает, чувствует, но страстность Клеопатры привлекает его гораздо меньше, чем многочисленные гетеры Александрии. Спутники Ирода заметили, что в отношениях с Клеопатрой он постоянно держит оборону, редко улыбается и вовсе не дает хода своему могучему обаянию.

— Почему? — спросили они Ирода. — У вас ведь нет секретов друг от друга.

— По двум причинам, — ответил Ирод. — Гетеры значительно дешевле, и я не настолько глуп, чтобы портить отношения с Антонием, которому доброжелатели немедленно донесут, что было и чего не было.

Конечно, он прав. И тысячу раз прав в отношении Антония.

У Ирода в Масаде находились все его близкие. А еще там был демон мести — набирающий силу, взрослеющий. В конце 40 г. до н.э. Ирод покидает Александрию.

Антоний был неплохим полководцем. Правила римской армии просто исключали случайности в продвижении по службе, и Антоний честно тянул лямку. Ему удалось организовать оборону Тира, но что дальше? Войск у него нет. Кроме того, Перузианское сражение проиграно. В феврале 40 г. до н.э. Перузия капитулировала. Антоний в полной мере осознал силу молодого Октавиана. Он

направляется в Рим, но не напрямую. Вначале он едет в Грецию, где в Афинах встречает свою жену — Фульвию. Это она развязала войну с Октавианом, она защищала Перузию, она и сдала ее. Октавиан, как это он много раз делал впоследствии, проявил избирательное благородство: Фульвия с детьми отпущена на свободу. У Антония есть и причина, и повод для разрыва с Фульвией. Причина — Клеопатра: весной 40 г. до н.э. она родила ему близнецов — мальчика и девочку. Повод — проигранное сражение, и он отвергает жену, которая вскоре умирает в Сиклоне.

Сложные перипетии римской политики позволили Антонию беспрепятственно высадиться в Италии, и в сентябре 40 г. до н.э. он и Октавиан в Брундизии заключают знаменитое соглашение о разделе провинций. Оно таково: Итальянская провинция — общее владение; Африка управляется Лепидом; провинции к востоку от Скодра (Шкодера) — Антонием; западные провинции — Октавианом.

Для полного прекращения распрей и гражданской войны Антоний женится на родной сестре Октавиана — Октавии. Свадьба состоялась через месяц. Октавия — полный антипод Клеопатры. Это самый яркий образ римской матроны: умна, спокойна, рассудительна, добродетельна. Никто из современников не мог сказать о ней ничего плохого, а уже если кто и досаждал ей, так это Октавиан, вначале отнявший у нее сына Марцелла, а затем и зятя Агриппу, и все это ради своей дочери Юлии.

Октавия уже была замужем и, конечно, знала о Клеопатре, но это ничего не меняло. Брак их заключается по политическим соображениям, но он прочен, пока. Октавия — полная противоположность Антонию, но она, как десятки других женщин, в том числе и Клеопатра, влюбляется в него без оглядки. Он удивительно обаятелен при всех своих недостатках. Конечно, ему не хватает аристократизма, выдержки, артистизма, но, может быть, эта мальчишеская искренность так и очаровывает всех. Антоний в объятиях Октавии тоже, по-видимому, чувствует себя неплохо. Конечно, он не забыл о Клеопатре, но время и расстояние размывают ее образ, он становится зыбким, как испарения на болоте.

Ирод прощается с Клеопатрой и направляется в Рим. Чары царицы Египта не смогли удержать его, приверженность Ирода семье видна, как говорится, невооруженным глазом. Клеопатра знает, что он говорит правду, знает она и то, что он дружит с Антонием. Она

передает для него с Иродом маленькие портреты их детей, инструктирует Ирода, что нужно сказать Антонию. Деньги она ему тоже дает, небольшие, на дорогу. Он отплывает в самое неудачное время года — штормит. Через несколько дней плавания раздражается страшная буря. Полузатопленный корабль, начисто лишенный такелажа, прибывает к Родосу. Багаж Ирода пропал. Осталась небольшая часть золота, находящегося в поясном ремне. И здесь Ироду улыбается удача. Совершенно случайно на пристани он встречает двух друзей — Птолея Дамасского и Сапшиона, оба они проримски настроены, оба бежали от нашествия парфян.

Родос разорен в войне с Кассием, но городские власти изысканно любезны с Иродом — другом римлян, другом Антония и врагом парфян. Ирод растроган. Он нищ, без багажа, без вооружения, он умеет ценить великодушие. Городские власти помогают ему снарядить трирему, его собственных средств для этого не достаточно. Через несколько лет, став царем и окрепнув, Ирод вернет Родосу все сполна.

Первая серьезная встреча с морем, соленость брызг, качка, страшная буря не запугали Ирода — наоборот. Эта буря создавала полную гармонию с его бурным темпераментом, гипнотизируя Ирода и ввергая его в забвение. Он влюбляется в море на всю жизнь. Без приключений высаживается он в Брундизии, без приключений прибывает в Рим. Антонию докладывают. Быстрым шагом, почти бегом бросается он к Ироду, сжимает его в объятиях, целует. Ведет к себе. Если Антоний привлекает своей искренностью, Ирод — обстоятельностью. Медленно, в восточной манере, с описанием деталей ведет он свой рассказ. Естественно, он говорит только о Клеопатре, об ее уме, привлекательности, об очаровательных малютках — детях Клеопатры и Антония. Антоний слушает его не прерывая. Он всем своим существом уже в Египте. Он услышал все, что хотел, и они переходят к проблемам Ирода. Тон изложения его совершенно меняется: минуту назад это был восточный сказитель, теперь он — воин. Четко, скупно, сжато, как в военном рапорте, рассказывает Ирод о делах Иудеи, о гибели брата, о пленении Гиркана, о своей семье, оставшейся в Масаде. Антоний задает несколько профессиональных вопросов относительно строя и тактики конной атаки парфян. Ирод деловито отвечает. Потом они молчат несколько секунд, и Ирод говорит: «Я нищ, но мне надо в Иудею».

Достоинство, с которым Ирод говорит, воспоминания о Клеопатре и об отце — Антипатре, с которым бок о бок воевал Антоний, вызывают у Антония бурные положительные эмоции. «Ты будешь царем Иудеи», — решает Антоний.

Он поселил Ирода близ своего дворца и обстоятельно принимается за дело. Редкий случай, когда Антоний выступает в роли дипломата, и весьма умелого. Вначале он велит найти всех знатных римлян, причастных к походу Цезаря. К вечеру у него имеется полный список. И тут очередная удача находит Ирода: в списке есть его друзья — Азиний Поллион и Марк Валерий. Есть и Мессала Корвин — выдающийся оратор, государственный деятель и дипломат. Ранее он принадлежал к партии Брута и Кассия, пользовался в армии почти таким же авторитетом, как и они сами, вовремя бежал к Октавиану, был прощен им и с той поры является его ярким сторонником.

Азиний Поллион, пожалуй, еще более колоритная фигура. Он вовремя пришел на помощь Цезарю в Египетскую кампанию, успешно руководил военными операциями в Испании, перешел с семью легионами к Антонию. Он богат, знатен и высокопорядочен. Когда Август попросил его отправиться с ним на войну против Антония, он ответил: «Услуги, оказанные мною Антонию, слишком велики, а его благоволение ко мне слишком известно. Поэтому я уклонюсь от вашего спора и лучше стану добычей победителя»¹. И еще, Азиний Поллион в одном из сражений был прикрыт Антипатром, отцом Ирода. Тот отклонил щитом копье, брошенное в Поллиона. Неблагодарность не присуща Азинию. И еще, он был умен и ироничен.

Вечером римляне совещаются. Утром следующего дня Мессала, которому Октавиан полностью доверяет, информирует его о приезде Ирода и о желании Антония назначить его царем Иудеи. У Октавиана нет возражений. Проримские настроения Ирода ему хорошо известны, он также чтит все, что связано с его дядей Юлием Цезарем. Мессала напоминает Октавиану детали Египетской кампании. Решение принято. Через несколько дней собирается Сенат.

Вначале Мессала, а затем сенатор Атратин представляют Ирода. Внешность молодого человека производит благоприятное

¹ Патеркул В. В кн.: Малые римские истории. М.: Ладомир, 1996. С. 71.

впечатление на сенаторов. Заслуги его, а в особенности его отца, который так эффектно поддержал Цезаря и о которых сейчас так красочно говорят выдающиеся ораторы, не вызывают сомнения. Антигон, посаженный на трон в Иерусалиме парфянами, заочно враждебен для них. Он приказал казнить Фасаила, брата Ирода. И когда Антоний говорит, как важно иметь на своей стороне Ирода в предстоящей Парфянской войне, сомнений у сенаторов нет. Гай Азиний Поллион, бывший в тот год консулом, кратко резюмирует слушание. Голосование проходит единодушно — редкий случай для Сената. Так в январе 39 г. до н.э.¹ Великий Рим утвердил назначение Ирода Иудейским царем. Он стал основателем последней династии, которая будет править Иудеей до гибели храма в 70 г. н.э.

После окончания заседания Сената Ирод, которого с одной стороны держит за руку Антоний, а с другой — Август, выходит из здания. Они направляются в Капитолий, чтобы принести жертву и зафиксировать состоявшееся решение. Это момент величайшего триумфа Ирода, все его поздравляют. Вечером он обедает у Антония. Среди многочисленных здравниц особенно важно выступление Поллиона. Он говорит о мужестве отца Ирода — Антипатра и кончает, обращаясь к царю Ироду, сакраментальной фразой: «Мой дом — твой дом». Гости аплодируют. Дружбе Поллиона с Иродом суждена была долгая жизнь. Охладел Поллион к Ироду только незадолго до его смерти, когда Ирод казнил своих сыновей Александра и Аристовула, к которым Поллион был привязан, так как они воспитывались у него в Риме.

Через несколько недель, ранней весной 39 г. Ирод прибыл в Птолемаиду.

¹ 2 шевата по иуд. летосчислению.

Глава 13

Возвращение Ирода в Иудею

Ирод — новоиспеченный, узаконенный Великим Римом царь Иудеи. И в то же время провинциал. Что видел он до этого? Войны; Сирию, как две капли воды похожую на Иудею; Идумею, патриархальную и дикую; Набатею, где солнце плавило воздух. Красочная Александрия, яркая и изменчивая, как и сама ее правительница Клеопатра, поразила Ирода. Но Египет во многом был еще более консервативен, чем Иудея. Иное дело Рим — живой, остроумный. А отцы-сенаторы (их было около 400) активно интересовались гражданскими делами, чем разительно отличались от членов Синедриона. Ирод был космополитом, он был влюблен в Рим, его порядки, обычаи. Он хотел все о нем знать, и нужен был человек, который смог бы дать царю хотя бы первые сведения по истории, культуре, гражданскому праву, рассказать о войске и войнах и о многом, многом другом. И судьба в лице Азиния Поллиона улыбнулась Ироду. Потому что в Риме не было для этой цели более подходящей фигуры, и Ирод с благодарностью принял его менторство.

Гай Азиний Поллион был незаурядной личностью, всадником, прославившимся благодаря своему многогранному таланту. Ближайший сподвижник Юлия Цезаря, он дрался с ним бок о бок, был с ним рядом, когда тот осматривал отрубленную голову Помпея. Впоследствии в написанной им «Истории Рима» он отразил свои впечатления. Именно к нему в палатку заглянул Юлий Цезарь и оставался у него до рассвета того знаменитого дня, когда он обронил знаменитую фразу: «Жребий брошен, Рубикон перейден». А еще он был претором в Испании и получил триумф в 30 г. за победу над далматами.

Философ, оратор, историк, сумевший завоевать любовь столь непохожих друг на друга Юлия Цезаря, Марка Антония и Октавиана Августа, он прекрасно чувствовал некую стеснительность Ирода,

который никогда не скрывал свою провинциальность. И ему нравилось завоевывать этого восточного царя. Он был ненамного старше Ирода и прожил долгую жизнь — с 76 г. до н.э. по 5 г. н.э. Вряд ли он мог предвидеть несчастную судьбу своего сына — Азиния Галла, зверски умерщвленного Тиберием. Невысокого роста, крючконосый, внешне очень похожий на своего отца, Азиний был смел и ироничен. После смерти отца — Октавиана Августа Тиберий ломал комедию, заявляя о своей непригодности к единодержавию, умилялся себе и твердил, что согласен руководить любой частью государственных дел, которые ему поручат отцы-сенаторы. Азиний Галл, будучи в то время тем самым отцом-сенатором, задал ему, казалось бы, невинный вопрос: «Прошу тебя, Цезарь, указать: какую именно часть государственных дел ты предпочел бы получить в свое ведение?» Комедия этим вопросом была испорчена. Тиберий не забыл этого. Он вообще ничего не забывал. И еще он не мог простить Галлу, что тот каждый день мог видеть наготу той единственной женщины, которую любил Тиберий. Галл женился на ней после того, как Тиберий по приказу Октавиана Августа дал ей развод, ибо его долг был жениться на Юлии.

В 43 г. до н.э. Октавиан издал закон о привлечении к суду всех, кто участвовал в покушении на Гая Юлия Цезаря: вина инкриминируется Марку Бруту, Гаю Кассию и Дециму Бруту. Тогда Азиний Поллион и Мунаций Планк поддержали Антония. Впоследствии, во время конфликта между ними и после битвы при мысе Акции, Октавиан предпочитал не вспоминать прошлое и всегда благоволил к Поллиону. Небольшая размолвка между ними произошла только один раз. Октавиан, меценатствующий и покровительствующий богеме, не мог простить ему то, что Вергилий именно ему посвятил свои буколики. Впрочем, Божественный дулся не долго.

Сейчас, когда у Октавиана и Антония была масса своих проблем, именно Поллион отвечал на все вопросы Ирода, ничего не скрывая, не приукрашивая реальность. И Ирод учился по 18 часов в сутки. Азиний Поллион предоставил ему наставников во всех областях знания, которыми интересовался новоиспеченный царь. Азиний Поллион очень гордился собой: Ирод во многом был ему обязан своей проримской ориентацией. Сыновей царя Ирода — Александра и Аристовула он впоследствии опекал с не меньшим энтузиазмом.

Но всему приходит конец: Ироду пора было возвращаться в Иудею. Поллион не только заплатил за корабль, но дал ему и некую сумму денег, которая была Ироду просто необходима.

Вступив на борт корабля, Ирод не только не забыл уроки Поллиона, но начал переосмысливать их, оставляя в долгой памяти наиболее яркие впечатления.

Рим, величественный и величайший, так не похожий на Александрию, ошеломил Ирода: он был велик даже по сравнению с Александрией. Ирод видел грозные фаланги римских легионов и конницу парфян, атаки войск различных племен, участвовал в десятках сражений, он осознал великую силу римской организации, сделавшей этот народ на тысячелетие безусловным духовным лидером цивилизованного мира. Он сидел в офицерских собраниях, жадно прислушиваясь к чужой речи, к чужим воспоминаниям, он старался из бессвязных, туманных и обрывочных речей слепить некий образ того могучего Рима, которому подчинялось Средиземноморье. Но то был другой Рим — Рим его воображения.

Теперь, когда этот гигантский город остался позади и свежий морской воздух холодит лицо, Ирод может привести в порядок свои мысли, подытожить впечатления. Он восприимчив к языкам и еще в молодости, бродя с отцом и братьями по римскому лагерю, легко схватывал язык; в Иудее и Сирии, где он пребывал в последние годы, недостатка в римлянах не было. Купцы, торговцы, изгнанные политики, отставные солдаты, празднующиеся, репатрианты — им не было числа. Мир предпочитал говорить по-гречески и по-латыни, конечно, это не относилось к Иудее и Египту.

Ирод присутствовал на заседании Сената. Он понимал почти все, что говорили отцы-сенаторы. Проблемы огромной Римской империи стекались сюда и решались быстро и профессионально. Этому способствовало единое и великое право, знаменитое римское право, оттачивающееся на протяжении столетий. Это был свод правил, регламентирующих светскую, хозяйственную жизнь и допускавших только одно толкование. Юпитеру Капитолийскому не было места в Сенате. Он, как и Минерва, мог присутствовать здесь только в виде статуи. На богов могли ссылаться, их могли призывать в свидетели, но полагались сенаторы, впрочем, как и весь римский народ, только на самих себя.

Иное дело — Иудея и Египет. Три этих государства существовали в одно время, но их миры не пересекались между собой.

Египет был устремлен в будущее. Конечно, как и любой народ, египтяне заслуженно гордились традициями, пирамидами, обычаями, но основное, главное, стрелевое устремление их было странным: этот великий народ интересовался будущим, но только тем будущим, которое ждало его после смерти; настоящее занимало его меньше.

Римляне жили настоящим. Мир вертелся вокруг них, вокруг Вечного города, где они жили, вступали в панибратские отношения со своими богами, пили вино, презирали варваров — правда, не всех. Среди других народов тоже попадались дельные люди. Ирод судил по себе.

У Иудеи не было ни загробного будущего, ни бездумного настоящего. Подобно знаменитой клятве Гиппократы: «Врачу — исцелись сам», девизом Иудеи было: «Перед Богом совершенствуйся сам». Но это была слишком общая и малореальная задача. И она вовсе не помогала в настоящей или будущей жизни. Другое дело — прошлое. Великое прошлое этого народа пело и цвело всеми цветами радуги около каждого дома, около каждого собрания, но горькими были плоды этого цветения. Они были ирреальны, их нельзя было увидеть, осязать или обонять. Они попадали в сердце каждого иудея, попадали и исчезали. И каждое их исчезновение, а их было много, отнимало у сердца частицу тепла. Народ как мог боролся с этим холодом, нельзя же все время гоняться за воспоминаниями...

Реальность этого мира, воплощенная в мраморе, в акведуках, в бассейнах с прекрасными рыбами, в купающихся и хохочущих девушках и матронах веселой каруселью вертелась перед ним. Это все или почти все с позиций правоверного иудея было святотатством. Что Египет, Александрия и Клеопатра! Те шутки, которые устраивала Египетская царица, подсовывая Ироду запрещенные блюда, были мелочью, пустяком, милой забавой обаятельной и расчетливой царицы. Конечно, и в Риме шутили. Те замечательные блюда, которыми угощали его Антоний и Поллион, все готовились с нарушением иудейского Закона. И Ирод внутренне плюнул на запреты, раскрепостился, он ел и пил наравне с римлянами, а его рассказы, немного коверканный язык вызывали только добродушный смех присутствующих. Он был иудеем, но *их* иудеем. Ирод

вспомнил один из эпизодов, когда он ел устрицы, огромные устрицы с лимоном, запивая их превосходным вином, и твердо решил, что народ, который ест такую пищу, заслуживает чести владеть над миром. Он обедался под доброжелательные и вопрошающие взгляды приглашенных. Все знали, что иудеям запрещено есть устриц, и Поллион, прекрасно чувствующий ситуацию и всегда приходящий Ироду на помощь, произнес, вставая с кубком в руке:

— Я расскажу один забавный эпизод. Когда я еще совсем молодым, с отцом этого царя, моим спасителем, я участвовал в Египетской кампании.

Этой фразой Поллион сказал многое: тем, кто мало знал Ирода, он объяснил, что отец его в Египетскую кампанию был на стороне римлян, и еще он сказал, что отец Ирода спас ему жизнь.

— В Египте устриц едят те иудеи, кому это доступно. И я спросил у одного мудреца, весьма почтенного и почитаемого в Пелусии: равви, ведь Бог запрещает иудеям эту пищу. Почему же запрет нарушается? И он ответил мне чуть нараспев: «Господь запретил есть те продукты моря, которые не имеют чешуи, не потому, что они вредны или не имеют вкуса, отнюдь...» Старик объяснил мне вот что: все, что имеет чешую, — подвижно; рыбу можно поймать, приложив труд, — это понятно. Приливы, волны, буря, течение выносят на берег раковины, много другой пищи, которую можно собирать как манну, не прикладывая усилий, а манна — это особая пища и не может даваться каждый день. Народ, который каждый день получает пищу, не прикладывая усилий, вырождается. Согласитесь, — сказал Поллион, — что в этой идее есть великий философский смысл.

— Он слишком велик для нас, — заметил кто-то из гостей.

Через минуту прежнее оживление царило за столом, но Ирод запомнил рассказ Поллиона.

А сейчас, когда корабль мерно покачивало на волнах, Ирод думал о другом: он думал о банях, в которые не пошел, так как не мог себя превозмочь, и которые были так же далеки от иудейских традиций, как и та луна, к которой, казалось, можно было добежать по волнам по дорожке света, там, за кормой. И еще он думал о состязаниях атлетов в цирке. Он бывал на римских празднествах — в Дамаске, но это было бледным отражением или пародией на римские выступления.

Ирод высадился в Птолемаиде и потребовал новостей. В особенности его интересовала Масада: там его мать, сестра и Мариамна. Весь римский период своего путешествия Ирод пребывал в воздержании. Не потому, что в Риме не было гетер, наоборот — их было множество, и Антоний неоднократно, хлопая Ирода по плечу, предлагал ему ту или иную танцовщицу. Ирод дал себе зарок. Освобождение своих близких он неким образом поставил в зависимость от своего воздержания. Он выполнил свой зарок, близкие вернулись к нему, но больше никогда в жизни он не давал себе обещаний подобного рода.

Кто знает, насколько далеко зашел бы Ирод в своей любви к Риму — обаяние личности Азиния Поллиона было очень велико. Однако вскоре после вступления на землю Иудеи Ирод призвал к себе Шамаи — тот был у него кем-то вроде духовника — и коротко пересказал свои приключения, вздохнул и задал вопрос:

— Рабби, римляне, использовавшие знание греков, мудры. Может быть, и нам следует перенять их знание?

Шамаи долго сидел молча, потом ответил:

— Иди и найди момент, который не был бы ни днем, ни ночью, и тогда посвяти себя в нем изучению греческой мудрости. Каждый народ умен и мудр по-своему. Их мудрость другая, она не любима Сушим, когда-нибудь ты поймешь это.

И земля Иудеи как бы вторила словам мудреца. Ирод по-прежнему любил красоты Рима, видно, так было угодно Сущему. Но многое, о чем он говорил с Поллионом и другими римлянами, стало размываться и исчезать в дымке забвения...

Глава 14

Масада

Крепость Масада считалась неприступной. Расположенная амфитеатром на каменистой скале, она потребовала лишь небольших инженерных вмешательств, чтобы стать первоклассным сооружением. Амфитеатр был невелик, чуть более 300 метров в поперечнике, огороженный зубчатой каменной кладкой. Около 2 тысяч человек могли защищаться в крепости до трех лет — на этот срок хватило бы запасов продовольствия. Однако воды в крепости не было, ее количество целиком зависело от капризов погоды. Бассейнов и цистерн с водой хватало ровно на три месяца. При условии засушливого климата это не много.

Масада, ставшая легендой и продержавшаяся против легионов Тита почти три года, так и осталась непокоренной. В 75 г., когда солдаты молниеносного легиона сумели взобраться на ее стены, они обнаружили женщину с двумя детьми, изнывающих от жажды, и около 960 защитников крепости, покончивших с собой. Но первое крещение ее защитники получили задолго до вторжения римлян — в 40—39 г. до н.э., когда крепость осадили парфяне и воины Антигона.

Троим женщинам Ирода в Масаде предоставили все лучшее, что было в крепости. Эти трое: мать Ирода — Кипра, его сестра Саломея и невеста Мариамна, которой было только 13 лет. Нередко люди, попавшие в экстремальную ситуацию, становятся друзьями. Тем более, что у этих троих был достаточно сильный объединяющий фактор — Ирод. Но этого не произошло. Тому есть несколько причин. Одна из них та, что мать и дочь и так были близки. У них смежные комнаты, они день и ночь говорят о своих делах. У них общие воспоминания. Они все время были вместе в Идумее, Петре, Иудее. А Мариамна появилась у них недавно. Естественно, Кипра и Саломея ничего не имеют против нее. В конце концов, она

избранница Ирода. Вместе они бежали из Иерусалима, вместе переживают лишения. И она знатна, она царская внучка. Для незнатного Ирода — огромная удача породниться с династией Хасмонеев. Но их совместные разговоры длятся несколько минут. Короткие приветствия, пара малозначащих фраз и — все.

Мариамна в сопровождении служанки гуляет иногда внутри крепости. К стенам ей строго-настрого запрещено подходить. Шальная стрела, например, может залететь во двор. И она все больше замыкается в себе. Защитникам крепости не до нее, да и опасно заговаривать с невестой Ирода. Нрав его уже хорошо известен в Иудее. Настроение у Мариамны грустное, да еще ее стали донимать дурные запахи. В Масаде достаточно продовольствия, но воду строго нормируют. Мариамна, привыкшая к каждодневным омовениям, невыразимо страдает без воды, по каплям экономит она влагу, предпочитая находиться весь день в своей небольшой каменной келье, и ей еле хватает воды на ежедневные обтирания. Мариамна замкнута и молчалива. Иное дело мать и дочь. Они шумны и говорливы. Им тоже запрещено подходить к стенам, но любопытство и храбрость — отличительная черта членов семейства Ирода. Подолгу, прикрытые щитами, стоят они на стенах, рассматривая гарцующих на конях далеко внизу парфян и иудеев. Постоянной осады крепости нет. Воины противника появляются вблизи крепости, выпускают несколько стрел и снова исчезают. Мать и дочь, одетые в многослойные одежды, целый день бродят по крепости, они здесь свои. Но они потеют, для них, выросших в Идумее и Петре, жара — естественное состояние. Пот тоже. Но в те редкие минуты, когда они встречаются с Мариамной, она чувствует их приближение за несколько метров. Тяжелый запах немых тел вмиг заполняет пространство, на котором они общаются. Так продолжается более двух месяцев, и в подсознании Мариамны складывается четкий стереотип: Кипра и Саломея вызывают у нее неприятные ассоциации, и от них некуда деться.

К концу третьего месяца Иосиф, младший брат Ирода, принимает решение. Утром следующего дня он и двести его приближенных собираются прорваться к арабам, к Малку, который дал понять, что сожалеет о случае с Иродом и готов принять его брата. План Иосифа имеет определенные шансы на успех. Отряд Антигона ненамного больше его собственного, а воины противника

рассредоточены по всему периметру крепостных стен Масады. Внезапность прорыва и компактность группы осажденных дают значительные шансы на успех.

Зима — единственное время, когда в Масаде идут дожди, и ливень, разразившийся ночью, — словно ответ на их долгие моления. «О Адонай! Будь благословен, Понимающий и Дающий». Цистерны заполнены, в бегстве нет смысла. Как удобно в предрассветной мгле, в «час быка», по определению китайцев, когда спать хочется более всего, совершить внезапную вылазку и изрубить хотя бы нескольких сторонников Антигона. Вылазки и засады, которые устраивает Иосиф, руководивший обороной Масады, раздражают парфян, все малочисленнее становится их отряд. И вскоре только Антигон со своими людьми остается у стен крепости.

Рим не может долго мириться с пребыванием парфян в Сирии. Сенат прекрасно понимает, что дело здесь не в моральном ущербе, хотя и это немаловажно. Парфяне уже блокировали доставку в Рим продовольствия из Сирии и Иудеи. Если «зараза» дойдет до Египта, Риму грозит голод, ведь он уже не может существовать без поставок продовольствия из восточных провинций.

Вентидий высаживается в Сирии в январе или феврале 39 г., за несколько месяцев до Ирода, и сразу же начинает кампанию. Суть его плана проста: вначале восстановить влияние над Сирией, многие города которой поддерживают парфян, и дожидаться подкреплений из Рима, поскольку с двумя легионами воевать против парфян — занятие бессмысленное. Война прежде всего требует денег. Легион под командованием Вентидия и Силона движется к Иерусалиму. Римляне даже не угрожают штурмом, они просто просят Антигона заплатить им. Не имеет значения, как назвать эти деньги: дань, контрибуция или еще как-нибудь. Иудея вот уже много лет союзница Рима. Во имя чего штурмовать Иерусалим? Многочисленные утверждения Флавия о продажничестве Силона, которого Вентидий, получив деньги, оставляет с несколькими когортами у стен Иерусалима, совершенно беспочвенны. Действия римского полководца абсолютно логичны.

Весной, когда Ирод высаживается со своим небольшим отрядом в Птолемаиде, положение стало более сложным. С Иродом в Сирии находится Делий — личный посланник Антония, заметим,

Антония, а не Сената. Делий настоятельно просит или рекомендует Вентидию оказать помощь Ироду. Римский полководец, разумеется, осведомлен о том, что Ирод провозглашен царем Иудеи, облакан Октавианом, Антонием и Сенатом. Но что из того? Вмешательство в иудейскую междоусобицу, во вражду Антигона и Ирода грозит потерей людей, времени и денег и не сулит никаких преимуществ. По существу, в Иудее идет гражданская война, в которой на стороне Антигона саддукеи, а фарисеи приняли сторону Ирода. Речь идет даже не о победе. Став на одну сторону, он неумолимо навлечет на себя упреки другой. Поди доказывая в Риме, кто прав, кто виноват. Иное дело победы над парфянами — у них другой привкус. Тем не менее Вентидий не отказывает Делию, он отзывает Силона от стен Иерусалима и прикомандировывает его к Ироду, не подводя под их сотрудничество никакой юридической основы. Силон должен просто помогать Ироду.

Ирод, располагая довольно внушительной суммой, предоставленной ему Антонием и Сенатом, без труда набирает на побережье разношерстное войско из греков, сирийцев, финикийцев, иудеев, и... тут произошло одно «но». Яффа, неизвестно по какой причине возомнившая себя несокрушимой крепостью, отказывается признать Ирода, а заодно и римлян. Отряды Ирода и Силона подступают к городу. Силон, значительно уступающий в полководческом даровании Ироду, предлагает городу сдаться. Следует непродолжительное молчание, затем ворота города открываются, оттуда вырывается конный отряд и устремляется на римлян. Ирод, волею случая отстоящий со своим отрядом на несколько сот метров от главных ворот, вмиг оценивает ситуацию. Прямо к воротам бросает он свое разноплеменное воинство.

Когорты выдерживают первый натиск, но силы слишком неравны. Римляне строятся в каре, отступая и оказывая сопротивление. Отряд Ирода, пешие и конные вместе, внезапно оказываются у ворот и, следуя четким указаниям Ирода, конница устремляется в тыл защитникам Яффы, а пехота врывается на узкие улочки города. Коннице здесь делать нечего. Через два часа город полностью в руках Ирода. И эта первая победа после возвращения из Рима значительно улучшает его настроение и радует воинов, всласть предавшихся грабегам. Только ночь дает Ирод своим людям для отдыха, а утром через Самарию выступает на Масаду. Силон со своим

поредешим отрядом сопровождает его. И это реальное подтверждение того, что Рим на стороне Ирода.

По пути войско Ирода растет как снежный ком — это и его ветераны, и участники кампаний его отца. В Иудее нет тайн, воинская слава Ирода опережает его. В его войске много самаритян, традиционно на протяжении веков сохранявших свою самобытность и стоявших в оппозиции, иногда весьма враждебной, к ортодоксальному иудаизму. Ирода и его космополитизм они поддерживают безоговорочно.

Ускоренным маршем движется Ирод к Масаде. Враг бежит, растворяется где-то вдали. К своей огромной радости, Ирод застаёт свою семью в полном здравии. Мать, сестра и брат бросаются к нему, целуют, обнимают и тискают его. Через несколько минут он освобождается от них и

стремительно, с пылающим взглядом, направляется к Мариамне. Когда между ними остается несколько метров, она бросается к нему и не может сдержать слез. Невыплаканное многомесячное одиночество ее солью оседает на губах Ирода. Но сладок для него оказался вкус слез Мариамны.

Где найти слова, чтобы передать, как ей надоела Масада, сухая и горячая, порождающая тонкую пыль, проникающую в самые интимные места ее тела, и притом в отсутствие воды. Пожалуй, единственной отрадой здесь был ветер, поющий по утрам вокруг этой скалы-крепости, но он не был настоящим другом, потому что днем и особенно к вечеру прогревался, как в печке, и нес с собой песок.

А скука, а ограничения в передвижении! Мариамна возненавидела Масаду, и Ирод, обнимавший ее страстно и нежно, был для нее больше, чем просто мужчина, — он был избавителем. Чувственность еще не проснулась в ней, она была слишком молода, а радость избавления была настолько велика, что Мариамна вся светила в присутствии жениха.

«Уехать, уехать, уехать», — стонали ее уста. И Ирод, в первую же звездную ночь, когда он искал ее губы и находил их, слышал, как они шептали: «Когда же мы уедем?»

Он прикасался к ее груди, довольно полной для ее хрупкого телосложения, и получал быстрый шлепок по рукам. О том, чтобы она позволила ему нечто большее, нечего было и думать, и вместо страстных и ласковых слов он слышал: «Ирод, давай уедем».

Он рассказывает ей про Рим, описывает заседание Сената. Она слушает его рассказ как сказку, молчит, и он сквозь ночь видит глубину ее огромных, как звезды, глаз. Наконец Ирода неукротимо тянет ко сну, и он, переполненный впечатлениями этого счастливейшего и тяжелейшего дня, провожает Мариамну до двери ее комнаты, поднимается к себе, бросается на постель и мгновенно засыпает.

Утром Гиппик, прекрасно понимающий, что происходит с царем, принимает на себя всю ответственность. В крепости полно дел. Они уже убедились в ее мощи. И сейчас, готовясь покинуть ее надолго, а может быть, навсегда, надо сделать все, чтобы не только сохранить, но и усилить ее боевую мощь. Вскоре Ирод присоединится к Гиппику. Дает невпопад несколько советов, видит его взметнувшуюся бровь и понимает, что сказал глупость. А старая идумейская мудрость гласит: «Там, где командуют двое, ошибаться можно одному».

Он берет Гиппика за плечи, осторожно сжимает их и слегка трется лбом о его лоб. Он признает себя виновным, смеется и идет искать мать и Саломею — ведь вчерашний день он отдал Мариамне. Если мать и обиделась, то лишь чуть-чуть и не подала вида. Саломея, как и Мариамна, тоже соскучилась по нему, и они втроем болтают о прошлом.

Вечером он идет к Мариамне, ему не терпится обнять ее. Она же, вновь проскучавшая весь день, в мыслях посетила уже все зеленые и тенистые места Иудеи и Галилеи. Она ненавидит жару, она соскучилась по зелени, по траве, листьям, цветам. И даже ветер, который раньше пел песни, теперь совсем потерял голос, охрип и воет пронзительно и противно.

— Когда мы едем, Ирод?

Но он готов к этому вопросу.

— Завтра вечером, любимая, — отвечает он и ласкает ее смелее и смелее. И она позволяет ему сначала, но потом вдруг говорит ему насмешливо:

— Мы еще не прошли обряда. Все остальное только после него.

Ирод провожает ее в покои, но теперь уже сон не одолевает его. Одним взмахом взлетает он на коня, скачет к воротам, отдает приказ удивленной страже и нетерпеливо гарцует, пока их не откроют. Затем исчезает в ночи, обжигаемый горячим песком и жарким

ветром. Через несколько часов возвращается пыльный и усталый и направляется спать.

Вечером следующего дня, как он и обещал, он оставляет все дела на Гиппика и покидает крепость вместе с семьей и Мариамной.

Глава 15

Марисса

— Куда мы едем, Ирод? — спрашивает Мариамна. Ирод тяжело вздыхает. Как объяснить ей, так истосковавшейся по дому, что ехать в Иудею нельзя?

— Говори, Ирод, — приказывает она властно, и он любит ее именно такой, царственной.

— Нам нельзя в Иудею, Мариамна, — грустно говорит он. На всякий случай, чтобы она не ускакала, он придерживал за узду ее коня. — Послушай и не сердись.

Это простое «не сердись» было самым верным словом. Мариамна успокаивается. Ирод разворачивает перед ней, оторванной длительное время от событий, реальную картину иудейской жизни. В Иерусалиме правит узурпатор Антигон, и все окрестности вплоть до Самарии на его стороне. Патриархальный Иерихон не хочет и слышать о нем, выскочке-идумее. Север Иудеи и Галилея захвачены смутьянами. Их набеги до того запугали жителей, что сельскохозяйственные угодья практически не возделываются. Голодно. Чтобы успешно бороться с разбоями, необходимо уничтожить смутьянов, а для этого нужно много сил. Сейчас же войск у него очень мало.

Ирод говорит все это с нескрываемой горечью. И Мариамна, вмиг посерьезневшая, верит ему абсолютно, тем более что это истинная правда. И жалость к этому большому и сильному человеку, предназначенному ей в мужья, заливает ее душу.

— Мы поедем туда, куда ты скажешь, — покорно соглашается она и нежно его целует. Ирод счастлив: наконец-то души их поняли друг друга.

— Собственно, выбор у нас невелик: Самария или Идумея. Мать и Саломея хотят конечно же в Идумею.

— Ну так едем скорее, — нетерпеливо требует Мариамна.

Отъезд из Масады был целителен для ее души и тела. Ночной ветер, дующий нежно и беззвучно, шелест цикад и вид звездного неба благотворно действовали на нее. С каждой секундой настроение ее улучшалось, и ей нравилось сжимать коленями большое и сильное животное, которое было под ней. До этого она только изредка садилась на коня. Мариамна была по-настоящему счастлива. Лошадь шла медленно, обмахиваясь хвостом. Мариамна заметила это и стала мотать головой так, чтобы амплитуда движений хвоста лошади и длинных волос Мариамны совпадали. Это было прекрасное зрелище. Ирод просто наслаждался им. Они много говорили, а поскольку Ирод знал гораздо больше, то она преимущественно слушала его. В эту ночь она училась слушать, а для мужчины очень важно, когда он находит Ту, Которая Слушает...

А потом появилась зелень — не отдельные чахлые кустики, а настоящая зелень, жившая во влаге. В этом не было ничего удивительного, 2 тысячи лет назад Идумея была очень зеленой страной, обильно питаемой подземными источниками. Это уже много позже, когда Суций обиделся на свой народ и испытал его рассеянием, он вдруг вспомнил об идумеях, и, по-видимому, решил, что как-то несправедливо оставлять без внимания Идумею, ведь они, эти два слившихся народа, уже были ничем не отличимы, а идумеи ничуть не меньше, чем иудеи, славил Бога и одновременно грешили против его Законов.

И Бог решил так, и они приняли это решение, но никогда не считали его справедливым. Суций даже не удивлялся, что их мнения расходились. На протяжении нескольких сотен лет подземные источники истощались, а вскоре и вовсе иссохли, и даже без помощи суховеев некогда благодатная страна, 2 тысячи лет кормившая потомков Исава, постепенно исчезала. Предзнаменование исполнится, но это будет через много лет после Ирода.

Мариамна на удивление хорошо держалась в седле, как и ее прабабка Александра, жена Александра Янная. Она наслаждалась простором, упивалась им. Ирод понимал ее. И ему тоже нравилось это их путешествие в Мариссу. Но расстояние от Масады до Мариссы невелико. И когда к вечеру следующего дня они увидели конную группу, скачущую навстречу им, стало ясно, что город близок. Идумеи, в ярких пестрых одеяниях, пускали вверх стрелы и улыбались белозубыми ртами. Смуглость их кожи бросалась в глаза. Они пахли потом, как и их кони. Они обнимались с прибывшими, хлопали друг друга

по плечу. Они ведь один народ. Потом приблизилась большая толпа, дети повзрослее бежали впереди и позади толпы, а совсем маленькие были на руках у матерей. И все это визжало и шумело, выражая свой восторг. Здесь были даже музыканты, отдававшие предпочтение ударным инструментам — менаанимам¹ и тимпанам². Звуки музыки и голоса толпы слились в единую приветственную какофонию.

Мариамна, в сущности еще девочка, жадно смотрела на этот новый чудный мир, и он ей нравился. Стали видны уже первые городские строения. Марисса была одноэтажной, построенной из необожженного кирпича, только кое-где стояли двухэтажные дома, принадлежащие местной знати.

Многоликая толпа разделилась на два потока; один из них, женский, яркий и красочный, закружил вокруг Кипры и Саломеи и увлек их куда-то, и они смеялись и говорили очень быстро и гортанно. Их поселили отдельно, и Мариамна видела их очень редко. Они были дома, они были свои, у них было множество подруг, и им было о чем поговорить. Мариамна представляла, как они сидят в круге, рассказывают, а их слушательницы время от времени восхищенно цокают языком. Она была очень близка к истине. Ее и Сарру, служанку, поселили в небольшом, аккуратном, очень красивом домике с бассейном, а шейх, его хозяин, многословно и цветисто изъяснялся ей в любви и почтении, она чуть не прыснула со смеху от этого многословия. Ее слова о неудобствах, которые она ему доставила, привели его в ужас: он вытаращил глаза, они уже были готовы покинуть орбиты и, казалось, держались там чудом, он махал руками, а потом, когда устал демонстрировать свое негодование, спокойно объяснил, что все шейхи — друзья либо родственники, его везде приютят с удовольствием, и беспокоиться не надо. Мариамна была слишком молода и эгоистична, чтобы беспокоиться. Она с удовольствием совершила омовение, сразу же уснула и спала долго. А вечером пришел Ирод, поселившийся неподалеку, принес множество платьев, идумейских и иудейских. Она удивилась, где он их достал. Он предложил идти на праздник, который дают в честь них шейхи. Не идти было нельзя, да она и не думала

¹ Менааним — деревянная рама, на которой подвешены металлические стержни с нанизанными на них металлическими дисками.

² Тимпан — бубен.

отказываться. Оделась в иудейский наряд, который почти ничем не отличался от одеяний бедуинов, — он шел ей. Это было праздничное одеянье идумеек. Белая нижняя юбка и туника из тонкого и мягкого льна, тоже белая, длинная, и длинный узкий пояс.

Она пошла к шейхам и получила ожидаемое удовольствие, потому что ей хотелось праздника. Музыкальных инструментов стало больше, однако создавалось впечатление, что в Идумее не понимали, что такое мелодия, они, казалось, играли каждый сам по себе, не имея никакого представления об оркестре. Но это было только вначале. Вскоре Мариамна по достоинству оценила странную гармонию, создаваемую музыкантами, и ее ноги сами пустились в пляс. Она танцевала в огромном круге со многими мужчинами и женщинами в богатых одеяниях, и круг то сужался, то расширялся. Было множество других танцев, которых она не знала, но ей очень хотелось танцевать. Ела она мало, чтобы не отяжелеть и не потерять изящество, как ее учили. Это ей удавалось без труда. Миндаля было в достатке, а мясо ей есть не хотелось. Уж слишком его было много.

Ирод не танцевал: то ли это было вызвано какой-то причиной, то ли он уже набросил на себя царское достоинство, но он не танцевал, он ел обильно, пил вино и не спускал с нее глаз, а когда провожал ее, все норовил прижаться к ней, и она воспринимала это как должное.

Через несколько дней Ирод сделал ей замечательный подарок. Из Иерихона приехали ее мать и брат, и восторги Мариамны получили новое направление. Внимания Ироду она уделяла все меньше. Его ласки, хотя и не оставляли ее равнодушной, не вызывали в ней трепета, как в первые часы их встречи. А Ироду было хотя и не безразлично, как она реагировала, но в общем-то малоинтересно. Он был мужчина во цвете лет, и ему нужны были вовсе не вздохи. Несколько раз после свиданий с ней он вскакивал на коня и мчался в степь. Но быстро понял, что ускакать от самого себя ему не удастся. Тем более, что насмешливый Гиппик, завершивший дела в Масаде и прибывший в Мариссу, разрешил эту проблему: он подмигнул Ироду и привел несколько идумеек, сказав: «Выбирай. Если не нравится, приведу других. Царь ты или не царь в конце концов?»

Ирод вспомнил, что он царь, и сейчас это было очень кстати.

Гиппик решил лишь одну проблему Ирода. Наваждение, называемое «Мариамной», было слишком сильно, и вождение охватывало

его в самые неподходящие минуты, стоило только вспомнить ее походку или их ночные поездки. Ирод начал тренироваться по многу часов в день в стрельбе из лука на точность и в метании копья. Быстро восстановил форму. Никто не понимал, зачем он так истязает себя, разве что Гиппик: тот знал страстность Ирода с детства. Но Гиппик был настоящим другом и не задавал лишних вопросов. Он принял на себя всю огромную нагрузку по реорганизации отрядов Ирода в регулярное войско. Младший брат Ирода Иосиф помогал ему. Самый младший брат, Ферор, был в Иудее. Вместе они достигли больших успехов. У иудеев теперь появились достойные учителя — отставные римские легионеры.

Ирод взял на себя финансовое обеспечение, и это было сложно, денег как обычно не было, и он пошел к матери и сестре.

— Стреляешь? — глядя на него с любовью, спросила мать.

— Нет, он мечет свое копьё, — двусмысленно и дерзко за него ответила Саломея и рассмеялась.

Ирод рассмеялся тоже, искренне и беззаботно, затем они, по старому обычаю идумеев, уселись на ковер и, макая в тонкоизмельченный сыр со специями свежие чуть солоноватые лепешки, стали вести беседу. Они были одна семья, и им нечего было скрывать что-то друг от друга.

По Идумее, а затем и по Иудее поползли слухи о том великом благорасположении, которым пользуется Ирод у обоих властителей Рима — Октавиана и Антония. Как много денег получил он и получит еще часть от парфянской добычи. Несомненно, Иудею ждут хорошие времена. Сущий был тысячу раз прав, посадив на престол не чванливого иудея, а человека идумейских кровей, хранителя истинной веры.

А Ирод просил денег у шейхов в долг под расписки, обещая чудовищные проценты либо должности при дворе. И ему давали. Отца его почитала вся Идумея, а теперь сын его достиг еще большего. Все деньги, которые должны были его семье арабские шейхи, были возвращены сполна. Этим занялась его мать. Мало того, идумейские шейхи просили займы у своих арабских друзей и почти никогда не встречали отказа. Да разве же можно? «Шейх не может отказать шейху» — таково правило.

Денег хватило до осени. После того как урожай был собран, ждать дальше было бессмысленно, нужно было принимать решение.

Ирод сам поехал в Самарию, достал денег и заручился поддержкой на будущее. Менее успешным было посещение Сирии и Галилеи. В Сирии денег ему никто не дал, а в Галилее хозяйничали разбойники. Он вернулся, написал письмо Антонию с просьбой о поддержке и вновь обратился к шейхам. Те отдали все, что могли. Ирод чувствовал, что дружбе приходит конец.

А воевать без денег невозможно. Птолемей Дамасский — его финансист — просчитывал все варианты. Выходило, что при строжайшей экономии до весны денег хватит. Все они понимали, что без взятия Иерусалима продержаться возможности нет. Антоний денег не даст — это было очевидно. Но, вероятнее всего, поможет войсками. Иудея ему просто необходима. Остальные деньги можно достать только у богатых иудеев, а практически все иудейские богачи преспокойно живут в Иерусалиме, а ключи от Иерусалима у Антигона — вот и весь счет.

Дамасский даже разработал три основные схемы репрессий над побежденными городами. Впоследствии они оченьгодились. Суть этих схем сводилась к следующему. Города или другие населенные пункты, поддерживающие Антигона, могут подвергаться полному разорению. Жители их могут быть проданы в рабство, если найдутся покупатели, либо будут обречены на нищету. Города, сохраняющие нейтралитет, облагаются разумной контрибуцией без подрыва основ их существования. В лояльных населенных пунктах под демагогическими лозунгами прилюдно на площади отнимаются деньги у богатых, те каются в поддержке Антигона, им сохраняют жизнь и даже оставляют некоторые средства. Немного денег раздают нуждающимся. Не более 10 процентов. Народ рукоплещет, разорение богатых — всегда праздник, а Ирод получает основную часть изъятого.

Сюда же Птолемей приложил примерный список городов с указанием схемы репрессий и предполагаемой суммы изъятых средств. Выходило, что воевать можно будет около года. За это время необходимо одержать победу. Больше денег в Иудее не было.

Ирод просмотрел документы, восхищенно взглянул на скромно потупившегося Птолемея и неожиданно спросил:

— А твой брат такой же хитрый, как ты?

— Еще хитрее, — был ответ.

Ирод запомнил его слова. И вдруг его осенило. Он решил последнюю проблему: как поднять настроение в Идумее, и у шейхов в

частности. На следующий день он созвал собрание и сообщил, что прибыл гонец от Антония с обещанием Ироду полной поддержки. Это была абсолютная ложь. Через две недели войско выступает. А сейчас, в канун Нового года, Ирод решил за свой счет организовать в Мариссе состязания по бегу, борьбе и метанию копья (это было сделано в угоду римлянам и грекам), скачках на скорость, стрельбе из лука. Толпа приветствовала его восторженными криками. Ничто так не любил иудеи, как скачки и стрельбу из лука. И обещано бесплатное угощение. Толпа ревела от восторга. Все уже забыли, что их обобрали.

К состязаниям деятельно готовились. Ирод дал совету старейшин три суммы: самую маленькую — на организацию состязаний; среднюю — на призы; самую крупную — на угощение. И установил срок: сразу же после жертвоприношения в честь Нового года. Он был блестящий организатор. Тройной контроль: его собственный, Гиппика и Птолемея — не оставлял ни малейшего шанса на срыв срока или мероприятия.

В Мариссу начал стекаться народ. Молва о сказочных призах, о необычном зрелище привлекла массу людей, а это тоже деньги. И население Мариссы радовалось еще до начала праздника.

Левиты принесли положенные жертвы, главным образом из муки, лепешек и зерна. Мяса сожгли очень мало. Так было уговорено. Везде расставили вертела. Подали вино, не очень много. Но народ понимал правила игры. Нельзя же во всем полагаться на Ирода. Приносили с собой лепешки, туговое, финиковое вина, мульду¹.

Вначале соревновались в беге. Бежали от одного конца ристалища до другого и обратно. Участвовало семь греков и два финикийца. Сверх ожидания, толпа болела восторженно и делала ставки. Грек победил и получил заслуженную награду.

Был недолгий перерыв, во время него расстелили два ковра, на которых должны были бороться две команды желающих. Затем победители должны были драться в финале. Но произошло неожиданное: германец из гвардии Ирода встал как вкопанный посреди одного из ковров и так же быстро пошвырял своих соперников, как они успевали подходить. Он несколько минут переводил дух, пока на соседнем ковре двое, иудеи и грек, стояли вцепившись друг в друга.

¹ Смесь вина с медом.

Когда один из них победил и оба покинули ковер, чтобы дать место следующей паре, германец быстро вбежал на ковер и стал подзывать соперников. Толпа визжала от восторга, но очень недолго. С той же феноменальной легкостью германец побросал соперников и, как и грек, получил награду — серебряный кубок, наполненный мелкими монетами. Победители стали богатыми людьми.

Следующим видом состязаний было метание копья. В нем было не много участников. Римляне — пять легионеров, обучавших войска, они без труда прошли предварительный отбор, и сам Ирод. Поставили двенадцать огромных щитов в ряд, и участники с небольшими промежутками должны были переходить от одного конца ряда к другому и метать копья. Расстояние от первого щита было десять шагов, и с каждым щитом оно увеличивалось на один шаг. Этим устранялся принцип дистанционности. Всем известно, что можно научиться метко бросать копье на одной дистанции, а изменить ее на несколько метров — и меткость исчезает.

Мариамна была здесь же, в первых рядах за ограждением. Около нее сидела ее мать и охрана. Рядом с ними расположилась семья Ирода. Она вся подалась вперед и не сводила глаз со щитов, словно готовилась сама метать копье. Появились участники. Ироду предоставили право начинать. И он сделал могучий замах и бросил. Толпа дружно ахнула. Щит задрожал. Копье вонзилось в центр. Потом бросали другие. Но было ясно, что первый щит выиграл Ирод. Им подали полотенца, воды, тонкого песка, чтобы они могли протереть лицо и руки, желающим предлагали вино и закуску. Они перешли к следующему щиту, затем к следующему.

После шестого броска Мариамна начала повизгивать, а затем завизжала пронзительно и запрыгала, сжав руки в кулаки. Рядом бесновалась семья Ирода. И они время от времени бросали взгляды на Мариамну и улыбались ей тепло и искренне. Александра успокаивала ее. Царицы из рода Хасмонеев так не ведут себя. Но Мариамне было не до увещаний. Ее мужчина был лучшим, а это что-нибудь да значило.

Ирод выиграл и последний щит, а всего девять из двенадцати. Это была бесспорная победа. И он на радостях за свой счет щедро одарил всех участников финала.

Толпа еще долго славилась царя. Ирод неожиданно вышел к толпе, поклонился старейшинам и сказал: «Народ мой, у меня просьба.

Сейчас должны быть соревнования в стрельбе, я хочу в них участвовать, но я устал. Нельзя ли изменить порядок? Сейчас прошу устроить состязания конников, а стрельбу потом».

Толпа ответила ему радостным гулом, и старейшины, кивая головой, дали согласие тоже. Это даже лучше: идумеи, как и арабы, лошадей любили трепетно.

Казалось, что вся Идумея и вся Набатейя хотят принять участие в этих состязаниях. И комиссии из знатоков, в которой было несколько набатеев, нельзя же обижать гостей — пришлось делать строгий отбор, руководствуясь внешними признаками либо прежними заслугами.

Это было состязание великолепных тонконогих арабских скакунов и лихих наездников, но Ирод не видел его, почти все скачки он простоял лицом к лицу с Мариамной: она держала его за руки и терлась головой о его грудь — он мог так стоять вечно. Но гул толпы известил о победителе, а по интенсивности рева можно было понять, что победил идумей. В это верилось с трудом. Специалисты отдавали предпочтение набатеям. Царь пошел вручать кубок. Привели победителя. По одежде было видно, что он из знатного идумейского рода, был юн и красив.

— Как звать тебя? — спросил Ирод, вручая кубок.

— Костобар, — последовал ответ. Юноша не сводил с него глаз, в них читалась преданность.

— Пойдешь служить ко мне?

— Да, — ответил тот.

Те, кто стояли рядом, слышали этот диалог. Другие понимали его смысл, переспрашивали. Ирод отстегивает свой меч, рукоять которого усеяна драгоценными камнями, и отдает его юноше. «Подарок от меня», — бросает он в толпу. Толпа заходится в восторженном крике. «Какой великий царь в Иудее — идумей!»

Ирод велел расстелить на желтой траве одеяло. Он лежал, глядя на мелкие далекие облака. Это успокаивало. Стража не подпускала к нему любопытных, толпившихся неподалеку.

Состязания в стрельбе из лука едва ли уступали в популярности конным. Весь Восток бредил луком. Во многих странах лук вручали мальчикам с детства. И кроме того, все знали, что единственный вид оружия, в котором римляне уступали своим многочисленным противникам, был лук.

Парфянская война шла рядом, как перекасти-поле катилась она по Палестине, оставляя то там, то здесь свои следы. Палестина, привыкшая за тысячи лет как к локальным, так и к масштабным конфликтам, откликнулась на нее очень вяло. Кто-то поддерживал Рим, кто-то — Парфию, но все это было на словах.

С нашествием парфян в Палестину пришли и их товары. На рынках появились изделия, ценимые здесь очень низко. Культура парфян значительно уступала позднему эллинизму. Однако на местные рынки хлынул и поток оружия, в особенности ценились луки. Ирод сам выбирал себе лук здесь же, в Мариссе, после приезда из Масады. Пожилой парфянин, с бородой, еще более густой, чем у Ирода, держал в руке огромный лук, побывавший не в одном сражении. Об этом можно было судить по отполированной поверхности дерева и по другим признакам. Это было оружие воина. Ирод хотел именно такое. Парфянин был плохим продавцом, он, заметив подходящего, протягивал ему лук и говорил одно слово: «Купи». Если потенциальный покупатель уходил, он искал взглядом другого. У идумеев луков было достаточно. Военных действий сейчас не было, и парфянин понимал, что шансов продать лук у него немного.

Ирод, едва взглянув на лук, понял, что купит его. Это же понял и парфянин. «Ты почему его продаешь?» — спросил Ирод. Парфянин объяснял путано. Был ранен, он и сейчас хромал. Попал в Идумею. Осел. Женился. Оружие ему ни к чему. Ирод натянул лук и сразу почувствовал его мощь. Парфянин протянул ему стрелу. У него была всего одна стрела. Она была длиннее стрел Ирода. Он поставил стрелу на тетиву и повторил движение. От наконечника до лука было две ладони. Парфянин отрицательно покачал головой, взял лук из рук Ирода, поманил его за собой и прошел шагов двадцать к краю базара, легко натянул лук так, что между наконечником и луком оставалась ладонь, опустил оружие, показал Ироду ладонь, тот кивнул. Парфянин вновь натянул лук и спустил стрелу. Ирод взглядом профессионала наблюдал за ее полетом. Послал за стрелой и уплатил не по-восточному — не торгуясь.

«Это надежное оружие», — сказал парфянин на прощание. Он принял щедрую плату как должное: он продал хороший товар. Ирод и без его слов понимал это. Потом он долго тренировался, с каждым

днем чуть-чуть увеличивая натяжение лука, даже мышцы потом ныли.

Удар бычьей кости о медный щит прервал его воспоминания. Надо было готовиться. Ирод встал, сделал несколько движений, прошелся рукой по животу, плоскому и твердому, поиграл мышцами рук. Все было в порядке.

Двенадцать щитов, тех же, что и при состязании в метании копья, чуть раздвинули на большее расстояние друг от друга, кое-где заменили древесину и обтянули синей тканью, на которой выделялось черное пятно — центр.

Квалификационный турнир был прост: участники в соответствии с номером, вытянутым по жребию, двигались вдоль щитов и посылали в них стрелы. Затем судьи отбирали по семь стрел с каждого щита. Стрелы были именные. У кого из участников будет больше стрел, тот и войдет в финал. При равенстве числа стрел у седьмого и восьмого участников они должны будут состязаться между собой. В финал войдут семеро — так объявил глашатай.

Кто-то задал вопрос: «А каковы условия финала?»

Глашатай отрицательно покачал головой, давая понять, что не может ответить.

Раздалось еще два удара — жеребьевка. Ирод еще раньше дал понять совету старейшин, что привилегии ему не нужны. Он тянул жребий, как все, и стрелял где-то в середине очереди. Он был хороший стрелок. Об этом знала вся Иудея, об этом твердили после битв, после каждой охоты и пели ему дифирамбы. Но что такое «хороший стрелок» на Востоке? Ведь подобных состязаний не было уже более четверти века.

Ирод принадлежал к тому типу стрелков, которые не целятся долго. Он поднимал лук, учитывая все данные о мишени, прицеливался в доли секунды и спускал тетиву. Другой тип стрелков прицеливался долго и обстоятельно.

Участников было чуть более сорока человек. Глашатай объявил, что все участники финала получают премии. Поэтому участвовали многие, у которых даже шансов не было.

Кападокийцы, греки, иудеи, сирийцы, даже нумидиец, попавший сюда неведомо как, только создавали фон. В финал пробилась пятеро арабов, Ирод и еще один идумей, профессиональный охотник, зарабатывавший на жизнь охотой на хищников для богатых домов.

В квалификационном состязании мест не объявляли. Ирод один раз бросил взгляд на Мариамну и сразу же отвернулся, словно испугавшись ее огромных глаз, пылавших, как у рассерженной самки леопарда.

Глашатай ударил о щит и пригласил участников финала.

«Отличившиеся, — начал он, — по праву завоевали звание сильнейших и достойны того, чтобы вся Палестина знала их имена. Чтобы выявить победителя, мы предлагаем состязание, которое на протяжении многих тысяч лет считается самым трудным и самым престижным у стрелков из лука. Надо послать стрелу через семь колец. У кого окажется больше пронзенных колец, тот и победит». И он снова ударил костью о медь.

«Состязания Одиссея, состязания Одиссея», — твердили греки. А Ирод знал, что совет старейшин подыграл ему, потому что хитрость этого состязания была в том, что важна была не только меткость в стрельбе, но и само оружие, и сила руки. Стрела уже после первого кольца чуть теряла в высоте, и не существовало лука, который мог бы послать стрелу так, чтобы она пронзила все семь колец. И не существовало руки, которая могла натянуть бы такой лук. Греки вложили этот лук в руки Одиссея, который при помощи богов пронзил эти кольца, но кто верит сказкам греков! Стали припоминать легенды, спорили, полагали, что одно кольцо пронзят все. Два — трое либо четверо; а если кому-то удастся пронзить три кольца, он и будет победителем.

Ирод мысленно поблагодарил хитрых идумеев. Дело в том, что только у него и одного араба были парфянские луки. Неплохой лук был и у идумея, но он был чуть шире обычного и Ирод не мог оценить все его возможности. У остальных было обычное оружие, и оно не могло сообщить стреле необходимой скорость.

Ирод ушел готовить оружие, самолично ощупал две новые тетивы, сосредоточенно проверяя каждую шероховатость, выбрал одну, надел, слегка натянул лук, отпустил — он ответил приглушенным пением. Лук понимал его как воин воина. Так же тщательно посмотрел стрелы, их прислали из Антиохии. Возился с ними минут двадцать, пока не отобрал лучшие. Стрелкам давалось по три выстрела. Ирод воспользовался правом подойти к кольцам, осмотреть их. Состязание предстояло трудное. Он знал, что соперники оценивают расклад так же, как и он.

Вновь тянули жребий: Ирод стреляет четвертым, араб с парфянским луком — вторым, а идумей — шестым.

Над ристалищем стояла тишина, что было нехарактерно для идумеев, так страстно шумевших несколько часов назад, но они уважали участников, понимали сложность их задачи и напряженно смотрели на кольца.

Первый стрелок, как и ожидал Ирод, поразил одно кольцо. Все внимание Ирода было приковано теперь ко второму участнику. Стрела араба пробила два кольца и ударилась о край третьего — это была удача. Но Ирод заметил: араб был из долгоцелящихся. Невозможно прицеливаться долго, натягивая лук с такой силой. Третьего хорошего выстрела он не сделает. Ирод так был погружен в наблюдение за конкурентами, что сам стрелял плохо. Стрела его, зацепившись наконечником за край, еле переползла через первое кольцо. Зрители зашумели, зашикали. Болели за него, а он... Идумей, как и Ирод, поразил только одно кольцо. И тут Ирод, подошедший ближе, заметил, какой мощный лук у его соперника, он ничем не уступал парфянскому. Идумей после выстрела повернулся к Ироду и слабо улыбнулся ему. Серебряные позументы на черной одежде изобличали его знатное происхождение. У него не хватало нескольких зубов, и морщины пробивались через загар — он был уже в возрасте. Ирод подумал, что тот вряд ли может рассчитывать пробить больше чем два кольца. Все остальные участники поразили по одному кольцу.

Вторым выстрелом араб вновь поразил два кольца, причем стрела его вошла и в третье кольцо, но счастья ему не хватило: она чуть-чуть покачалась и выпала со стороны стрелка. Когда пришла очередь Ирода, он уже знал, что будет делать. Он поднял лук, примериваясь, опустил его, быстро поднял и натянул с такой силой, что наконечник коснулся большого пальца левой руки. Лук запел, Ирод зажмурился: он знал, что сделал хороший выстрел. Стояла тишина. Он открыл глаза. По-прежнему было тихо. Судьи смотрели на стрелу, словно не веря. Потом глашатай объявил, что Ирод поразил четыре кольца. За последние несколько сот лет такого результата не было. Ирод отказался от третьего выстрела, потому что не ждал большего, и ушел к Мариамне. А она прижималась к нему тесно до неприличия, и он знал, что она легла бы с ним сегодня, но до брака этого нельзя было делать в Иудее, и он сказал ей: «Мы

отпразднуем свадьбу скоро, в Иерусалиме». И ошибся: их первая брачная ночь будет в Самарии, почти через полтора года, суровой зимой, но Мариамна и тогда окажется горячей и страстной.

В сплошном шуме заканчивались состязания. Ирод велел еще купить вина, наградил за свой счет финалистов. Ему тоже вручили кубок. Объявили полуденный перерыв. А вечером, когда праздник был продолжен, старейший седой шейх сказал: «Мы благодарим тебя, Ирод, мы счастливы, что ты одержал столь славную победу, которую люди запомнят надолго, мы счастливы, что дали нашим иудейским братьям великого царя, мы даем тебе в подарок лучшего коня Идумей».

Ироду вручили рыжего трехлетку: тонконового, игривого, с огромными умными глазами. Через несколько лет один из отпрысков этого скакуна спасет Ироду жизнь.

«Мы поражены твоей щедростью, — продолжал старейшина. — Не в наших обычаях оставаться в долгу. Идумея дарит это все тебе», — показал он рукой на поле. А там расстелили ковры и стали класть на них золотые и серебряные предметы и украшения. Так счастливо для Ирода закончился этот день. А Птолемей Дамасский потом очень выгодно распродавал эти дары, найдя таким образом средства для ведения войны.

Глава 16

Разбойники

Часть лета и почти всю осень 39 г. Ирод проводит в Мариссе, а затем выступает к Иерусалиму. По пути он за несколько дней захватывает Ориссу. Войско, обучавшееся под командованием легионеров, — уже далеко не тот сброд, с которым он несколько месяцев назад брал Яффу. Это пять дисциплинированных когорт, построенных по римскому образцу и вполне сносно обученных. Ветераны объединяются в особую когорту, из которой впоследствии он сформирует свою гвардию.

Лагерь Ирода располагается напротив западных стен Иерусалима. Постройка лагеря, проводимая совместно когортами Силона и Ирода, — еще одна школа. Впрочем, лагерь построен скорее на удачу. Невозможность осады или штурма Иерусалима понятна и Ироду, и Силону. Вылазки осажденных не представляют опасности для Ирода, а его солдаты отгоняются стрелами от стен Иерусалима воинами Антигона.

Ирод посылает к стенам глашатаев и предлагает сдачу. При этом он произносит перед Богом и римлянами клятву: «Все сдавшиеся будут пощажены и смогут покинуть город». Он не уточняет: с оружием или без него.

Антигон делает не менее сильный ход. Он предлагает глашатаям удалиться и передать Силону, что он хочет говорить только с римлянами. Ирод не может запретить этого, и когорты стекаются к стенам города. Антигон говорит: «Вы оскорбите ваше собственное римское право, если допустите, чтобы царство досталось Ироду — этому простолыдину-идуею, а по законам страны трон должен принадлежать только члену царской фамилии. Если вы недовольны лично мною и хотите отнять у меня власть за то, что я ее получил от парфян, то ведь есть и другие достойные претенденты, которыми не следует пренебрегать, так как они ни в чем не провинились перед римлянами».

Нельзя сказать, чтобы речь Антигона произвела очень глубокое впечатление на солдат, но она направила мысль римлян в иное русло. Кто-то сказал: «Раз он царь, пусть платит». И солдаты начали волноваться. Зима в Иерусалиме не лучшее время, стоят холода. Солдаты требуют пищи, вина и денег за все месяцы, что они служили Ироду. Он пытается успокоить их, напоминает, что он не самозванец, а назначен Сенатом и его поддерживают Октавиан с Антонием. Дисциплина привычна для римлян, и солдаты понуро замолкают.

Ирод велит сделать хороший обед для всей армии, тратя на него неприкосновенные запасы продовольствия и остатки вина, а после обеда направляет четыре смешанные когорты из иудеев, наемников и римлян в окрестные селенья с приказом реквизировать продовольствие. И еще он формирует конный обоз, состоящий целиком из преданных ему самаритян. У них приказ достать вино, скот, любую провизию. Заплатить он обещает потом. К вечеру возвращаются солдаты с провизией. Ее вдоволь, а через несколько дней благополучно прибывают и самаритяне. Поручение Ирода они выполнили. Ирод по достоинству оценивает этот жест самаритян, впоследствии он рассчитается с ними сполна. Солдаты веселеют, и Ирод, понимая полную бесполезность пребывания под стенами Иерусалима, сворачивает лагерь. Свою семью и Мариамну он отправляет в Самарию. Римские войска отправляются на зимние квартиры. Они размещаются в Идумее, Галилее и Самарии, поддерживающих Ирода, и Лидде, чье население стоит на стороне Антигона. Ирод отдает Иосифу 2 тысячи пехотинцев и 400 всадников и поручает ему взять под протекторат Идумею, где следует обеспечить образцовый порядок, чтобы ни один идумей не остался на стороне Антигона.

Ирод же направляется в Галилею, которая на его стороне, однако там и немало колеблющихся. В сильную выюгу, редкую для этих мест, он с частью своих войск достигает Сепфориса и без труда овладевает этим городом. Гарнизон при известии о его приближении бежит. Бескровное занятие Сепфориса — благо. В городе прекрасные теплые казармы, где Ирод размещает наемников. К жителям в дома он подселает их соплеменников, тем самым уменьшая недовольство. Город становится его базой на зимний период.

Галилея страдает от разбойников, а у Ирода имеется опыт борьбы с ними, опыт, стоивший ему первой стычки с Синедрионом, опыт

его первого унижения. Он прекрасно понимает, чего может достигнуть, избавив страну от разбоя. Это требует гораздо меньше усилий, денег и крови, чем борьба с сомневающимися. План его прост, но тщательно отработан. База разбойников находится близ Арбелы — деревни, расположенной к западу от Тивериадского озера. Местность, вначале живописная, сменяется скалами вокруг озера. По-видимому, естественные пещеры, по воле природы образованные в скалах, были углублены разбойниками и превращены в места их обитания. Открытая местность перед пещерами не позволяла подобраться к ним незамеченными. Ирод направляет к деревне три отряда пехоты и эскадрон конницы, но строго-настрого запрещает командиру ввязываться в сражение. Его цель — расселиться в деревне, провести рекогносцировку местности и блокировать подвоз продовольствия. О поведении разбойников докладывать.

Командир отряда — галилеянин Менахем — ветеран, сражавшийся еще с Антипатром, органически ненавидит разбойников. Он педантично выполняет все указания царя, однако заблокировать имеющимися силами подвоз продовольствия он не в состоянии. Правда, поблизости нет деревень и разбойники с огромным трудом достают пропитание, чем очень раздражены. Ирод, кажется, только этого и добивается. Через сорок дней, когда, по его сведениям, стычки его людей с разбойниками становятся все ожесточеннее, он со всеми своими силами входит в деревню. Разбойники, завидев войско Ирода, понимают, что шансов на позиционную борьбу у них нет, и принимают бой. Им нельзя отказать ни в храбрости, ни в опытности. Быстро спускаются они со скал и, образуя сомкнутый строй, бросаются на людей Ирода. Левый фланг поддается их натиску и обращается в бегство. Однако высокое мужество Ирода оказывает решающее влияние на ход боя. Во главе конного отряда он устремляется на правый фланг, завязывает жестокую сечу на мечах и отсекает разбойников от их убежищ. Они бегут в другую сторону. Ирод не дает им передышки, устроив погоню буквально за каждым разбойником. Он гонит их до самого Иордана. Они вне закона, для них одно наказание — смерть. Затем он отводит войско обратно в Сепфорис. Каждый солдат, участвовавший в бою, получает по 150 серебряных драхм — огромная по тем временам сумма, а командиры — от 500 до 1000. Это целое состояние. Ферору, своему самому младшему брату, он повелевает укрепить Александрион. Деньги на содержание отряда и на

строительство Ферор должен достать сам. Тот счастлив — это его первое самостоятельное поручение, и он блестяще с ним справляется. Деньги он достает в Идумее у брата Иосифа — это мудро, поскольку не усугубляет бремя, возложенное Иродом на Самарию.

В начале января 38 г., в разгар холодов, к Ироду приезжает Силон. Антигон предоставил ему продовольствия ровно на месяц, а за это время подчистую обобрал все окрестности Лидды. Ему надо кормить своих сторонников. Удача на стороне Ирода. Несколько дней назад он получил послание от Вентидия: тот выступает на Евфрат против парфян. Каждый солдат у него на счету, и он просит отпустить Силона. Ирод с удовольствием выполняет просьбу, дает римлянам пропитание на дорогу, щедро вознаграждает Силона и командиров. Римлянам за эти полгода порядком надоела Иудея, и они с удовольствием идут на соединение со своими.

У Ирода осталась еще одна проблема, вернее, один принцип, который он сформулировал для себя и которому следовал всю жизнь: «Ничего не делать наполовину». Возможно и даже вероятно, что этот принцип хорош в обычных житейских ситуациях, но для царственных особ категоричность не является лучшей формой правления. Много горя претерпел Ирод, соблюдая неизвестно кому и неизвестно зачем данные уроки, но об этом позже.

Сейчас Ирод решает раз и навсегда покончить с разбойниками. Наиболее удачливые уцелели и засели в пещерах, запаслись продовольствием, и выкурить их оттуда не так просто. Воины Ирода бродят перед отвесными скалами, балагурят, у них хорошее настроение, и они знают, что Ирод щедро заплатит им. Одному из них приходит мысль забраться на скалы по довольно пологому хребту. Это возможно. А что дальше? Остроконечные скальные вершины и крутизна скатов делают пещеры, расположенные примерно на половине высоты скал, недоступными. Кто-то предлагает спуститься сверху вниз на веревках. Это безумная затея — спускающийся обречен на гибель. Но кто-то добавляет: «В железных ящиках». Далее идея исследуется. Изготавливаются два огромных железных кованых ящика, специальные багры для вытаскивания разбойников из пещер. Впрочем, их эффективность оказалась недостаточно высокой.

Подъем и спуск первого ящика, удерживаемого за веревки десятками людей, прошел без осложнений, и вот уже ящик с шестью солдатами мерно покачивается перед входом в пещеру. Разбойники

попрыгались — ни от стрел, ни от багров толку нет. Один из солдат решается. Держась за веревку, он встает на край ящика, отталкивается и прыгает на площадку перед пещерой. Товарищи приветствуют его дружными криками, бросают ему копья, багор. Воля разбойников к сопротивлению парализована, тем более что с ними семьи. Почти без сопротивления принимают они смерть. И эта бойня прерывается только дружными криками глазающих снизу солдат. Когда техника отработана, избивание идет быстро. Через несколько дней происходит досадный инцидент. Последнюю пещеру занимает старик с женой и семьей детьми. Это знают все. Вечереет. Все войско Ирода собралось внизу, прибыл и он сам. У всех хорошее настроение, и они просят Ирода пощадить старика. Он не возражает. Ветер дует в сторону скал, и воины дружно предлагают старику сдаться. Семья его выходит на площадку, и видно по их жестикам, что они упрашивают разбойника сдаться в плен. Он отталкивает их, потрясает кулаками, взывает к небу. Затем вдруг выхватывает меч, одного за другим убивает всех детей и жену, сбрасывает их тела к подножию скал. Сцена убийства не видна снизу, но глухое падение тел отзывается в сердцах и холодит их.

Голова старика появляется над площадкой. Он сыплет проклятья, призывая все кары на голову Ирода, обвиняя его во всех грехах, даже в низком происхождении. Волосы старика, развеваясь на ветру, придают его голове странный ореол шевелящегося ужаса, озаренного лучами заходящего солнца.

Старик последователен в своем безумии: он прыгает вниз. Вид его тупа, лежащего рядом с трупами жены и детей, испортил радостное настроение от этой блестяще задуманной и осуществленной операции.

Беспочвенная жестокость, непримиримость и жертвенность старика вызывает у Ирода ответную реакцию. В те минуты, когда он стоял у подножия скал, он ощутил весь ужас фанатизма, всю негибаемую и нескончаемую мощь жителей этой страны, не желающих ни в чем уступать и не признающих свое поражение.

Это были первые младенцы, дети, юноши, погибшие по его вине, в результате его решения. Именно тогда сердце Ирода стало покрываться коростой, поглощающей и хоронящей в себе все удары судьбы. Именно тогда он принял решение стать великим царем. И он стал им. Потому что только великие цари могут быть равнодушными и жестокими к своим врагам и к своему народу.

Глава 17

Смерть брата Иосифа

В конце весны 38 г. до н.э. впервые и надолго Галилея была очищена от разбойничьих шаек, но удовлетворения это Ироду не приносит. Какой-то рок витает над всеми его действиями в отношении разбойников. Слух о безумном старике пополз по Галилее. Это было понятно: очень много людей присутствовало при этой сцене, и вечерами солдаты, когда им совершенно нечего делать, вспоминали безумного и мрачнели. Удивительно другое: галилеяне почему-то приняли сторону безумца, осуждали Ирода, его прошлое и даже будущее...

Ирод оставляет в Сепфорисе под руководством Птолемея около 2 тысяч человек, а сам направляется с отрядом на поиски Антигона. Он понимает, что Антигон, этот вечный раздражитель, у которого формально больше прав на престол, всегда будет стоять между ним и народом, незримо размахивая своим маккавейским прошлым. По пути он решил заехать в Самарию, к родным. Он соскучился. Благо, они рядом. Он едва успевает обнять мать и прижать к груди Мариамну, как его настигает гонец. В Сепфорисе трагедия.

Ирод не слушает уставшего воина, плохие предчувствия, мучившие его в последние дни, не оставляют его. Он взлетает на коня. 3 тысячи пехотинцев остаются в Самарии, он прибавляет к своим 600 всадникам примерно еще 200 человек и устремляется в Галилею. Птолемей и представить себе не мог, что вроде бы спокойные города смогут за один день взбунтоваться. Это непонимание причин бунта стоило ему жизни. Практически весь его отряд уничтожен. Бунтовщики ушли в болота, в скалы, они местные жители, они знают укрытия. И еще они укрепились в нескольких городках Иудеи. Ирод взбешен. В три дня он освобождает три города. Пыгает, узнает, где прячутся бунтовщики, и уничтожает их. Он не ведает жалости. В две недели порядок в Галилее восстановлен, он

накладывает на города контрибуцию в 100 талантов и часть получает сразу, ибо деньги ему крайне необходимы.

Приходит и приятное известие: одному из его врагов отомщено. 9 июня 38 г. в Гинзаре, к северо-востоку от Антиохии, Вентидий заманил полчища Пакора и Лабiena в ловушку, проявив незаурядный талант полководца. Между Оронтом и изгибом Евфрата расположена излучина. Ее-то и избрал Вентидий для лагеря, перегородившего путь 20-тысячному парфянскому конному корпусу. Несомненно, ошибки Красса были тщательно проанализированы в Риме. То фантастическое оружие, которое погубило тогда полководца, были огромные луки хунну и нескончаемый, «вечный» запас стрел, вернее, их непрерывная доставка. Нечего и думать, чтобы победить парфян в стрельбе из лука. Римляне никогда не могли в полной мере овладеть этим оружием. Поэтому Вентидий совершает гениальный маневр: отводит легкую галльскую пехоту и конницу на небольшое расстояние от неприступного римского лагеря, искусно замаскированного складками местности. Галльские пехотинцы не в силах противостоять натиску парфян, их сопротивление и бегство длится всего несколько минут.

Парфянская конница преследует их словно вцепившийся бульдог. Галльские солдаты практически полностью изрублены. И вдруг пред преследующими во всей своей мощи открывается лагерь римлян. Экспансивность парфян и жажда крови мешают им остановиться и повернуть коней. Лабien, правда, понял маневр римлян, но его в пылу преследования никто не слышит.

Навстречу коннице вырастает четкая шеренга римских копий. Никто в рядах легионеров не дрогнет. Только дисциплина поможет им отомстить за поражение Красса. Отступающая римская конница преобразается. Из-за холмов к ней на помощь спешит подкрепление, и двумя крылами она в считанные минуты зажимает парфян в кольцо. Парфяне не успевают воспользоваться своим грозным оружием — луками. Корпус почти весь порублен под яростное ликование римлян, усматривающих в этой победе реванш за поражение Красса. Голову Пакора проносят по восставшим сирийским городам, иногда на копье, иногда подвешенной к седельной луке за кожаную веревку, продетую сквозь уши. Так сбылось пророчество.

Вентидий, вернувшись в Антиохию, встречает триумвира Антония, прибывшего из Рима с тремя полноценными римскими

легионами, ядро которых составляют ветераны. Ожидаемых почестей он не получает. Ангоний сразу же понимает, какую выгоду может он получить, если представить победу Вентидия как рядовое сражение. «Война с парфянами продолжается», — рапортует он в Рим и вместе с рапортом отсылает и Вентидия, в цветистых выражениях сообщив Сенату, что с болью в сердце отдает своих лучших и наиболее опытных полководцев для войны в Испании. Формально он честен, Сенату не к чему придраться, а полководец получает новое назначение, только и всего.

Публий Вентидий Басс — черноглазый, широкоскулый, ловкий и быстрый, храбр и любим войсками. Боги щедро наделили его всеми качествами, присущими отличному воину. У него была удивительная судьба: бывший паннонский¹ пленный, он возглавил теперь легионы римлян в борьбе с парфянами. Свою отставку он воспринял как должное: он же не римлянин. Но чувство горечи остается, и его мучит мысль: получит ли он триумф? Входит его ординарец и говорит, что Ирод просит о встрече. Вентидию любопытно. Он знает, что Ирод не очень-то жалуется на него. В своей борьбе с Антигоном Ирод хотел бы рассчитывать на поддержку Вентидия, но, храбрый в сражениях, Вентидий очень осторожен в политике: у него нет права на ошибку.

Ирод входит в небольшую комнату дома, где квартирует Вентидий, и с порога кланяется, приложив руку к груди. Этот жест стоит многого. В особенности для Ирода — ведь он царь. Ведет он себя с достоинством, гордость — фамильная черта Иродов. Но в данный момент он просто уставший военачальник, пришедший к другому воину поблагодарить его за победу над Пакором. Вентидий велит подать вина и еды. Чувство одиночества исчезает. Они — два человека, обязанные своим возвышением только самим себе, — начинают вести беседу о парфянах, о климате, о лошадях, в которых оба знают толк, — они отдыхают. Ирод благодарит и переводит разговор на другую тему.

Вентидий должен передать Ироду два легиона под руководством Махера, и сейчас он дает им исчерпывающую характеристику. Легионы набраны из союзников — немного самаритян, в основном

¹ Паннония — территория в бассейне среднего течения реки Дунай, окончательно покоренная и получившая юридический статус римской провинции в 9 г. до н. э.

сирийцы — это пародия на римскую армию. Махер — ничтожество, а не командир.

— Тебе не повезло, друг мой, — говорит он, кладя руку на плечо Ирода и провожая его, слегка захмелевшего, к выходу. — Тебе лучше полагаться на себя. Жаль, что мы больше не свидимся.

— Мы больше не свидимся, — как эхо отвечает Ирод, — но я буду молить Сущего, чтобы ты получил триумф, который заслужил, и да скрасятся твои годы. — И он исчезает в ночи.

Махер направляется к Ироду, но по дороге его настиг гонец от Антигона. В письме, переданном легату, нет ничего нового: Антигон опять напоминает о своем хасмонейском происхождении и предлагает небольшую сумму, больших денег у него нет. Для Махера вопрос не в деньгах. Над римским войском витает дух победы, это чувство передается всей армии, и поддержать Антигона, ставленника парфяян, — означало в лучшем случае испортить себе карьеру. Махер, который участвовал в победоносном сражении с Пакором, решает отличиться: он сам захватит Антигона. Однако, увидев стены Иерусалима, в котором находился Антигон, он впал в уныние. Антигон запер город и стал с башен осыпать римские легионы стрелами. Осадных орудий у римлян не было, речь о сколько-нибудь длительной осаде вообще не шла, да и осаждать столицу дружественной страны было бы политической ошибкой. Пробыв под стенами города всего несколько часов, Махер спешно ретируется. Скорым маршем он движется на север к Ироду, к Эммаусу, дав волю своему раздражению. По пути он отдает приказ грабить и убивать всех встреченных иудеев. «Все они варвары и сторонники парфяян» — так объясняет он свое решение. Молва всегда бежит впереди преступления. Когда он достигает Эммауса, Ирод уже знает обо всем. Он, который всегда был почтителен и дипломатичен с римлянами вообще и с военными в частности, впервые дает волю своему гневу.

Страшен гнев царя. Друзья и враги — все старались пережить вспышки его гнева, когда он так похож на грозного греческого небожителя — метателя молний. Глаза его, и без того огромные, горели злым пламенем, а громовой голос, сопровождаемый стуком посоха, исходил, казалось, из тартара. Ирод высказывает Махеру все, что о нем думает, и римлянин, бледный и дрожащий, молча стоит перед ним. И страх одного из когорты повелителей доставляет Ироду истинное удовольствие. Он направляется к Антонию. Махер со

своими легионами идет следом. В несколько переходов он достигает Антиохии, но Антония там не застает. В преддверии решающего похода на парфян, за который вполне можно получить триумф, Антоний вынужден штурмовать Самосату — столицу Коммагены. Правитель этой области Антиох — сторонник парфян, и двигаться к Парфии, оставляя в тылу враждебную область с сильной крепостью, было бы слишком опрометчиво.

Антиохия, превращенная в военный лагерь, буквально наводнена людьми. Вспомогательные отряды, гетеры, маркитантки, грабители — все желают приобщиться к походу Антония. Это не война с парфянами. Многократный перевес в силах делает падение Самосаты практически предрешенным. Но в Антиохии нет военачальников. Соссий, оставленный наместником в Сирии, не получает от триумвира Антония никаких указаний. Что делать с толпой и просителями, он просто не знает. Когда Ирод предлагает желающим присоединиться к своему отряду, это с удовольствием встречено всеми. Соссий избавляется от толпы, мешающей управлять провинцией. Идти с отрядом Ирода хотят многие. Он — верный союзник Рима, и у него слава отменного полководца.

Иосиф, его младший брат, оставлен руководить войсками в Иудее. Накануне отъезда брата долго сидят в небольшом доме одного местного иудея — Ирод всегда останавливается здесь. У царя нет дурных предчувствий, и червь сомнения не гложет его. Иосиф храбр, но есть ли противовес этому чувству, присущему молодости? Он вглядывается в чистое лицо юноши и просит его не предпринимать никаких вылазок против Антигона, ибо тот опытен и отважен. Иосиф обещает, но это настораживает подозрительного царя. Мысль взять с него клятву, одну из страшных клятв иудеев, моментально приходит ему в голову, но тут входит раб и говорит, что их мать просит разрешения присоединиться к ним. Разговор остался незаконченным. Иосиф не успел дать клятву. Это — рок.

Рано утром Ирод выступает на северо-восток, к Евфрату. Через два дня пути его атаковали. Арьергард всегда наиболее желанная добыча: скот, повозки маркитанток, продовольствие, одним словом — обоз. Охранение было не очень сильное, да Ирод и не ждал нападения. Все войска противника, по его мнению, должны быть в Самосате. Однако решение Антиоха абсолютно правильно. Одолеть Антония можно только лишив его продовольствия. Войско

движется по сухой и бесплодной равнине, поросшей редким лесом. Отдельные камни, скалы и небольшие холмы, казалось, не таят в себе никакой опасности. Густой лес, темнеющий впереди, — это совсем другое дело.

Коммагенцы и парфяне появляются словно из-под земли. Малеишие складки местности, камни, кусты — все используют они для засады, и чрезвычайно удачно.

Миг — и аррьергард Ирода отсечен, обезоружен, частично изрублен, и добыча быстро угоняется на восток, к лесу. Ирод, имеющий огромный опыт мелких стычек и знающий тактику римлян, быстро отдает приказы. Римские тяжеловооруженные когорты он оставляет на месте, растягивая их в линию, обращенную фронтом к лесу (в случае атаки у них приказ построиться в каре и держаться), а сам бросает конницу на восток, двигаясь параллельно захваченному аррьергарду. У Птолемея, командующего отрядом, приказ: «Держать обоз в поле видимости, не сближаться с ним и ни в коем случае не ввязываться в бой, пока путь к лесу не будет заблокирован».

Приказы Ирода выполняются. Легковооруженная пехота бросается вслед за обозом, также соблюдая некоторую дистанцию и одной клешней охватывая вражеский отряд с юго-востока. У Ирода трехкратный перевес в силах, и через час 500 нападавших зажаты в кольцо, начинается их уничтожение. Интуиция не обманывает Ирода: из леса справа и слева появляются два отряда численностью до 5 тысяч человек, что превышает силы царя, но время на стороне Ирода. Его войска, практически не понесшие урона, быстро перестраиваются и устремляются вперед. Пока коммагенцы и парфяне пытаются прорваться через сплошную ленту щитов римской пехоты, Ирод отдает приказ к общему наступлению. На плечах бежавших он пересекает лес с минимальными потерями и выходит на следующую равнину — последнюю равнину, отделяющую его от лагеря Антония. Римляне устраивают ему овацию. Ирод польщен. Многие римские воины — участники этого перехода на всю жизнь становятся его приверженцами. Ирод останавливается лагерем на ночь, люди и скот должны отдохнуть, и посылает известить Антония о своем прибытии и о бое. Римляне высоко ценят мужество и воинское умение. Ветераны, которых Ирод послал вперед, возможно умышленно, в красках расписывают Антонию детали этого скоротечного боя. Антоний счастлив: ведь Ирод его ставленник. Эта

победа политически очень важна для него. Рядом воюет еще одна провинция, и ему необходимо продовольствие.

Антоний направляет навстречу Ироду свою гвардию. Выстраивает почетный караул и заключает Ирода в объятия. Ирод, знавший, как любят подношения его римские союзники, привез много вина и провианта. Антоний немедленно воспользовался его подарком.

Антоний не видел смысла в войне с Коммагеной, и без того входившей в сферу влияния Рима. Он предлагает выгодные условия мира, и Антиох сразу соглашается. В Антиохию они возвращаются вместе и здесь прощаются надолго. Антоний стремится в Египет, куда влекут его чары Клеопатры. Но политика важнее его желаний, и он едет в Афины. Соссий по приказу Антония выделяет Ироду два легиона: один выступает с Иродом немедленно, а второй должен выступить на следующий день.

После того как Ирод расстался с Иосифом, в Иудее произошли неприятные события. Махер отделился от Иосифа, и это логично, поскольку невозможно было командовать войсками в отсутствие единоначалия. В случае с Иродом все было понятно: он был царем Иудеи, признанным Октавианом, Антонием и Сенатом; то, что ему приходилось поддерживать не очень симпатичного, но жесткого и волевого царя Иудеи, имело достаточно прочную правовую основу. Ирод мог возглавлять легионы, но кто такой Иосиф? Махер расположился лагерем близ села Гитты в Идумее. Вероятно, это было правильно, поскольку вотчина Ирода была защищена. Иосиф оказался предоставленным самому себе. Впрочем, у него было пять манипул легионеров, но это было скорее для количества, для счета. Среди легионеров не было ни одного римлянина и тем более ветерана. Это были сирийские новобранцы. Командиры должного рвения в обучении новоявленных легионеров не проявляли. Армия без твердой руки — сброд.

Ирод перед походом в Антиохию располагал весьма скромными финансовыми ресурсами. Деньги он получал из трех источников: от Антония, из Самарии и Идумеи. Соссий не дал ему ни копейки, да у него и не было ничего. В его ведении была разграбленная послевоенная Сирия. Ирод, справедливо полагаясь на Антония, оставил ему все свои скудные средства, но о том, чтобы кормить на эти деньги около 1,5 тысяч человек, нечего было и думать. У Иосифа денег тоже не было, и он отважился на самый банальный разбойничий налет. Объектом нападения был выбран Иерихон, на то

существовали веские причины. Город поддерживал Антигона, во времена Илии и Елисея там была большая община пророков. Ортодоксальный настрой жителей за века не претерпел изменений. Крепостных стен вокруг города практически не было. Третий важный аргумент в пользу этого решения — запасы продовольствия. Сам Иерихон и места к западу от него прекрасны как в качестве пастбищ, так и для земледелия. Стояла осень, уже поздняя, стареющая, но все еще небрежно отмахивающаяся от холодов.

Иосиф не учел трех вещей: расстояния, скрытности действий и условий местности, в которой расположен город. Это была низина, на 250 метров ниже уровня моря, с ландшафтом слегка гористым, но достаточно открытым. Будь у него больше опыта, он бы сохранил подготовку похода втайне, но его войско, а особенно легионеры, роптало. Вечером он собрал их и дрожащим от волнения голосом объявил свое решение: утром они выступают, у них будет достаточно еды и питья. Солдаты недружно прокричали приветствие, но когда стемнело, некто осторожно вывел лошадь из Эммауса и через два часа уже был в Иерусалиме. Антигон немедленно поднял все имеющиеся войска, передал их своему военачальнику Паппу, и они выступили на помощь Иерихону, подойдя к нему раньше Иосифа. Войска Иосифа, усталые и расхлябанные, не представляли сколь-нибудь серьезной боевой единицы и были в считанные минуты перебиты. Мужественное сопротивление самого Иосифа дела не меняло. Не спасся никто. Папп сам убил Иосифа — это была его законная добыча: он отрубил ему голову. Ферор предложил Антигону за голову брата, доставленную Паппом в Иерусалим, 50 талантов, но получил презрительный отказ.

Поражение Иосифа в очередной раз послужило причиной необузданного и необъяснимого всплеска антииродовских и антиримских настроений. Казалось, что тлетворный дух разрушения избрал Иудею в качестве голоса своего инструмента. Может быть, он позаимствовал его у Паппа и сейчас извлекал из него хриплые и стонущие звуки, лишаящие всех разума.

Началось с Галилеи. Наместники и сторонники Ирода были схвачены, связаны и утоплены в Галилейском море близ Генисарета. Через несколько десятков лет эти же зверства повторят римляне здесь же. Заволновалась и Идумея, только пассивное присутствие Махера спасло эту провинцию от кровавых столкновений. Ирод в это время находится в Антиохии. Был конец ноября 38 года.

Глава 18

МЕСТЬ

Покинув Антиохию, Ирод располагается в Дафне, что на пути к Птолемаиде, и здесь видит сон. Голова брата все время возникает перед ним, окровавленная, она лежит на блюде, роскошном блюде, и когда голова скалится, оно блестит, как золото на солнце. Ирод просыпается в холодном поту, впадает в забытие, голова появляется снова, умиротворенно и грустно улыбаясь, лежит она уже на другом, на тусклом медном то ли блюде, то ли щите.

Ирод просыпается на заре и больше не засыпает. Слезы непроизвольно выступают у него на глазах. Он уверен, что брат его мертв. Долго ходит он по комнате, сжав голову руками, словно стараясь защититься от наваждения. Он взывает к Адонаю. Он предчувствует худшее. Он даже не принимает поста¹. Солнце всходит в большом желтом мареве. Он всматривается в эту желтизну, покрытую легкой дымкой и объятую белым пламенем, до тех пор пока не устают глаза. Потом поворачивается спиной к восходящему светилу и стоит несколько минут, прикрыв глаза. Он открывает их, поворачивается и видит двух всадников, скачущих с юго-востока. Он уже знает, чувствует, что за весть везут они. Вестники спешиваются и рассказывают Ироду о сражении. Ирод винит себя, до боли ясная картина встает перед ним. Он видит все ошибки брата. Голос одного из вестников звучит размеренно и печально. Он еще очень молод и станет постоянным спутником и другом Ирода на долгие годы, а потом, незадолго до своей смерти, Ирод казнит его. Имя его — Тирон. Тирон продолжает говорить. И о том, как Папп собственноручно убил Иосифа, поднял его голову и показал ее орущим солдатам, как обещал, что с Иродом поступит так же. А потом Антигон

¹ Пост, налагаемый на себя человеком, помогает предотвратить событие, предвещаемое мрачным сновидением.

совершил деяние, постыдное для иудея, — он отказался продать голову убитого за огромную по тем временам сумму — 50 талантов. Ирод прикусывает губу до боли. Взгляд его суров, в нем таится угроза мести.

Ровным и отрешенным голосом отдает он распоряжения. Его войско и так собиралось двигаться сегодня дальше к Иудее, поэтому сборы проходят организованно и быстро. Конница Ирода двинулась на юг вдоль Ливанского хребта. Через двое суток во главе отряда Ирод прибывает в Тир, берет под командование римский легион и 800 конных сирийцев и самаритян — это подарок Антония перед отъездом в Афины — и днем выступает на Птолемаиду. Дает 6 часов отдыха своим воинам и ночью переходит границу Галилеи. Небольшой отряд Антигона, встретив его всадников, стремительно отступает и укрепляется в безымянной крепости на 2 километра южнее Каны. На заре Ирод совершает нападение на крепость, но сильная снежная буря не позволяет вести долгую осаду. Ирод отступает к Кане, где его догоняет второй римский легион. Буря утихла, у Ирода многократное, может быть двадцатикратное, превосходство в силах, и враги рано утром отступают на северо-восток. Ирод их не преследует. Стремительным маршем движется он к Иерихону, городу, отнявшему у него брата Иосифа. В нескольких километрах от Иерихона, в деревне Галгал, войско делает последнюю остановку. Это место священо для иудеев: именно отсюда они двинулись завоевывать Ханаан, и двенадцать огромных камней, расположенных полумесяцем, напоминают об этом походе. Здесь важнейшее святилище эпохи Судей. Здесь пророчествовали Самуил, Илия и Елисей. Старшие командиры занимают лучшие каменные дома, младшие командиры тоже размещаются в зданиях. Римляне быстро разбивают лагерь. Жители в целом настроены радушно, Ирод платит щедро, очень щедро.

Ирод устраивает трапезу, пригласив обоих начальников легионов, начальника конницы и нескольких своих приближенных: Птолемей Дамасский — его советник (визирь); просто друг — Птолемей II (полуидумей-полуиудей, поэтому приятный ему) и Саппион — они встречали его на Родосе. Их семеро. «По числу свечей», — шутит Ирод. Они усаживаются за стол, подносят вино ко рту, и в это время внезапно проваливается крыша, однако балка, разделяющая комнату на две части, выдерживает. Рядом с ними пол завален

обломками дерева и штукатурки. В проломе сияет звездное небо. Римляне хватаются за мечи, иудеи шепчут молитвы: «О Адонай-Элохим, благодарим тебя за чудное спасение наше».

Ирод на удивление спокоен, он не усматривает здесь злого умысла и велит перенести трапезу в другое место. Примерно через час, когда они размещаются в соседнем доме и выпивают первые кубки хорошего вина, Ирод начинает говорить торжественно, медленно:

— Спаслись мы, как предки наши, и это было здесь же... — Помолчав, он стал говорить из Писания: — «И был голод в земле той, и сыны пророков сидели пред ним. И сказал он слуге своему: поставь большой котел и свари похлебку... Но как скоро они стали есть похлебку, то подняли крик и говорили: смерть в котле, человек Божий! И не могли есть. И сказал он: подайте муки. И высыпал ее в котел и сказал Тезию: наливай людям, пусть едят. И не стало ничего вредного в котле»¹. Разве это не похоже на муку? — спросил Ирод и показал на кусочки штукатурки, растирая их в руках. — Разве это не знамение? Бог будет с нами в этом походе. Давайте выпьем за то, что он послал нам знак, и возблагодарим его.

И римляне, и иудеи с удовольствием выпили. Оба начальника легионов впервые в этой стране, и им многое кажется странным. Вино быстро снимает напряжение. А Ирод подзывает вольноотпущенника и велит сохранить кусочек штукатурки, он будет носить его всю жизнь как талисман и будет почитать пророка Елисея, спасшего его в Галгале. А Птолемей Дамасский удивлен его знанием священных книг и будет рассказывать об этом.

Наутро Ирод, который всегда вовремя останавливался в питии, без всяких церемоний велел лить на головы римлян холодную воду. Враг спустился с гор и напал на сторожевой отряд. Шесть тысяч человек спускаются с близлежащих горных отрогов и с завыванием устремляются на лагерь. Никто не ждал нападения. Если отбросить фактор внезапности, эта атака, как часто было и будет в Иудее, — эмоциональный порыв. Их меньше, чем войск у Ирода, они хуже вооружены и совсем не обучены. Ирод с небольшим отрядом бросается на врага, выдерживая град камней и дротиков. Один из дротиков ранит Ирода в бок. Его подхватывают под руки и уводят в лагерь. И вот уже навстречу нападавшим движется строй

¹ 4 Царств, 4:38-41.

римских легионов, а слева и справа мчится в обхват конница. Нападавшие обращаются в бегство, римляне гонятся за ними и устраивают резню. Вечером начальникам легионов стыдно смотреть Ироду в глаза, но рана его не тяжела и он доволен результатом схватки. Сбылось пророчество, одержана первая победа. Он предлагает устроить пир. Римляне переглядываются и конечно же не отказываются. Пир заканчивается довольно скоро, Ирод ссылается на слабость, рана все-таки дает о себе знать. Лекарь смазал ее бальзамом и уверяет, что через неделю царь забудет о ней.

Преддверие зимы. Собирается военный совет: идти на Иерусалим или нет? Штурмовать город зимой нереально. Это понимают все. К тому много причин: трудно вести земляные работы, осложняется доставка провианта, и, что самое важное, ниже моральный дух войска. Холодное время легионеры предпочитают проводить на зимних квартирах. Все склоняются к мысли о зимнем лагере. Интенданты выясняют возможность и пути подвоза продовольствия. Окончательное решение будет принято через неделю, когда Ирод выздоровеет. Через несколько дней разведка доносит, что отряд Паппа — а это примерно треть всех сил Антигона — покинул город и движется к Самарии.

Ирод встревожен. В Самарии находятся его близкие. Правда, там стоит гарнизон Махера, прибывший из Идумеи, но Ирод не доверяет ему. И на то есть все основания. Утром он выступает тремя колоннами. Конницу посылает к Самарии — столице, туда, где его родные и Мариамна. Сам же движется на запад параллельно маршруту Паппа. Трудно объяснить, почему Папп так пассивен. Он идет не форсированным, а обычным маршем, как бы с оглядкой на Иерусалим, словно ожидая чего-то. Эта нерешительность будет стоить ему головы. Он не доходит до Самарии и останавливается лагерем близ деревни Икава.

Войско Ирода по дороге грабит и убивает. Беспокойство Ирода о жизни близких принимает болезненную форму. Сейчас он хочет одного: уничтожить этот проклятый народ, отнявший у него отца, двух братьев и сейчас покушающийся на остатки его мира. Ирод разоряет пять древних маленьких городков: Геву, Михмас, Гай, Массиру и Вефаль, перебив там всех жителей. Преследовать бежавших он не велит, и не из гуманных побуждений, а потому, что экономит время. Через три дня у него полная информация об

обстановке: дорога на Самарию перекрыта, Папп укрепляет свой лагерь.

Волчий оскал искажает лицо Ирода, он знает это и один уходит в надвигающуюся ночь. Никто не должен видеть его лица и слышать его молитв. Всевидящему посвятил он только одно обращение, а далее вспомнилась ему опять фраза из Писания: «И сказал он: подите узнайте, где он; я пошлю и возьму его»¹. Ирод посылает вперед конную разведку и поднимает войско для ночного марша. Римляне несколько удивлены. При таком огромном превосходстве в силах, по их мнению, идти ночью нет необходимости. Но они не возражают: они привыкли к дисциплине, да и награбленное в пяти городах — вполне приличная добыча. Они идут всю ночь, а утром, корректируя свое движение по донесениям конной разведки, берут деревушку. Здесь легионеры едят и устраиваются на отдых. Чуть поодаль располагаются примкнувшие к ним иудеи-добровольцы из Иерихона, из других мест Иудеи. Их много, и они очень шумливы.

Отдохнув, легионеры опять строятся в походный порядок, за ними кучками стоят добровольцы. Все не прочь пообедать, но Ирод говорит: «Проклят, кто вкусит хлеба до вечера, доколе я не отомщу врагам моим»².

Утром разведка Паппа сообщает ему о неожиданном появлении войск Ирода. Он понимает, что ему не на что рассчитывать, но он не трус и предпочитает погибнуть в открытом бою. Атака Паппа изначально обречена на неудачу. Легионы римлян легко выдерживают первый натиск и точно по науке вместе со слаженно действующей гвардией Ирода берут отряд Паппа в обхват и обращают его в бегство. Папп погибает в первые минуты сражения. Бежавшие прячутся в домах, на крышах. Ирод велит никого не щадить, чем доставляет римлянам огромное удовольствие. Они окружают каждый дом и подрубают стропила, а когда крыша обрушивается, внутрь летят камни и дротики. Это кровавое месиво доставляет одинаковое удовольствие и царю, и римлянам. Иудеи, многие из которых впервые видят подобную бойню, зывают к Богу.

Ирод велит очистить несколько домов для него, командиров и приближенных. Вечереет. Легионеры, награбившись и натешившись,

¹ 4 Царств, 6:13.

² 1 Царств, 14:24.

располагаются на ужин. Затянувшаяся рана Ирода зудит. И он велит приготовить себе ванну в найденной в соседнем доме огромной лохани. Слуги работают четко и слаженно. Вносят лохань, греют на кострах воду. Ироду не терпится, он остается один с мальчиком, подаренным ему Клеопатрой, раздевается, вдыхает запах благовоний, которые влили в воду. Вдруг открывается дверь из соседней комнаты и появляется один воин с мечом, затем второй и третий. Они выбегают в дверь и растворяются в ночи. Это воины Паппа, их, спрятавшихся под лежанками, не заметили. Ирод, опешивший на несколько секунд, своим быстрым умом все понял. Он не велит никого наказывать, ни выяснять причину, ни преследовать убежавших. Молча залезает он в ванну, закрывает глаза, вдыхает запах благовоний и расслабляется. Голова Иосифа опять появляется перед ним, глаза у него тоже закрыты, но рот улыбается, широко, а из рассеченной шеи капает кровь, но Ирод уже не боится этого наваждения. Он многократно повторяет молитву Богу за свое чудесное двойное спасение, прерываясь только для того, чтобы сказать мальчику: «Больше давай горячей воды».

«К тебе, Господи, возношу душу мою, Боже мой, на тебя уповаю, да не постыжусь, да не восторжествуют надо мною враги мои»¹ — так молится Ирод.

Утром, чтобы окончательно избавиться от ночного наваждения, он отдает распоряжение отрубить Паппу голову и посылает ее брату Ферору. И это помогает. Никогда больше ни Иосиф, ни его голова не являются Ироду.

¹ 1 Царств, 14:24.

Глава 19

Падение Иерусалима

Стояла суровая зима 38/37 г. до н.э. Войско разместилось на зимовку близ Икавы. Самаритяне снабжали легионы продовольствием. Добровольцы из иудеев были распущены по домам до весны. Ирод проводил учения и часто ездил в Самарию к Мариамне. В первых числах февраля 37 г. он двинулся к Иерусалиму.

План кампании был отработан за зиму в деталях, насколько это было возможно. Начали строить капитальный лагерь перед северными воротами. И построили быстро. Потом укрепляли. Он смотрел на святой город с того самого места, где некогда стояли Помпей Великий и его отец, и ему было жутковато и вовсе не хотелось заниматься осадой. Он предпочитал проводить время с Мариамной. Она понесла в их первую ночь, но беременность не сделала ее менее красивой, наоборот — она придала царице мягкости, которой ей раньше не хватало, она стала женственной и уютной. Она ждала Ирода. Между Иерусалимом и Самарией было чуть больше 60 километров, и Ирод, меняя лошадей на заставах, которые он расставил на дороге, успевал добираться к любимой за один световой день.

В войске Ирода было несколько ветеранов, уже отслуживших свой срок, но оставшихся по просьбе командования, поскольку они помнили классическую схему осады Иерусалима, примененную Помпеем в 63 г.

С уверенностью опытного великого полководца Ирод повторял хрестоматийный штурм, проведенный Александром Македонским много лет назад при взятии Тира Финикийского.

Наступила весна, благоухающая, и сочная, зеленая, пышная и яркая, словно собиралась отметить третье падение святого города. Мир царил в Иудее, Галилее и Самарии, и это было уже хорошим знаком для страны, которую раздирала гражданская война. Сторонники

Антигона отстаивали старинные национальные ценности, и не было той силы, которая могла бы повлиять на их разум, ибо Ирод протаскивал в Иудею некое чудовище. Иудеи не имели представления о драконах, но чудовище все равно было им, и, как могли, они обрисовали его много лет спустя в Апокалипсисе. А пока они противились и умирали, хотя у дракона было и другое имя — греко-римский мир, но не древний, а худшее его воплощение — эллинизм.

Сейчас Ирод стоял перед северной стеной города и смотрел на огромные серые глыбы, из которых сложена эта стена, а еще он смотрел на пролом, сделанный в верхней ее части знаменитым тараном Помпея. Именно этот пролом будет пытаться заделать Агриппа I во времена Клавдия, и кто знает, как сложилась бы история, если б ему это удалось.

Неясные горькие мысли витали вокруг головы Ирода и сплетались в подобие колючего тернового венца, которые надевали на преступников. И уколы этих мыслей будут преследовать Ирода даже в постели Мариамны до тех пор, пока он не найдет нужное решение.

Ирод часто объезжал лагерь один или с Соссием, который, может быть, и не обладал стратегическим талантом Вентидия, но был упорен и терпелив. Он тоже остался в истории, потому что после Навуходоносора, вернее, начальника его гвардии Набусарана, и Помпея следующими покорителями Иерусалима были Ирод и Соссий.

Одиннадцать легионов, 6 тысяч конницы и огромная вспомогательная армия союзников, набранная в Сирии, стояли у стен города. И она, эта армия, была страшна и своей численностью, и тем, что, как саранча, пожирала все вокруг, лишая город продовольствия и фуража. Невозможно сопоставить ту энергию полководца и те ухищрения, к которым впоследствии прибег Тит во время последней осады, с теми методами, которые использовали Соссий и Ирод. Справедливости ради надо сказать, что какое-то мистическое чувство подсказывало иудеям степень опасности. Они, конечно, оказывали сопротивление Помпею, но словно по каким-то флюидам осажденным передавалась неподвижность и нерешительность его огромных мицдалевидных глаз. Незримый словно сказал им: «Он не решится». Помпей не тронул ни храма, ни города.

Никто, конечно, не знает, что в точности сказал Предвечный в этот раз народу, но сопротивление не было столь фанатичным, как во времена Навуходоносора, а потом и Тита.

Народ стоял на стенах и смотрел. Ирод повторил древний и известный прием осады: он и Соссий велели воинам ловить медью щитов лучи солнца и направлять слепящий свет на защитников города. Так солнце вступило в борьбу со Всевышним. Иудеи испугались. Фарисеи, многие из которых поддерживали Ирода, разжигали упаднические настроения и подрывали боевой дух осажденных.

Ирод с начальниками легионов объехал вокруг города. У них сложилось одно мнение: восточная стена со стороны ручья Кедрон была неприступна для штурма. Северная, там, где был Гефсиманский сад, и северо-восточная части храма тоже стояли над крутым ущельем. На юго-востоке городская стена, шла вдоль ущелья Кедрона и пока была неприступной. На юге, где это ущелье переходило в ущелье Енном, штурмовать тоже было нереально. За века храм от самой подошвы горы Мориа, на которой он стоял, был окружен тройной террасообразной стеной, а фундамент храма покоился на основе частично природной, а частично созданной руками человека на высоте 300 локтей. Западная городская стена — тоже древняя, строительство которой началось еще во времена Давида и Соломона, — шла вдоль Вифлеемской дороги и ущелья Енном. Высота стен была где 300, а где 200 локтей, но даже на высоту 90 локтей водрузить тяжелое оружие практически невозможно. Оставались северо-западная, северная и северо-восточная городские стены, которые были созданы лишь руками человека, без помощи природы. «То, что создали одни руки, всегда могут разрушить другие» — это правило знали все: и командиры, и простые легионеры.

В течение нескольких недель, когда кончилась обычная неразбериха при постройке лагеря — не чисто римского военного лагеря, который легионы ставят за 3—5 часов, а лагеря с восточным уклоном, — у солдат пропали восторженность и азарт. Даже маркитантки поняли, какой это долгий и изнурительный труд, и уезжали. Осажденные насмехались, но тревога выражалась в каждой их стреле, в каждом горшке, наполненном кипящим маслом. Очень редко кто решался подступать к Иерусалиму — этой величайшей крепости — они были настоящими полководцами, и осажденные знали это. Но каждое новое поколение, стоявшее на стенах и башнях Иерусалима, слепо полагалось на Яхве, и отголоски прошлого проплывали мимо них. Бог всегда с ними, он не допустит падения своего города.

Войска Ирода начали сооружать три вала для осадных орудий. Один против северо-восточной стены — отсюда вел кратчайший путь к храму. Через несколько лет Ирод усилит это направление в целях обороны города, воздвигнув здесь башню Антония. Другой вал насыпали против северо-западной стены. В будущем Ирод значительно укрепит и ее. А на северном участке между ними он воздвигнет в разных местах башни, посвященные жене Мариамне I, брату Фасайлу и другу Гиппику. А сейчас валы строились без особого энтузиазма. Сирийцы не выказывали излишнего рвения, а иудеев на стройке и вовсе не было. Это был неудачный год как для осаждавших, так и для осажденных, потому что это был седьмой год. Как в седьмой день недели, посвященный Богу, иудеи не работали, так и земля отдыхала на седьмой год, а в Иудее свято чтит этот обычай. Ничего в тот год не сеяли, на полях оставался травостой. Ирод, предупреждая грабежи, сформировал фуражные отряды из иудеев, идумеев и самаритян, и каждый отряд занимался поборами только в своей провинции, и тогда население смотрело на «своих» не так косо и армию удавалось кормить.

Помпей был великим полководцем, и место для штурма он выбрал единственно возможное. Теперь основную брешь следовало пробивать там, где стены были отчасти разрушены. Таково было мнение всех военачальников. И на их стороне был голод, который на мягких лапах, словно леопард, неслышно проник в город Сушего. И тогда начался стон. И те, которые никак не могли проститься с жизнью, убегали и почти все попадали к римлянам. Их судьба зависела от настроения отряда, который их захватит. Если им везло и у легионеров было хорошее настроение, потому что удавалось достать вина или дополнительной пищи, они обыскивали их, отнимали деньги и драгоценности, а затем образовывали круг и, хлопая в ладоши, кричали: «Хеп, хеп», заставляя людей ползать на четвереньках и изображать некое животное. Потом их, полуживых, отпускали. Они были неопасны. Других распинали или убивали сразу, потому что распятие — тоже труд.

Иногда, если осаждающим казалось, что пленник представляет какой-то особый интерес, его приводили к Ироду. Ирод с болезненным любопытством расспрашивал о жизни в городе, и, конечно, больше всего его интересовало, как относятся к нему жители. Он знал, что этот город не любил его. И он спрашивал себя: неужели

все дело в том, что он из другого племени? Отчасти это было верно. Но были и другие причины, которые он не хотел признавать.

Иерусалим притягивал Ирода, как магнит. Он проезжал несколько километров вдоль северной стены, добирался до Кедрона на востоке, потом двигался на юг и застывал возле горы Сион, где впоследствии будет его царский дворец. Он мечтал об этом городе, он жаждал обладать им.

Иерусалим был его Лукоморьем, и золотая цепь желаний была одним концом заброшена на город, а другим на Ирода и притягивала его. И он, как кот, постоянно трогал его лапой. Он видел и чувствовал этот город, все больше впадающий в дрязги, грязный и дурно пахнущий, потому что осада была эффективной. Подвоза продовольствия в город практически не было, и шел седьмой год, и земля отдыхала. А голод превращал людей в животных и снимал Запреты.

В храме спорили. Потом споры выплескивались на площадь и, подобно заразе, ползли по узким и кривым улочкам, проникая в каждый дом. В Иерусалиме не было гражданского общества, сплотившегося для отпора общего врага, это было скопище людей, опустошенных и озлобленных на себя, на судьбу и даже частично на Сущего.

В храме спорили. Эти споры были прообразом тех, которые ровно через сто лет приведут Иудею к гибели.

Было нечто мистическое в предмете данного спора, никто не мог его определить, этот предмет. Ессеев в городе было мало. Может быть, они смогли бы всем растолковать что к чему. Но они существовали отдельно от толпы, от общих устремлений, исповедуя идеалы, далекие от жизни с ее многочисленными проблемами. Иудеи воспринимали их как экзотику, как диковинных птиц, которых надо было кормить и держать на свободе. Они были своего рода павлинами, только наоборот, потому что мир павлинов был красочен и ярок, а они любили тусклые тона, хотя одевались в белое.

Две партии решали судьбу Иерусалима и всей Иудеи. Поэтому они спорили. На протяжении многих сотен лет римляне, а потом и другие захватчики никак не могли понять суть их спора. Какими ничтожными и мелочными казались эти разногласия накануне гибели огромного города. Пытающиеся проникнуть в суть их мелочного

занудства так и не поняли ее. А все дело в том, что это были не мелочные споры, а глубочайшее философское противостояние, и, как решил Суший, оно было более важно, чем само существование Иудеи.

У храма всегда было многолюдно. Молились. Смысл этих молитв можно передать несколькими фразами: «О Господь, да святится имя твое, как мог допустить ты такое? Как один нечестивец два священных числа назад¹ осквернил пристанище твое, и теперь все повторяется. Неужто эти два нечестивца² повторят такое? Обрати Лик свой к народу своему».

Это была молитва обывателей и фарисеев. Потому что фарисеи, которые поднаторели в толковании Закона, полагали, что Суший не глух к молитвам и иногда откликается на них. А следовательно, — о любимая казуистика иудеев! — с ним можно спорить, его можно просить и его можно править — немного, совсем чуть-чуть. Они понимали, что берут на себя слишком много, но это так заманчиво — толковать заблудшим Законы Сушего. А вдруг он не рассердится, и тогда их души не будут обречены на вечные муки (что ждет всех заблудших), а смогут реинкарнировать и жить вечно?

Саддукеи с трудом переносили эту невообразимую чепуху, этих отступников из иудеев, полагавших, что можно вести диалог с Незримым либо вмешиваться в его Закон, изложенный в Писании.

Суший создал людей с определенной целью, но они были уверены, что им недоступно знание этой цели и, главное, абсолютно не нужно. Суший создал их, послал их души в земную жизнь, и нет таких молитв, которыми они могли бы отблагодарить его, хотя молиться все равно надо. И еще: Суший, озабоченный ворохом своих бесчисленных и бесконечных свершений, был слишком занят, чтобы его беспокоить по пустякам, о чем он сам объявил избранному народу. Людям следует полагаться только на самих себя, что в полной мере усвоил избранный народ. И еще: после смерти не будет ничего. А потому каждый сам волен решать, что ему делать и чего не надо делать в этой жизни. Тут, правда, было одно «но»...

¹ Помпей завоевал Иерусалим в 63 г. до н.э. У иудеев священными считались цифры 7 и 18, т.е. $63 - (7 + 18) = 38$. А описываемые события происходят именно в 38 г. до н.э.

² Ирод и Соссий.

Закон и Писание необходимо было чтить свято, а в остальном — полагаться лишь на себя. Этот дуализм законности и свободы воли было трудно воспринять, но он отражал глубинную сущность духа этого народа. Саддукеи, осунувшиеся, сидели в ермолках на почетных местах в храме и пели гимны.

*С нами Завет и со всем Израилем.
Поэтому надлежит каждому обратиться к Горе
Моисея, ибо в ней все точно разъясняется¹...*

*Благословен Ты, Господи, что не оставил
Нас в дни печали.
Ибо спешат на нас нечестивые народы
И топчут души наши.
Ропот и жалобы у единомышленников наших,
Ибо ты скрыл источник разума и тайну истины.
Горечь возросла в нас,
И свет лиц наших омрачился тьмой,
И сиянье твое обернулось темнотой.
И затмение дня наступило,
Ибо в строптивости своего сердца они
Рыщут и ищут тебя в сквернах,
Чтобы обесславить обманом дела свои,
И в безумии своем в седьмой день недели
Душу свою не могут оградить
От капканов гибели
И малодушничают²...*

А вопрос был в том, насколько можно отступить от Закона в субботу, чтобы оказывать сопротивление войскам Ирода и Соссия, штурмующим крепость. Ибо никто не знал, можно ли противиться возведению валов для осадных орудий вокруг Иерусалима в субботу. И Господь действительно прогневался на народ свой и не дал ему ни знаменья, ни наставления.

И римляне, и иудеи, осаждающие и штурмующие город, прекрасно были осведомлены об особенностях той осады, которую вел

¹ Реконструкция по тексту Дамасского документа.

² Реконструкция по тексту Благодарственных гимнов.

ранее Помпей. Римляне все фиксировали, а иудеи помнили. Именно в субботу осаждавшие продвигались к стенам. И в одну из суббот, когда дух осажденных ослаб, город пал. Пять месяцев осады увенчались успехом, и воины Ирода, эти посланцы Мастемы¹, первыми взобрали на стены святого города, а уже за ними солдаты Соссия, и произошло это у северной стороны храма.

Ирод, призывая иудеев, а также других верных и понимающих, впрочем, их было немного, окружил храм. Защитники стояли с обнаженными мечами и ждали, готовые скрестить оружие с римлянами и с кем угодно, ибо никто из иноверцев не должен переступить порог храма. Ирод знал, что молва гласила: «Все, кто побывал в святая святых, не имея на то прав, — умрут». И они действительно умерли все насильственной смертью, и его отец Антипатр — тоже.

Но легионеры вовсе не собирались убивать защитников храма. Они бы тоже защищали свой храм Юпитера Капитолийского. Да и зачем им нужен этот храм, когда у них в руках огромный и богатый город, где можно грабить и убивать всех подряд. Молодых женщин обычно не убивали — их насильовали и отпускали. Они же, по странности их иудейского нрава, впадали в транс от одного только прикосновения чужестранца, а потом сами искали смерти.

Ирод разослал своих людей во все кварталы города, пытаясь прекратить вакханалию кровавого опьянения. Он понимал, что уничтожение жителей Иерусалима означает и его конец как царя. Иудея ему этого не простит. Он действовал угрозами, мечом, именем Антония и Сената. Он прямо спросил Соссия:

— Чего же ты смотришь? Еще день такого мародерства легионеров, и в городе будет больше мертвых, чем живых. Кем и чем я буду управлять? Может, ты хочешь войны со всей Иудеей? Но ведь Риму нужны деньги и налоги, а не пустыня. Да и верная Риму Иудея — это его буфер от парфян. Понимаешь ты это или нет? А что Рим и Сенат?

Соссий не был ни трусом, ни мыслителем. Он хорошо провел осаду, не хуже самого Помпея когда-то, и теперь выжимал из победы все, что мог. Он знал, что за осаду Иерусалима Рим ему триумфа не даст, и остается одно: раз нет славы, надо брать деньги.

¹ Мастема — дух зла (древнеевр.).

— Солдаты грабят город не потому, что ненавидят иудеев. Просто они хотят вернуться в Рим богатыми людьми. — Соссий поскреб рукой подбородок и вопросительно посмотрел на Ирода.

— И много золота нашли? — Голос Ирода презрителен и суров, похож на камнепад. Он знал, что иудеи попрятали все, что могли, еще в начале осады, опасаясь своих же мародеров, которые ищут гораздо профессиональнее римлян. — Так что же вы нашли? Несколько глиняных горшков? Ваши солдаты унизили, опозорили иудейских женщин. Они насильовали их, грязных, истощенных и странных. И это — удовольствие? Я требую немедленно прекратить эту вакханалию. Я сам дам золото каждому легионеру и каждому командиру. Ты тоже вернешься в Рим обеспеченным человеком. Но разбой в Иерусалиме должен быть немедленно прекращен.

— А где ты возьмешь столько золота? — спросил Соссий.

— Это мое дело, — ответил Ирод. — Я с семьей остаюсь здесь и не настолько глуп, чтобы обманывать Рим. Но завтра же легионы покинут Иерусалим.

— Ирод, ты будешь великим царем, — сказал Соссий. — Позволь доставить тебе удовольствие. — И он хлопнул в ладоши.

Стражники привели закованного в цепи Антигона. Несколько часов назад, безоружный, он вышел из храма и пытался увещать легионеров. Его схватили, привели к Соссию. Он повалился ему в ноги, просил прекратить грабежи и плакал вовсе не потому, что был трусом, — ему было жаль соплеменников.

«Антигона — так назвал его Соссий, удивленный слезами предводителя, того, кто сопротивлялся ему долгих пять месяцев. — Антигона», — повторил он это звучное, сладковатое женское имя, оно ему нравилось, потому что отдавало древнегреческим.

Ирод, положив руку на меч, молча смотрел на своего давнего врага — бледного, опустошенного и тоже молчащего. Потом махнул в его сторону рукой.

Антигона поспешно увели.

Ирод помолчал еще несколько секунд, как бы собираясь с мыслями, и продолжил разговор:

— Каждый солдат получит две серебряные драхмы, младшие командиры — десять, старшие — двадцать, начальники легионов — сто. Ты получишь два таланта¹. И еще один талант после того, как

¹ По аттической монетной системе, 1 талант = 60 мин = 6000 драхм.

Антигон будет мертв. Я не могу убить ставленника иерусалимцев, ведь мне править ими. Ты же постарайся убедить нашего друга Антония в необходимости казни этого выскочки, ибо только после этого в Иудее воцарится спокойствие. И еще можешь ему подробно описать, как ты захватил Иерусалим. Я же остаюсь здесь.

Соссий мгновенно оценил, какую выгоду он получит от доклада Антонию, приписав всю победу себе и доблестному римскому войску. Да и заплатить Ирод обещал по-царски.

— Великий царь, — церемонно произнес Соссий, — завтра Рим будет приветствовать храм и Яхве, вашего Бога. Потом войска вернутся в лагерь.

Ирод взглянул на Соссию. Они поняли друг друга.

— Послезавтра деньги будут у вас, — заключил Ирод.

Соссий созвал начальников легионов и когорт и объявил, что война в Иудее окончена, завтра они чествуют храм и Бога Яхве, потом уходят в лагерь, а через день или два возвращаются в Сирию. Хмурые вытянутые лица выразили удивление. И это все? А во имя чего же они мучились пять месяцев и погибали?

Соссий посмеялся над их растерянностью и произнес как подарок:

— Наш друг и соратник Ирод опасается, что еще один день вашего усердия в городе, и ему придется править пустыней. Он заплатит выкуп за город из своих средств. — И Соссий назвал обещанные Иродом суммы. Надеюсь, вы довольны. А теперь идите и помните, что за ослушание денег не платят.

Тон, которым Соссий произнес последнюю фразу, ни у кого не оставил сомнения в том, что неподчинение командующему экспедиционным корпусом будет стоить дорого.

На следующий день в присутствии первосвященника и всей коллегии Синедриона, а также при большом скоплении народа состоялась торжественная церемония. Ирод чуть не опоздал на нее, так был занят. Соссий посвятил Богу Яхве золотой венок, объявил о прекращении войны и вместе с войсками покинул Иерусалим. Два дня легионеры томилась в ожидании денег, свертывали лагерь и рассуждали о странном поведении иудеек: изнасилованные, они бросались на меч либо закалывали себя сами, а в глазах их было безумие. Никто не знает, сколько было таких случаев, но у легионеров осталось неприятное впечатление, и они рады были, что ушли из этого города. Им хотелось домой.

Через день Ирод привез деньги. Никто не знал, где он их достал. Римские войска покинули Иудею, Ирод остался один на один с Иерусалимом.

Ирод решал первоочередные проблемы: захоронение погибших, поставку продовольствия для огромного голодного города, наведение элементарного порядка. Он очень уставал, но за всем следил. Со времени правления Фасаила у Ирода были свои люди в городе, и ему доносили обо всем.

Синедрион обвинял его во всех смертных грехах, потому что это из-за него в городе «явилась склонность к эллинизму», сближение с иноплемениками¹ — так написано в священных книгах. И еще: «Он, получив власть, тотчас начал склонять одноплеменников своих к эллинским нравам»².

Ирод стабилизировал положение в городе, жизнь входила в свою колею. Брат Иосиф, его будущий казначей, молодой, энергичный, сосредоточенный, не видящий никого и ничего, кроме цифр, занялся финансами. Вместе с Птолемеем они организовали финансовую коллегия, и она работала хорошо. Племянник Ирода — сын Фасаила и Ахав — его двоюродный брат были его порученцами. Организацию охраны дорог взял на себя Костобар, идумей, тонкий в кости, стройный и гибкий.

Ирод скучал по Мариамне, но не мог отлучиться из Иерусалима и потому злился на всех и на всё.

Ему донесли о гимнах, которые сочиняли и пели в городе.

*Позор изменнику, носителю кривды,
Предателю тайной истины и
Избранников правды.
И станем мы против греха нечестивцев³.*

Он выслушал донос с налитыми кровью глазами и решил казнить 68 членов Синедриона. Он оставил в живых двух сопредседателей Синедриона, так как оба они поддерживали его еще во времена Гиркана. Один из них был Шамаи, фарисей и книжник. Он

¹ 2 Макк., 4:13.

² 2 Макк., 4:10.

³ Реконструкция по тексту Благодарственных гимнов.

был достойным учеником Поллиона, тоже фарисея и друга Ирода. Всю свою жизнь Ирод терпимо относился к фарисеям. Другим председателем был Авталион, тоже раньше поддерживавший Ирода. А теперь царь сидел рядом с ними, и оба они были удручены его решением. Имя еще одного члена Синедриона, оставленного в живых, неизвестно. Пролилась кровь знатных иудеев, с которыми они были близки долгие годы. Они били себя в грудь, молились семь дней и теперь сидели бледные и опустошенные.

«Иерусалим не может быть без Синедриона, — сказал им Ирод. — В кратчайший срок должны быть избраны новые члены». И они ушли, и понемногу их тоска уступала место заботам, потому что не простое это дело — избрать новый Синедрион, да еще не враждебный Ироду.

Ирод же метался в поисках средств для закупки продовольствия. Но денег не было, и тогда он приказал отобрать драгоценности у богатых. И, конечно же встретил противодействие. Горожане питались впроголодь и роптали: «При Антигоне этого не было».

Ирод злился на этих глупых людей, обреченных на голодную смерть. Но где же, где достать денег?

Ирод устраивает нечто вроде проскрипций времен Суллы. Для начала казнены 45 знатнейших граждан Иерусалима — все из рода Давида. Он питает особую ненависть к этому роду, потому что Иерусалим не желает отказаться от этой глупой формулы: царь Иудей должен быть из дома Давида.

Он велит вырезать семейство Бен-Баба, особенно противящегося его указам. Он выбивает деньги пытками и казнями. Их совершают идумеи, его креатура¹. Сохем получает должность начальника стражи, а Костобар отвечает за безопасность караванных дорог — в них сейчас жизнь или смерть Иерусалима. Малейшее подозрение в грабеже карается смертью. И через несколько месяцев дороги стали безопасны.

Ирод добивается своего. Террором, грабежами он отбирает золотые, серебряные изделия. Переливает их в монеты с орлом и пальмовой ветвью, и эта монета становится ходовой как в Палестине, так и за ее пределами: в Сирии, Египте, Келесирии, Парфии, Аравии. Он направляет часть денег Антонию, готовящему поход на Парфию, — это политика, а остальное тратит на продовольствие,

¹ Креатура — человек, получивший должность по протекции.

ибо ему нужно держаться еще очень долго: до нового урожая больше полугода. Не многие понимали, что жестокими мерами Ирод спас Иерусалим от голода. Постепенно формируются зимние запасы. Ирод позволяет себе уехать к Мариамне, он присутствует при родах, а обрезание сына Александра осуществляет уже в Иерусалиме. Мариамна не хотела оставаться с сыном в этом городе, холодном, залитом кровью и не любящем ее мужа.

Тогда Ирод попросил прийти Шамаи и спросил:

— Рабби, неужели в городе не осталось разумных людей? Я не взял себе ни серебра, ни золота. Все, что я делал, имело одну цель — спасти их от голода.

И мудрец сказал:

— Не хлебом единым жив человек. Великий царь, ты знаешь, почему пали стены Иерихона? Нет, так слушай. «Стоял град Иерихон крепостью неприступной, и не было хода израильтянам ни вперед, ни назад, ни вправо, ни влево. Словно замороженные они были, ибо так Господь — Всеведающий и Непостижимый — хотел испытать Иисуса. Иисус Навин и воины его неспешно шли кругом города и трубили, не зная отдыха. И рухнули стены». А знаешь ли ты, почему они рухнули? Ханаанеи приносили жертвы — людские и бесчисленные — так же, как ты, Ирод. А в трубы трубил Иисус Навин, трубил для того, чтобы мертвецы подумали, что настал их день — день Восстания мертвых — и восстали, и сбросили с себя камень. А когда они сделали это, рухнули стены Иерихона, а затем и других городов ханаанских, ибо сказано в Писании: «Не за праведность твою ты наследуешь землю сию, но за нечестие народов сих Господь изгоняет их»¹. Такая же участь, Ирод, постигнет и твою Иудею. Я понимаю, что ты хочешь практического совета, а не рассуждений о грехе и крови. Сделай свою резиденцию в Иерихоне: он древен, он был первой победой Иисуса Навина в Земле обетованной, он рядом с Иерусалимом, и там тепло. Мариамне там будет хорошо, и все поймут, что ты сделаешь там временную резиденцию. А на будущий год Господь дарует нам урожай, мы все будем молить его об этом. А чувство сытости — лучшее лекарство от крови.

Ироду очень понравился такой совет.

¹ Фольклористское толкование Анри Волохонского приводится по кн.: Шмуэль Иосиф Агнон. Во цвете лет. М.: Панорама, 1996. С. 254.

Глава 20

АНТОНИЙ

Могучее тело Антония вмещало в себя как бы двух людей: один из них – грубый солдафон, любитель женщин и пьяница, так ненавистный Цицерону; другой – дружелюбный и веселый человек, отважный полководец, начальник конницы Юлия Цезаря, пользующийся его неограниченным доверием. Только выдающийся вперед могучий подбородок мог рассказать физиономисту об этой его второй натуре, которой было много меньше первой. Цицерон усмотрел обе эти натуры Антония, но не заметил того, кто прятался за ангельской внешностью Октавиана.

Плутарх оставил описание только первого Антония: «Антоний отличался чрезмерным простодушием, слепо доверяя окружающим. Вообще он был простак и тяжелодум и поэтому долго не осознавал своих ошибок, но, раз заметив и осознав, бурно раскаивался, горячо винился пред теми, кого обидел, и уже не знал удержу ни в возлияниях, ни в карах. Впрочем, он легче преступал меру награждая, чем наказывая»¹.

Эти слова не вяжутся с подробностями того страшного по своему цинизму торга, который в начале ноября 43 г. до н.э. вели Антоний, Октавиан и Лепид.

Взаимные уступки были таковы: Октавиан жертвовал Цицеронам, Лепид – своим братом Павлом, Антоний – Луцием Цезарем, дядей со стороны матери. Так, обуянные гневом и лютой злобой, они забыли обо всем человеческом или, говоря вернее, доказали, что нет зверя, свирепее человека, если к страстям его присоединяется власть².

¹ Плутарх. Антоний, 25.

² Плутарх. Цицерон, 46.

После этого они залили Рим кровью.

Триумвиры наедине составляли списки имен лиц, предназначенных к смерти, подозревая при этом всех влиятельных людей и занося в список своих личных врагов. Как тогда, так и позднее они жертвовали друг другу своих родственников и друзей. Одни за другими включались в список, кто по вражде, кто из-за простой обиды, кто-то из-за дружбы с врагами или вражды к друзьям, а кто по причине своего выдающегося богатства. Дело в том, что триумвиры нуждались в значительных денежных средствах для ведения предстоящей войны против убийц Цезаря, так как налоги с Азии были предоставлены Бруту и Кассию и поступали еще и теперь к ним, да и цари и сатрапы делали им взносы. Сами же триумвиры в разоренной войнами и налогами Европе, особенно в Италии, терпели нужду в деньгах. Вот почему они облагали тяжчайшими поборами простой народ и даже женщин и изобрели пошлины на куплю-продажу и на договоры по найму. Некоторые угодили в проскрипционные списки из-за своих красивых загородных домов и вилл. И было всех приговоренных к смерти и конфискации имущества из сенаторов около трехсот человек, а из так называемых всадников – 2 тысячи (всадники составляли второе после сенаторов сословие граждан).

Большинство из обреченных на смерть триумвиры были намерены подвергнуть публичной проскрипции после своего вступления в Рим. Но 12 человек, или, как утверждают другие, – 17 из наиболее влиятельных, в том числе и Цицерона, решено было устранить ранее остальных, подослав к ним убийцу немедленно. Четверо из них были умерщвлены сразу. Но в то время как по Риму разыскивали других и обыскивали дома и храмы, внезапное смятение охватило город и всю ночь были крики, беготня, рыдания, словно во взятаям неприятелем городе. Вследствие того, что стало известно о происходящих арестах, у каждого возникла мысль, что именно его-то и разыскивают шныряющие по городу люди. Отчаявшиеся в своей судьбе уже

собирались поджечь кто свои, кто общественные здания, предпочитая в своем безумии совершить что-либо ужасное прежде, чем погибнуть. Может быть, они бы это и сделали, если бы консул Педий, обходя город с глашатаями, не обнадежил их, что утроем или все станет известно. Незадолго до наступления утра Педий, вопреки решению триумвиров, обнародовал список 17 лиц, единственно оказавшихся виновными во внутренних бедствиях и потому осужденных на смерть. Остальными он дал официальное заверение в безопасности, не зная о решениях триумвиров. Сам Педий от переутраченного скончался в ту же ночь. Триумвиры в продолжение трех дней вступали в Рим один за другим: Октавиан, Антоний и Лепид, каждый в сопровождении войск. Рим наполнился воинами. Триумвиры официально вступили в свою должность сроком на пять лет. Ночью во многих местах города были выставлены проскрипционные списки с именами новых 130 лиц в дополнение к прежним 17, а спустя немного времени – еще 150 человек. В списки всегда заносились дополнительно кто-либо из осужденных предварительно или убитый по ошибке; все это делалось для того, чтобы казалось, что они погибли на законном основании. Было отдано распоряжение, чтобы головы убитых доставлялись триумвирам за определенную награду, которая для свободнорожденного заключалась в деньгах, а для раба – в деньгах и свободе. Все должны были предоставить свои дома для обыска. Всякий принявший к себе в дом или скрывший осужденного или не разрешивший обыскать свой дом подлежал смерти. Каждый желающий мог сделать донос на любого и получить за это вознаграждение¹.

Ничего подобного Рим не знал за свою многовековую историю.

Одни залезали в колодцы, другие – в клоаки для стока нечистот, третьи – в закопченные дымовые трубы под самую крышу; некоторые сидели в глубочайшем молчании

под сваленными в кучу черепицами крыши. Боялись не меньше, чем убиты, одни – своих жен и детей, враждебно к ним настроенных, другие – своих вольноотпущенников и рабов, третьи – своих должников или соседей, жаждущих завладеть их поместьями. Прорвалось наружу вдруг все то, что до тех пор таилось внутри; произошла противоестественная перемена с сенаторами и другими людьми: теперь они бросались к ногам своих рабов с рыданиями, называли слуг спасителями и господами. Печальнее всего было, когда и такие унижения не вызывали сострадания. Происходили всевозможные злодеяния, больше, чем это бывает при восстании или взятии города врагом. Толпа грабила дома убитых, причем жажда наживы отвлекала ее сознание от бедствий переживаемого времени. Более благоразумные и умеренные люди онемели от ужаса¹.

Сбылось пророчество Цезаря, сказавшего, что после его смерти начнется гражданская война.

Союз, замешанный на крови, имеет свои особенности потому, что базируется на горести и воспоминаниях, и тот, кому первому удастся набросить на них пелену забвения, получит в глазах народа прощение и славу. Народ склонен прощать и любить диктаторов. Этим в полной мере воспользовался Александр Яннай, а потом и Август, но не Ирод, потому что он не знал, где хранится эта пелена забвения.

Антоний, который чаще использовал эту пелену не по назначению, сейчас счел необходимым набросить ее на себя. Он предпочел забыть судьбу своего брата – консула Луция Антония и своей жены Фульвии.

Голод в то время терзал Рим: по морю ничего не привозилось, так как море было во власти Секста Помпея, сына Великого Гнея Помпея, а в самой Италии из-за междоусобных войн обработка земли почти прекратилась, если же что и произрастало, то шло для войска. В Риме по ночам целые толпы занимались грабежом, еще более осложняя обстановку в городе. Делалось все это безнаказанно; молва

¹ Аппиан. Гражданские войны, 4. 13–14.

приписывала грабежи солдатам. А простые люди закрыли свои мастерские и не хотели знать никаких властей: в обедневшем и разграбленном городе не было, казалось, нужды ни в ремеслах, ни в должностных лицах¹.

При таком положении в Риме Антонию ничего не угрожало: Октавиан, мягко говоря, был не в чести. Но он прекрасно осознавал, что благополучие Рима и, следовательно, его собственное зависит от снабжения Италии продовольствием, а для этого прежде всего нужно разбить Секста Помпея, для чего нужен флот; флот же был у него, у Антония, который понимал, что Октавиан, находясь в Риме, все больше подминает под себя Сенат. Игнорировать его решение было просто невозможно, поскольку во власти Сената было объявить его «врагом отечества», но отдать флот без борьбы, без торга было уж слишком не по-восточному, а Антоний любил Восток и многому там научился. Не повезло ему в одном: способность к обучению у Октавиана была гораздо выше его собственной.

Отправив Вентидия в Рим, где тот все-таки получил триумф, и одержав победу над Антиохом, Антоний объединил эти события в одно и рапортовал в Рим, что 38 год прошел под знаком побед римского оружия на Востоке, одержана первая победа над парфянами и их союзниками. Все это в полной мере соответствовало действительности и вызвало горячее одобрение отцов-сенаторов. Триумвир готовился осуществить окончательное покорение Парфии и довести до логического конца идею Цезаря — донести орлы римских легионов до Индии. Сенат рукоплескал. Для этого Антоний остается на зиму в Афинах, чтобы координировать подготовку армии. Никто не возражал, но поехать к Клеопатре он, естественно, не мог: вмиг кольчуга триумвира была бы сброшена с него и вместо нее ему пришлось бы довольствоваться грубым обличьем сластолюбца. Афины имели то преимущество, что находились на равном удалении и от Рима, и от Александрии. Ни той, ни другой стороне не в чем было упрекнуть его.

Клеопатра, узнав о решении Антония, не очень огорчилась: у нее на руках были годовалые близнецы, она сейчас заботилась об

¹ Аппиан. Гражданские войны, 5. 18.

их благополучии и не слишком скучала. Она направила ему устное послание и описание малюток, которое привез в Афины жрец Эпимах. И еще в послании было, что она надеется скоро увидеть Антония вместе со жрецом, которому полностью доверяет.

Жрец жил в одном помещении с Антонием, молчал наблюдая, как тот встречался с легатами, командирами, бражничал, играл в кости и тискал гетер. Все его эмоции стайками пробегали по морщинистому лбу, переходящему в лысый череп, по смешливым и властным черным глазам и рту, то плотно сжатому, то насмехающемуся.

В один из вечеров, когда шел дождь, протяжный и нудный, Антоний вызвал жреца, всегда безупречно и однообразно одетого в белое. Он приветствовал его, как учила когда-то Клеопатра, назвал его «обладающим даром» и спросил:

— У меня есть враг?

— Октавиан, мне незачем скрывать его имя.

— Могу ли я попросить у ваших богов благоволения ко мне и неприятностей моему врагу? Я обращаюсь к тебе, Эпимах, «обладающий даром». Мне кажется, что Октавиан в Риме гораздо ближе к Юпитеру Капитолийскому, чем я, и мольбы его — а он наверняка желает мне копья в бок в Парфянской войне — достигают ушей Юпитера гораздо быстрее моих. Могу ли я просить тебя сделать что-нибудь?

— Просить можешь, — проворчал жрец, словно говорил с просителем на крыльце храма, — но выполнение твоих просьб зависит от многого. Хочешь попробовать?

— Конечно.

— Я буду говорить заклинание, и, когда я кончу, ты про себя скажешь желание. А потом мы продолжим.

Жрец вынул из висевшего на поясе кошелья талисманы, застыл, сосредотачиваясь, и начал говорить торжественно и размеренно:

— Я зываю к тебе, тот, кто создал землю и кости, всякую плоть и всех духов, кто сотворил моря и сотрясает небеса, кто отделил свет от тьмы, великий правящий разум, распоряжающийся всем, око мира, дух духов, бог богов, властелин духов, непоколебимый Эон, й-аа-оо-уу-еее. Я зываю к тебе, правитель богов, Великий громовержец Зевс, Царь, Адонай, Властелин, й-аа-оо-уу-еее. Я тот, кто закликает тебя на сирийском языке, великий бог Заалаэр, Иффу,

не пренебрегай иудейским именем! Абланафаналб, Абрасилоа, ибо я — Саваоф, Адонай, Элохим¹...

Жрец слегка нагнул голову, делая знак Антонию и глядя на него исподлобья. Антоний судорожно, как будто боясь не успеть, стал вспоминать кары, которые он хотел бы посулить Октавиану, но они получились нечеткими и быстро исчезли в дымке.

— В твоём египетском заклинании, — сказал он жрецу, — что-то слишком много иудейского.

— Иногда, — произнес жрец, — когда речь идет о серьезных вещах, например о жизни и смерти, у религий не обязательно должны быть противоречия. Но тебе не дано знать больше. Продолжим.

Он попросил Антония позвать раба и что-то шепнул ему. Через несколько минут раб вернулся, щуплый и желтый слуга жреца, лишенный возраста, в равной мере ему могло быть и 17, и 37 лет. Приветливо улыбаясь, он протянул Эпимаху шкатулку из эбенового дерева, оправленную золотом и серебром. Из нее он достал немного воска и начал лепить крокодила. Запах незнакомых Антонию благовоний стоял в комнате.

Жрец поместил фигурку между ладонями и начал ходить по комнате, произнося то нараспев, то быстро цокая языком, какие-то непонятные и чудные фразы. Затем он положил фигурку в шкатулку и закрыл ее. Огромный глаз из красной яшмы, символизирующий счастье и удачу, — Антоний знал это — загадочно светился на крышке шкатулки.

— Соверши омовение, — сказал жрец, — и ложись спать, а утром мы узнаем, насколько боги благосклонны к тебе.

Утром Антоний послал за жрецом, они вошли в комнату, и жрец отбросил крышку шкатулки. На дне лежала бесформенная масса воска. Жрец выглядел слегка обескураженным. Антоний с любопытством смотрел на него.

— Я первый раз вижу подобное, — чистосердечно сознался жрец. — Мне ясно одно: боги еще не решили или не хотят вмешиваться в ваш спор. Если ты хочешь узнать что-нибудь, встреться с Октавианом.

Жрец сформулировал ту мысль, которая уже была в сознании Антония, но он не хотел ее воспринимать.

¹ Подлинная магическая формула.

— Ты прав, мудрый жрец, — произнес Антоний, и ему показалось, что Эпимах остался доволен.

Завершив дела в Афинах, Антоний пишет письмо Ироду с пожеланием удачи, сообщает Клеопатре, что едет в Рим. Эпимах по его просьбе тоже пишет ей несколько слов: «Я развил развитие развитий»¹.

Через несколько дней Антоний едет в Рим. Там он первым делом идет к Октавии. Он не сентиментален. Но в его отсутствие у него родилась дочь Антония старшая. Он небрежно целует Октавию, берет на руки дочурку, и рука его, скорее по привычке, ложится на бедро женщины. Он смотрит на ее четкий римский профиль, на глаза, затянутые поволокой, и вождение охватывает его. Он быстро передает, чуть ли не бросает ребенка появившейся вольноотпущеннице, велит никого не пускать и буквально волокет Октавию в спальню. Их никто не тревожит. Это — пик их любви и лучшие дни Октавии.

Через несколько дней все устраивается. Антоний встречается с Октавианом, и они разговаривают вполне корректно, как два политических деятеля, обмениваются впечатлениями. Империя достаточно обширна. Они могут найти общий язык, по крайней мере после первых встреч это кажется вполне вероятным. Тем более что они встречаются не часто, у Антония масса знакомых и друзей, которых он должен посетить. Он и посещает. Беда Антония в том, что он больше говорит, чем думает, он напорист — это замечательное качество для полководца, но отнюдь не для дипломата. Октавиан устраивает слежку, надзор, он знает всех, у кого побывал Антоний, он по крохам собирает информацию, создавая из маленьких кусочков мозаики единую картину. Эта картина — круг интересов Антония. Ему быстро надоедает монотонная размеренная жизнь. Рим скучен. Иное дело Восток. Там каждый день как на вулкане. Иное дело Клеопатра — она так горазда на выдумки. С каким удовольствием он вспоминает их пребывание в Тарсе.

По прошествии нескольких месяцев он приглашает жреца, который живет в нескольких кварталах от Антония.

— Ты что-нибудь скажешь мне, великий жрец? — спрашивает Антоний.

¹ Первая фраза из папируса «Неси Амсу».

— Да, — отвечает тот, — я скажу тебе пророчество, которое открыла мне богиня Хатхор¹, оно одинаково для тебя и для Клеопатры: вы умрете либо от укуса змеи, либо от меча, либо вас погубит собака, — жрец сделал паузу и, упреждая вопрос Антония, продолжал: — Но семь лет вы будете под покровительством богини Хатхор. Это пророчество действительно только тогда, когда вы не участвуете в битвах, — там вы сами отвечаете за свою судьбу.

— А если я буду в Риме? — вопрошает Антоний.

— Там египетская богиня бессильна, — отвечает жрец. — Тогда вы будете подвержены воздействию стихии, как и любое другое существо, не интересное для богов. Так ты покинешь Рим? — вкрадчиво спрашивает жрец, и усмешка ящерицей пробегает у него между губ и прячется в глазах.

— Да, — отвечает Антоний. — А твоим пророчествам можно верить?

— Римлянин, — сухо говорит жрец, — я произнес слова богини, и они будут зафиксированы у Осириса, и если хоть одно слово передано мною неверно, смерть настигнет меня, где бы я ни был, еще до седьмого вздоха. Я открыл слова тебе, но сделал это для прекраснейшей, для Клеопатры. И, клянусь Джедом², это мое последнее пророчество.

— Я был неправ.

Антоний подходит к жрецу и не знает, как выразить вдруг охватившую его радость: семь если и не безнаказанных, то хоть чем-то обеспеченных лет жизни, да еще с Клеопатрой! Он осторожно обнимает жреца за плечи, словно хрупкий кувшин. Затем призывает вольноотпущенника и велит дать жрецу талант. Жрец благодарит и принимает награду — это очень большая сумма.

Антоний направляется к Октавиану с намерением потребовать свои легионы. Он хочет немедленно покинуть Рим, ему предстоит война с парфянами, разумеется, победоносная.

Он встречается с Октавианом, но тут его ждет неприятный сюрприз — результат обстоятельной подготовки и случая. В 38 г. Октавиан влюбился в Ливию, которая уже была беременна будущим

¹ По египетским верованиям, богиня Хатхор могла предсказывать будущее.

² Джед — позвоночный столб Осириса, считающийся священным.

императором Тиберием. У ее мужа, хорошо знавшего Октавиана, выхода не было, и он предоставил Ливии свободу. Октавиан развелся со Скрибонией, женился на Ливии и после свадьбы отправился с женой в Афины. Они были счастливы — познакомились со старой, посещали лекции философов. Это прекрасное времяпровождение Октавиан прерывал тем, что изучал планы Юлия Цезаря по покорению парфян. Ливия активно участвовала в обсуждении планов, и Октавиан, восхищаясь ею, очень быстро овладел всей проблемой от географии до тактики боя этих вечных врагов Рима.

Антоний никогда не утруждал себя частностями, он беседовал с живыми людьми, десятками, сотнями, от простых легионеров до старших командиров, не говоря уже о долгих беседах с Вентидием и его военачальниками, — он знает проблему. Слишком разные их отправные рассуждения. Напуганы все — друзья, враги и даже Сенат. Дело движется к разрыву, к войне, гражданской, бессмысленной.

«Всеми силами пыталась Октавия примирить мужа с братом; она говорила им: “Если зло восторжествует и дело дойдет до войны, кому из вас двоих суждено победить, а кому остаться побежденным, еще неизвестно, я же буду несчастна в любом случае”»¹.

Слова ее просты, искренни и понятны, тем более, что никто и не готов к полномасштабному конфликту. И главное — им уже надоела перепалка: кто знает больше, и что знает каждый. Они посмотрели друг на друга и рассмеялись, легко после этого сформулировав два основных спорных вопроса: «Когда и в каком объеме флот будет передан Октавиану?» и «Когда и в каком объеме будут оправлены легионы Антонию?»

И тут¹ на помощь Октавиану пришла Клеопатра, потому что она незримо встала у него за спиной и манила Антония своим тоненьким пальчиком, мешая сосредоточиться. Октавиан сразу же завоевал психологическое пространство — иначе и быть не могло. У него была великолепная семилетняя школа — школа римского Сената, греческой философии. Он хорошо говорил, аргументировал, слушал. Антоний, проведший большую часть жизни в сражениях, кутежах и женских объятиях, ничего не мог противопоставить его логике.

— Друг мой, и вы, и я, и Сенат прекрасно осведомлены, что снабжение продовольствием Рима и всей Италии — задача приоритетная.

¹ Плутарх. Антоний, 35.

Слова Октавиана не лишены логики, и Антоний знает это.

— Поход на Парфию сейчас не встречает одобрения Сената, но я могу объяснить Сенату, насколько это важно, — вкрадчиво говорит Октавиан.

— Да уж конечно, это ты можешь, — отвечает Антоний. Он знает, что Сенат прислушивается к Октавиану.

— Мы можем найти компромиссное решение, — продолжает Октавиан, — единым сенатским постановлением закрепить немедленную передачу флота под контроль Рима и предоставить тебе право набрать и подготовить в течение полугода достойную армию из пятнадцати легионов. Только, — Октавиан делает паузу, — большая часть легионов должна набираться не в обескровленной Италии, а в Галлии, Сирии, Иудее, Египте — где хочешь. Это честное предложение.

Антоний задумывается: где-то должен быть подвох. И он хочет понять — где, что совсем не просто. Тут из-за спины Октавиана вновь появляется Клеопатра, и Антоний соглашательски машет рукой. Они пожимают друг другу руки и формулируют решение, которое вздохнувшие с огромным облегчением отцы-сенаторы тотчас же утверждают.

Антоний добирается до Афин, дожидается корабля с Эпимахом и немедленно отправляет Эпимаха в Александрию — ведь он в курсе всех событий. Вместе с ним едет его друг Фонтей Капитон. Официально и церемонно, со стандартной фразой от лица Рима и Сената он просит царицу союзной державы прибыть в Антиохию для обсуждения деталей похода на парфян.

Собрать и подготовить армию для похода на парфян — дело нешуточное, и через несколько недель царица отплывает в Антиохию. Времена Тарса, где она изображала Афродиту, прошли, у нее есть недостатки, но ей несвойственно жеманство, она по-мужски решительна. Клеопатра берет с собой только двоих близнецов, детей Антония, им уже по три года, минимальный багаж и деньги, много денег; легкий корабль уходит на два дня раньше нее — предупредить Антония.

Тепла и радостна их встреча. Чары Клеопатры вновь берут Антония в плен, он не может отвести от нее глаз, не в состоянии оторваться от ее тела. Он поднимает детей над головой, все его существо вопит от восторга. По римским законам он признает их своими, официально, перед армией, перед Востоком. Мальчик

получает имя Александр Гелиос (Солнце), девочка — Клеопатра Селена (Луна). Это звучит не только вызовом лично Октавиану, но и Парфии, потому что царь Парфии именуется «брат Солнца и Луны». Антоний понимает, что этот вызов Парфии корабли и соглашения разнесут по всему миру. Официальный Рим молчит.

Насытившись друг другом, они обсуждают текущие проблемы. Антоний говорит ей о предсказании жреца, о своей любви, о желании жениться на ней. Чуть насмешливо, наслаждаясь его страстью и мальчишеским задором, смотрит на него Клеопатра. А потом говорит классическую фразу:

— Ты сделал то, что должен был сделать, но возможно, что ты совершил ошибку. Октавиан не пришлет тебе ни денег, ни солдат.

— А как же постановление Сената?

— А женитьба на мне? Сенат дает деньги и легионы только римлянам, не запятнавшим себя порочными связями, — добавляет она и заразительно смеется. — Я сама дам тебе то, чего нет у Рима и Сената, я дам тебе солдат и денег.

И тут Антонию становится понятна простая и гениальная комбинация Октавиана. Звучит она так: Антоний—Октавия против сочетания легионы—деньги. Сенатское постановление — это так, для формы. А за это время весь флот уже передан Агриппе, на нем другие капитаны, и он рассредоточен неизвестно где.

Через несколько дней при огромном стечении народа Антоний объявляет Клеопатру своей женой. Антиохия празднует свадьбу на деньги Клеопатры. А вскоре после свадьбы Клеопатра получает неожиданный «подарок»: в Антиохию привозят плененного в Иерусалиме Антигона, сопровождают его только Соссий и римляне, иудеев среди конвоиров нет. Соссий доволен, что Ирод не прибыл на встречу с Антонием. Все лавры покорителя Иерусалима достаются ему. Ирод нисколько на них не претендует, наоборот, всячески старается умалить свое участие в этом. Ведь не Соссию, а ему править в Иудее. Соссий вручает Антонию письмо Ирода, с текстом которого он знаком.

*Марку Антонию,
императору, повелителю, другу*

Рад слышать о твоём добром здравии. Всей душой поздравляю тебя с прибытием в Сирию и подготовкой предстоящей войны с парфянами.

Пусть будут благосклонны ваши боги к тебе в этом походе. Последний оплот сторонников парфян в Иудее пал, и ты сможешь увидеть их предводителя, доставившего Риму столько неприятностей.

Передай привет прекраснейшей Клеопатре, нашей верной союзнице в преддверии великого похода.

Нижайше прошу простить меня, что не смог поприветствовать тебя, но ожидание первенца от моей жены Мариамны лишает меня возможности засвидетельствовать свое почтение лично.

Надеюсь все же на скорую встречу.

Ирод, царь Иудеи

Соссий передал письмо и вместе с ним настоятельную просьбу Ирода скорее избавиться от Антигона. Пока он на свободе, в Иудее не будет покоя. Антоний несколько обескуражен. Он только что прибыл на Восток, только что женился, и начинать свой приезд с казни? Он спрашивает мнение Соссия, тот полностью солидарен с Иродом — пять месяцев провели они под стенами города, хорошо узнали друг друга, и Ирод щедр. Антоний молча слушает Соссия, но это решение не нравится ему, и он идет к Клеопатре. Она читает письмо и заразительно смеется. Антоний поневоле тоже улыбается.

— Ирод лукавит, — говорит она, — до рождения ребенка еще около трех месяцев, но я понимаю его: говорят, Мариамна очень красива, — добавляет она, устремляя взор куда-то далеко-далеко.

Клеопатра права. Мягка и пластична Мариамна, беременность несколько не мешает ей находить всё новые позы, удовлетворяя изголодавшегося в походах царя. И только иногда, когда он уж слишком увлекается, она шепчет жалобно и мелодично: «О великий царь!..» — и подносит пальчик ко рту. Нет, невозможно оторваться Ироду от царицы.

— И он умен, — замечает Клеопатра, — негоже ему, идумею, казнить последнего отпрыска Хасмонеиной династии.

— А Риму остается грязная работа, так, что ли? — спрашивает Антоний.

Клеопатра выпрямляется во весь рост и говорит уверенно и безапелляционно:

— Ты открыто высказал свое презрение парфянскому царю. Чего же ты медлишь? Разве не знаешь, что наполовину не воюют? Завтра ты казнишь не хасмонейского царя Иудея, а подлого приспешника парфян и объявишь, что так будет с каждым изменником Рима.

На следующий день мрачный и озлобленный император совершает первый подобный акт в истории Рима. Страбон свидетельствует об этом так:

Приведя иудея Антигона в Антиохию, Антоний отрубил ему там голову. Он был первым римлянином, который велел таким образом казнить царственное лицо; по его мнению, иначе нельзя было заставить иудеев признать вместо него провозглашенного царем Ирода, потому что даже пытки не могли побудить иудеев называть последнего царем. Так высоко было их мнение о прежнем царе. Антоний при этом полагал, что бесславная смерть царя заставит иудеев забыть о нем, а с другой стороны, ослабит ненависть их к Ироду.

Страбон не вполне прав, говоря о высоком мнении иудеев об Антигоне. Ничем особым он себя не проявил, а после падения Иерусалима и вовсе вел себя недостойно. Но он был свой, из рода Давида...

Всего несколько дней понадобилось Клеопатре, чтобы вином и ласками совершенно изменить настроение Антония. Много общего у Клеопатры и Мариамны: обе они безраздельно владеют своим возлюбленным, но им хочется чего-то еще. Клеопатре — власти и денег, Мариамне — признания от Ирода и его семьи, что она единственная, — ведь она хасмонейская царица из рода Давида.

Клеопатра замечательно улавливает, когда и с какими просьбами можно теревить Антония. Она говорит ему:

— А знает ли мой царственный супруг, во что обходится комплектование и снабжение армии для борьбы с парфянами, при том, что Рим высасывает из Египта огромное количество продовольствия? Война — дело дорогое.

Взгляд Антония становится осмысленным.

— Чего же ты хочешь? — спрашивает он.

— Египет должен получить под свое управление все земли, чьи сатрапы поддерживали парфян. И немножко Ирод отдаст нам

добровольно, — говорит она. — Должен же он заплатить за свое освобождение от Антигона и сделать нам маленький подарок.

Через несколько дней они составляют договор. Египет берет на себя обязательство по полному снаряжению и обеспечению провиантом армии, готовящейся к походу на парфян, и взамен получает: сирийский город Халкис; крупные поместья с большим доходом в Киликии и на Крите; города на побережье Сирии и Финикии (за исключением Тира и Сидона). Кроме того, Рим подтверждает принадлежность Египту острова Кипр.

Это соглашение осталось непрокомментированным Сенатом, что следовало расценивать как его согласие. Собственно, так оно и было, потому что более всего Октавиан не хотел расставаться с легионами.

А Ироду ушло письмо следующего содержания:

*От Марка Антония, императора
Ироду, царю Иудеи*

Рим поздравляет и приветствует царя дружественной Иудеи, освободившейся от влияния парфян.

Спешу сообщить, что Антигон — лжецарь и ставленник парфян — казнен.

Я надеюсь и рассчитываю на мудрость и дружескую помощь царя, подобно той, которую неоднократно оказывала Иудея Юлию Цезарю.

В связи с тем, что основную нагрузку по подготовке похода взял на себя Египет, и в целях лучшей координации сбора податей прошу тебя временно уступить Иерихон и окрестности его, а также спорную полосу земли между тобой и народам набатеев к востоку от Мертвого моря. Землемеры придут к тебе в ближайшее время.

Антоний

Клеопатра забрала себе наиболее плодородные земли, где произрастали благовония. Но Ирод смолчал: голова Антигона того стоила.

*Глава 21***Антоний и Октавиан**

В начале лета 36 г. до н.э. громоздкая 100-тысячная армия Антония двинулась в свой нескончаемый поход на Парфию. Ей предстояло преодолеть больше тысячи километров. Никогда раньше ему не приходилось руководить такой огромной группой войск, и он не был готов к этому. В первую очередь не были в полной мере решены вопросы снабжения. Армия шла и шла, по мере истощения припасов ее моральный дух падал. Карты местности были не точны.

Весь Восток и, естественно, парфяне были прекрасно осведомлены о походе и как могли подготовились, перекрыв все возможные пути поступления провианта. Выражаясь современным языком, Антоний сделал скачок в звании от генерал-майора до генерала армии. Но у него не было необходимого опыта, не хватало стратегического мышления. Нельзя сказать, что он потерпел поражение в битве, подобно Крассу. Этого не случилось, но осада Фрааски не удалась. Антоний, не склонный к моральной чистоплотности, похитивший в свое время деньги Цезаря, поселившийся на вилле Помпея и забывший заплатить за нее, и здесь не изменил себе. Он написал в Сенат о победе над парфянами римского оружия и потребовал триумфа. «Победа была б еще более полной, если б не измена армянского царя Артавазда, покинувшего меня при штурме». Это была ложь. Римское войско заняло Армению и стало требовать амуницию и главным образом продовольствие, но Армения не могла кормить 100-тысячную армию, как не могла и противостоять римлянам. Естественно, что царь Армении изо всех сил противостоял Антонию.

Отступление римлян было бесславным. Парфянский правитель Фраат не сдержал обещания, и длинные оперенные стрелы парфян, налетавшие издалека, буквально косили легионеров. По разным оценкам, погибло от 30 до 50 тысяч человек. Наконец армия добирается до приморского городка Левке-Кома близ Берита (Бейрута),

где ждет кораблей Клеопатры с продовольствием и снаряжением, — без них остатки армии погибнут.

Октавиана в это время мучила только одна проблема — Секст Помпей. Риму тоже не хватало продовольствия. А Помпей пиратствовал на море. Он был язвой, от которой надо было избавиться любой ценой и как можно быстрее.

Кто боялся за себя, кто был лишен своего имущества, кто совершенно не признавал нового государственного строя, — все они прежде всего шли к Сексту Помпею; кроме них и молодежь, стремившаяся участвовать в войне ради наживы и не придававшая никакого значения тому, под чьим знаменем она сражается — ведь везде она сражается вместе с римлянами, — так же и она охотнее всего шла к Помпею, отстаивавшему, по ее мнению, более справедливое дело. Морская добыча сделала Секста Помпея богатым; он имел и большой флот, и полный людской состав¹.

Римляне, как они сами неоднократно утверждали, — может быть, с излишней скромностью — плохие флотоводцы. И Октавиан находит гениальное решение: он освобождает рабов и призывает их во флот. Кто-кто, а они будут драться насмерть. Для них это не гражданская война, которая, как клянется Октавиан, будет для Рима последней, а способ выжить.

Агриппа строит огромный флот. Сенат обязывает Лепида принять участие в войне. Командующим флота назначен Агриппа, и при огромном преимуществе в кораблях он разбивает Секста Помпея. Победу Агриппы приуменьшают неумные распоряжения Лепида, совершенно не понимающего ситуацию. Октавиан, имеющий с 38 г. титул императора, изначально обозначавший судебную должность, в ведении которой находится военное командование, лишает Лепида всех титулов, кроме даваемого пожизненно — верховного жреца. После победы над Секстом Помпеем это подарок судьбы. Устранен с политической арены и сослан один из триумвиров. Решение это не вполне законное, вернее, вовсе незаконное, но кто об этом говорит?

¹ Аппиан. Гражданские войны, 5.25.

В Риме Агриппу ждет овация: он получает звание народного трибуна, он награжден лазоревым венцом¹ — никто из флотоводцев ни до него, ни после не удостоивался подобной награды, а Антоний получает триумф. Народу и Сенату сейчас хочется радоваться победам римского оружия. Снабжение восстановлено, мало-помалу жизнь италийских провинций входит в свою колею.

Клеопатра примчалась в Левке-Кома с деньгами и обмундированием, которого было явно мало. Она увозит Антония в Египет. Через три месяца его информируют, что между Мидией и Парфией — вчерашними союзниками — возник конфликт. Мидийцы желают вступить в переговоры с римлянами. Появляется редкий шанс завершить свой блеф триумфом и Антоний спешно уезжает в Антиохию. Идет весна 35 г. И тут происходит один из самых непонятных эпизодов во взаимоотношениях Антония и Октавиана. Октавия Младшая хочет к мужу — это ее последний шанс восстановить семью. По римским законам женитьба Антония на Клеопатре не имеет юридической силы. Гражданин Рима может вступать в брак с чужестранкой лишь в том случае, если между государствами существует соглашение о заключении династических браков. С Египтом такого соглашения нет, и Клеопатра юридически является просто очередным увлечением беспутного Антония.

Клеопатра долго упрасивает Октавиана о помощи, и тот делает, на первый взгляд непонятный, очень широкий жест: посылает Антонию со своей сестрой Октавией в дар 70 кораблей — остатки его флота после победы над Секстом Помпеем; 2 тысячи легионеров в полном вооружении; обмундирование для солдат; вьючных животных; деньги (300 талантов); подарки для высших военачальников.

Понимал ли Октавиан, что этим своим даром он значительно усиливает мощь Антония? Прекрасно понимал. Но у него была своя цель: завоевать любовь народа, и он шел к этой цели напролом.

Против Антония, не склонного к интеллектуальной деятельности, выступают трое людей, чей интеллект очень высок: Октавиан и два его друга детства — Марк Агриппа и Гай Меценат. Не то чтобы Октавиан во всем с ними советовался, но, во всяком случае, он может выслушать и иную точку зрения от друзей, которым он всецело

¹ Лазоревый цвет был символом морских побед. Сам Секст Помпей в Сицилии носил лазоревый плащ.

и небезосновательно доверяет. На его стороне мудрость Ливии, которая не вмешивается в дела, но всегда внимательно слушает его излияния, когда он делится с ней, а он делает это часто. И если она говорит: «Мне это не нравится, Август» либо «Подумай лучше, Август», — он надолго задумывается и понимает, что в большинстве случаев его жена оказывается права. Но чаще она соглашается с ним, и они вместе оттачивают ту или иную мысль или идею.

У всех единое мнение относительно эскорта и подарков, которые везет с собой Октавия. Вопрос лишь в кораблях. Все прекрасно понимают, что отдать возможному противнику 70 кораблей — это значит увеличить его мощь и одновременно уменьшить свою.

Докладывал командующий флотом Агриппа. В последнюю кампанию выяснились недостатки этих кораблей: у них плохая маневренность, высокая парусность, что мешает эффективно использовать стрелковое оружие, и, наконец, они — отличная мишень для зажигательных снарядов. И все прекрасно понимали политическую ценность этого решения: очень многих козырей лишаются их политические противники.

Корабли Октавиан послал не Антонию лично, а Республике — честь ему и хвала. Во имя Юпитера одержана славнейшая победа, и теперь корабли возвращены Антонию, чтобы продолжать нести славу римского орла. Никаких злых умыслов против Антония, своего зятя и триумвира, у Октавиана нет. Эпизод с Лепидом — это частный случай.

Придумать контраргументы против этих весьма веских соображений никто из четверых не мог. И флотилия Октавии направилась в Грецию. Она остановилась в Пирее — афинском порту, и Октавия направила Антонию трогательное и в то же время сдержанное письмо.

Марку Антонию!

Муж мой, я прибыла к тебе с нашими малютками Антонией-старшей и Антонией-младшей.

Брат мой Октавиан, Сенат и римский народ передают тебе (далее следует перечень).

Кому передать все это? Куда направиться нам?

Октавия

Словно предчувствуя ответ, она написала коротко, не упоминая о своей страстной любви к мужу. Ее не в чем упрекнуть. Письмо застаёт Антония в Антиохии. И он, скучающий по Клеопатре, принимает роковое решение: «переходит Рубикон». В Пирей направляется его трибун Деций принять корабли, снаряжение и деньги, разместить людей и заодно вручить Октавии письмо. Оно содержит только два слова: «Возвращайся домой». Она ожидала нечто подобное и сумела сохранить хладнокровие.

Интеллектуальный штаб Октавиана не преминул извлечь максимум выгод из происшедшего. «Променять красавицу-римлянку на более старую египтянку?» И он выгнал ее, бедняжку, со своими детьми из дому!.. Слухи поползли вначале только по Риму, а затем по всем италийским провинциям и далее...

Октавиан принимает очередное гениальное решение: поручает ведение общественных дел Агриппе, печать — Марцеллу, а сам отправляется на войну в Паннонию, где покрывает свое тело ранами, правда, не очень серьезными, а голову — славой. В 33 г. он с успехом заканчивает первую стадию Паннонских войн, их завершат Друз и Тиберий. Этот год переломный.

Агриппа, избранный эдилом, открывает одну за другой 170 бань, бесплатно раздаёт соль и масло, устраивает 45-дневные игры и обеспечивает, разумеется бесплатно, всех граждан Рима в течение года услугами брадобреев.

Октавиан вновь избран консулом.

Они всегда вместе, они друзья детства, и сердца римских граждан всецело на их стороне. И, что гораздо более важно, на его стороне войска, набранные в италийских провинциях.

Антоний в 34 г. совершает поход на Армению. Это гораздо проще, чем воевать с парфянами, кроме того, он должен следовать ранее выдвинутой им версии о предательстве царя Артавазда. Осенью он возвращается с победой, пирровой. Обманом он заманил в свой лагерь Артавазда и двух его сыновей, что возмутило весь Восток. Кратковременная власть Рима над Арменией не стоит причиненного империи морального и политического вреда.

Осенью 34 г. Антоний и Клеопатра совершают огромную тактическую ошибку: вопреки всем обычаям, традициям и законам, устраивают в Александрии триумфальное шествие. И как бы оттеняет эту глупость достойнейшее поведение армянского царя и его семьи.

Да, их в золотых цепях проводят перед колесницей Антония. Без этого попросту бы не было никакого триумфа, но ни сам армянский царь, ни его семья не падают ниц перед Клеопатрой. Артавазд вообще разговаривает с ней как с равной. По-своему он прав: он ведь не потерпел поражения. Через несколько лет он будет убит. Дети Клеопатры получают многочисленные владения на Востоке.

Зимой 34/33 г., когда вести об этом «триумфе» дошли до Рима, даже благожелатели Антония только покачивали головой. В этом году истекал срок консульства Октавиана и Антония. И все понимали, что после александрийских событий Антонию рассчитывать на следующее консульство нереально. Он и сам осознаёт это.

Метрополия и западные провинции Римской империи в начале 33 г. приносят присягу, санкционирующую власть Октавиана на этот год.

Взаимные обвинения Октавиана и Антония разносятся по империи и обсуждаются всеми — от вольноотпущенников до сенаторов. Они нивелируют друг друга и неспособны изменить расстановку сил.

Осенью 33 г. Антоний прекращает свои маловразумительные операции на Востоке и отдает приказ своему легату Канидию сконцентрировать все 17 легионов в Эфесе. Вызов брошен.

32 год начинается тем, что консулами в Риме избраны Гней Домиций и Гай Соций — оба сторонники Антония. Для Октавиана это не новость. Он готовится. Сенату не нравится ни он, ни Антоний, но Антоний далеко, он в какой-то мере покрыт ореолом таинственности и романтики, а стиль Октавиана за 10 лет усвоен ими. Они не за Антония, они против Октавиана. На первом заседании Сената Октавиан отсутствует. Под каким-то благовидным предлогом он отлучается из Рима. Соций произносит обличительную речь против Октавиана, но она остается без последствий, поскольку его друг, народный трибун Ноций, обладает правом вето и решительно им пользуется. Но прощупывание сил окончено. Сенат в принципе готов принять план Антония, которым предлагается отправить его самого и Октавиана на покой и провозгласить республиканские институты. Всем очень нравится эта идея.

Октавиан возвращается в Рим и созывает Сенат, не имея на это юридического права. Но отцы-сенаторы собираются все как один. И на этом заседании Октавиан начинает первый акт того

замечательного спектакля, над которым давно и тщательно работала его команда.

Октавиан входит в зал заседаний окруженный друзьями и легионерами. Этого делать было нельзя. Он не скрывает, что его сопровождение во всеоружии. Мечи и кинжалы проглядывают уж очень явственно. Он демонстративно садится между своими врагами — Домицием и Социем и начинает длинную обличительную речь против Антония: опровергает все обвинения в свой адрес, говорит, что сенаторы слепы и что к следующему заседанию представит все необходимые доказательства. Затем поворачивается и уходит.

Октавиан достиг тройного эффекта: сенаторы запуганы, заинтригованы и поставлены в зависимость от него. Им следует ждать, когда он соизволит собрать их.

Когда Октавиан решает, что психологический эффект достигнут и ждать больше нет необходимости, то созывает следующее заседание и предъявляет завещание Антония, отнятое у весталок. Наиболее примечательно то, что единственными наследниками Антония провозглашены дети Клеопатры и утверждены все титулы, которые раздал Антоний в 34 г. И еще он просит, чтобы его погребли рядом с Клеопатрой. Последнее не является крамолой, но ведь они не супруги, и поэтому все делают вывод о том, какое влияние эта женщина оказывает на Антония.

Октавиан считает, что Клеопатра своим влиянием на Антония грозит самому существованию империи. Ей и должна быть объявлена война. Консулы возражают, но у них нет власти. Армия на стороне Октавиана. Консулы желают покинуть Рим. К ним присоединяется почти половина Сената.

Вряд ли Октавиан ожидал такого исхода, но со свойственной ему находчивостью он заявляет: «Все желающие могут покинуть Рим, не опасаясь за свою жизнь и имущество».

В Эфесе образуется эрзацсенат, доставляющий Антонию множество хлопот. Но Октавиана это не волнует. Обе стороны готовят к войне.

Ирод скорее обозначает свое участие в этих событиях Рима. Он занимается своим царством, он любит Мариамну.

Глава 22

Мариамна

В начале 37 г. Ирод женился на 16-летней Мариамне. Намерения Ирода были просты и понятны: он породнился с династией, более сотни лет правящей в Иудее. Династия древняя, берет свое начало от Давидовых корней, почитаема как в Иудее, так и в Риме. Он же простолюдин, идумей, и после такого брака статус его, разумеется, не царский, а общественно-политический, сразу же повышается. Мать ее, Александра, не возражала против этой свадьбы. В скучные зимние вечера, когда они были в Самарии, она говорила дочери: «Помни, дорогая, что он идумей, из простого рода, он должен быть счастлив, что женится на тебе».

Мариамна и ее мать Александра согласились на этот брак не сразу. Но обстоятельства заставили их решиться на это. Ведь они привыкли жить в царской роскоши. Помимо того, у Мариамны есть кровный брат — Александр, мальчик удивительной красоты и, как все Хасмонеи, достаточно властолюбивый; о его будущем также стоило думать. Сама же Мариамна увлеклась Иродом, она скучает по нему, в особенности она это поняла в Мариссе. Ирод высок, красив, силен, умен. Мариамна тоже стройна и красива. Но рок вмешивается в их отношения. Кто знает, произойди их свадьба после того состязания в Мариссе, может быть, судьба их сложилась бы по-иному и они были бы счастливы до конца жизни. Но этого не случилось. А за время, когда они ждали свадьбы, произошло одно, на первый взгляд малозначительное, событие, которое затем имело роковые последствия.

Первая жена Ирода, Дорис, — идумейка, как и он сам. Она верная, надежная, никогда не предает. Молча ложится она на супружеское ложе, закутанная в тончайшие одежды, но их слишком много, этих одежд, и они раздражают нетерпеливого супруга. Молча лежит она, пока Ирод утоляет свою страсть, и так же молча

потом уходит на омовение. Она пресна и холодна, как вода в Генисаретском озере, она лишена чувственности. Да, она родила ему сына. Но она не трогает ни душу, ни сердце, ни тело Ирода.

Первая же брачная ночь с хасмонейской принцессой проходит совсем по-другому. Как будто в точности зная, как ведет себя в постели отосланная соперница, Мариамна все делает наоборот. Нежнейший букет запахов различных благовоний возбуждает Ирода. Ее волосы гораздо мягче, чем у Дорис. Она одета в рубашку из тончайшего шелка телесного цвета. Ирод нежен с ней, она кажется ему слабой и беззащитной. В покоях жарко, и Мариамна делает то, чего никогда не делала его первая жена: она сбрасывает с себя рубашку и остается совершенно обнаженной. Ирод издает тихое рычание. Желание скручивает его в дугу, наполняя животельной силой, и он набрасывается на нее. В эту ночь свершается другое чудо: эта юная девственница, ничего не смыслившая в искусстве любви, так крепко привязала к себе своего сурового и далеко не юного мужа, как не смогла ни одна другая женщина за всю его жизнь. И сделала она это всего одним пальчиком. Много лет спустя после их первой брачной ночи, стоило Мариамне провести пальчиком по его груди, опускаясь все ниже и ниже, как Ирода охватывало неукротимое желание. Она знала свою власть над мужем, власть эта была велика. Мариамна целиком завладела Иродом. Одна лишь Мариамна стала его первой и последней любовью.

Когда Ирод нежно целовал ее сладостные губы, она вдруг тихо промолвила: «Идумей». Это было сказано не презрительно, скорее ласково. В ее устах все звучало мелодично и ласково, но совсем не это хотел услышать от нее Ирод в первые минуты любви.

Слово «идумей» вовсе не было оскорбительным. Вот самаритяне для иудеев действительно были вроде неприкасаемых. И в этом их неприятии обе стороны не шли на компромисс. Другое дело — идумей, что в переводе означает «красный». Официальная версия гласила, что страна Эдом и ее народ эдомиты (а по-гречески, Идумея и идумей) свое название получили от события, связанного с Исавом: тот, как известно, продал свое первородство Иакову за красную чечевичную похлебку. Ко времени Ирода идумеи составляли с иудеями один народ, придерживались одной веры, но печать Предвечного была на них, и идумей не имели права занимать

царский престол в Иудее. Ирод был первым, единственным и последним идумеем, кто сделал это.

Мариамна еще лишь один раз назвала Ирода идумеем; это было через много лет, незадолго до битвы при мысе Акции. Иудея к тому времени была парализована волей и жестокостью своего царя. Гиркан, последний представитель Хасмонеев, был в плену у парфян, сестра Антигона погибла. Антоний готовился к решающему сражению. Несомненно, Ирод выступил на его стороне. Но Провидение на этот раз приняло самый неожиданный облик — облик Клеопатры. Постоянно интригующая, она замыслила великолепную комбинацию, против которой, играя на стороне Ирода, никак не могла найти противоядия. Устами Антония Клеопатра поручила Ироду вести войну с аравийским царем. Предлог был самый банальный: тот отказался платить дань с владений, которые уже несколько лет ему не принадлежали. Антоний отдал их Клеопатре, а та в свою очередь сдала их в аренду Ироду под гарантированный доход.

Комбинация была проста и гениальна. В случае победы Ирода ей доставалась Аравия, а в случае поражения — Иудея. Учитывалось, что враги будут драться насмерть. Ирод, помимо меркантильных интересов, связанных с арендованной плодороднейшей землей, не мог забыть, что часть Идумеи, в том числе и ее столица Петра, находилась у арабов.

Война началась вяло. Ирод взял заложников, затем у городка Диосполиса выиграл локальное сражение, получив некоторое удовлетворение оттого, что это была битва конных отрядов и он одержал победу над великолепной арабской конницей. Впрочем, враг держался очень храбро, о чем свидетельствовали все военачальники Ирода. Понимая, что это только начало войны, Ирод отбыл для набора войск, приказав командирам не ввязываться в сражение до его прибытия. Построить укрепленный лагерь и ждать. Приказ не был выполнен. Опьяненные победой солдаты рвались в бой.

Очередное сражение произошло у города Канафы в Хевроне. Арабы стянули туда крупные силы и ждали иудеев. Иудеи, наступавшие на юг от Канафы, вначале обратили арабов в бегство. Возможно, это был тактический маневр. Наблюдатель со стороны Антония, вернее Клеопатры, ее клевет Афинион оказался предателем. В отсутствие Ирода он велел открыть ворота города и напасть на его отряд сзади. Жители: арабы, иудеи, идумеи — выполнили

приказ. Замешательство войск Ирода не осталось незамеченным. Беспорядочно бегущие арабы быстро сориентировались, возможно, они были предупреждены. Им потребовалось менее часа, чтобы привести в порядок свои отряды. И, хотя горожане были обращены в бегство, кампания была проиграна. На небольшой каменной равнине войска Ирода были разбиты, бежали к Ормизу, где их догнали, окружили и взяли в плен со всем обозом.

Ирод, бросившийся на подмогу со своими отрядами, мгновенно оценил обстановку, но в бой вступить не решился. Вернувшись в Иерусалим, он был страшно зол. В этом поражении он винил иудеев.

Пропахший всеми запахами пустыни, стоял он перед Мариамной и повторял: «Труссы, труссы, труссы!» Крылья ее носа, жадно впитывающие его обиду, запах песка и конского пота, расширились, как капюшон у кобры. Она поднялась во всю свою царственную статью и бросила Ироду: «Идумей! — сразу воздвигнув грань между ее одноплеменниками, погибшими и плененными, и им, иудеем. — Господь привел нас к победе над десятками народов и племен. Не тебе, потомку Исава, судить нас. Спартанцы, которых никто и никогда не упрекал в трусости, считают нас своими братьями, письмо их к Онии не раз зачитывалось в Синедрione, а спартанцы, первосвященник Ионаф подтвердил это, и все пять эфоров Спарты и 28 членов Герусии стоя аплодировали нашему ответу»¹.

Гнев Ирода улетучился. Она была права, мало того, Мариамна прекрасно знала историю иудейского народа, и он услышал от нее нечто новое для себя. Он позвал Норея — идумея, слугу, велел достать текст послания к спартамцам и пошел в бассейн. Ему помогли раздеться, вымыли, втерли благовония, подали вина. Он направился в опочивальню и позвал Мариамну. Она влетела быстрая как вихрь, срывая с себя одежды, пока не осталась в одной просторной и прозрачной рубашке из ткани, стоившей дороже золота. Именно такое — полузакрытое прозрачной одеждой, таинственное и гибкое —

¹ Эфорами назывались в Спарте издавна существовавшие и избиравшиеся на один год пять чиновников с большой законодательной властью, особенно расширившейся после падения царя Клеомена III (221 до н.э.). Герусией было высшее государственное учреждение, состоявшее из 28 членов и представлявшее верховный совет страны, под председательством самих царей. Каждому из членов должно было быть не менее 60 лет.

прекрасное тело Мариамны долгие ночи после ее смерти являлось перед мысленным взором Ирода, воспаляя его мозг, не знающий, как избавиться от наваждения.

Он пробыл с нею всю ночь, а утром ему принесли завтрак и послание.

Лакедемонский царь Арей¹ приветствует Онию. В какой-то книге мы нашли указание на то, что иудеи и лакедемоняне – одного происхождения и ведут род свой в одинаковой мере от Авраама. Поэтому, раз вы нам братья, будет справедливо, если вы станете обращаться к нам в случае какого-нибудь желания. Так будем поступать и мы и смотреть на вас принадлежащее как на свое, причем и вам предоставляем смотреть на наше имущество как на свою собственность. Письмо это вручит вам Димотел, который обыкновенно составляет у нас послания. Письмо четырехугольного формата и снабжено печатью, представляющей орла, держащего змею.

Ответ иудеев был менее интересен. Ирода заинтересовала только одна фраза.

Послание это мы приняли охотно и любовно отнесли как к Димотелу, так и к Арею, тем более, что нам вовсе не было необходимости в доказательстве этого нашего родства, так как в том уже убеждали нас данные нашего Святого Писания.

Почему-то эти строки запомнились Ироду. Они возвращались к нему вновь и вновь, иногда в самые неподходящие моменты. И через несколько дней он спросил Мариамну, о ком вообще идет речь? Что общего у иудеев и спартанцев? Она небрежно передернула плечиком, лицо хранило непроницаемое выражение. Ирод хорошо знал значение этого ее жеста. Он смотрел на нее, и вопрос был готов сорваться с его губ. Она, нарочито сдержанно, начала ему объяснять: »У Иосифа и жены его – Асенефы, дочери жреца,

¹ Арей I царствовал в Спарте (Лакедемон) с 309 по 265 г. до н.э.

было два сына. Первенец Мелассия и греческий Ирод Менелай, который стал царем Спарты и мужем Елены. Впрочем, — она чуть презрительно приподняла губку, — откуда тебе знать, кто такой Менелай?»

Ирод не получил системного образования. Если б не случай, быть бы этому талантливому человеку военачальником у какого-либо князя либо преуспевающим торговцем. Но ярчайшая демоническая одаренность его личности так или иначе дала бы о себе знать. Став царем, вначале формальным, а затем, после трех с половиной лет интриг, хитростей, подлостей и сражений реально правящим, он, словно губка, впитывал в себя различные сведения. Он поглощал и систематизировал информацию и впечатления, которые получал от ошеломляющего великолепия Рима, от первой качки в Средиземном море, когда его застал шторм, от жарких губ Мариамны. Равнины, матросы, солдаты, люди различных национальностей — от подаренной ему Августом экзотической германской гвардии до египтян и негров — у всех он чему-то учился. Жадно и ненасытно познавал и испытывал на себе всё в том прекрасном и опасном мире, который раскрылся перед ним. Двум принципам он следовал потом всю жизнь: если ты что-нибудь узнал, запомни это навсегда; если тебе понравилась женщина, но она не стала твоей, — не жалея об этом. Второго принципа оказалось придерживаться легче, чем первого: Ирод тасовал женщин как карточную колоду, не задерживая подолгу ни одну, но это было много позже, когда Мариамна уже была мертва.

Со знаниями оказалось сложнее. Но в данном случае Мариамна была права. Он знал. Дом Азиния Поллиона, в котором он останавливался в Риме, был пропитан греческой культурой. Там говорили по-гречески. И Ирод вполне сносно овладел этим языком. Он понял, оценил и полюбил великую культуру греков, так разительно отличавшуюся от иудейской. Их яркое и свободное мироощущение потрясло его, и он проникся завистью к их веселым, беззаботным богам, к Дионису. Мрачные и одновременно веселые герои поэм Гомера, многим из которых не суждено было вернуться из-под стен Трои, казалось, не покидали этот гостеприимный дом. Они наравне с богами принимали участие в дискуссиях, на них ссылались, их призывали в качестве третейских судей. Конечно, плохой греческий язык Ирода не позволял ему в полной мере успевать

за мыслью присутствующих, за приключениями героев различных греческих мифов, но он запомнил, кто такой Менелай.

Он смотрел на нее долго и пронзительно. Затем тихо произнес: «Я знаю, кто такой Менелай».

Мариамна глядела теперь сквозь него. Ее презрение и насмешливость испарились, улетучились, исчезли. Отрешенно, словно обращаясь к кому-то третьему, начала она свой монолог:

— Всепонимающий и Всепрощающий совершенен. В начале пути он хотел, чтобы народ, избранный им, в большей мере, чем другие, был совершенен физически и нравственно. Мы разочаровали его. Снисходя к нашим слабостям, он оставил нам скрижали, следуя которым, мы не должны опуститься ниже какой-то черты. Тем из нас, дух которых готов воспарить над плотью, он приписал определенную степень физического совершенства, из них и только из них происходят когены. Любое физическое нарушение естества невозможно для первосвященника. — Голос ее слегка дрожал. — На губах моих, кажется, до сих пор остается кровь деда, словно это я отгрызала ему уши. — Она сделала паузу, довольно длительную. Молчал и Ирод. Потом продолжила: — Но Господь проделал еще один эксперимент. Он выбрал прекрасную пару: потомка Иосифа — Менелая и Елену Троянскую, наделив их род тягой к физическому совершенству. Они возвели в культ красоту тела и мужество. Мы не разделяем, но понимаем их обычаи. Они на протяжении веков отвечают нам тем же.

В глазах ее, устремленных на Ирода, выражалась вся страстность ее натуры, и он любовался ею, радовался ее познаниям и красоте. Как же она хороша! Как желанна!

В конце 37 г. родился Александр — первый сын Мариамны и Ирода. Царь счастлив. И весь Иерусалим, где он обрезает сына, разделяет его радость. Рождение сына от царицы из рода Давида заставляет на время замолкнуть самых ярых злопыхателей. Не в том дело, что сам Ирод не имеет глубоких корней в иудействе, — дети от Мариамны, согласно обычаю, безусловно законные и достойные наследники царского титула. Именно Александру и другим детям Мариамны будут принадлежать сердца иудеев.

Но жизнь редко баловала Ирода, очень мало времени отпускала она ему на безмятежное существование; и вот уже очередная

проблема опять возникала перед ним. Гиркан с покалеченными ушами был уведен парфянами в полон, и после падения Иерусалима Ирод встал перед проблемой: Иерусалиму и государству необходим первосвященник. Ирод советуется с Шамаи, своим преданным другом, поверившим в него еще во время его суда в Синедрионе. С каким бы удовольствием он назначил Шамаи первосвященником, но тот слишком стар. Но он мудр и предлагает решение, которое нравится Ироду: приглашают священника из Вавилона. Ананил, молодой человек из достойного рода, не обремененный иерусалимскими предрассудками, и был назначен первосвященником. Решение, безусловно, правильное. За ним из Вавилона потянулись в Иудею и другие священнослужители.

Это назначение устроило почти всех, кроме Александры – тещи Ирода. Не может смириться она с тем, что первосвященник из другого рода, иноземный еврей, пришелец. Ее сын, младший брат Мариамны, уже достиг совершеннолетия, она напоминает об этом зятю. Но Ирод категорически и жестко отвечает: «Ананил мне нравится. И он понимает, что всем обязан мне. К тому же плоды его деятельности налицо: в Иудее стало спокойнее».

Александра посылает к Клеопатре очень талантливого музыканта с просьбой оказать влияние на Антония, чтобы тот убедил Ирода взять другого первосвященника – сына самой Александры. Клеопатра получила это послание, находясь в Александрии. В те дни Антоний только что вернулся из похода 36 г. В ее интересах помочь Александре: ведь если первосвященник Иудеи будет назначен при участии Клеопатры, то она обретет тем самым мощнейший рычаг давления на Ирода.

Клеопатра едет в Антиохию к Антонию, рассказывает ему о событиях в Иудее, присовокупляя просьбу Александры. Антоний принимает соломоново решение: в Иудею поедет Делий. Клеопатра довольна. Квинт Делий – это старый друг, умный и веселый, убедивший в свое время Клеопатру поехать в Тарс к Антонию.

Прибыл он, Квинт Делий, не знающий меры ни в своей восторженности, ни в ироничности. Незадолго до битвы при мысе Акции, словно повинувшись некоему внутреннему голосу, он на роскошном пире Клеопатры пробует египетское вино, довольно неплохое, и говорит: «Нас здесь поят укусом, а Сармент в Риме купается в фалернском вине!»

Три оскорбления в одной сжатой и лаконичной фразе. Он намекает, что у Клеопатры плохое вино, он поднимает из небытия Сармента — бывшего любовника Антония, и он утверждает, что в Риме лучшее вино. В общем-то это поклеп. А Клеопатра не из тех женщин, которые прощают обиды. Она пристально смотрит на Квинта, и взгляд ее говорит ему слишком многое.

Вечером он ложится спать, обдумывая план побега, но приходит врач Клеопатры, Главк, торжественно на подносе вносит он чашу с ядом.

— Я не думал, что так скоро, — говорит Квинт и улыбается.

Главк, его старый друг, достает из-под своих необъятных одежд моток тончайшей веревки и говорит: «Беги». Потом садится и барабанит пальцами по столу, а Квинт благополучно исчезает в ночи и спасает свою жизнь.

Квинту нравится Ирод, и он не скрывает цели визита. От красоты и обаяния Мариамны и ее брата Аристовула он приходит в восторг. Наговорив всем массу любезностей, он возвращается в Сирию, и Антоний накануне отъезда из Антиохии в Александрию приглашает Аристовула к себе для знакомства. Но Делий дал всестороннюю оценку сложным взаимоотношениям в семье Ирода, и поэтому в конце приглашения Антоний пишет фразу, в которой окончательное решение все же остается за Иродом: «Если это не представит затруднений».

Ирод отвечает Антонию, что не может выполнить его просьбу о назначении юного Аристовула первосвященником, даже если Александра и Мариамна хотят этого. Из этого Аристовула можно будет выпестовать только другого Аристовула II. Нужны ли Риму и ему, Антонию, хлопоты еще с Иудеями? Он отсылает письмо и продолжает думать. Накануне рождения их второго сына Мариамна, которая никогда не интересовалась политикой, опять упрашивает мужа назначить первосвященником ее брата.

— Ты считаешь, что твоя мама права? — говорит Ирод.

И Мариамна подтверждает:

— Конечно права, Аристовул должен быть назначен первосвященником.

Ирод думает еще несколько дней. Против него сейчас выступает совершенно фантастический тандем: Александра — Клеопатра. И он знает, что они не успокоятся. Если Аристовул уедет в Египет,

Клеопатра за несколько лет сделает из мальчишки своего приверженца, а потом попросту заменит Ирода на него. Если сейчас Ирод удерживает и укрепляет трон, то только потому, что в Иудее ему нет конкурента. Из двух зол выбирают меньшее. Ирод собирает приближенных: Александру, Мариамну, свою семью — и сообщает, что в связи с рождением второго сына от Мариамны, идя ей навстречу и желая еще более упрочить семью, он назначает Аристовула, сына Александры, первосвященником.

Мариамна в восторге. Как девочка, прыгает она, хлопает в ладоши, она сейчас и есть девочка, радующаяся за брата. Скупно улыбается и Александра, она довольна.

Первосвященника смещать нельзя — это прерогатива Бога. Но Александра сумела создать критическую ситуацию. Ирод идет к Ананилу, коротко объясняет ему происходящее, просит не держать зла и вручает ему настолько крупную сумму денег, что мысль об обиде остается лишь в подсознании бывшего первосвященника. За Александрой Ирод учреждает жесткий контроль. Мало ли что еще выкинет его сумасбродная теща.

Мариамна щебечет над детьми, брат ее стал первосвященником благодаря ей, и она больше не хочет слушать брюзжание матери, чье недовольство растет с каждым днем. Объективных причин для этого нет. Гиркан II, уже мало что разумеющий, живет с ними, у детей тоже все в порядке, но нет... Скука прочно ставит свой трон в покоях Александры. Мелкие ограничения в передвижении ее по стране в представлении Александры превращаются в рабство, причем рабство молчаливое, поскольку строгим регламентом Ирода часы ее свиданий с Мариамной ограничены, а из семейства Ирода она ни с кем не дружит. Сын занят своими новыми обязанностями, и не надо забывать о его возрасте. Ей просто не хватает кумушек знатного происхождения. Она пишет второе письмо Клеопатре, сетует на свою «ужасную» судьбу и вновь просит помощи. Это начало спокойного 35 года. Идет ленивая подготовка к следующей кампании. Антоний и Клеопатра переживают год мало чем омраченного счастья. Письмо, пришедшее Клеопатре, дает ей возможность затеять очередную интригующую и очень интересную игру, призом которой является явный или неявный протекторат над Иудеей.

Клеопатра советует Александре и Аристовулу III бежать в Египет, где она окажет ей и ее сыну почести, достойные великой царицы

из рода Давида. Эта слишком рискованная идея, однако, приходится по вкусу Александре, чья ненависть к зятю уже цветет махровым и очень ярким цветом. Она велит подготовить корабль, поскольку Ирод вовсе не ограничил ее в средствах, готовит заставы от Иерусалима до Яффы, откуда предполагает отплыть в Александрию. Самое сложное — покинуть город, и она заказывает два гроба. Когда выносят мертвых, вопросов не задают — так принято. Но... Во все детали посвящен только старый слуга Эзоп, которому Александра безоговорочно доверяет.

Без помощников не обойтись, и Эзоп делится планом с неким Саббионом, сторонником Александры, выступающим при дворе в роли Фигаро. Он незаменим. Ирод не доверяет ему, подозревая, что он если не принимал прямого участия в отравлении его отца, то по крайней мере знал об этом: ему известно все, что происходит во дворце и в городе. Саббион чувствует подозрения Ирода и каждое утро начинает с благословения Господу; один Всеведущий знает, почему он еще жив. Обычно Ирод в таких случаях предпочитает долго не думать. Саббион представляет гнев Ирода после побега Александры. Несомненно, полетят головы, в первую очередь у тех, кто на подозрении. Даже если б он ничего не знал, то и тогда шансов выжить у него практически не было бы, а сейчас их вообще нет. Выводы Саббиона абсолютно справедливы, и выход, который он находит, конечно, не единственный, но самый простой. Существует еще вариант: вывезти Александру и бежать с ней в Египет, но, во-первых, такого предложения никто ему не делал, во-вторых, ему неплохо при дворе, а в-третьих, зачем усложнять себе жизнь? И он решил обо всем донести Ироду. Тот слегка удивлен глупостью тещи и Аристовула III: не было случая, чтобы первосвященник бежал из Иудеи. «Маменькин сынок», — думает Ирод. Он благодарит Саббиона, говорит, что все подозрения с него сняты, и просит принять участие в игре.

Александра и Аристовул совершают побег, как задумали, и преодолевают большую часть пути по дороге к Яффе, когда их берут в кольцо люди Ирода. Опустив головы, стоят они перед царем, и он задает им один вопрос: «Чего вам не хватало?» Ирод не ждет ответа, он поворачивается и уходит. Он идет к Мариамне, рассказывает ей о побеге, о глупости ее матери. Испуганно слушает Мариамна, и глаза ее начинают наполняться слезами.

- Но ты ничего не сделаешь ей? – с тревогой спрашивает она.
- Пока ты жива, я не казню ее, – говорит Ирод.
- Поклянись.

И Ирод клянется, он произносит одну из древних формул, накликаая на свою голову и головы своих детей всевозможные проклятия, если он солжет. Мариамна удовлетворена.

А в комбинации Ирода жизнь и смерть Александры лежат пока по одну сторону весов. Неважно, живет она или нет. Как говорит Птолемей Дамасский, знающий религию греков, у Ехидны надо только вырвать ядовитые зубы, а дальше пусть живет. У Александры есть такие зубы, имя им «Аристовул» – ее сын. Ирод ужесточает надзор.

Глава 23

Смерть Аристовула III

У Ирода всегда было много врагов. В Иудее зло шутили, что он их выращивает в собственных садах. Но Ирод никогда, по крайней мере в молодые годы, не стремился их коллекционировать. Он очень быстро избавлялся от них. Аристовул не был его врагом, но сейчас он был неудобен, неуместен.

Последней каплей в недолгой цепи его подсознательного желания был настрой толпы, той самой толпы, настроение которой изменчиво, как ветер, и которая через несколько десятков лет будет скандировать здесь же: «Распни его!»

Он окончательно решает убить Аристовула. Толпе нет дела до первосвященников и Ирода; ее жизнь протекает по другим законам.

Осень 35 г. Идет праздник Кушей. Аристовул — статный восемнадцатилетний красавец в облачении первосвященника — приступает к алтарю, приносит жертву, строго соблюдая все положенные ритуалы. И толпа впадает в экстаз. Что ей до недавно смещенного Ананила, у нее есть лидер, и крики восторга с пожеланиями благополучия, кажется, способны расколоть небо. Смешно думать, что Ирод не слышит, не видит становления нового кумира.

Через несколько дней Аристовула и Александру приглашают посетить резиденцию в Иерихоне. Все в прекрасном расположении духа. Аристовул шутит, смеется, принимает участие в играх, только начинающих проникать в Иудею из греческого мира. Он резвится, как щенок, но Ирод не любит собак и все, что их напоминает. Он видел собак в Египте — они сродни шакалам. И Суший не жалуется их. Жарко. Во дворе бассейны, тщательно отделанные коринфским мрамором. Приближенные Ирода, гости весело плещутся в воде. Бассейны достаточно глубоки, велики по размерам. Аристовул сейчас не первосвященник, просто восемнадцатилетний юноша. На вопрос Ирода, а почему он не купается со всеми, Аристовул, сбросив

верхнюю одежду, устремляется в воду. Ирод не проявляет интереса к купанию. В самом деле — он царь, ему не пристало плескаться со всеми, да и иудейские обычаи это запрещают. Он идет к беседке, где расположились женщины. Но едва он начинает разговор с ними, из бассейна послышались крики: там люди выгаскивают из воды юношу — это Аристовул. Приближенные Ирода выполнили наказ царя: они просто удушили первосвященника в воде — так надежнее.

Не легко это — приказать казнить родственника. И настроение Ирода нельзя назвать хорошим. Он предвидит возмущение жены и тещи и стремится отдалить этот час.

Ирод пошел по дорожке, мощенной битым мрамором, обогнул живую изгородь из кустов лавра и вышел на лужайку. Здесь он увидел кустик, небольшой, со сморщенными, тупыми, кажущимися сухими листьями. Бледно-красные плотно прилегающие друг к другу цветы, подобно воспаленным глазам, которые бывают у воинов после сражения или у евнухов, которых только что оскопили, смотрели на него и, казалось, вопрошали. Это была удача: перед ним была иерихонская роза — редкий цветок, дарованный, по преданию, Иисусу Навину за первую победу, одержанную в Земле обетованной.

Это был знак одобрения — и Ирод уверовал в свою правоту, хотя и раньше не очень в ней сомневался. Конечно, весь Израиль должен скорбеть по любимому молодому первосвященнику, брату его жены. Он наклоняется и нюхает цветок, как бы ожидая его одобрения. Но у цветка нет запаха.

Александра и Мариамна одновременно в трауре и в гневе. Мариамна, конечно, соблюдает внешние приличия, но смерть брата в полной мере она осознает только чуть позже, когда поймет, что круг ее собеседников, и так небольшой, совсем сузился. В этот злополучный день она возбуждена, нервы ее на пределе. Когда ночью Ирод приходит к ней, инициатива скорее исходит от нее. Их секс яростен и скоротечен, как будто она хотела выплеснуть все свои чувства. А потом она в течение нескольких дней пребывает в апатии. Даже яркие и пышные похороны брата проходят мимо нее, стороной. Контрастом на вид спокойной Мариамне являются стиснутые от боли и гнева губы Александры. Зять отнял жизнь ее сына, и она горит жаждой мести. В Иудее ей рассчитывать не на кого. Старые знатные семьи, конечно, на ее стороне. Ирод ужасает их: ведь он разрушает устои патриархальной Иудеи. Но сил у

них нет, вся военная машина в руках царя, да и сыск у него поставлен превосходно.

Александра пишет письмо, уже третье, Клеопатре. Как царица царице. Независимо от своего отношения к иудеям Клеопатра незамедлительно принимает сторону Александры. На то есть две причины: во-первых, Александра, как и Клеопатра, родовита; а во-вторых, появляется возможность расквитаться с Иродом. Клеопатра не принадлежит к числу тех женщин, которых можно отвергать безнаказанно. Живописно и красочно излагает она Антонию подробности смерти очаровательного юноши. Антоний помнит его по рассказам Делия. Он не способен сопереживать долго, однако горящие глаза Клеопатры и ложбинка на ее груди быстро склоняют его поддержать ее мнение. Антоний едет в Лаодикею и вызывает туда Ирода. В письме коротко и четко, в римском стиле, Ироду предписано объяснить смерть Аристовула, однако Антоний оставляет ему лазейку. Он пишет: «Если убийство свершилось с твоего ведома, то это совершенно незаконно. Нельзя убивать особ царского рода».

Задача Ирода упрощается: ему надо просто утверждать, что он здесь ни при чем. Однако, зная чувства, которые испытывает к нему Клеопатра, и прекрасно осознавая то давление, которое она будет оказывать на Антония, — это в полной мере относится и к постели, и к ее блестящим коммерческим способностям — он трезво взвешивает свои шансы и приходит к выводу, что надежд на оправдание не так уж и много.

Но выхода у него нет. Как всегда в минуты опасности, Ирод действует с величайшей предусмотрительностью. Он тщательно осматривает свой небольшой эскорт, неоднократно проверенный в боях. Со сбруи коней, с одежды воинов убирается все яркое, столь любимое на Востоке. Оружие легко входит в ножны, заменена тетива на луках. Скромный стиль и в царской одежде. Тусклое серо-черное одеяние местами с красным и царский венеч. Эта скромность и собранность производят сильное впечатление как на иудеев, так и на окружение Антония.

В последний день перед отъездом он с утра прощается с сестрой Саломеей и весь день проводит со своим шурином Иосифом, передавая ему власть и вводя в курс дела. Ни одна мельчайшая подробность относительно внешнего и внутреннего положения Иудеи и финансов не остается без внимания Ирода. Ближе к вечеру Иосиф

как будто запомнил все. Ирод берет с него клятву, одну из страшных клятв, распространенных в Иудее. Иосиф клянется предками, своей жизнью и, главное, своими детьми, что если с Иродом что-либо случится, он умертвит Мариамну. Таково желание Ирода. Мысль, что Мариамна может принадлежать еще кому-то, гнетет его гораздо больше, чем предстоящая встреча с Антонием и Клеопатрой вместе взятыми. Ирод проводит с Мариамной незабываемую ночь и утром уезжает не прощаясь.

Иосиф, высокий, с невыразительным подбородком, неглупый, был хорошим мужем Саломее, но полнота власти, свалившейся на него, казалась ему слишком обременительной. Почти каждый день часами проводит он с Александрой и Мариамной, разговаривая с ними о делах Иудеи. Обе женщины обладают сильной волей, у Александры определенный опыт участия в государственных делах, да и у Ирода нет тайн от Мариамны. Она в курсе всего, что происходит в Иудее, о событиях окружающего мира также информирована. Нельзя, будучи в обществе двух женщин, все время говорить о политике и хозяйстве. Как обычно, разговор перескакивает с одной темы на другую. Иосиф рассказывает о замечательных качествах Ирода, о той бесконечной любви, которую царь к ним питает. Александра долго не выдерживает — любви зятя она меньше всего желает. Все чаще она оставляет Иосифа и Мариамну одних. У Мариамны нет страстности Клеопатры, но ее широко раскрытые серо-зеленые глаза, как два смерча, затягивают в себя окружающих. Иосиф любит поговорить с ней, и много интересного узнает от него Мариамна. События детства Ирода, рассказанные мужу Саломеей, слова Ирода, сказанные им в последний день, — она узнает всё. Иосиф подавляет в себе вождение, и цена этого насилия над естеством — его рассказы. Он говорит то, чего не должен был: что Ирод велел ему казнить Мариамну в случае собственной гибели.

— Он очень любит тебя, — говорит Иосиф.

Мариамна пропускает эти слова мимо ушей. У нее другое понимание любви. Ирод уже казнил ее отца и брата.

— И ты убьешь меня? — спрашивает она.

— Да, — отвечает Иосиф.

Здесь он мог бы и солгать. Они встают из-за стола одновременно. Мариамна, чуть кивнув на прощание, направляется к матери. До Иосифа доходит, что он сделал глупость, но поздно.

Александра в полной мере разделяет негодование Мариамны. Они часто беседуют до поздней ночи, и их встречи с Иосифом сокращены до минимума. У Мариамны маленькие сыновья, и сама она еще очень молода. Что ждет их?

По Иерусалиму распространяется слух, что Антоний казнил Ирода. Как это часто бывает, слух лишь отражает желание толпы, потворствует ей. Большинство верит. Александра уговаривает Иосифа бежать с ними под защиту трибуна Илия, чьи легионы стоят под городом. Она опасается, что гнев народа против Ирода сметет и его семью. И выкладывает Иосифу последний и самый главный из своих аргументов: она видела, какие взгляды сластолюбец Антоний бросал на Мариамну, и надеется на то, что если он еще раз ее увидит, то вернет им царскую власть. Надо сказать, что Александра ничуть не преувеличивает силу чар Мариамны. В первую, очень далекую встречу с Антонием она — еще полуробенек — заставила великого триумвира бросать на нее восторженные и многообещающие взгляды. Сейчас Мариамна — очень молодая и очень красивая женщина, и она прекрасно осознаёт силу своих чар. Сейчас ее чары даже выручают Ирода. Вот царь Иудеи медленно и торжественно въезжает в резиденцию Антония. Если римские воины бросятся к Ироду, он воспримет это как должное. Но вместо этого Антоний поднимается со своего походного трона — а триумвир любит трон — и, улыбаясь, направляется навстречу Ироду. После традиционных приветствий Антоний сразу же спрашивает: «Как Мариамна?»

Эта фраза вырывается у него почти произвольно. Сейчас он спит только с Клеопатрой. Неземное очарование египетской царицы прочно держит Антония, но Клеопатра обладает свойством близнедействия. Антоний, в объятиях которого перебивало бесчисленное множество женщин, верен Клеопатре, когда она рядом, но как только она покидает его, десятки сладостных бывших и будущих его возлюбленных начинают танцевать свои медленные танцы в его пылающем воображении. Клеопатра — слишком острое «блюдо». Поэтому, завидев Ирода, Антоний тут же представил себе Мариамну, этот антипод Клеопатры. Антоний расположен к Ироду, что ему до какого-то иудейского мальчишки. Ведь он выгнал Ирода из неизвестности, сделал его царем. Ирод приятен ему, он ни разу не подвел Антония. Предательство не входит в число грехов царя Иудеи.

Историки не упоминают об огромном богатстве Ирода. А ведь деньги царя Соломона — просто мелочь по сравнению с казной Ирода. Три-четыре процента населения Римской империи в то время составляли иудеи, и они отчисляли часть своего дохода на храм. Это были их добровольные взносы, а кроме того, все население Иудеи было обременено немалыми налогами. Имея выдающиеся организаторские способности, Ирод создал себе сказочное богатство. Основой его богатства стало само местоположение Иудеи. Все торговые пути между империей и Востоком вели через Иудею. Ирод своим быстрым умом сразу же оценил, что он может извлечь из этого. Явная и неявная дань, которую он получал через посредничество и сыск, давали ему огромные средства, и, как никто другой, с выгодой для себя и своей страны он пользовался ими.

Антоний, в парадной одежде римского полководца, стоит перед Иродом, положив руки ему на плечи. Он заметно выше Ирода, и тот смотрит на него снизу вверх, улыбаясь исподлобья.

— Великий правитель Рима, прошу принять мой дар, — сказал Ирод и вынул из небольшого кошелька на поясе кольцо индийской работы.

В кольце был сапфир величиной почти с человеческий глаз. Антоний взглянул на камень, и его красота затмила на время все чары Клеопатры и Мариамны. Антоний пригласил Ирода отведать изысканных яств; они ели и пили, расспрашивая друг друга о недавних событиях. Ирод был превосходным рассказчиком, он описывал все с мрачноватым юмором, столь ценным Антонию: тот не любил Рим, а был человеком Востока. Говорил преимущественно Ирод. Они беседовали обо всем: о благовониях, камнях, многочисленных сражениях, которые вел Ирод, о новых видах оружия. И наконец — о женщинах. Их беседы продолжались несколько дней. У Антония были и другие дела, ведь он правил Востоком. Но каждый день они обедали вместе.

На третий или четвертый день их встречи в Лаодикею прибыла Клеопатра. Уж кто-кто, а она — сама великолепная чаровница — знала силу мрачных глаз Ирода. Конечно, она не разрушила остов здания, которое за эти дни возвел Ирод, но в тот день во время обеда он по двум фразам понял, что Клеопатра вступила в игру. Ничем не выдал он своего знания, и лишь когда Антоний подобрел после немалого количества выпитого вина, Ирод небрежно сказал:

«У меня для повелителя есть подарок из Индии. — И после паузы добавил: — Надеюсь, что Антоний просветит меня и научит тому, чего я сам не понял».

Антоний любил подарки, и фраза ему понравилась, он захлопал в ладоши. Ирод протянул ему стопку листков из тончайшей кожи. Рим не отличался пуританизмом. Однако то, что Антоний увидел, потрясло его: на миниатюрах были изображены стилизованные приемы секса. Конечно, Антоний знал и умел многое. Но изобретательность мужчин этой древней страны сокрушила его. Ирод сразу же понял, что угодил. Потом они хохотали, как напроказившие мальчишки, снова и снова обсуждая подарок.

А ночью, когда Клеопатра пришла к Антонию, он придал ей позу, изображенную в Камасутре, и она, женщина более чем умудренная в любви, долгие годы жившая с бисексуалом Юлием Цезарем, не делавшим разницы между Клеопатрой и своим любовником Никомедом, чрезвычайно удивилась.

— А разве ты не делала так с Цезарем? — спросил Антоний.

— Нет, — ответила Клеопатра.

Антоний провел прекраснейшую ночь. В Риме был культ Цезаря, а он превзошел его. Он был горд собой и все разговоры об Ироде жестко пресекал. Разбираться со смертью какого-то мальчишки Антонию очень не хотелось, чтобы не обижать Ирода. Однако Клеопатра претендовала на большую часть Иудеи, на которую Ирод якобы не имел прав, и Антоний вынужден был сказать Ироду начистоту:

— Пойми меня как мужчина, я должен дать ей какой-то кусок. На время она насытится, а там будет видно.

— Я понимаю, — ответил Ирод, — я отдам ей Келесирию, это все, что могу.

Антоний не настаивал, ему был важен сам факт подарка, а не размер его.

После обеда он оставил Клеопатру и Ирода вместе и, сославшись на дела, ушел.

Они возлежали друг против друга. Стол с фруктами стоял между ними. Клеопатра взяла персик, затем положила его и несколько минут смотрела на Ирода.

— Узнаю моего Антония, — произнесла она. — Вы наверняка уже все решили. О чем же вы договорились?

Ирод не стал лукавить:

— Я отдам тебе Келесирию — это гораздо больше, чем я бы хотел.

— Это гораздо меньше, чем хочу я, — ответила в тон ему Клеопатра.

— Но некоторые твои уроки компенсируют эту недостачу.

Она встала, игриво улыбнулась и вышла из зала. Ирод проводил ее взглядом. Он знал, что сейчас Клеопатра могла выторговать у него и больше, но торговля не была ее ремеслом.

Лицо любимой жены всплыло вдруг перед ним. На следующий же день Ирод уехал.

Мать и сестра встретили его за несколько стадиев от дворца. Конечно, Иосиф не удержал в тайне от женщин разговор с Иродом. И теперь уже Саломея плела интригу против Мариамны и своего собственного мужа, которого ревновала к ней.

— А Иосиф спал с твоей женой, — наушничала Саломея. — Спал, спал, — с упоением повторяла она.

Ирод дал шпоры коню, он не мог больше слушать сестру. Через несколько секунд он спешил перед Мариамной, ждущей его у ворот.

— Ты изменяла мне? — свирепо спросил он.

Мариамна взглянула на его перекошенное от гнева лицо и заплакала от страха. Затем страшной клятвой она поклялась, что невинна. Ирод поверил. После этого, как свидетельствует Иосиф Флавий, «побежденный любовью к жене, он вскоре забыл свой гнев, так что даже стал извиняться, что поверил наветам. Вместе с тем он горячо благодарил ее за верность и уверял ее в своей пылкой любви. В конце концов, как это бывает в таких случаях, они заключили друг друга в объятия».

Казалось, инцидент исчерпан. Вожделение все сильнее охватывает Ирода. Он увлекает Мариамну в спальню, он клянется ей в любви, он все забыл.

Но — роковая ошибка: Мариамна вдруг отдергивает руки, лежавшие на ладонях Ирода, и говорит:

— Но если ты и вправду меня любишь, то как же ты мог приказывать Иосифу убить меня?

Ирод отталкивает жену, судорога искажает его лицо. Он понял, что Иосиф рассказал ей все, чего не должен был говорить. Ирод пришел в иступление и отдает указания слугам: Иосифа

казнить сегодня же, Александру бросить в темницу. Его приказ тут же был исполнен.

Ирод чем-то неудовлетворен. В задумчивости он постукивает пальцами правой руки по столу, потом поднимается и идет к выходу. В дверях он встречает Мариамну. Она уже знает, что мать ее в темнице, а Иосиф казнен. Впрочем, гордость хасмонейской принцессы мешает ей униженно просить за мать. Она молчит. Ирод уводит ее в спальню.

В эту ночь, ночь казни Иосифа, они заключили перемирие.

Глава 24

Мариамна и Клеопатра

Антоний, словно нехотя, по инерции, продолжает великую Парфянскую войну, у которой нет шансов на успех. Весной 34 г. до н.э. он предпринимает поход в Армению. У этой небольшой страны нет никакой надежды устоять против римлян, и это понимают и царь, и народ.

Клеопатра провожает возлюбленного до Евфрата, а на обратной дороге из Дамаска едет в Иерусалим. У нее только один советник — Николай Дамасский, он очень хочет встречи с Иродом, чьим доверенным лицом является его родной брат. И вот они сидят чуть поодаль друг против друга, трое мужчин: Ирод, братья Дамасские — Птолемей и Николай — философ, ученый, воспитатель детей Клеопатры, сопровождавший ее в Дамаск, и Клеопатра с Мариамной.

Через несколько лет после гибели Клеопатры Ирод пригласит Николая Дамасского к себе, и тот будет верен Ироду до самой его смерти.

В последующие два тысячелетия, когда обвинять Ирода во всех грехах стало просто модой, никто не обратил внимания на то, какая плеяда блестящих людей были его друзьями: Антоний и Август, философ и писатель Азиний Поллион, Николай Дамасский. Ирод был в хороших отношениях с царем Аравии Аретом IV. Он был для всех них интересным собеседником. Демон поселился в его душе не сразу. Казнь нескольких человек в счет не идет. Демон, как бы чуть прищуриваясь и вдыхая запах свободы, выбрался из тайника только после того, как Мариамна открыла ему дверь, причем сделала она это не сразу, а постепенно, словно прислушиваясь к зову своей души и следуя неумолимому року.

Беседа с Дамасским не только была интересна, но и поучительна для Ирода. Со свойственной ему быстротой в оценках людей и событий Ирод сразу же прочувствовал кристальную честность

философа, глубину его знаний и кругозор. Его трактовка событий, характеристики людей и государств являются для царя бесценной информацией, и он беззастенчиво пользуется ею.

Клеопатра и Мариамна, пожалуй, — еще более колоритная пара. При всей разнице в возрасте, воспитании, интеллекте, чувственности у них две общие черты: обе царицы не терпят унижения, и мужество каждой из них не знает предела.

Клеопатра, узнав, что ей предстоит украсить своим присутствием триумф Октавиана, без колебаний покончила с собой. О смерти Мариамны сообщает историк Иосиф Флавий: она взошла на эшафот спокойная, вся в белом, и ее достоинство и презрительное молчание не стали оправданием того пути, на который ступил Ирод и к которому она сама подталкивала его.

Они готовились к встрече как к сражению. Клеопатра была тонка в кости, и на ней не было ни грамма лишнего жира, потому что она была египтянка. Но ей было уже 35 лет, она много рожала, поэтому приходилось следить за собой. Мариамна была почти вдвое моложе ее, но Клеопатра нисколько не опасалась встречи с этой девочкой, женой царя, которого она хотела и обольстить, и обмануть, — вовсе не потому, что она стремилась к обману, просто ей всегда нужны были деньги. И разве ж не интересно обольстить и обмануть? Через много веков царица Тамара доведет до совершенства изобретение Клеопатры и сформирует его чуть-чуть по-иному: «обольстить и убить».

Клеопатра совершила омоложение в небольшом бассейне с теплой водой. Служанка натерла ее миррой и начала осторожно кисточкой с черной краской удлинять ее и без того огромные глаза. Едва касаясь кожи Клеопатры, плавными движениями она провела по ее царственным округлым и в то же время тонким рукам перьями с груди цапли, и мягкое прикосновение этих перьев вызвало у Клеопатры легкое возбуждение. Осторожно скребками из плечевой кости крокодила она стала втирать в ее кожу мазь из слюны крокодила в оливковом масле, взятую из небольшого глиняного горшочка. Приготовленная таким образом, она могла храниться очень долго даже в жаркую погоду.

Язык, ее острый и мудрый язык, успешно служивший ей и для любовных признаний и для дипломатических переговоров, служанка почистила пластинками из слоновой кости. Теперь он будет певуч,

как греческая кифара, и мягок, как мох в лунную ночь. Потом служанка стянула талию царицы широкой льняной лентой и одела ее в фиолетовую тунику, специально предназначенную для ночной беседы при факелах. Потому что вечера в Иерусалиме тоже иногда бывают фиолетовыми. Наряд завершила золотая шапочка с голубыми крыльями, увенчанная головой коршуна с рубинами на месте глаз. Ожерелье, в котором изумруды чередовались с кораллами, обрамляло ее шею, по единодушному мнению, самую длинную и прекрасную во вселенной. Клеопатра была готова.

Мариамна, конечно, знала о Клеопатре если не все, то очень многое: о египетской царице говорил весь Восток. Сплетни, байки, сказки о похождениях царицы развлекали и восхищали всю империю от Рима до самых отдаленных гарнизонов где-нибудь в Армении или Паннонии. Она была сказкой, живой легендой, эта возлюбленная Цезаря и Антония. Сейчас она устроила охоту на Ирода, конечно, не явную, Антоний не потерпел бы этого. Но ее окружение знало про эту маленькую прихоть царицы и понимало ее. В конце концов женщина тоже вправе заниматься охотой, пусть любовной.

Мариамна знала многое. Она знала, что Клеопатра оказывала Ироду знаки внимания в Александрии. И все знали, что означает это внимание. Она знала, чувствовала, что Ирод не спал с Клеопатрой, и почему-то была горда и им, своим мужем, и собой. И еще ей не терпелось встретиться со своей пусть не соперницей, но конкуренткой, что ли. Она провела короткое совещание с Иммой, своей служанкой, и приняла решение. Клеопатре 35 лет, и пусть несравненно ее искусство макияжа, лапки времени в уголках глаз и следы его на шее должны сказаться. На этом строится тактика Мариамны. Имма только чуть-чуть удлиняет черной краской ее глаза и даже не трогает губ, плотных и упругих. Мариамна не любит запахов, но сейчас решается. Иудею часто посещают индийские купцы, гораздо чаще, чем Египет, потому что отсюда проще попасть в Рим, где индийские товары разбираются вмиг. И Мариамна использует свою последнюю покупку — мускус, настоящий на струе кабарги. Специфический, незнакомый, будоражащий запах ползет по комнате, и Мариамна довольна. Где-то чуть выше желудка, где находится пристанище души, зарождается желание и потихоньку, чуть помахивая хвостом, словно опахалом, начинает перемещаться вниз. Она надевает простое белое платье.

Они ведут светскую беседу на арамейском, которым владеют в совершенстве. В первые минуты, после того как их представили друг другу, взгляды их скрестились, как клинки рапиры, высекли искры и, довольно урча, спрятались в ножны. Царицам из рода Хасмонеев и Птолемеев достаточно одного взгляда, чтобы понять если не все, то многое. Усталую мудрость Клеопатры поняла Мариамна, и ей открылась непрестанная борьба, которую чувственность и жажда власти и богатства все время вели с другими сторонами ее замечательной личности. И эти первые качества, как правило, одерживали верх над разумом Клеопатры.

Клеопатра, в свою очередь, в мгновение оценила, что скрывается в широко расставленных серых глазах хасмонейской царицы, она сумела понять выражение ее тонких полуоткрытых губ. Почувствовала ее одержимость и недовольство собой и миром, постоянная вражда с которыми не могла окончиться победой Мариамны. Ее желания не знали меры, не имели границ, и это отсутствие границ рано или поздно должно было привести к конфликту с Иродом и вселенной. Мариамна знала свою власть над Иродом, ту, которой никогда не имела и не будет иметь Клеопатра. И сущность этой власти незримой тропой вела ее к концу, ибо нельзя оставаться непорочной, открывая дверь демонам. Это все сразу же узнала Клеопатра, но это было ее знание, оно было мимолетно и вскоре исчезло, потому что многие другие проблемы занимали ее внимание, но как видение иногда лицо Мариамны потом мелькало в ее памяти.

Они говорили о пустяках. Клеопатре ничего не стоило вести светскую беседу. Но какой-то странный, хищный и страстный запах, ни на что не похожий, проникал на веранду, у него не было имени, и он тоже, как и ее платье, имел цвет ночи. Ноздри ее стали чуть-чуть раздуваться, и вопрос уже готов был сорваться с ее губ, но тут ее отвлекла Мариамна. Она не могла оторвать глаз от шеи Клеопатры. И вовсе не украшения привлекали ее. Лебединую шею Клеопатры время только слегка тронуло и чуть-чуть прикоснулось к ее глазам.

— Какая у тебя шея! — совершенно по-детски воскликнула Мариамна.

Она была искренна в своем восхищении. И это улавливает Клеопатра. Она смеется, ей нравится жена Ирода.

— Это действие мази из слюны крокодила, — небрежно говорит она.

В глазах Мариамны виден вопрос.

— Я оставляю ее тебе, ею можно пользоваться еще две недели, а потом ты сможешь заказывать ее в Египте.

Мариамна никогда не видела крокодила, но, конечно, знает об этих чудовищах, обитающих в Египте, и восхищается Клеопатрой, и своей смелостью — ведь она тоже намажется этой мазью, сегодня же.

В свою очередь Клеопатра задает ей вопрос:

— Что это за благовония, они так необычны, в них есть что-то такое... — и Клеопатра делает плавное движение рукой.

Теперь уже очередь Мариамны торжествовать победу.

— Это индийские, я подарю их тебе.

Затем они говорят о детях. С интересом рассказывают о своих, меньше слушают о чужих. И вдруг им обоим становится ясно, что встречу пора кончать, иначе очарование перейдет в скуку. Мариамна ссылается на усталость. Клеопатра хлопает в ладоши, подзывает свою служанку Хармиону и посылает ее за подарками. Мариамна должна сама пойти и распорядиться, сколько благовоний отлить Клеопатре, не отдавать же ей все. Через минуту на веранду входит Александра.

— Позволь я познакомлю тебя с моей матерью, — говорит Мариамна, — и отлучусь на несколько минут.

Она честна, потому что в эти минуты искренне восхищается гостьей, отликает из флакона для Клеопатры половину маслянистой пахучей жидкости и возвращается. Мать ее тут же исчезает.

Они обмениваются подарками. Мариамна получает мазь из слюны крокодила и набор принадлежностей, пользоваться которыми Хармиона обучает Имму. Мариамна торжественно вручает Клеопатре плотно закрытый флакон из золотисто-желтого камня¹, похожего на глаза Клеопатры, — красивого и загадочного. Они церемонно прощаются.

— Мне бы хотелось попрощаться с царем Иудей, — говорит Клеопатра.

Хорошее настроение Мариамны сразу же улетучивается. Она смотрит на великолепно очерченный рот Клеопатры, с белоснежными

¹ По-видимому, гелиодор.

зубами и полными коралловыми губами. И кажется ей, что этот рот готов сожрать всех: и Ирода, ее мужа, и ее самое, и Иудею. Но она сдержанно и приветливо, словно ее это не задело, говорит:

— Хорошо, я сейчас передам ему твое желание, — и уходит.

Она идет к Ироду, беседующему с братьями Дамасскими. И запах мускуса, ставший значительно явственней из-за влажности вечернего воздуха, ударяет ему в нос. Он теперь точно знает, что смутило его несколько часов назад, когда он представлял жену Клеопатре.

— Клеопатра хочет видеть тебя, великий царь, — говорит Мариамна, — и надеюсь, что ты у нее не задержишься.

Говорит громче, чем того требуют приличия. Братья слышат их разговор и прощаются. Мариамна уходит к себе. Делает знак Имме, и та, прекрасно знающая смену настроений своей госпожи, сразу же исчезает. Мариамна буквально срывает с себя одежду и, нагая, бросается в постель. Потом встает, идет к туалетному столику и наливает себе на ладонь немного благовонного масла, осторожно втирает его в шею, в руки. Затем обмакивает в масло указательный палец, чуть-чуть прикасается им к животу, и рука ее медленно, словно преодолевая какое-то препятствие, опускается ниже...

Ирод входит к Клеопатре, мечтательно глядевшей в сторону Мертвого моря, и она говорит ему:

— Великий царь, я хочу посетить свои владения в Иерихоне.

В голосе царицы Верхнего и Нижнего Египта слышна властность и металлические нотки.

— Завтра утром мы поедем, великая царица, — почтительно отвечает Ирод.

Эта почтительность подсказывает Клеопатре, что она совершила ошибку. Не надо показывать свою властность мужчине, с которым хочешь провести ночь, в особенности если он царь, горд, неприручен и обладает такой восхитительной женой, как Мариамна. Но Клеопатра гонит прочь эту ненужную мысль: ведь ее любили такие мужчины, как Цезарь и Антоний.

Ирод прощается, даже не предложив проводить царицу. «Мужлан», — решает Клеопатра и идет к себе: она хочет насладиться подарками.

Мариамна ждала Ирода. И вот она услышала его шаги. Ирод врывается в спальню. Терпкий запах мускуса, усиленный струей

кабарги, стоит в комнате. Мариамна забыла закрыть сосуд. Он начал раздеваться прямо на пороге опочивальни.

При свете ночника он скорее угадывает, чем видит наготу жены. Он видит, как привставшая с постели Мариамна тянет к нему руки, похожие на крылья лебедя или на языки пламени. И он бросается в это пламя, и они любят друг друга. Ироду казалось, что он любит и Клеопатру тоже.

Утром Мариамна слышит сквозь сон, как Ирод говорит ей:

— Я должен ехать с Клеопатрой в Иерихон. Она хочет видеть свои земли. — И он криво усмехается.

Но не слышит этого Мариамна. Сквозь сон улыбается она. Может быть, Клеопатра подарила ей самую лучшую ночь в ее жизни, ночь торжества женщины над женщиной, царицы над царицей.

Она просыпается, когда кортеж уже готов тронуться в путь, но не покидает спальню, словно желая продлить минуты своего торжества. Пусть едут. Восемь рабов бодро подняли паланкин египетской царицы. Им, меняясь, предстояло пронести его 25 километров. Суший пустык. Потом будет отдых и сытная еда.

Клеопатра искренне интересовалась страной и часто делала остановки. Она пребывала в хорошем настроении. Ирод усккал вперед готовить встречу, поручив ее охрану молодому идумею Костобару. Тот был юн, гибок, и восторг при виде Клеопатры не сходил с его лица — он забывал даже о своих обязанностях. Клеопатра не прогневалась и запомнила этого юношу. Он знатен, и он идумей — может ей пригодиться, и она перекинулась с ним несколькими словами и один раз даже широко раскрыла глаза, полыхнувшие на него зеленым огнем.

Клеопатра восторгалась Иерихоном, который Ирод достраивал и перестраивал. Все здесь благодаря обилию влаги цвело и благоухало. Воздух в городе был пропитан терпким запахом роз, в особенности когда ветер дул со стороны садов.

Ужин был достойным царицы: разные фрукты, печенья, запеченная рыба, чешуя которой серебрилась, и два вида блюд из молодого барашка: белый увесистый курдюк с горячим бульоном и мясо, варенное в тamarисковом вине. Хлеб был простой и анисовый, лепешки специальные, чтобы выгирать пальцы, а вино было только местное. Потом Клеопатра ушла отдыхать, велев разбудить ее через

три часа. Хармиона в точности исполнила ее повеление. И бассейн Мариамны уже был подогрет к тому времени, как она проснулась, и евнухам был отдан приказ все время добавлять в него горячую воду. Клеопатра велела удалить чужих иудейских евнухов не потому, что она смущалась, вовсе нет, просто не хотела, чтобы потом вся эта варварская страна обсуждала недостатки ее фигуры. Она ведь была уже не девочка.

Купанье доставило ей удовольствие. Четыре порфировых светильника, похожих на гигантские вазы, давали ровный свет, потому что ветра не было. И их отражения в воде вместе с луной и Клеопатрой наслаждались сказочным вечером. Пели цикады, и ночная прохлада быстро остужала воду. Клеопатра пробыла в бассейне до тех пор, пока уходящее тепло воды не унесло с собой всю усталость. Хармиона набросила на нее покрывало, и она быстро пробежала к себе в комнату — когда-то она принадлежала Александре, но после гибели сына та поклялась не бывать в Иерихоне. Клеопатру это ничуть не смущало. Хармиона насухо вытерла ее, заодно массируя — искусство, которому обучают годами. И начала втирать благовония, потом нежными круговыми движениями кончиков пальцев нанесла на кожу снадобье Мариамны — в подмышки, на груди и на внутреннюю поверхность бедер.

Клеопатра выпила терпкого тронтского вина — напиток знатоков и куртизанок, легла на несколько минут, пока не почувствовала легкий шум в голове, и послала предупредить Ирода, что сейчас будет. Она набросила на себя платье — непрозрачное, золотое и розовое, на тонких бретелях. Достаточно было спустить бретели — и платье падало вниз. Перехватила его простым мягким поясом со специальным узлом: можно было потянуть за любой его конец, и он развязывался — и пошла к Ироду.

Он был серьезен, она тоже. Запах благовоний он почувствовал на расстоянии, и вождеделение охватило его. Но сознание его было в полном порядке, страсть его не затуманила. Лица Мариамны и Антония всплыли перед ним, и он расценил это как предупреждение. Клеопатра обняла его, но вождеделение уже ушло, исчезло. Ирод думал о земле, его земле, которую он вынужден был отдать этой женщине, и озлоблялся.

— Так ты не хочешь меня? — спросила Клеопатра, играя голосом и прижимаясь к Ироду.

— А ты по-прежнему хочешь отнять мою землю? — вдруг совершенно неожиданно для себя спросил Ирод. Это было грубо.

— Я никогда не платила за любовь, — вспыхнула Клеопатра, повернулась и ушла.

Ее слова не были истиной, но не могла же она выглядеть побежденной. Она вернулась в свою комнату, и молчаливая и все понимающая Хармиона быстро подала ей кубок легкого библского вина, в который накапала снотворное. Вскоре Клеопатра уснула.

Утром она приняла ванну, а затем в окружении молодых людей осматривала свои владения и, казалось, забыла об Ироде, который появился только к концу дня, к пиршеству в честь царицы.

Ирод же после свидания с Клеопатрой ушел спать, приказав собрать всех своих приближенных и разбудить себя после полуночи.

На совещание прибыли: Ферор — его брат; Ахав — его двоюродный брат; Птолемей Дамасский — хранитель печати; Офеллий, финикиец, — начальник сыска; Самаралла, финикиец, — главный мытарь; Саппион — стратег; Попла — начальник конницы; Тирон — начальник Иерихонского гарнизона; Шамаи — председатель Синедриона, ему одному верит Ирод. Теплый и прозрачный вечер уступил место прохладе ночи, когда легче думать и принимать решения.

Ирод встает и говорит, он не упоминает ее имени, хотя все знают, что речь идет о Клеопатре.

— Она пыталась соблазнить меня. Пока она жива, наши земли не достанутся нам ни при каких условиях, и она в любой момент предаст Антония, как готова была предать его сегодня утром. Так не лучше ли убить ее здесь, в Иудее, изобразив какое-нибудь покушение? Разумеется, Антоний не поверит, да, скорее всего, вообще никто не поверит. Да так ли это важно? Официальный Рим почти наверняка закроет на это глаза. Я не нахожу ни одного довода, чтобы оставить Клеопатру в живых, — заканчивает он свою речь.

Они долго обмениваются мнениями. Будь у них больше информации о реальных событиях в Риме, о роли Сената и власти Октавиана, возможно, Клеопатра и закончила бы свою жизнь в Иудее, но они слишком далеко от Вечного города. Все прекрасно понимают, что Армения будет завоевана без существенных потерь. Несоизмеримы силы этой маленькой горной страны и Рима. А потом Антоний со всей своей мощью повернет в Иудею и будет мстить за

смерть матери своих детей, за свою возлюбленную. Они все, кроме Ирода, оглядывающего всех налитыми кровью глазами, голосуют против смерти Египетской царицы.

И Шамаи мягко говорит:

— Отпусти ее, Ирод, и забудь. Она как змея, кусающая себя за хвост: она сама уничтожит себя.

Ирод соглашается.

Клеопатра не могла уехать просто так, ведь не с визитом вежливости посещала она Ирода. И следующим вечером они встретились вновь.

— Ирод, у тебя никогда не было желания убить меня? — начала Клеопатра с улыбкой на лице.

— Конечно, было, — в тон ей отвечал Ирод, — но мне не хочется огорчать моего друга Антония.

— Антоний тебе сразу снимет голову, — убежденно заявила она.

— А почему ты решила, что можешь умереть в Иудее? — нарочито удивился Ирод. — Фанатиков много и в Дамаске. Может случиться катастрофа и на море, да мало ли что.

— Но риск все же есть? — спрашивает она.

— Не бойся, — отвечает Ирод, — здесь ты под моей защитой. Пока ты не уехала, может, решим наши дела. Ты отторгла у меня слишком много земли, и я не понимаю, зачем тебе это. Ведь твои мытари почти ничего не имеют с Келесирии, так как эта территория, увы, бесплодна.

— Откуда это вино? — вдруг спрашивает Клеопатра, поднимая изящный, индийской работы золотой кубок.

— Мое, из Эшкола¹.

— Значит, там земля родит. Ваше вино заполонило весь Восток, и говорят, оно превосходно.

— Попробуй, великая царица, — с улыбкой сказал Ирод, — оно не отравлено.

— Поговорим серьезно, Ирод. Я прекрасно понимаю, что ты ничего хорошего мне не дашь, и предлагаю честную сделку. Я сдам тебе же в аренду обещанные тобой земли и право собирать налоги

¹ Эшкол — долина в южной части Палестины, славящаяся виноградниками.

для меня в Аравии. Это примерно 200 талантов ежегодно. Я хочу их иметь. Ты же бóльшую часть — от 280 до 300 талантов — можешь получать от Малка.

— При условии, что Малк будет платить честно.

Знаменитая на весь Восток улыбка Ирода превращается в оскал, губы его чуть подрагивают, словно змея хвостом.

— Тогда будем считать, что мы договорились. Мне очень нужны деньги для нашего Антония, — добавляет Клеопатра.

— Ну если для нашего Антония, то согласен, — отвечает Ирод.

Сделка состоялась. Ирод рассчитывал получить с отторгнутой территории примерно вдвое больше запрашиваемой Клеопатрой суммы, а с Малком он разберется.

Он проводил Клеопатру очень сдержанно, совсем не так, как других правителей, и совсем не так, как она этого заслуживала по статусу царицы Египта. Клеопатра все поняла: по достоинству оценила «скромность» своих проводов, убедилась, что Ирод никогда не станет ни ее другом, ни любовником.

Глава 25

Воспоминания Клеопатры

На следующее утро Клеопатра уезжала. Рот ее улыбался, но только неискушенным могло показаться, что ничего не произошло. Глаза ее были холодными, светло-зелеными и прозрачными, как у кошки, и в эти минуты она отличалась от нее только великолепной формой чуть удлинненного носика¹. Потом глаза ее темнели, превращаясь в два изумруда, небрежно брошенных Осирисом на ее лицо. Изумруды тоже были холодными, и холодом веяло в это влажное, теплое утро. Она попрощалась церемонно, как и подобает, с Александрой, Мариамной, их скромным двором. Кортёж ее двинулся в путь, вернее, эфиопы, несущие ее паланкин, засемили ровным, специфическим шагом, слегка раскачиваясь. Ноша была привычна и не так уж тяжела. Клеопатра гортанно, как кнутом, велела поторопиться, они ускорили шаг, и ехать рядом с ними стало неудобно: лошади, сбиваясь с ритма людей, на какое-то время оказывались впереди Клеопатры, а затем отставали.

Она углубилась в воспоминания, потому что мозг нуждался в отдыхе от Ирода с его Иудеей, а воспоминания всегда рядом, они могут прокручиваться очень быстро, и это тоже важно. Даже тогда, когда они делали привал и опахала из страусовых и павлиньих перьев как могли боролись с жарой, она с трудом, словно нехотя, уходила из того далекого мира, который называется прошлым.

У нее хватило ума держаться в стороне от своей старшей и тоже очень властолюбивой сестры Береники, смерть которой была объективной закономерностью, потому что, как говорили греки, у которых на все есть ответ, она выгащала не тот жребий, только и всего.

¹ Блез Паскаль сказал в своих «Мыслях»: «Будь носик Клеопатры чуть короче, лицо мира могло бы выглядеть иначе». Цит. по: Блан Ж. Великий час океанов: Средиземное море. М: Мысль, 1982. С. 36.

А цена этого жребия была жизнь. Отец казнил Беренику, которую любили в народе, и он знал это, но выхода у него не было. После этого он с некоторым уважением или опаской стал посматривать на двух своих следующих дочерей — Клеопатру и Арсиною.

Клеопатра была старшая, и он велел присматривать за нею, и соглядатаи контролировали каждый ее шаг. И это было плохо. Ей уже было восемнадцать, а она еще была девственница. Отец не торопился объявить своих престолонаследников, он хорошо помнил историю Египта и боялся. А она, в свою очередь, не могла рисковать. Конечно, во дворце всегда можно было найти кого-нибудь для постели, но она понимала, что об этом немедленно донесут. Ей не было жаль возможного избранника, нисколько. Но кто знает, кого бы тогда объявили престолонаследником, а ведь она была старшей. Много лет спустя Генрих IV скажет крылатую фразу: «Париж стоит обедни». А Клеопатра для себя, и только для себя шептала: «Корона Верхнего и Нижнего Египта стоит постели» — и воздерживалась. А рядом с ней лежал огромный, а потому один из самых развратных городов того далекого мира, и в садах дворца тоже по ночам можно было слышать вздохи, клятвы и стоны.

Ее воздержание оправдало себя. В первых числах марта 51 г. до н.э. по выражению глаз верховного жреца ее отец понял, что вскоре встретится с Осирисом. И тогда он составил завещание и призвал Клеопатру к себе. Он решил обучить дочь ремеслу монарха, потому что обучать больше было некого: ее брату-соправителю только что исполнилось 10 лет.

Но она больше не хотела и не могла бороться со своим воображением и отпросилась в Гермонтис, где готовилась большая церемония в честь Аписа (быка). Она сама возглавила плавание по Нилу, и отец не возражал. Ему было страшно оставлять четверых еще совсем юных детей в этом жестоком мире. А завоевание популярности в стране важно для правителя. Сам он этого так и не добился.

22 марта 51 г. церемония в Гермонтисе прошла особенно торжественно, потому что на ней присутствовала Клеопатра, прибывшая из Фив.

В тот же день, вернее, в ту же ночь, когда она взошла на борт ладьи, направляющейся в Фивы, она приказала капитану, высокому и широкоплечему, провести с ней ночь. Она не получила того

удовольствия, которого ждала, может быть, потому, что ожидала слишком многого. А капитан робел: как-никак царская дочка...

В Гермонтисе на торжестве присутствовала вся местная знать. Владыка врат юга ел ее глазами, он был знатен, его не надо было бы долго упрашивать, но Клеопатра почему-то выбрала огромного эфиопа из охраны, приданной ей здесь. Она пообещала, что если он ей не понравится, то она оскопит его, а если понравится, то он станет офицером и будет им так долго, пока будет молчать. А если начнет говорить, то... и она развела руками.

— Тебе понравится, госпожа, — нимало не смущаясь и сверкая белками глаз, ответил всегда улыбающийся эфиоп, и кожа у него лоснилась, как у жертвенного быка.

Он действительно понравился Клеопатре, очень, и она сдержала слово.

И все мужчины, которых она выбирала потом, мелькали, шли чередой и мало трогали ее. Они смешивались с толпой и двигались с траурной церемонией, которая была ей неинтересна. Отец ее умер в мае 51 г., и она с удовольствием уселась на престол, а ее брат-супруг, которому было всего 10 лет, ну никак не мог вмешиваться в дела государства и мешать ей.

В октябре 48 г. в Александрию прибыл Цезарь, и при помощи своего друга, Аполлодора Сицилийского, с которым она, кстати, никогда не спала, ей удался один из тех трюков, которые вершат историю. Воспоминания об этом всегда вызывали у нее улыбку. Клеопатра улыбалась своему артистизму, храбрости, удаче и любила себя.

Тогда они терпеливо ждали сумерек, теплых, влажных, шелестящих цикадами. Сели в лодку. Аполлодор осторожно греб веслом, обмотанным материей, чтобы не было слышно плеска. Причалили к берегу, он выбрал сухое место, расстелил мешок для постельного белья. Клеопатра, улыбаясь забралась в него, он обвязал мешок ремнем и, не таясь, понес его через двор к зданию дворца. Оба знали, что рискуют жизнью. И авантюра удалась. Цезарь, в полной мере, обладавший этой жилкой, был восхищен и покорен одновременно. Они провели ночь вместе. Утром она увидела, что он плешив. Но у них было много тем для разговора, оба любили власть, и она запомнила строку Еврипида, любимую Цезарем: «Если уж нарушаешь право, то ради господства». У этой

фразы есть и другая, более современная интерпретация: «Цель оправдывает средства».

Дорогие ей воспоминания были прерваны. Привал. Они сделали остановку близ какого-то селения, и Клеопатра должна была поддерживать разговор, который не был ей интересен. Вздремнула. Сквозь дрему опять начали возникать картины прежнего. Она любила Цезаря. Хотя все знали, что он бисексуал. Солдаты, воевавшие с ним в Галлии, сочинили подлую песню и принесли ее и в Египет:

*Как трахнул Цезарь Галлию,
Его же – Никомед.
Триумф достался Цезарю,
А Никомеду – нет.*

И потом припев:

*Никомед, Никомед
Сладенький, как мед.*

Это было глупо, отвратительно и возможно только в Риме с его дурацким Сенатом и демократией. В Египте и сочинителей, и исполнителей давно бы скормили крокодилам.

И все же Клеопатра любила Цезаря. Это точно. Перед ней мелькали картины ее торжественного въезда в Рим с Цезарионом, их сыном, когда толпа визжала от восхищения и улюлюкала.

А в марте 44 г. Цезарь был убит, поскольку слишком долго играл в демократию. Ей пришлось бежать из этого подлого города, и она прибыла в Александрию усталая и злая, как мегера. И жаль ей было не Цезаря, а себя.

На ночь остановились в Эммаусе. И когда день только-только потемнел, они уже стояли лагерем. Клеопатра бродила по городку, стараясь понять этот народ, такой ей непривычный.

Серая полоса облаков скрывала край горизонта, и солнце, тонувшее в них, было похоже на каплю расплавленного золота с неровными краями. Она посмотрела на светило в последний раз, вернулась к столу и почувствовала себя уставшей. Ели обильно, но

разговор не получался. Фразы были малозначащие, пустые. Все словно чего-то выжидали: Ирод сидел на ковре, на подушках, и мысли его были далеко-далеко отсюда. Клеопатра готова была поклясться чем угодно, что они были не с Мариамной.

Клеопатра велела позвать музыкантов. Инструменты были обычные: флейты и арфы. Мелодия, исполняемая двумя девушками-египтянками, была непривычной для иудеев, она была какой-то неровной, спотыкающейся, плачущей, зовущей, грозной и дисгармоничной. Иудеем такая музыка не понравилась, и они под разными предлогами уходили, и Клеопатра была этим довольна.

На следующее утро воспоминания вновь вернулись к Клеопатре. Сначала она видела Цезаря в Египте, а потом крупное лицо Арсинои, бледной и дрожащей, встало перед ней. Арсиноя нервничала, так как ей предстояло украсить триумф Цезаря, а Клеопатра смотрела на сестру и радовалась. Потом Клеопатра обняла Цезаря, и он исчез из ее памяти. Из дымки прошлого возник ее младший брат-соправитель. Если б он остался жив, непременно вырос бы в законченного негодяя. Вечно враждовавший с ней, он умер в юном возрасте.

Мозг Клеопатры, жаждущий приятных воспоминаний, вернул ее к тем счастливым минутам, когда они путешествовали с Цезарем в верховьях Нила и стояли перед двумя огромными, в 50 локтей, статуями, сделанными неизвестно когда и неизвестно кем. Эти каменные колоссы внушали почтение и трепет, и из одного из них на рассвете раздавался слабый звук, похожий на удар весла или Клеопатра старалась определить, на что похож был этот звук, но ей это не удавалось. Воспоминания, как и сновидения, скоротечны, и они ушли.

Зато пришли другие. Перед ее внутренним взором ясно и отчетливо прошли минуты побега из Рима сразу же после смерти Цезаря, а ее маленький сын Цезарион сидел в качающейся лодке и был бледен. Он уже понимал, что такое смерть. Промелькнуло лицо Антония, которому Клеопатра была обязана жизнью, и она захотела еще и еще видеть его лицо и все, что связано с ним. Но у воспоминаний были другие намерения. И она увидела толпу, приветствующую ее — правительницу Египта, вернувшуюся из Рима в родную страну.

А потом по какой-то неизвестной дороге, которой не было в Александрии, брели толпы иудеев, которым она отказала в выдаче

хлеба в голодные годы.¹ Надо было в первую очередь кормить самих египтян и греков.

И потом перед ней возникло лицо ее брата Птолемея XIV: он смотрел на нее и ухмылялся. Примерно через полгода после возвращения Клеопатры в Египет он вошел к ней уже на правах супруга.

— Великая царская супруга, — торжественно начал он, голос его был тонок и ломался. — Сегодня я хочу вступить в свои супружеские права.

Клеопатра искоса взглянула на него, и вдруг шальная мысль пришла ей в голову.

— Служитель Гора², — сказала она нараспев, — мы все послушны твоей воле и обязаны исполнять твои желания. Я буду ждать тебя ночью.

Он ушел слегка ошарашенный своей удачей. А ночью она убедилась, что он все еще ребенок, хотя и очень старался казаться взрослым. Его совсем еще детские пальцы робко метались по ее роскошным грудям, как паучки, и боялись даже погладить их. Но она не любила пауков, и на следующий день, ласково улыбаясь и выражая восторг, она угостила его фруктами, слегка опрысканными ядом. И к вечеру Клеопатра осталась царствовать одна.

А самые приятные воспоминания начались с огромного обитого золотом носа корабля. И этот нос несколько раз тараном въезжал в ее сознание. На этом корабле она прибыла в Тарс для встречи с Антонием и была в воздушном наряде богини Афродиты, не скрывающем ее прекрасного тела. Антоний, большой ценитель женщин, был покорен. И тогда она сотворила трюк, который вошел в легенду на тысячелетия. Клеопатра всю жизнь запомнила это удивительное пари, заключенное ею и Антонием.

Антоний был пьян. А он обладал замечательным качеством, свойственным не многим мужчинам: чем он пьяней, тем привлекательней. Его офицеры очарованы Клеопатрой, обилием полюбуженных женщин, драгоценностями, шелками, которые могут превратить в соблазн и статую. Они едят неведомые яства, пьют чудесное вино. И вот они осоловели. И тогда Клеопатра твердо решила, что следующим ее избранником будет Антоний. И бес,

¹ С 43 по 41 г. до н.э. в Египте был неурожай.

² Гор — сын богини Исиды.

никогда не покидавший ее, с глумливой ухмылкой произнес: «Пари».

Но никто не заметил ухмылку беса, потому что все видели только роскошную фигуру Клеопатры и ее яркую широкую улыбку.

— Пари! — громко сказала она.

Все восторнулись: и пьяные, и еще способные мыслить. Антоний пьянел медленнее других, потому что он был могучий мужчина, и еще потому, что был Антонием.

— Пари, — повторила Клеопатра. — Мы ужинаем вдвоем, и я плачу за этот ужин пять талантов.

Чудовищность этой суммы поразила Антония. Он переспросил, чуть заикаясь:

— Ты, ты, хо-о-чешь ска-а-зять, что съе-ешь и вы-ыпьешь на пять та-лан-тов?

— Ну конечно! — она восторженно улыбалась. — Мы ужинаем вдвоем. Наш спор рассудит он, — она указала на легата Планктуса.

Офицеры захлопали. Антоний смотрел на нее во все глаза. Что за женщина!

На следующий день они ужинали вдвоем; офицеры сидели чуть поодаль и тоже ели; рядом сидел Планктус и тоже ел. Меню было изысканным, особенно хороши были лангусты. Но стоимость съеденного и выпитого измерялась несколькими сотнями сестерциев, счет отнюдь не шел на таланты. Антоний смотрел на нее вопрошающе и легат тоже.

Клеопатра потребовала бокал с уксусом. Вынув из левого уха огромную серьгу-жемчужину, она бросила ее в бокал. Раздалось шипение. Жемчужина растворилась, и Клеопатра выпила все. Ее признали победительницей и Антоний, и Планктус. Они не дали ей снять вторую серьгу.

А все это было старым трюком факиров. Когда Клеопатра снимала серьгу, бретель ее платья опустилась. И пока римляне пялились на ее обнажающуюся грудь, она успела из полого кольца высыпать в уксус немного соды, а потом выпила этот шипящий раствор, а жемчужину спрятала за щекой.

В ту же ночь Антоний удовлетворил то пылкое вожеление, которое разожгла в нем Клеопатра.

А обе жемчужины она потом продала, так как ей нужны были деньги.

Клеопатра потянулась. Велела остановить паланкин, подошла к красивому человеку средних лет, сидящему на коне, — точь-в-точь, как Ирод. Он был суров, смугл, она знала, что Ирод ему безгранично доверяет, он был другом его детства. И еще она понимала, что он сопровождает ее с Иродом отнюдь не из-за каких-то чувств к ней и не из-за протокола. Им просто нужно было переговорить. Она подошла к Гиппику, а это был он, и сказала переливчатым голосом:

— А все-таки я не понимаю, почему меня выпустили живой из Иудеи? Как вы могли решиться?

— Моего мнения никто не спрашивал, великая царица, — ответил Гиппик.

Он был и прав, и неправ: его просто не было на том совещании, когда решался этот вопрос.

Клеопатра с полуулыбкой посмотрела на него, повернулась и пошла рядом с паланкином. И поклялась Ибисоголовым¹, что расчитается с ними, с этой парой — Иродом и Гиппиком. И почему-то вспомнила свою сестру Арсиною, казненную Антонием по ее настоятельной просьбе. Она была такая противная.

¹ Тот — египетский бог мудрости.

Глава 26

Танец Мариамны

О, какой чудодейственной силой обладала слюна крокодила! Мягкой и упругой стала кожа Мариамны, она приобрела шелковистость перьев фламинго и белизну лебедя, она прямо текла между пальцев Ирода, будто песок Идумеи, и каждый кусочек ее кожи стремился ускользнуть от него, словно песчинка, но Ирод снова и снова находил эти участки кожи в самых потаенных местах ее тела и не мог от нее оторваться. Его угрюмость не исчезла совсем, но он улыбался чаще, чем обычно, морщины на лбу разгладились. Он ласкал не только ее, часть его нежности перепадала и детям, и это было необычно. И всем этим они были обязаны Клеопатре. Когда снадобье кончилось, Мариамна с ведома Ирода послала ей письмо. Она писала:

Великая царица.

Я благодарна тебе за мазь из слюны крокодила. Нельзя ли мне получить еще немного такого бальзама? Надеюсь, что ни жара, ни расстояние между нашими странами не помешают посылке. Деньги я передала через евнуха – подателя сего письма. Здоровья тебе и детям. Да будет счастливо твое царствование.

Мариамна

Ирод прочел письмо, ухмыльнулся, не только не возразил, но и дал евнуху провожатого.

Письмо было учтивым. При других обстоятельствах царицы могли бы вполне сносно ладить, но судьба не дала им времени на развитие отношений.

Клеопатра ответила не менее учтиво:

Прекраснейшей царице Иудеи.

Благодарю за добрые пожелания. Ты прекрасна и без всяких снадобий, однако, если я могу быть полезна, ты можешь на меня рассчитывать. Я посылаю то, о чем ты просила. Денег вполне хватило. Твой подарок изумителен, и я нашла купцов из Индии, которые мне будут его поставлять.

Клеопатра

Евнух привез это письмо и двойной кувшинчик: один был вставлен в другой и отделен от него тонкими трубочками тростника. И крышек было тоже две: одна проникала глубоко внутрь горловины и прилегалась плотно, другая хитро закреплялась снаружи, а между ними оставалось пустое пространство. Это был своеобразный термос. Мазь несколько не пострадала при переезде. Мариамна еще несколько раз писала Клеопатре и каждый раз получала бальзам. Ирод не стоял между ними, обе знали это.

Мариамна не могла прочесть будущее на лице Клеопатры, слишком молода была она для этого и не владела даром, а Клеопатра увидела ее отрешенность, ее одиночество и невысказанную тоску, и ей было чуточку жаль не Мариамну, а Ирода, потому что египтянка, страстная и авантюрная, понимала, что Ирод ждал чего-то от Мариамны, но так и не дождался.

Мариамна, рано лишившаяся отца, всю жизнь испытывала потребность в ласке, поскольку ее мать, Александра, была довольно суровой женщиной. Дед ее, Гиркан II, был первосвященником и, хотя любил внучку сверх меры, много времени занимался своими делами. К тому же он уставал. Но редкие беседы с ним, его воспоминания о великом прошлом их предков стали достоянием ее души. Еще девочкой она участвовала во многих событиях, освященных ритуалами, и она запомнила их торжественность. Мариамна была одинока, очень одинока. Сарра, ее служанка и подруга, вскоре после Масады была под каким-то предлогом удалена Иродом: он не хотел ни с кем делить жену и ревновал даже к Сарре, которую, впрочем, одарил очень щедро. И та исчезла. Ходили слухи, что она даже покинула Иудею. Ирод дал жене взамен служанки евнухов —

так было принято в Идумее и в других царствах Востока. Но есть много вещей, о которых не говорят даже с евнухами, и хотя вскоре Мариамна подружилась с одним из них и он служил ей верой и правдой, это была серьезная ошибка Ирода. Мариамна дружила с братом Аристовулом, а Ирод приказал умертвить его. И это было уже слишком. После этого ее любовь к мужу стала угасать. Мариамна теперь чувствовала отчужденность, ей не с кем было разделить порывы своей души. Она была похожа на птицу в клетке, и иногда ей казалось, что волосы на груди Ирода, выющиеся кольцами, превращаются в ячейки сети, в которых билась она — птица — и не могла вырваться.

Ирод тоже был одинок и тоже нуждался в любви, преданной, безропотной, восхищенной, чувственной. Мариамна не могла ему этого дать. Ее плоть стремилась к нему, а душа блуждала где-то там на севере с Хасмонеями: душа была босая, с распущенными волосами и время от времени исторгала воинственный клич. А разум ее, столь восприимчивый и такой же раскрытый навстречу миру, как и ее глаза, казалось, был готов к пониманию если не всех, то хотя бы некоторых поступков Ирода, но когда он направлялся за пониманием, то наталкивался на реку крови, в которой среди белых лилий плавала голова казненного Аристовула, ее брата. И разум ее поспешно ретировался при виде этого неодолимого препятствия. Поэтому любовь Мариамны к Ироду была ущербной и не приносила радости ни ей, ни ему.

После отъезда Клеопатры с Мариамной что-то произошло: сдержанная, торжественная, с величественной поступью, она вдруг превратилась в шаловливую девочку, какой не была даже в юности. Видимо, авантюризм и раскованность Клеопатры повлияли на нее. Она напевала, и ее пение слышалось даже в саду Иерихонского дворца; она танцевала на мраморном полу зала для приемов, пританцовывала, поднимаясь по лестнице, совершала немыслимые пируэты в своей комнате. И это видели многие: слуги, рабы, евнухи, визири, гвардейцы — и обсуждали, но не осуждали. Слух о хорошем настроении царицы быстро облетел Иудею, и она радовалась, и Ирод тоже был доволен.

Когда противостояние Антония и Октавиана приняло затяжной характер, Ирод позволил Мариамне уговорить себя, и с двумя

старшими сыновьями, Александром и Аристовулом, они поехали к Генисаретскому озеру. Оно было почти живым, это озеро, как и всё в святой земле, и оно научится даже стонать и плакать в те лунные ночи, когда непобедимая армия Веспасиана будет топить в нем иудеев.

Они поехали туда, потому что так хотела Мариамна. «Зов предков» — так охарактеризует это чувство впоследствии один великий писатель.

Их судно плыло меж изумрудной зелени берегов Иордана, урчащего лениво и доволью. Они дошли до Генисарета, полюбовались его спокойной гладью, добрались до деревеньки, где впоследствии будет основан город Тивериада, и тут с Мариамной произошло Нечто. Она словно потеряла след, что-то не могла найти, и она будто превратилась в лису, старающуюся отыскать это Нечто. Она заставляла рабов нести ее паланкин вправо, затем влево, останавливалась, осматривала почву и снова искала и не находила. Ирод, страстно любивший охоту, не спускал с нее глаз. Он знал, что она ищет, не спрашивал, делал, как она хотела. Они миновали деревню, где много лет спустя родится Мария Магдалина, свернули к отрогам Наттина, где находится могила священника Иофора, сородника Моисея, и свернули на плоскогорье. Теперь Мариамна вела их уверенно. Все понимали, что они у цели. Нашли площадку. Она была невелика и вся залита алым пламенем цветов. Ирод взглянул на горы, обрамляющие долинку. В них были видны пещеры. Как завороженный смотрел он на них.

«Это священное место нашего рода», — торжественно сказала Мариамна. Потом она села плести венки, и ее белое платье казалось еще белее на фоне красных цветов. Она сплела три венка из этих маленьких красных цветков¹. Надела их себе и детям. На зеленой поляне они поставили шатер и стали обедать. Мариамна не стала есть мясо и не дала его детям. А потом, на заходе солнца, она и дети исполнили какой-то торжественный языческий танец, а ее слуга Мегассар аккомпанировал им. И красные цветы в венках, как крупные капли крови, рдели над их головами.

«Здесь в пещерах жили древние Хасмонеи, здесь они и умирали. Только здесь растут эти священные цветы. В народе их называют “кровь Хасмонеев”, — торжественно закончила Мариамна.

¹ Реликтовый цветок с очень ограниченным ареалом обитания.

Ирод повернулся и пошел прочь, потому что он почувствовал нечто дурное и хотел поскорее уйти отсюда. Успокоился он только тогда, когда все достигли озера. Венки Мариамна оставила там, в долинке. Она была возбуждена всю дорогу и ластилась к нему, а его мучили предчувствия. Они, в отличие от людей, редко обманывали Ирода. Танцем близ Генисарета Мариамна словно прощалась с прошлым, с Клеопатрой, с молодостью и перешла некий рубеж. Ее прощание было не очень понятным. Ей шел только двадцать третий год. Но так вышло. Казалось, что тени ее предков, Хасмонеев, спустились с гор и присоединились к ним в качестве оруженосцев. Разумеется, они были невидимы, вернее, их вообще не существовало. Но они где-то достали сеть и выловили из той кровавой реки голову ее брата, и дух Мариамны, все еще несколько пугаясь, смог преодолеть кровавый заслон и общаться с душой Ирода. И дух ее, как норовистая лошадь, все время фыркал и вставал на дыбы, потому что всюду была кровь, ее было много.

Мариамна провожала свою молодость, прощалась с ней и с предками Хасмонеев. Они, в свою очередь, передали ее двум сестрам: Отрешенности и Отчужденности, которым предстояло быть с ней до самой ее смерти.

Когда они вернулись в Иерихон, Ирод пришел к Мариамне вечером после омовения. Он хотел поговорить с женой об этой поездке, которая, как ему казалось, сблизила их. Но Мариамна, даже не взглянув на него, сказала, что она не в настроении.

Ирод был сражен таким приемом. Ведь он был царем, восточным царем, в его жилах текла кровь идумейского шейха, вековые традиции еще не выветрились из его памяти. Ни одна женщина еще не осмелилась сказать ему: «Я не в настроении».

Глядя на жену, он тихо сказал:

— Я — царь, — словно напоминая ей очевидную истину.

— Ты царь, Ирод, — в словах ее сквозили печаль и примирение, — но сегодня я не в настроении.

Если б она не упорствовала, может быть, все бы и обошлось, но теперь Ирод начал распалиться. Мариамна почувствовала это, и душа ее превратилась в дикобраза, большого и очень колючего.

— Я — царь, и ты принадлежишь мне.

— Ты — царь, — Мариамна вложила в эти два коротких слова все оттенки своего царственного презрения. Голова ее гордо

откинулась, пальцы, тонкие, длинные и красивые скрестились, глаза искрились. — Потомок Исава и Измаила — царь Иудеи. Внук служки Аскалонского храма, которого захватили в плен идумейские разбойники и только случайно не оскопили. Как говорят в народе, он был не промах, твой дед, он сумел из служки стать знатным и обеспеченным. И, — она заканчивала свою тираду, — возможно, что ты не только идумей по крови, но и финикийский разбойник, что еще хуже.

Много позже, находясь в долгом плавании с Агриппой, Ирод вспоминал эти слова Мариамны и думал, что, может быть, она в чем-то и права: он любил море.

— Только члены рода Давида имеют право царствовать в Иудее. А ты правишь благодаря мне. — Отвернулась и замолчала.

Ирод не набросился на нее, не взял силой. Он ушел, и это было еще хуже, потому что в душе его поселилась обида. Мариамна была умна: она почувствовала, что переборщила, совершила ошибку, и пришла к нему ночью, перешагнув через свою гордость, а это так трудно.

Ирод был удовлетворен, он целовал ее почти так же нежно, как и прежде. Но по большому счету это ничего не меняло, потому что обиде понравилось жить в его душе, где она пустила глубокие корни.

Глава 27

Месть Клеопатры

В 34 г. арабский царь Малих выплатил Ироду 200 талантов. В следующем деньги удалось собрать с большим трудом, а в 32 г. Малих решил не спешить. Он прав. Маневрирование гигантских армий Октавиана и Антония рано или поздно должно было вылиться в решающее сражение. Весь Восток ждал его с нетерпением. Малих справедливо полагал, что хуже не будет, а может быть, в «мутной воде», которая непременно образуется после подобных катаклизмов, удастся что-нибудь выловить.

Ирод в 32 г. подготовил отборную армию около 5 тысяч человек и предложил свои услуги Антонию, в том же письме он описал поведение Малиха и его отказ от оплаты. Антоний и его военачальники совершенно справедливо полагали, что основное сражение должно развернуться на море, а деньги при подготовке к войне всегда нужны, поэтому он предложил Ироду при помощи армии потребовать деньги у арабов. Для Ирода эта война, освященная Антонием, была просто подарком судьбы. Он себя ничем не запятнал перед Римом. У него на руках индульгенция Антония.

Клеопатра, на которую легла основная, если не вся тяжесть последней кампании, приветствовала любое поступление денег. Она вообще их любила, и они отвечали ей взаимностью. Но в этом правиле были исключения. Ирод одерживает победу в стычке с арабами близ Диосполиса и готовится к решающей битве.

Полуденная жара спала. Ко дворцу великой царицы в Александрии подошел человек в темном офицерском бурнусе. Стража беспрекословно пропустила его. Он не привлек к себе внимания. Он подождал несколько минут во дворе, наблюдая за павлином, сердито токающим на маленькую прирученную газель, когда его окликнул бритоголовый жрец. Он прошел за проводником. Покои,

уходящие ввысь, говорили ему не только о торжестве разума, они волновали. Жрец остановился перед малозаметной и поэтому незрочной дверью, толкнул ее, кивком головы показал, что надо входить, но сам остался снаружи, плотно закрыв дверь. В небольшой комнате горело семь светильников и было светло.

Клеопатра полулежала около небольшого стола на удобной кушетке в виде полумесяца. Она уже начала уставать от ожидания и поэтому слегка нервничала. Он заметил это — нога ее под платьем чуть двигалась вниз и вверх — и понял, что означает это нетерпение. Увидев вошедшего, она взметнулась с ложа и, подойдя к столу, сделала жест, означающий приглашение. Рука ее обнажилась до локтя. Рукав был широк, рука прекрасна, а пальцы, длинные, оканчивающиеся рубиновыми ногтями, веером раздвинулись в какой-то странной позе, означающей одновременно и вопрос, и приглашение.

Он подошел.

— Афинион, — начала она, — я правильно понимаю позицию или нет?

Расплавленное серебро ее голоса завораживало и слегка возбуждало, но еще больше возбуждал офицера ее нос, прямой и твердый. Он напоминал ему фаллос. Он преодолел возбуждение, впился взглядом в карту. Не надо было быть великим стратегом или великой царицей, чтобы понять суть его плана.

Решающее сражение должно было произойти близ Каны Галилейской — туда сейчас стягивались войска арабов и Ирода с египтянами.

Местность гористая, изобилует ущельями. Перед Клеопатрой и Афинионом лежал план этой далекой местности, чрезвычайно точно вычерченный жрецами. Войско Ирода движется на север и останавливается у входа в ущелье. Здесь оно выстраивается в два эшелона. Первый составляют иудейские войска. Это вполне естественно: не хватало еще, чтобы египтяне гибли вместо евреев. Во втором эшелоне будут египетские боевые колесницы Афиниона. В разгар сражения войска Ирода начнут слегка подаваться назад, оставив в центре небольшой заслон, а сами растекутся к краям ущелья. Арабы бросятся за ними, стремясь выдавить их на равнину и быстрее обратиться в бегство. В это время арабов встретят боевые колесницы Афиниона и изрубят в куски, из-за узости ущелья спастись удастся только немногим.

Таков план Ирода и Афиниона.

— План хорош, — говорит Клеопатра и смотрит вдаль, сквозь Афиниона.

Взгляд ее блуждает у Каны, у того самого ущелья. В этом плане есть только один недостаток: Ирод всецело во власти Афиниона. А вот как поведет себя сам Афинион?

— Если сделаешь это, я озолочу тебя, — голос Клеопатры мелодичен и умиротворяющ. Никогда ранее судьба не давала ей столь реального шанса покончить с Иродом.

— Благодарю тебя за милость, великая царица. Но если Ирод останется в живых, то найдет меня где угодно, он чудовищно мстителен.

Клеопатра нахмурилась и процедила сквозь зубы:

— Это уж твоя забота. Впрочем, если так случится, ты можешь покинуть армию и стать уважаемым землевладельцем, скажем, в Мемфисе.

Афинион кивнул в знак согласия, откланялся и вышел.

Иудеи не доверяют египтянам, не нравятся им и колесницы. Они не любят их, и всё тут.

В ночь перед сражением долго и молча сидят в палатке двое: Ирод и Гиппик. Ирод сжимает голову руками, будто хочет собрать воедино все свои мысли. Голова Гиппика опирается на скрещенные пальцы рук — не очень хороший знак: и он как бы всматривается в завтрашний день. Но Афинион — изумительный актер и не дает повода в чем-то заподозрить его. Поведение египтян, стоявших отдельным лагерем, безупречно.

И все же... Какое-то шестое чувство, или интуиция, или нечто иное тревожит Ирода. Он предлагает отодвинуть назад египетские войска, мотивируя это тем, что так иудеи будут меньше нервничать. Он предлагает Гиппику взять на себя командование центром. Сам Ирод возглавит левый фланг, где расположен вход в ущелье.

Битва начинается. Гиппик ведет бой смело и решительно. Войска Ирода полностью доверяют ему и клином врезаются в армию Малиха. Арабы медленно отступают, и понемногу все войско Ирода втягивается в ущелье. Левый фланг, которым командует Ирод, действует тоже вполне успешно, охватывая правый фланг Малиха. Еще немного... Ирод и несколько его ординарцев вдруг поворачивают и устремляются назад, к выходу из ущелья. Слишком

неправдоподобным показалось Ироду такое пассивное ведение битвы десяти тысячным арабским войском. Слишком...

Он еще не достигает выхода, как слышит громоподобное колесниц и топот копыт — это египетская армия пришла в движение. И Ирод понял, что происходит. Он подгоняет своего великолепного рыжего тонконового арабского скакуна, он мчится явно навстречу своей гибели — навстречу египтянам. И успевает избежать ее. Буквально за несколько десятков метров от ближайшей колесницы его конь выскочил на небольшой холм, и Ирод далее по холмам, где не пройти колесницам, спасается бегством. Лишь одному его ординарцу удается повторить этот маневр.

Никогда еще Ирод не терпел подобного поражения. Это предательство египтян слишком тяжело для него. Недалеко стоит его гвардия — галлы, германцы, несколько иудейских отрядов. Но это песчинка, это не для сражения, а скорее для личной охраны.

Держа на коленях голову погибшего друга Гиппика, Ирод дает себе клятву: «При малейшем подозрении тут же избавляться от предателей».

Вряд ли Афинион видел побег Ирода, но ему доложили, что среди погибших Иудейского царя нет. Делать было нечего, и он поехал к царице. В равной мере она могла его либо наградить, либо скормить крокодилам. Все в Египте знали непредсказуемость ее характера. Ему повезло: с нескрываемым интересом слушает Клеопатра его рассказ. Это ведь была битва если и не спланированная, то, по крайней мере, одобренная ею. С явным огорчением сообщает Афинион об исчезновении Ирода. И разводит руками. Никто не видел, как ему удалось спастись.

Клеопатра выступает в роли утешительницы.

— Клянусь Джедом, я удовлетворена, — говорит она. — А кто руководил битвой?

— Рыжебородый Гиппик, — отвечает Афинион. — Он погиб в бою.

— Краснолапый¹ будет доволен, — с хищной усмешкой произносит Клеопатра.

Она сдержала слово. Вскоре в Мемфисе появился новый земледелец.

¹ Красный и рыжие цвета принадлежали египетскому богу Сетху, олицетворяющему зло.

Глава 28

Ответ Ирода

Такова уж натура Ирода — он всегда старается найти выход из любого положения. После поражения он спешно отправляет людей в Иудею, Идумею, Галилею, Самарию для набора рекрутов, а сам делает то, с чем боролся долгие годы: он повторяет тактику галилейских разбойников. В недоступных скалах строит лагерь и начинает партизанские или разбойничьи вылазки против арабских поселений. Он по крохам собирает деньги и оружие. Его старые легионеры вербуют солдат, благо сейчас зима. В этом году Ирод не посылает денег в Египет, они очень нужны ему самому.

Он призывает к себе Самараллу, выполнявшего наиболее щекотливые поручения Ирода еще в те далекие времена, когда он был молод.

Молча стоит перед царем финикиец, ждет приказа.

— Нас предали, ты это знаешь. Убей предателя и требуй что хочешь.

— Благодаря твоей милости, великий царь, я богат и знатен, у меня есть все, чего может желать такой пожилой человек, как я.

Он делает нажим на слове «пожилой», и Ирод воспринимает это как отказ. Хотя и понимает, что финикиец прав: он уже стар для поручений подобного рода. Но финикиец он и есть финикиец. Речь его журчит не переставая, не давая Ироду вставить слово.

— Я понимаю, что ты избрал меня для столь ответственной миссии, поскольку, во-первых, ты доверяешь мне, и я горжусь твоим доверием; во-вторых, ты мыслишь, что финикийцу гораздо удобней, чем иудею, собирать сведения подобного рода. Верно ведь?

Ирод кивает головой. Самаралла видит его насквозь, они слишком давно знают друг друга.

— Гиппик спас мне жизнь, — говорит Ирод. — Я же послал его на смерть, и я отомщу.

— Хотя сам я уже не гожусь для этого, но я предлагаю тебе кандидатуру, которой ты можешь доверять так же, как и мне.

У Ирода, который никому уже давно не верит, поднимается вверх левая бровь.

— Кто же это? — спрашивает он.

— Мой сын. Парню скучно. Он давно мечтает о славе, правда, особого рода, — говорит Самаралла с улыбкой.

Ироду нравится его идея.

— А где же он?

— Он здесь. Если согласен, прикажи позвать его.

— Хорошо, пошли кого-нибудь за сыном, а мы пока поужинаем.

Они еще не закончили трапезу, когда Ироду доложили о приходе юноши.

Вошел молодой человек, с красивым лицом, удивительно похожий на богиню Астарту. И глаза у него были такие же, как у этой финикийской богини, — блудливые и хитрющие. Ирод когда-то видел ее статую в Тире и теперь поразился сходству юноши с ней.

Коротко и четко изложил ему Ирод суть дела. Самаралла, полулежа, молча пил вино.

— Ты не будешь ограничен в средствах, будешь действовать один и принесешь мне его голову.

— Да, великий царь, — ответил Агон. — Так звали молодого человека.

— Что бы ты хотел за это? — спросил Ирод.

— Великий царь и так слишком щедр. Он не ограничил меня в средствах, и я могу вести роскошную жизнь. Это очень великодушно со стороны царя. И я надеюсь, что когда выполню пожелание царя, он даст мне еще какое-нибудь задание.

Ирод рассмеялся.

— Иди к казначею, — сказал он, — возьми денег, сколько тебе нужно, и отправляйся.

Прошло несколько месяцев. Ирод вспоминал о своем поражении, и у него от гнева сжимались кулаки. Он призвал Самараллу.

— Есть ли вести от сына? — спросил он.

— Не волнуйся, великий царь, — с невозмутимым спокойствием отвечал тот, — подожди еще немного.

В начале весны Агон вернулся. К его седлу был привязан кожаный бурдюк с медом. В меду плавала голова Афиниона. Ирод был счастлив.

Но беда никогда не приходит одна. Весной 31 г. к северо-востоку от Иерусалима произошло сильнейшее семибалльное землетрясение, столь редкое в этих местах. Пострадала в основном густонаселенная Саранская долина. Дома строились здесь на протяжении многих веков по-старинке: камни не обтесаны и потому не прилегают плотно друг к другу, а держатся на растворе. Дома рассыпаются, как картонный домик. Под обломками погибло до 30 тысяч человек.

С небольшой свитой Ирод едет в места, наиболее пострадавшие от гнева Господня. Он видит мертвых и искалеченных, а также и живых — деятельных, пытающихся оказать помощь страждущим.

Нестройный хор коленопреклоненных искал и находил подходящие к случаю слова:

*Прости нас, Отец наш, ибо мы согрешили.
Помилуй нас, Царь наш, ибо мы нарушили твой завет;
Ибо ты прощаешь и милуешь.
Благословен ты, Господь милостивый и всепрощающий.*

Другая группа чуть поодаль голосила более стройно и ритмично:

*За неслушание твоего голоса внутри нас,
За отказ от улучшения нашей души,
За обожествление этого мира
Прости нас, помилуй нас и даруй нам искупление...
За потаенную злобу и обиды,
За удержание их в себе,
За то, что оставили мы надежду на Бога,
Прости нас, помилуй нас и даруй нам искупление.*

А третья небольшая группка не плакала, она стояла плечом к плечу и произносила:

*Господь стал — как враг,
Истребил Израиля,
Разорил все чертоги его,
Разрушил укрепления его
И распространил у дочери Иудиной
Сетование и плач¹.*

¹ Плач Иеремии, 2:5.

И было странно слушать эти верные и в то же время кошунственные речи.

Ирод спешил и начал организовывать помощь. Он провел за этим занятием весь день, не думая, зачтется ему это или нет. Плачущие были бестолковы, они плакали, но ничего не делали, чтобы помочь себе и другим.

Вечером Ирод приказал поставить палатку для себя. Она была вдали от разрушенных домов, где было спокойнее и пахло травами, а не пылью и гниением. Николай Дамасский, который был с ним в этой поездке, прервал его отрешенность.

— Я много лет изучал сказания греков, — начал он, и Ирод внимательно слушал. — У них ведь много интересных сказаний. И мне пришла на ум одна аналогия.

У греков есть миф о Сизифе. За какую-то провинность к нему был послан бог смерти Танатос. Сизиф обманом заковал его в цепи, и люди перестали умирать. Это не понравилось верховному богу Зевсу, он освободил Танатоса и отправил Сизифа в ад, в подземное царство. Тот хитростью покинул его и вернулся на землю, где снова начал вести жизнь, полную удовольствий. В наказание за это Зевс вернул его в подземное царство и наложил на него страшную кару: он должен вечно, в поту и в пыли, толкать тяжелый камень на вершину горы, но камень там никогда не должен остаться, потому что тогда остановится Время. И поэтому и всегда у самой вершины камень вырывается из его рук и скатывается вниз, нанося Сизифу ушибы, которые болят... Я думаю, что это сказание очень напоминает веру нашего народа: мы тоже тащим на себе камень — нашу веру — тащим без цели, без смысла, без конца... Мы даже гордимся этим. Но ведь это всё — эмоции. А Бог не может быть эмоционален, — закончил он.

Ирод слишком устал, чтобы вникнуть во все сказанное Дамасским, кроме того, он целиком на стороне Сизифа. И он подумал: «Дамасский, конечно, иудей, но вера его отдает бреднями». Он не стал развивать эту свою мысль, потому что очень хотел спать.

Ироду нужна была передышка, и он направляет к царю Малку послов с предложением мира, однако тот поступает как варвар. Такого давно не случалось в этом районе мира, где в войнах соблюдаются, или в основном соблюдаются, некие рыцарские отношения.

Арабы убивают послов, вызывая ужас иудеев. Соединенное потрясло их: «О Адонай-Элохим, как допустил ты такое?»

Ироду донесли о планах Малка: тот считает, что сейчас самое лучшее время нанести Ироду решающее поражение и овладеть Идумеей и южной частью Иудеи.

Малк не знает, что Ирод мобилизовал ветеранов, участвовавших с ним в штурме Иерусалима, и собрал резервистов из Самарии и Идумеи. Все его войско находилось в лагере близ Иерусалима и совершенно не пострадало от землетрясения. Ирод, прекрасно понимающий значение и необходимость победы над арабами именно сейчас, жаждет битвы. Единственное, в чем его войска существенно слабее соперника, — это в моральном духе.

Дух победы, который неизменно присутствовал во всех битвах, ведомых двенадцатью коленами Израилевыми, казалось, навсегда покинул их. Глубоко верующий народ Иудеи усмотрел в том странном поражении и последовавшем за ним землетрясении гнев Всевышнего, и это гнетет его более всего.

Ирод собирает в Иерусалиме всенародное собрание и обращается с речью:

— Люди, я отлично понимаю, что в настоящее время произошло многое такое, что препятствует нашему преуспеванию; вполне естественно, что даже самые храбрые люди при таких обстоятельствах теряют свое мужество. Однако, так как война теперь неизбежна и постигшие нас бедствия не таковы, чтобы одним славным подвигом нельзя было поправить все сделанное, я решил с вами и указать, каким образом вы сможете вновь явить свою прежнюю, врожденную храбрость. Сперва я желаю объяснить вам всю правоту этой нашей войны, к которой нас вынуждает наглость наших врагов. Если вы об этом хорошенько подумаете, то это должно быть для вас главной побудительной причиной к храбрости. После этого я намерен доказать вам, что постигшие нас теперь бедствия вовсе уж не так страшны и что у нас есть немало надежды на победу.

Итак, я начну с первого пункта, причем беру вас в свидетели правильности моих слов. Вы, конечно, знаете

беззаконный образ действий арабов, которые всегда и всюду отличаются вероломством, как то и естественно в варварах, не знающих Господа Бога. Особенно же они насомили нам своим корыстолюбием, своей завистливостью и своими коварными интригами. Зачем мне много говорить об этом? Кто другой, как не мы спасли их от опасности потерять власть и попасть под иго Клеопатры? Только моя дружба с Антонием и расположение его к нам были причиной того, что их не постигли слишком тяжелые бедствия, так как Антоний старательно избегал предпринимать такое, что могло бы возбудить наше подозрение. Когда же Антоний пожелал предоставить Клеопатре по части наших обоюдных владений, я также уладил это дело, одарив его из своих средств богатыми подарками и снискав обоим дальнейшую безопасность. Расходы по этому делу я также взял на себя, выплатив двести талантов и поручившись (за арабов) в такой же сумме. Эти деньги должны были бы пасть бременем на всю страну, а теперь мы освобождены от этого платежа. Если уж несправедливо, чтобы иудеи платили кому-нибудь подати или поземельные налоги, то еще более неосновательно, чтобы мы платили таковые за тех, кого мы сами выфучили. Особенно это относится к арабам, которые, по собственному признанию, удержали за собою свою независимость благодаря нам и которые теперь желают лишить нас всего и обидеть нас, причем мы не враги их, но друзья. Если верность должна иметь место относительно самых ярых врагов, то тем более она неизменно должна быть соблюдаема по отношению к друзьям. Впрочем, это не относится к арабам, которые на первом плане преследуют одну свою личную выгоду, причем не отступают даже пред (явною) несправедливостью, лишь бы иметь возможность обогатиться.

Итак, неужели у вас еще возникает сомнение в том, следует ли наказывать нечестивцев, когда того желает сам Предвечный и требует, чтобы (мы) всегда ненавидели заносчивость и несправедливость, тем более, что мы в данном случае начали не только вполне справедливую, но и необходимую войну? То, что (даже) у эллинов и варваров

признается за величайшее беззаконие, они сделали с нашими посланными, а именно – убили их. Греки считают послов людьми священными и неприкосновенными, мы же получили величайшие откровения и священнейшие законы наши от вестников самого Господа Бога. Священное имя послов может напоминать людям о Господе Боге и в состоянии примирять врагов между собою.

Итак, разве можно совершить более крупное беззаконие, чем убить послов, отправленных для выяснения истины? И каким образом такие люди смогут впредь быть счастливыми в жизни или рассчитывать на военную удачу, если они совершили такое злодеяние? Я полагаю, что это невозможно. Впрочем, быть может, найдется человек, который скажет, что правда на нашей стороне, тогда как враги и многочисленнее, и храбрее нашего. Но так говорить совершенно недостойно вас, ибо на чьей стороне право, там и Бог, а где Господь Бог, там и сила, и мужество. Если мы разберем наше положение, то придем к следующим результатам: в первой битве мы остались победителями; когда мы вторично сразились с ними, то они также не выдержали нашего нападения, но тотчас ударились в бегство, не будучи в состоянии выдержать наш натиск и нашу храбрость. Когда мы уже одерживали победу, на нас напал Афинион, не известив нас о своей войне с нами. Разве это свидетельствует о храбрости врагов, а не о вторичной гнусности и коварстве? Чего нам поэтому отчаиваться в таком положении, которое, напротив, раскрывает нам наилучшие надежды? Неужели нам страшиться таких людей, которые всегда побеждаемы, когда сражаются по всем правилам, а когда считают себя победителями, то всегда достигают этого незаконными способами?

Итак, если кто-нибудь все-таки станет еще считать их храбрыми, разве он сам при таком положении вещей не бросится на них с еще большим мужеством? Ибо отвага заключается не в бою со слабыми противниками, а в умении побить более сильных врагов. Если же кого-либо устрашают наши домашние бедствия и результаты землетрясения, то пусть он подумает о том, что этими самыми

бедствиями введены в заблуждение те же арабы, имеющие о них самое преувеличенное представление, а также о том, как недостойно нам трусить из-за того, что придает им столько смелости. Ведь враги наши набираются храбрости не вследствие какой-нибудь своей личной удачи, но потому, что рассчитывают, что мы утратили всякую надежду, будучи сломлены нашими бедствиями.

Когда же мы двинемся на них, то сумеем умерить их пыл, причем наше мужество возрастет по мере того, как они в битве будут падать духом. Ведь мы вовсе не понесли уж столь крупного урона, да и постигшее нас бедствие вовсе не является, как готовы думать некоторые, знаком гнева Предвечного на нас. Вся эта неудача – дело простого случая. Если же все это случилось по желанию Господа Бога, то ясно, что теперь и прекратилось по его желанию, ибо он удовлетворяется прошедшим; если бы он и дальше думал наказывать нас, то не изменил бы теперь своего решения. А что сам Господь желает этой войны и считает ее справедливою, это видно из следующего: в то самое время когда многие в стране погибли от землетрясения, все солдаты остались невредимыми и все вы спаслись, так что тем самым Предвечный показал вам, что если бы вы двинулись в поход всем народом, с детьми и женами, никто из вас не потерпел бы никакого урона. Имея все это в виду, особенно же памятуя, что в Господе Боге вы имеете всегдашнего заступника, вы теперь смело и спокойно можете выступить против тех, кто нечестив к друзьям, кто вероломен в битвах, кто насильствен по отношению к послам и кто всегда был побеждаем вашею доблестью¹.

Первосвященник Ананил, сменивший умертвленного Аристовула III, уверенно проводит ритуал жертвоприношения. Затем под яростный гул толпы Ирод с войсками выступает в поход, направляется за Иордан и располагается лагерем близ города Вифания. Сюда же стянуты войска Малка. Между ними крепость, и обе стороны желали бы перед решающей схваткой иметь крепость на своей стороне – это и форпост, и лагерь одновременно. Лениво начавшаяся

¹ Флавий И. Иудейские древности, 15:5.3.

перестрелка быстро переходит в рукопашную схватку, в которой с каждой стороны гибнет несколько тысяч человек. Когда Малк наконец-то оценил размер войска Ирода — более 20 тысяч человек в пехоте и 6 тысяч в кавалерии, — он потерял надежду на победу. Хоть у него и было численное преимущество, но оно невелико.

На следующий день Ирод движется к лагерю врага, вызывая Малка на битву. В разгоревшемся сражении Малк теряет около 7 тысяч человек. Конница его бежала. Пехота укрылась в ближайшей крепости, в которой нет ни продовольствия, ни воды. Жарко. Ирод берет в плотное кольцо это безымянное укрепление и ждет. Через несколько дней арабы отправляют к нему парламентариев, которые предлагают в качестве выкупа смехотворную сумму — 50 талантов. Ирод прогнал их.

Из крепости началось дезертирство. За пять дней сдались 4 тысячи человек. На шестой день, измученные отсутствием воды и пищи, оставшиеся 7 тысяч арабов бросаются в бой и все погибают. Ирод не щадит никого.

Ирода провозглашают царем Заиордания, и он возвращается в Иерусалим, где его победу встречают с восторгом. Ирод сразу же извещает о своей победе Антония. Гонец вскоре привозит ему поздравления от Антония и один-единственный вопрос: как Ирод расценивает его шансы на победу в битве с Октавианом? Ирод, обладающий тонкой интуицией, почти даром предвидения, пишет ему только два слова: «Убей Клеопатру». Он знает, что Антоний никогда не решится расстаться с женой, но он ответил на его вопрос.

2 сентября 31 г. до н.э. в Эпире, близ мыса Акции, происходит решающее морское сражение. Флот Антония построен в две линии: вначале его корабли, а чуть сзади — египетский флот, возглавляемый Клеопатрой. В один из моментов этого грандиозного сражения, когда юркие и подвижные триремы под командованием Агриппы одна за другой атакуют огромные «монстры» Антония, Клеопатра поворачивает назад свой корабль¹. С тоской наблюдает Антоний за маневром царицы и бросается за ней. После этого битва быстро заканчивается. Победа досталась Октавиану. Он стал единственным правителем римского государства и в 27 г. принял титул императора и Августа.

¹ Историка до сих пор спорят о мотивах этого поступка Клеопатры.

Глава 29

Казнь Гиркана II

К Ироду приехал Квинт Делий, — пополневший, как всегда улыбающийся. Ирода его улыбка не раздражала. Он помнил, что именно этот, может быть, циничный и поэтому очень веселый человек, некогда оказал ему неоценимую услугу.

— Антоний погиб, — начал гость без предисловий. — Мир теперь принадлежит одному Октавиану. Однако у Антония осталось много сторонников. А Рим вовсе не заинтересован в продолжении сражений. Юпитер даровал Октавиану победу, значительно приблизив его к себе.

Говорил это Делий холодно и сурово, но при этих словах, возможно, помимо его воли, усмешка все же тронула губы. Ирод, внимательно следивший за мимикой и каждым жестом Делия, заметил ее и запомнил.

— Октавиан, без сомнения, завоеует Египет и получит триумф. Конечно, хорошо было бы, чтобы Клеопатра украсила своим присутствием его шествие, — Делий мечтательно улыбнулся, — но сейчас не об этом. Египтяне — плохие солдаты. Но поход Габиния слишком приблизил Египет к Риму. Он расселил там своих солдат. И поскольку они не несут гражданских обязанностей, живется им лучше, чем в Риме. Для гладиаторов, беглых и принадлежащих ланистам¹ Египет — излюбленное пристанище. Сейчас этот сброд собирается выступить против Рима. Не без старания Клеопатры, — добавил он. — Для регулярной армии эти отдельные группы не представляют угрозы, но если дать им время на подготовку, это приведет к кровопролитному сражению. А Риму не нужна эта кровь, — повторил он свою мысль, — в особенности сейчас. У меня небольшой отряд. И мне надо успеть заблокировать Пелусий и Александрию.

¹ Ланиста — владелец школы гладиаторов.

Дашь ли ты мне своих людей и проводников? Мы должны идти форсированным маршем по тому же пути, которым шел Габиний.

— Ты спас мне жизнь, — просто ответил Ирод. — Вы выступите завтра ранним утром, а теперь отдохни и выпей со мной. Раньше, если я точно помню, ты не отказывал мне в такой просьбе.

Делий, не сумевший сдержать восторга, слегка хлопнул Ирода по плечу и несколько смутился своей фамильярности: все-таки Ирод — царь отдельного государства, хотя и вассального. Но Ирод не обиделся, скорее наоборот, он нуждался в добром отношении и чувствовал, что Делий искренен.

Ирод отдал четкие, резкие, короткие приказы. Потом они пошли в трапезную, и Делий с удовольствием опустился на ложе. Ирод с восторгом перенял этот римский обычай. Стол накрывали при них, а потом Делий ел жадно и много, он в этом походил на своего деда, Марка Делия Цецилия, о котором говорили, что он, переваривая обед, уже мечтал об ужине.

Утром гостя разбудили рано. Он поднялся с трудом, небо только начинало сереть, звезд еще было множество, а Венера была особенно яркой и сочной, словно спелая слива. Рот его наполнился слюной. Он выпил приятно бодрящий сок граната и со вздохом пошел к войскам. Две его когорты были накормлены и экипированы. Наметанным глазом профессионала Делий сразу же заметил, как много удалось сделать Ироду за одну ночь.

Рядом стояли две манипулы¹ войск Ирода, оснащенные почти так же, как римские легионеры, с тем лишь отличием, что на них была специальная обувь для перехода через пустыню. Они выступили, и Ирод, если и не забыл, то как-то не придавал значения походу Делия. Тот решал государственные дела, а их всегда было множество. Ирод глотал горечь воспоминаний: ушел к Предвечному его покровитель Антоний, да и с Мариамной он не знает, как быть.

Миссия Делия блестяще удалась. Он заслужил признательность Октавиана, а поскольку был толст и добродушен, подробно и красочно рассказывал о благородстве Ирода и участии иудейских войск в этом походе. Но Ирод не знал этого. Он собирался с визитом к победителю — к Октавиану, но ему предстояло сначала решить одну проблему, небольшую, частную. Этой проблемой был Гиркан II.

¹ Когорта состояла из 360–600 человек и делилась на три манипулы.

В ту злосчастную ночь и на следующий день какое-то помутнение нашло на Пакора. Узнав о смерти Фасаила, он не отрезвел. Перед его взором все время стояло ухо, огромное, в два человеческих роста, и почему-то оно не кровило. Он понял, что совершил святотатство¹. Как отнесется к этому Фраат? Лучшие лекари пестуют Гиркана, и старик, удивленный столь быстрой сменой настроения Пакора, постепенно забывает о телесных недугах. Он понимает, что первосвященнический сан им утерян, но вскоре смиряется, ведь ему почти 70 лет. Пакор не задерживается в Иерусалиме, он остается для ведения войны в пределах Палестины, но старика отсылают в Парфию в качестве почетного пленника.

Фраат, царь Парфии, узнав, что перед ним первосвященник и царь Иудеи, немедленно освобождает Гиркана II от оков и направляет его в Вавилон — там много его соплеменников.

Вавилон приходит в волнение. Со времен Навуходоносора первосвященники из Иудеи не были в Вавилоне. Поврежденные уши, тщательно скрывааемые пышной шевелюрой Гиркана, придают ему ореол мученичества и вовсе не принижают его титулов. Подумать только: царь и первосвященник Иудеи — у них в Вавилоне. К нему ходят целые делегации. В честь него устраивают приемы, и что главное — у него огромное количество почитателей из местных иудеев, готовых часами слушать его о своей далекой родине. Гиркан счастлив. Но подобное состояние не может быть вечным. Истории иссякают, старик все чаще повторяется, и поток его слушателей превращается в мелкий, грозящий совсем высохнуть ручей. Только несколько стариков всегда готовы сидеть рядом с ним и обсуждать прошлое. Он скучает: в Иудее остались его дочь и внуки.

Ирод, который вполне доволен отсутствием Гиркана, испытывает давление со стороны Александры и Мариамны. Они скучают по Гиркану, особенно внушка. Перед рождением первенца Мариамна говорит Ироду: «Ну хоть правнука-то мой дед сможет увидеть?» Ирод обещает ей, что сделает все возможное, и держит слово. Он направляет к Фраату посла Самараллу с богатыми дарами и просит отпустить Гиркана.

Фраат, с самого начала не одобрявший действий Пакора, больше всего не хочет обострения отношений с Иудеей. Ему вполне

¹ Должность первосвященника не мог занимать человек с физическими недостатками.

хватает войны с Римом, а любой конфликт с иудеями вызывает недовольство и волнение их соплеменников в Вавилоне, что в свою очередь приводит к нарушению хозяйственных связей и, как следствие, к заметному снижению доходов. Он без колебаний соглашается, но окончательное слово за Гирканом. В Вавилоне его все уговаривают остаться, но старик мечтами уже в Иудее.

Ирод с почестями встречает Гиркана, выделяет ему покои во дворце в Иерусалиме. Старость его легка и безмятежна. Он держит на руках правнука, и даже смерть внука лишь на очень короткое время удаляет полудетскую улыбку с его высохшего лица. Он счастлив.

В конце 30 г. у Ирода возникает необходимость встретиться с Октавианом. Он должен ехать к нему и решить все проблемы. Весь Восток знает о его отношениях с Антонием. Октавиан волен оставить Ирода в царском звании либо назначить другого царя Иудеи. Гораздо разумнее ехать сейчас, пока Гиркан еще жив. Своими соображениями он делится с друзьями, с Мариамной. На следующий день об этом знает весь двор. Кто-то радуется, кто-то печалится, кто-то выжидает, но все понимают, что иного выхода у Ирода нет.

И тут очередную глупость совершает Александра, у которой желание власти и ненависть к Ироду приобретают патологическую форму. Вместо того чтобы спокойно дожидаться решения Октавиана, она собирается бежать к Малку — исконному врагу Ирода. Она просит своего отца Гиркана написать письмо этому арабскому правителю. Тот отказывается, отмахиваясь от нее, как от назойливой мухи. Так повторяется десятки раз. Наконец она прибегает к незаконному приему. Когда старик играет с правнуками, она говорит ему: «Он убил твоего внука Аристовула, убьет и правнуков твоих. Пожалей их, ведь они законные будущие правители Иудеи».

И старик сдается, он пишет письмо, в котором вопрошает, не может ли Малк принять их у себя и прислать всадников к Мертвому морю для встречи их семьи. Письмо он вручает своему преданнейшему другу Досифею, родственнику Иосифа, казненного Иродом, и двоюродному брату Антигона II. Он должен бы ненавидеть Ирода. Но Досифей, как и несколько лет назад Саббион, предает. Ирод, прочитав это письмо, поступает как и в первом случае: дает возможность событиям идти своим чередом, контролируя их. Досифей едет к Малку и получает ответное письмо, в котором тот пишет, что готов принять к себе Гиркана, всех членов царской семьи,

а также его единомышленников. Он питает дружеские чувства ко всем иудеям, кроме Ирода. Он вышлет эскорт к условленному сроку и сделает все возможное, чтобы иудеи ни в чем не нуждались.

Ирод собирает Синедрион, якобы с целью сообщить о своем отъезде. И спрашивает Гиркана, не писал ли он Малку. Старик отнекивается. Ирод приказывает зачитать копию письма Гиркана и ответ Малка. И при мертвом молчании изумленного Синедриона говорит Гиркану: «Он пролил кровь тысяч наших сыновей в годину испытаний, а ты просишь у него убежища?» И царь велит казнить старика. Гиркан смотрит на него и улыбается. Ему восемьдесят два года. Но возраст — не оправдание. Ирод не терпит предательства. Так закончилась жизнь хасмонеяского царя Гиркана II.

Ирод поступает примерно так же, как и тогда, когда уезжал в 35 г. к Антонию: он вводит в курс дела Ферора — своего последнего оставшегося в живых брата, и передает ему все дела. Мать, сестру и детей он направляет в Масаду, в которой легко можно переждать возможные волнения. Крепость неприступна. Ферор будет находиться там же. Мариамну и Александру, враждующих с его семьей, он направляет в другой конец страны — в Александрион; вместе с ними будут его казначей Иосиф и итурец Соэм — спутник Ирода во всех походах на протяжении последних 10 лет. Ирод дает им указания: «В случае опасности убить обеих женщин. Царская власть должна перейти к брату Ферору, четверым детям Ирода от Мариамны и старшему сыну Ирода Антипатру от первой жены Дорис».

Ирод уезжает в Родос, где сейчас находится Цезарь. По дороге его кортеж случайно встречает Квинта Делия: он в милости у Октавиана и платит Ироду сторицей. Здесь же садится он и пишет письмо, которое попадает к Октавиану на несколько часов раньше самого Ирода. Он повествует о преданности Ирода Риму, что является истинной правдой, и о том, что Ирод помог ему в борьбе с гладиаторами.

В Родосе Ирод без труда добивается аудиенции у Октавиана. Не надев царской короны, он торжественно и нарочито покорно предстает перед властителем Римской империи. Он презирает предательство и отнюдь не раболепен. И может быть, та линия поведения, которую он инстинктивно выбрал, была самой верной. Он говорит Октавиану о своей многолетней дружбе с Антонием, о войнах, о том, что он и сейчас верен его памяти. Он рассказывает о

том, что ответил Антонию на его вопрос об исходе битвы при мысе Акций: «Хочешь победить, убей Клеопатру».

Если б он избавился от нее, – продолжал Ирод, – то у него осталась бы надежда захватить верховную власть и легче было бы найти средство примириться во вражде своей к тебе. Однако Антоний не внял этому совету себе во вред, а тебе на пользу и предпочел отвергнуть его. Итак, если ты теперь в гневе на Антония, поставишь мне в вину мое к нему расположение, то я не только не стану отфекаться, но не задумаюсь еще раз открыто подтвердить здесь мою приязнь к нему. Если же ты, оставя его в стороне, посмотришь, каков я к своим благодетелям и каков я в дружбе, то у тебя доказательство налицо в виде совершенных мною деяний. Если переменилось имя, из этого еще не следует, что моя дружба пошатнулась к тому, кто является заместителем и преемником моего друга¹.

– Счастливец, – говорит Октавиан.

Он думает об Антонии, о Клеопатре и лучше понимает теперь, почему множество таких разных людей любили и любят его извечного соперника.

– Можешь ли ты быть так же дружен со мной, как с Антонием? – Они смотрят друг другу в глаза.

– Я не предаю, – отвечает Ирод.

Он вручает Октавиану подарок – виноградную кисть, выполненную из сердоликов, делает небольшие подарки его окружению. А на следующий день при огромном стечении народа Октавиан вновь возлагает на голову Ирода царский венец. На следующий день Ирод откланивается и спешит в Иудею. Армия Октавиана пойдет в Египет через Сирию, на юг по побережью. Он хочет достойно ее встретить.

Александра, мрачная и нелюдимая, не покидает своих покоев, чего нельзя сказать о Мариамне. Когда-то Иосиф – несчастный муж Саломеи – обрек себя на смерть, поддавшись ее чарам, и сейчас она вновь хочет достоверной информации. Только парой фраз перебрасывается она с другим Иосифом, казначеем, и сразу же понимает, что он малоинтересен. Слишком много цифр у него в голове, слишком

¹ Флавий И. Иудейские древности, 15:6.6.

он отрешен. Иное дело Соэм. Где ему, так много времени проведенному в походах, тягаться с Мариамной! И вот пламя ее интеллекта начинает свой очаровательный танец вокруг Соэма, вовлекая его в хоровод излиятий и откровений. Опасен такой хоровод, но Соэм не понимает этого. Как сладко и волнующе поднимается и опускается грудь царицы, когда он рассказывает ей о походах. И пот прошибает его, когда кладет она ему на руку свои пальчики и, как девочка, говорит жалобно и ласково: «О, продолжайте, государь мой». Всего несколько дней хватило, чтобы понять, что ей с матерью угрожает опасность. Она догадывается, что Ирод не оригинален, никому не позволит он притронуться к ней, и в этот раз, наверное, приказал он Соэму убить их? Легко находит она путь для проверки своих предположений. Без труда узнаёт, сколько времени нужно, чтобы доплыть до Родоса и вернуться. В один из дней она приглашает Соэма к себе. Тот не был у нее уже достаточно долго, он скучает. Плачущей застанет он Мариамну, подходит к ней, переминаясь и не зная, что ей сказать.

— Где мой супруг, мой Ирод? — говорит она. — Наверное, уже убит безжалостным Цезарем. Если так, то я не хочу жить. Ты выполнишь приказ царя? Ведь он велел тебе убить нас? — плача, спрашивает Мариамна.

— Да, — признается вконец растерявшийся Соэм, — я убью вас и себя. — И слезы сожаления текут из его глаз.

Через неделю Ирод прибыл в Иерусалим. Его встречала огромная толпа. Сопредседатели Синедриона Анания и Шамаи объявили народу, что на царе Ироде почиет благодать Предвечного. Мариамна скажет Соэму на прощание, когда ее с матерью спешно вернут в город: «Ты будешь начальником Иерусалимского гарнизона, но твоей жизнью заклинаю тебя: никогда и никому не упоминай, что ты раскрыл мне приказ Ирода».

Потом Ирод будет любить Мариамну, и от этой любви, когда придет срок, появится на свет их последняя дочь.

Вихрь забот кружил Ирода уже со следующего утра и не оставял много месяцев, потому что Октавиан решил с Родоса направиться в Сирию, а оттуда — вдоль побережья в Египет.

Ирод устроил ему торжественную, поистине царскую встречу в Птолемаиде. Этот пир удивил даже Октавиана, понимающего толк в яствах. Часть блюд готовили на виду у римлян, во дворе, и это было им интересно. Особенно радовался Агриппа, для которого

любая новизна была смыслом существования, и он не скрывал восторга. Подали вина из долин Иерихона и Эшкола. Они были с разной степенью сахаристости и не уступали по вкусу италийским; были вина, настоянные на травах (вермут), — травы были редкие и специфичные и вина тоже. А еще была мульда, тоже разная (смесь вина с медом), и любимый иудеями медовый напиток с обилием специй. А еще было много сортов миндаля и мандрагоры красно-желтого цвета, множество фруктов в меду и без него. И была рыба, которую готовят так только иудеи: она была мелкая и томленная несколько дней до различных оттенков коричневого цвета, и кости ее становились мягкими, и она была пряной и удивительно вкусной. А гвоздем программы было мясо молодых барашков, нагулявших жир в сожженной солнцем Идумее — его родине, где умеют готовить блюда из мяса. Оно кусками мариновалось в гранатовом соке, идумейском вине и яблочном уксусе, с диким луком и специями, а потом жарилось на тонких вертелах, и от него нельзя было оторваться. Октавиану и Агриппе, кроме всего, подали яйца барашков, замаринованные и зажаренные. Морской ветер освежал пирующих, он шевелил волосы и возбуждал аппетит, а вопросы Агриппы, который все время просил что-то узнать у поваров, веселили всех. Агриппа жил страстями и очень нравился Ироду.

Ирод накормил все войско и снабдил его припасами. Сто пятьдесят человек его личной гвардии были вооружены по-царски. Только в соседней Аравии могли так искусно сочетать золотые и серебряные узоры на железе. У Ирода были именно такие доспехи. Смотр, который провел Октавиан, прошел очень успешно. Ирод, везде сопровождавший римского властителя, был счастлив. Он подарил Октавиану 800 талантов, шел с его армией довольно долго вдоль побережья, сообщая ему и трибунам массу необходимых сведений о том, как укрывать лошадей, когда дует жаркий восточный ветер, о том, как находить воду в пустыне. Около Яффы они расстались. Октавиан взял с Ирода слово, что тот посетит его в Египте.

Ирод вернулся в Иерусалим и занялся делами. Предстояло восполнить запасы продовольствия, отданные римлянам. А вскоре, когда ночное небо прорезала яркая звезда и упала в Мертвом море, куда падало большинство звезд, чтобы в Судный день их не надо было искать, Ирод понял своим шестым чувством, что пришло время ехать в Египет.

Глава 30

Смерть Мариамны I

Антоний проиграл войну. 1 августа 30 г. до н.э. Октавиан был уже около стен Александрии, он готовился дать последнее сражение этому баловню судьбы с чуть выпуклыми глазами, хотя шансов на победу не было. Он это осознавал, но он не был трусом и хотел погибнуть в бою. Октавиану сейчас не нужна была лишняя кровь, это понимали все, и поэтому Антония покинули и флот, и сухопутные войска.

Антоний позвал своего раба Эроса, опекавшего его с детства, и направился в свои покои. По дороге ему встретился жрец. Возможно, он искал его.

— Благословение богини Хатхор закончилось, — сказал жрец.

— Я знаю, — ответил Антоний и молча прошел к себе. Потом он позвал Эроса и попросил: — Убей меня.

Эрос вытащил меч и, воткнув его себе в живот, упал бездыханным.

«Ты хорошо показал, как это делается», — с грустью сказал Антоний, но он слишком любил себя. Удар его оказался слабым, он забился в конвульсиях и долго умирал на руках у Клеопатры. В агонии он видел то бритую голову жреца, то лик богини Хатхор, похожий на Клеопатру в молодости, когда она еще была возлюбленной Цезаря.

Клеопатра встретила с Октавианом и, несмотря на все его заверения, прочла свою участь в его серых, выпуклых крабьих глазах. Она увидела то, чего, может быть, еще в деталях не знал и сам Октавиан, потому что в день их встречи она надела амулет Исиды — голову змеи из красной яшмы. Этот амулет нельзя носить живым, потому что «тот, кто наденет его, уже мертв», — так гласит древнее знание. Клеопатра умоляла Исиду раскрыть ей судьбу, и богиня явила свою милость: Клеопатра увидела Рим, триумфальное шествие Октавиана и себя, увитую венками и золотой цепью,

впереди колесницы, и своих детей, тоже в цепях, и других своих детей, но совсем белых, лишенных Ка¹. Она сжала рукой амулет, и видение исчезло. Октавиан говорил ей пустые слова, потому что она видела его насквозь и уже приняла решение.

Когда Клеопатра возвращалась к себе, ее видели только жрец и служанки. Они были египтянки и сразу поняли, что означает амулет Исиды на груди Клеопатры. Девушки почтительно вышли, оставив царицу наедине со жрецом. Потом они приготовили бассейн и старательно искупали свою госпожу. Какой-то торговец принес во дворец корзину смоквы и передал всю ее царице.

Октавиан делал все возможное, чтобы сохранить жизнь Клеопатры. Дворец окружала надежнейшая стража. Его вольноотпущенник лично отвечал за ее жизнь, но царица все же сумела уйти из жизни так, как ей хотелось. Она всегда и все делала по-своему. Она давно приготовила для себя усыпальницу, и похороны ее были строгими, торжественными и достойными царицы. Антония похоронили рядом.

Ночь благоухала ароматами цветов, к ним примешивался запах благовоний, тонкий и пронзительный. Клеопатре помогли облачиться в царские одежды, она улыбнулась лишь уголками широкого чувственного рта: десятки людей будут рассматривать ее завтра утром. И она не хотела, даже за гранью жизни потерять хоть каплю царского достоинства. Она погрузилась в воспоминания, извлекая из глубоких кладовых памяти сокровенную, почти забытую информацию.

Это ее последняя ночь в чудесном, роскошном дворце, ночь, пропитанная запахами благовоний. Но не будет для нее золотого саркофага с лазоревым изголовьем. И музыканты вряд ли исполнят старые мелодии на ее пути к гробнице, и карлики не станцуют священный танец Муу, и не услышит она список жертвоприношений, и не заколют для нее жертву у погребальной стены, и не поставят ей новую пирамиду, и...

Все будет просто и буднично, как у презренных иудеев. Ка, ее разумная грешная душа, вечно будет терзать ее Ба. Она тихо вздохнула, напряжение оставило царицу. Она велела принести аспида. Утром ее нашли мертвой. И только крохотные рядом расположенные

¹ Ка и Ба — по египетским верованиям, тонко-материальные сущности человека.

точки на руке позволили предположить, что она умерла от укуса аспида, каких много в Египте, но змею никто не нашел, а жрец исчез, наверное уехал по делам в один из храмов.

К окончанию этих печальных событий приехал Ирод. Октавиан принял его сразу: Ирод вполне подходил для роли утешителя.

У Ирода было прекрасное настроение не только потому, что не стало Клеопатры, он даже чуть-чуть сожалел об этом. Действительно счастливым событием была смерть Антония, потому что Ирод был его другом и ему тяжело было бы видеть его пленным и смотреть на него, сидя в рядах победителей. Но, видно, Сущий любил Ирода и внял его мольбам. Совесть его теперь была абсолютно чиста. Антоний мертв. Он мог бы быть вечным укором Ироду, но вовремя умер. Так Ирод сохранил свое лицо, потому что «не предал».

Ирод принялся утешать Октавиана, и его хорошее настроение в совокупности с дьявольским обаянием делали свое дело. Петляющим зайцем, оставляя заметные следы в душе Октавиана, вьется речь Ирода. Темп, слова, идеи, воспоминания мчатся, разбегаются, вновь сходятся.

Ирод много говорил об Аравии Счастливой, о ее столице — Петре, может быть, именно в это время зародив у Октавиана идею будущих походов, он рассказывал о еде кочевников, и воспоминание об обеде Ирода вызвало у Октавиана слабую улыбку. Вдруг Ирод неожиданно произнес: «А зачем тебе живая Клеопатра? С живой ведь хлопот больше, чем с мертвой». Это фраза была справедлива лишь отчасти, потому что плененная Клеопатра не представляла никакой угрозы, но Ирод нашел удивительно верное слово — «хлопоты», и это понравилось Октавиану. Тема разговора резко ушла в сторону, когда Ирод рассказал о том необычном подарке, который он сделал Антонию, когда тому угрожала опасность, и они начали говорить о женщинах...

Октавиан, отличавшийся гениальной проницательностью в отношении всех, кроме собственных детей и внуков, раньше других замечает страдание на челе Ирода, которое не может скрыть ни его бешеная энергия, ни неукротимая веселость. И ему стал симпатичен этот одинокий и страдающий неизвестно отчего, статный и красивый человек с черной окладистой бородой. Он пытался понять, отчего же страдает Ирод, но это ему не удается, так как даже сам Ирод пока не знает этого.

В глазах Сушего Ирод был Вожаком Кентавров, и Сушему ничего не оставалось, как дать ему самый большой кнут, каких было много в Египте, — из кожи гиппопотама. И он должен был постоянно хлестать себя этим кнутом, так, чтобы было больно. А может быть, дело было не в Сушем, а в Иудее, которая, подобно древнему травоядному ящеру, только что проснувшись, пыталась утолить свой голод и найти место под солнцем, а Ирод, проявив недюжинные акробатические способности, влез ему на голову и теперь пытался вертеть ею. Конечно, Иудее это не нравилось, и она стремилась стряхнуть это гадкое наваждение.

Как бы то ни было, Октавиану просто необходимо было на кого-то опереться на Востоке, а лучшей кандидатуры, чем Ирод, не имелось. Он подарил ему всех телохранителей Клеопатры — 400 галлов, прекрасно вооруженных и обученных, вернул ему все области, отнятые Клеопатрой, включил в его владения Гадару, Гиппос и Самарию, а также очень важные в стратегическом плане приморские города Газу, Анфедон, Яффу и Башню Стратона. А в качестве другого подарка Ирод получил разрешение нанимать или приглашать к себе на службу людей Клеопатры, и Октавиан был крайне удивлен, когда Ирод представил кандидатуру одного Николая Дамаского. Правда, затем по протекции он пригласил еще его друга Алебарта-египтянина, образованного и очень пунктуального. Тот стал его домоправителем, Ирод никогда не раскаивался в своем решении. Царь был все время с Октавианом, снабжал армию продовольствием, когда она возвращалась в Рим, проводил его до Антиохии.

Вернувшись, Ирод застал всех в здравии. У Мариамны родилась дочь. Каждый ребенок, произведенный ею на свет, казалось, отнимал у нее часть души. Дети были красивы и любили мать, а она становилась все раздражительней. Ей постоянно приходилось слушать противное жужжание своей матери Александры, и хотя оно раздражало ее, но достигало цели. Великое противостояние: Александра и Мариамна — Кипра и Саломея когда-нибудь должно было завершиться. А началось оно очень давно, еще на свадьбе Мариамны...

Среднего роста, с удивительно гармоничными фигурами, красивыми головками, откинутыми назад, Александра и Мариамна

производят замечательное впечатление. Строгие, изысканные туалеты, минимум украшений — аристократки. Мать и сестра Ирода тоже похожи: крупные, дородные, черноволосые, с правильными, но несколько крупными чертами лица, они тоже привлекательны, но не для иудейской аристократии. Их пестрая одежда и многочисленные украшения выдают недостаток вкуса.

Иудейки холодно и презрительно смотрят на идумеек. Взаимное презрение и ненависть разрастаются. Ирод ничего не замечает или не хочет замечать, а напрасно. Если бы он обратил на это свое внимание вовремя, то...

Но в истории нельзя говорить «если бы».

Мать и сестра Ирода не аристократки, но и не претендуют на это. Впрочем, мужества семье Ирода не занимать. В их плохих отношениях виноваты только Александра и Мариамна. Они, и только они, кичась своей знатностью, спровоцировали ответную реакцию. Мать Ирода, женщина в годах, бесспорно им любимая и по праву гордившаяся сыном, ничего не имеет против невестки. Здесь первую скрипку играет сестра Ирода — Саломея. Историки величают ее злым гением Ирода. Так ли это? Она не объявляла войну Мариамне. Но не в обычаях семьи Ирода не принимать вызов, и она вступила на тропу войны во всеоружии своей ненависти. В смерти своего первого мужа Иосифа Саломея все эти годы несправедливо винит Мариамну, и ненависть ее все не утихает.

Мариамна любила Ирода, хотя и отказывала ему в ложе по своему капризу, что было неправильно. Ирод не мог мириться с этим. Любовь ее, вернее, желания были подобны благодатной жидкости в кувшине, и когда эта жидкость переливалась через край, то она, словно кровь Горгоны, превращалась в смертельный яд. Сила этого яда была такова, что постепенно отравила могучую любовь Ирода, но плотское желание его осталось неукротимым. Их биологическая совместимость, зажигающая обоих, как только они взглянут друг на друга, долгие годы перебарывала не только яд переродившейся любви, но и сварливость Мариамны.

Ее упреки расшатывали последние устои их совместного существования, и неумолимое время было самым сильным врагом Ирода. Мариамна хорошо относилась к детям, но Ирод был горд ими, пожалуй, в большей степени. Они были подарком любимой женщины, они были прелестны и умны, они были наследниками его

трона. Он всегда хмурился, когда Мариамна оставалась наедине с детьми, поскольку яд ее речей не мог не отражаться на них. Но они, резвясь и бегая среди павлинов и мрамора дворца, мало прислушивались к словам матери.

Раздражительность Мариамны не имела причин в настоящем. Слова ее были подобны смерчу в ясный день, и этот смерч втягивал в себя спокойствие Ирода и превращал его жизнь в ад. В эти минуты Мариамна действовала как сомнамбула, подчиняющаяся воле рока. Она обвиняла Ирода в гибели ее брата Аристовула и других людей, она бросала ему упреки в том, что он желал ее смерти, хотя это было не так: он только, подчиняясь силе своей любви, хотел, чтобы и она умерла вместе с ним. Ирод был деспот, типичный восточный деспот, и мрачный пожар бешенства, все чаще вспыхивающий в его глазах, вступал в борьбу с его влечением к ней.

Эти полгода после возвращения Ирода из Антиохии стали для них сушим адом. Было похоже, что Клеопатра, которая никогда не была соперницей Мариамны в любви, не могла пребывать в царстве Осириса без нее и все время манила ее за собой, — иначе трудно объяснить поступки хасмонеи царя. Она постоянно конфликтовала с матерью и сестрой Ирода, но это никого не удивляло при дворе, ибо их перепалки уже давно стали таким же естественным явлением, как вода, хлеб или оливы.

Хотя объяснение этому было. Мариамну снедала скука. Был дед, которого она любила, к которому могла прийти, уже будучи матерью, и который гладил ее своей мягкой старческой, слегка дрожащей ладонью, он рассказывал ей о вере отцов, о героических деяниях ее предков Хасмонеев, нараспев читал ей, влюбленной в мужа, «Песнь песней», он рассказывал о жизни соплеменников в Вавилоне, жизни чужой и потому чарующей, он знал много историй, связанных с обрядами. И она слушала его часами. А теперь, по воле Ирода, деда не стало. Она не могла теперь пойти и к брату, непремемному участнику ее детских забав, — его тоже сдуло ветром судьбы, а той судьбой управлял он, Ирод. Ее любимая служанка, бывшая с нею в Масаде, была богато одарена Иродом сразу же после свадьбы и удалена от Мариамны, которая с тех пор потеряла свою доверенную собеседницу и подругу.

Иногда в минуту размолвок с Иродом или просто плохого настроения Мариамна шла к матери, но о чем бы они ни заговаривали

разговор, он сразу сводился к осуждению «зла», и этим «злом» была ее муж Ирод, потому что он убил ее деда и брата. Мариамна была чем-то похожа на маленькую пушистую коалу, которая, если ее кормить непривычной пищей, всегда погибает, потому что другая пища является для нее ядом; но организм требует пищи, и коала ест и медленно губит себя.

Мариамна тоже поглощала яд, который в изобилии поставляла Александра, и он разрушал все, что было у нее общего с мужем, оставляя только чувственность. Характер ее портился, она становилась все более порывистой, неровной, яростной, чувственность ее возрастала, а душевные качества прятались в дальних уголках ее существа.

Ирод, особенно после Александрии, понял вкус в женщинах, и Октавиан любил слушать о его похождениях. По возвращении домой Ирод не менял своих новых привычек, и это тоже злило Мариамну.

Кроме Ирода, немало огорчений доставляла Мариамне его сестра Саломея, которая ревновала брата и не желала делить его с Мариамной. И Саломея придумала изуверский ход: приготовить напиток, настоянный на травах, и передать его виночерпию Ирода. Тот должен передать Ироду этот напиток от имени Мариамны. Царица, дескать, ищет перемирия и просит царя выпить его. Царь волен сам принимать решение: пить или не пить. В доказательство того, что он не отравлен, Саломея пробует его в присутствии виночерпия.

Саломея рассуждает так: если виночерпия будут пытать и он укажет на нее, то она скажет, что этот напиток ей дала Мариамна.

Виночерпий приносит напиток Ироду и говорит то, что велела ему Саломея. У Ирода возникает подозрение, и он велит позвать лекаря. Снадобье проверяется всеми известными методами: в него опускают лук, рог гиппопотама, рог еще какого-то морского животного и знаменитый камень, меняющий свой цвет в присутствии яда. Все тесты ничего не дают. Напиток не ядовит, но ведь известно, что если яд медленнодействующий, то сразу его определить невозможно. Ирод велит схватить ее внуха, без его помощи она ничего не делает, это известно всем во дворце, и приказывает пытать его. Евнух ничего не знает про напиток, но пытка вырывает у него другое: Созм рассказал Мариамне про приказ Ирода предать ее смерти.

«О-о-о!» — стонет Ирод. И Соэм, который был другом столько лет, предал его. Недаром Мариамна просила Ирода перед его отъездом в Александрию назначить Соэма начальником Иерусалимского гарнизона. Он наверняка спал с ней! Он велит схватить Соэма и казнить его. Он идет к Саломее. Это ее шанс. «Я говорила, что она изменяет тебе. Казни ее».

Мариамна стоит перед ним. «Я ни с кем не спала, кроме тебя, и не готовила для тебя зелье, зачем мне твоя смерть?» — говорит она презрительно и отчужденно.

Он не может жить без нее, но она лишает его воли. Не то чтобы он радикально менял свои решения под ее похожим на терпкое вино взглядом. Вовсе нет. Но мысль его, до того светлая и ясная, как бы запутывалась в лабиринте, где клейкая паутина заслоняла единственную правильную дорогу, через которую продиралась его мысль. И если здесь мысль справлялась с задачей, то на следующем отрезке она опять попадала в густой кисель... Такова была власть жены над Иродом.

Перефразируя известную фразу, в любой момент Мариамна могла сказать: «Властью, дарованной мне Богом...». Сейчас она стояла перед ним, вялая и опустошенная. Месячные всегда проходили у нее тяжело. На второй день ее всю скрючивала боль, она гнездилась в каждом уголке ее миниатюрного тела, она торжествовала над скорбным духом Мариамны. Была и другая причина ее безволия. Физическое влечение ее к Ироду было известно всем во дворце, но два других компонента любви — притяжение души и сердца — были чужды ей. Душа ее была запечатана семью печатями и спрятана где-то далеко-далеко в глубоком колодце. А ум его, великий и яростный, но ум иноверца, не был способен прочувствовать ту ее сокровенную связь с Богом, которая была присуща только его новому народу.

Она на секунду поймала его взгляд и мгновенно прочла свою судьбу. Он угрюмо молчал. Она обратила внимание на седину, появившуюся в его курчавой бороде. Мысли ее были пусты и преходящи. Они вращались по кругу, тусклому и бесцветному, в котором было только два узловых воспоминания: брат, вытаскиваемый из бассейна, освещенный ярким солнцем, мертвый, над которым печальные пальмы лениво шевелили листьями, длинными и узкими. Другое воспоминание было еще хуже — ее месячные, от которых

она постоянно страдала. Преодолей Мариамна свое безразличие, свою апатию, все могло бы быть иначе. Но ничего не происходило, минуты растягивались в вечность.

Она стояла перед ним опустив глаза. Ирод, вернее, та часть его подсознания, которая понимала следствие подобного решения, почувствовала опасность и заметалась, стала биться о тонкие стенки клеток мозга и причиняла Ироду боль. Он начал свирепеть.

Она чувствовала, понимала, что нить ее жизни и растущая свирепость Ирода — вещи взаимосвязанные, но что-то мешало ей. Она могла бы просто поднять глаза и улыбнуться либо вскинуть руки и завораживающим Ирода жестом поправить свои роскошные волосы. Могла и не поднимать головы, просто сделать шаг, взять Ирода за руку и притянуть его к себе, положить его голову себе на грудь. Она не сделала ничего. Правая рука ее чуть-чуть встрепенулась и тут же опустилась. Ирод разорвал наконец цепи вожделения. Он повернулся, вышел и отдал это страшное распоряжение.

В тот же день, когда Ирод отдал распоряжение о казни, послушный совет подтвердил вину Мариамны неизвестно в чем.

Ее повели на казнь в ясный полдень. И мать ее, обезумевшая от горя и непонимания происходящего, вцепилась ей в волосы, а затем сыпала ей вслед проклятия. А Мариамна, спокойно поправив волосы, отрешенно смотрела на мир.

Мудрость, которой ей так не хватало в последние годы, вернулась к ней и взяла ее за руку. Но за другую руку ее уже держала Смерть.

Глава 31

Похороны Мариамны I

Бледная луна скорбно склонилась над горизонтом. Блики ее света резвились и играли в бассейне, и от легкой ряби вода казалась мерцающим светлым серебром.

Гроб с телом Мариамны стоял в несколько метрах от бассейна, на сколоченном наспех столе. Ирод сидел возле гроба, уставившись взглядом в пространство. Когда он выходил из состояния сомнамбулы, то целовал Мариамну в грудь, поглаживая ее дрожащей рукой. Эта прощальная нежность как бы умиряла последнюю резкость Мариамны. Цвели мирты. Тонкий аромат цветов и мерцающий лунный свет придавали какое-то магическое таинство этой ночи. Слегка повеял ветерок, и вместе с ароматом цветов на Ирода вдруг потянуло запахом тлена. И тогда Ирод осознал невозвратимость утраты.

Все существо Ирода воспротивилось этому. Рык его потряс тишину. Алебарт появился первым. Ему стало не по себе от увиденной картины: Ирод, с воздетыми к небу руками, взывал к Богу. Левая рука была сжата в кулак, правая — держала посох. Он не молил и не угрожал Незримому, он задавал ему извечный вопрос: «Почему?» И почти через две тысячи лет словами Оскара Уайлда Незримый ответил ему: «Ведь каждый некогда из нас любимых убивал...». Но Ирод хотел ответа сразу, а Сущий не был тогда готов к ответу.

— Меду, меду скорее неси, — яростно прорычал Ирод, и вдруг он... завыл. Он выл громко и тоскливо, как раненый зверь, и только изощренный слух мог угадать в этом вое многократно повторяемое одно только слово:

— А-а-а-до-о-о-на-а-ай! О-о-о! А-а-а-до-о-о-на-а-ай!

Он знал — ведь это следовало из Заповедей, — что нельзя упоминать имя Бога всуе. Он знал, что нельзя, ну и что из того...

Воспоминания, похожие на когтистых черных зверьков с огромными зубастыми головами, вырвались наружу из его души и рвали его плоть, которая кусками разлеталась во все стороны, а затем складывалась, как мозаика, в живую обнаженную Мариамну, прекрасное тело которой он так любил. И это доставляло ему невыносимую боль.

— О Адонай! — стонал Ирод.

Слуга-египтянин (а египетский народ как никто другой владел искусством бальзамирования) сориентировался первым. Двое слуг и рабов, прибежавших на крики Ирода, бросились во дворец. Вскоре весь двор наполнился людьми. Алебарт отдавал четкие распоряжения. Ему подчинялись. Часть рабов бросились в город за медом. Другие направились к знакомым египтянам в поисках бальзамировщиков. Через два часа три человека, снабженные деньгами, письмом и сменой лошадей, выехали в далекий Египет к иудейской общине Александрии. Там Мариамну любили и должны были прислать нужных людей.

Наступило ясное, теплое утро. Возвратились с медом первые посланцы. Надо было подготовить тело Мариамны и соорудить саркофаг.

Ирода увели в его покои, он не сопротивлялся. Запах ее тлена был ему ненавистен. Рабыни раздели царицу и облили медом. Это делали египтянки, а иудейские служанки наблюдали за происходящим издали. Ужас наблюдаемого кошунства заставлял их прикрывать ладонями рот, чтобы сдерживать крики отчаяния и горя, распирившие их. Они ведь знали, что такое гнев Ирода. Александры — ее матери — не было ни среди занятых, ни среди праздных. Одна, в темноте и тишине, лежала она в своей комнате, и в ее воображении три сцены без конца сменяли одна другую: смерть мужа; ее сын, вытщенный из воды мертвым; и еще почему-то ее первая брачная ночь. По-видимому, мозг сам избрал эти наиболее яркие впечатления прошлого, совершенно отключившись от происходящего и защищая себя от разрушения.

Весь стол и даже пол вокруг тела Мариамны были залиты медом. Срочно сооруженный шатер предохранял царицу от солнца. Ведра, лохани, бурдюки с медом сносили внутрь. Спешно кончали шить кожаную ванну. Ирод не хотел, чтобы Мариамну переносили куда-то, чтобы не повредить тело. Люди действовали четко и

слаженно. Часам к десяти утра все первоочередные задачи были решены. В шатер внесли кожаную емкость, похожую на небольшую лодку с распорками, положили в нее тело Мариамны и залили медом. Мед стоял слоями: густой и жидкий, светло-желтый и совершенно прозрачный. Аромат меда полностью вытеснил запах тлена. Поверх емкости набросили белую ткань, прикрывшую тело и оставившую для Ирода только ее лицо. Женщины покинули шатер.

Вошел Ирод, оставив открытой дверь. Стоял терпкий запах кожи, меда и благовоний. Царь вдохнул эту густую смесь запахов и чуть улыбнулся. Взглянул на погруженное в прозрачный желтоватый мед лицо Мариамны: кончик ее носа выступал из медовой ванны. Ирод приложил большой палец к этому выступающему нарушителю и слегка нажал. Нос опустился в мед. Кожа от нажатия чуть вмялась, и это привело Ирода в ярость. Он выскочил из шатра, созвал людей. Не ругался. Велел сделать саркофаг из кедра. Поскольку кедра такой толщины не было, послали на его поиски.

Через несколько недель прибыли бальзамировщики. Скорбящие александрийцы сделали для Мариамны все, что могли, послав пятерых лучших посвященных в искусство бальзамирования. Двое из них были хер-хебами¹. Они привезли резной саркофаг из ливанского кедра, того самого кедра, из которого строился храм Соломона.

В молчании стояли они рядом с телом царицы. Нет, они не скорбели по ней, они не считали смерть трагедией. Много раз они встречали ее и провожали к ней путников. Тут другое: они ужаснулись. Вначале они ужаснулись как профессионалы, ибо медовая ванна пропитала ее внутренности, обволокла каждую клеточку ее тела; потом они испугались гнева Ирода. Своим искусством они владели в совершенстве, но мед не применяли, и теперь им предстояло провести эксперимент вопреки традициям их тысячелетней науки. А что из этого получится, еще неизвестно. Кроме того, бальзамирование иудейки по закону Осириса было святотатством, и они боялись навлечь на себя гнев Осириса.

Начальная процедура египетского ритуала бальзамирования состояла в вымачивании тела в насыщенном растворе натронной соли, но об этом теперь нечего было и думать. И они стояли в

¹ Хер-хеб – духовное лицо, совершавшее важнейшие погребальные церемонии.

растерянности. Они велели заменить мед, чем угодили Ироду. Абсолютно прозрачный мед был доставлен из Идумеи, и Ирод испытывал какое-то странное удовлетворение. Когда бурдюки привезли, он несколько раз произнес, как бы вопрошая: «Идумейский?»

Был подготовлен саркофаг и водружен на каменное основание.

Затем Мариамну положили в саркофаг и залили новым медом, куда ввели какие-то благовония. Ироду нравилось смотреть на Мариамну, лежащую под медовой пеленой. Он подолгу сидел возле нее, потом — посещения стали реже.

Мед боролся с тленом, но силы были не равны.

И однажды тлен прорвался через пелену. Бальзамиривщики попрощались с Иродом и объяснили с сожалением, что мед не всемогущ. Эксперимент не удался.

Мариамна была похоронена рядом со своим братом — первосвященником Аристовулом III на территории дворца в Иерусалиме.

Глава 32

Октавиан Август

Победа при мысе Акций в 31 г. до н.э. сделала Октавиана неограниченным правителем Римской империи. Но диктатура отнюдь не обязательно шествует рядом с террором. Империя быстро усвоила, что добродушный диктат Октавиана значительно действеннее республиканской болтовни Сената.

В первое же десятилетие после этой победы Средиземноморье совершило гигантский скачок, доселе невиданный в истории. Оно стало единым торговым, экономическим и культурным пространством. Пиратство было уничтожено, шел быстрый обмен самой передовой информацией, любое новшество, которое создавалось на самых окраинах империи, например на рудниках в Испании, через несколько лет уже использовалось в Египте. Александрийские мореплаватели курили перед ним фимиам как перед Богом, ибо, говорили они, «только благодаря Богу можно путешествовать в безопасности, торговать с уверенностью и жить в мире».

У Октавиана было много замечательных качеств, и фортуна была на его стороне. Победа над Антонием и Клеопатрой дала ему египетскую казну. По свидетельству Светония, «денег стало так много, что процентная ставка упала с двенадцати до четырех процентов, а цены на недвижимость возросли многократно». Но стартовые деньги — это еще не залог успеха. Калигула, которому досталось гигантское наследство Тиберия, сумел за несколько лет полностью растратить его и за недолгий период своего правления ввергнуть Рим в пучину голода.

Октавиан был гениальным финансистом, этот внук банкира, и великим правителем. Он воссоздал в империи Закон и Порядок, и этому очень помогло его умение учиться и терпеть. Он умел ждать. *Festina lente* — «спеши медленно» — было его любимым изречением. Лепид — старое ничтожество — был верховным понтификом.

Октавиан очень хотел присвоить этот титул, даваемый пожизненно, и терпеливо ждал, не пытаясь ускорить смерть бывшего триумвира, что было бы совершенно в традициях эпохи. В 12 г. до н.э. Лепид умер, и Октавиан Август наконец получил эту замечательную игрушку — последний титул, которого у него не было. Он был провозглашен верховным понтификом.

«На мои выборы, — писал он, — пришло столько народа со всей Италии, что никто и не припомнит, когда еще собиралась в Риме такая толпа». Однако этот год не был счастливым для него, ибо, приобретя титул, он потерял друга — в этом году в возрасте 50 лет умер Марк Агриппа — его зять, друг его детства, зодчий, строитель, архитектор. Восемьдесят два храма были построены при Августе, и архитектором многих из них был Агриппа. Мы еще вернемся к этой гениальной личности, ибо он был и другом Ирода и, по свидетельству Флавия, любил его больше всех после Августа, что не является очень большим преувеличением.

Октавиан Август превратил Рим из кирпичного в мраморный. И благородная красота мрамора распространилась на всю империю, но некий холод излучал этот камень. И еще он был гениальным актером. В 27 г. до н.э. многие итальянские города стали помещать его имя рядом с именами богов в официальных гимнах, чего никогда не удостоивался Юлий Цезарь. День его рождения стал священным и праздничным для всего народа. Нельзя сказать, чтобы он не знал этого. В том же году он совершает замечательный трюк: складывает с себя все полномочия и провозглашает восстановление республики. Он говорит: «Мне уже сорок пять, и я хотел бы отныне жить жизнью частного лица». Конечно, это была комедия, ибо незадолго до своего отречения он сформулировал другой принцип, переживший его на многие сотни лет и ставший путеводной звездой для политиков всего мира. Он сказал: «Честность — лучшая политика, но не следует прибегать к услугам этой добродетели слишком часто и без разбора».

Сенат отреагировал на это отречение так, как и ожидал «артист». Отцы-сенаторы единодушно подали в отставку и слезно умоляли его остаться во главе государства. Аналогичный спектакль был разыгран через много лет Тиберием.

Октавиан милостиво дал себя уговорить. Сенат вернул ему все его полномочия, а в награду за «моральный ущерб» даровал ему

титул Августа. Это был новый, качественный скачок в возвеличении отдельного человека, ибо «аугеге» — означает возвращать, увеличивать и применялось до того времени только к божествам созидания или роста, а также к определенным священным местам.

Так Октавиан приобрел ореол святости и стал наравне с богом. Ироду своевременно доносили обо всех событиях в империи.

Он лишь усмехнулся в свою окладистую, аккуратно подстриженную бороду. Недавно найденная в Иерусалиме скульптурная голова Ирода дает полное представление о внешности царя именно в этот период. Он усмехнулся и сказал своим приближенным: «Мой друг уже стал богом, а я не могу даже стать царем». И тогда же у него родился грандиозный замысел, который зрел три года, прежде чем Ирод начал воплощать его.

Конечно, он верноподданнейше поздравил Октавиана с титулом Августа. Он не мог назвать его Божественным Августом, как это делали в Риме, потому что хотя Суций и прощал многое избранному народу, и в частности Ироду, но в Иудее было хорошо известно, что Адонай не жаловал конкурентов, особенно если эти конкуренты происходили из людей, а вызывать на себя гнев Всевышнего Ирод не хотел.

Николай Дамасский, умный и не очень праведный человек, написал поздравление, употребив термин «первосвященник, почитаемый Юпитером», что тоже звучало отнюдь не плохо и было оригинальным, поскольку среди многочисленных поздравлений не было ничего подобного.

Дамасский сам отвез это письмо и был принят Октавианом неофициально, у него еще свежа была в памяти встреча с Иродом. Гениальные люди быстро оценивают достоинства других. Эта первая встреча имела долгие последствия. Потом Николай Дамасский стал личным биографом Августа, составив его жизнеописание. А начало этой взаимной привязанности положил случай. Николай Дамасский был очень низеньким, щуплым и нелепо одетым. И когда Август увидел этого человечка, ростом гораздо ниже, чем он сам, то воспылал к нему неосознанной симпатией, потому что и сам был мал ростом. Но это покровительственное отношение изменилось, как только Николай начал говорить. Он протянул Августу свиток — послание Ирода и произнес звучным, великолепно поставленным голосом: «Я вижу, Цезарь смеется над моим одеянием, я и сам понимаю, что одет не

по-римски». Сказано это было добро и весело. Август, который только недавно стал брать уроки риторики, был восхищен стилем его речи. Он усадил его рядом и начал расспрашивать, когда узнал, что Николай Дамасский обучал Клеопатру языкам и был учителем ее детей, то приглашал его снова и снова, и Дамасский, умудренный многолетней службой у Клеопатры и Ирода, подобно Шехерезаде, плел и плел ажурную паутину «дозволенных речей».

Он действительно знал много, этот иудей, родившийся в Сирии и придерживающийся той философии, которую впоследствии с большим или меньшим успехом изложил Филон. Он был сыном своего народа, разделял его причуды и верования, и он был знатоком и поклонником замечательной греческой цивилизации, и как никто в окружении Августа он знал Египет. Август, получивший строгое воспитание, жесточайший прагматик, обделенный в детстве родительской любовью и не знающий других сказок, кроме греческих мифов, сверкающих словно ледяные статуи в свете солнца, вдруг окунулся в иной мир — иудейский, потому что Николай Дамасский прочел ему сказки, которые любил Соломон, и «Песнь песней». Потом он узнал о книге Екклесиаста, и мысль, что «всё суета», оказалась близкой его духу, но вовсе не вязалась с тем, что он знал о говорливом и пронырливом иудейском народе. А затем Николай рассказывал о египетских божествах и читал Августу египетскую «Книгу мертвых». Дамасский рассказывал длинно и витиевато, переводя на латынь, которую знал блестяще, эти удивительные истории. И Август, окунувшийся в этот сказочный мир, был благодарен сказителю. А тот, чувствуя, как и Шехерезада, гипнотическое воздействие на слушателя, доставал из архива своей памяти всё новые и новые истории. Иногда Август специально ради сравнения просил рассказать что-нибудь в стиле греческих мифов, но встречал непонимание в серых глазах Дамасского, таких же серых, как и его собственные. «Я, конечно, могу, мой государь, — говорил он, — но музыка исчезнет, и вы не получите удовольствия». Август делал рукой повелительный жест, и иудей покорялся, а через несколько строк «ученик» убеждался, что «учитель» прав: «Песнь песней» нельзя пересказать слогом Гомера.

Любимой темой была Клеопатра: ее жизнь, в особенности ее отношения с Цезарем и Антонием вызывали болезненный интерес Августа, и Дамасский — очевидец этих событий — рассказывал ему много, и в красочных деталях. И еще было у этого маленького иудея

удивительное чувство такта: он старался не упоминать имя Цезариона — сына Юлия Цезаря, потому что Август казнил его после битвы при Акции, и еще Антилла — сына Марка Антония. Он казнил выборочно, оставив в живых других детей Клеопатры и воспитав их в доме своей сестры. Но лишь увидел он лица Цезариона и Антиллы, как принял решение об их казни. А когда Меценат спросил его: «Можно ли было не лишать их жизни?», Октавиан ответил: «Нет, ибо честолюбие просто написано на их лицах, а мне тоже когда-то было семнадцать лет». Но теперь Октавиану не нравились воспоминания об этих казнях, и иудей чувствовал это.

Беседы с Николаем Дамаским не могли продолжаться, ибо правление Римской империей отнюдь не являлось синекурой. Годом раньше Октавиан провел перепись в Риме и привел в порядок налоги и финансы. Благодаря громадным поступлениям из Египта и упорядочению финансовой деятельности империя наконец-то перестала жить в долг. Теперь ему предстояло провести перепись в Галлии. Это было очень важно, и Август собирался в Галлию сам. Накануне отъезда он призвал к себе иудея и сказал:

— Я весьма обязан тебе, рабби. — Он употребил этот иудейский термин, применяемый к почитаемым людям, к учителям, что уже само по себе было высокой оценкой. — У меня много недостатков, но неблагодарность не относится к их числу.

Это было действительно так, никто в империи ни до него, ни после так щедро не одаривал своих друзей, как Август.

— Я хочу сделать тебе подарок за то удовольствие, которое ты мне доставил своими беседами. Скажи мне, чего ты хочешь, и я постараюсь удовлетворить твоё желание, — сказал он и улыбнулся.

Ему было интересно, чего может пожелать иудей, так понравившийся ему и так похожий на стойка. Но Дамаский был сыном своего народа, и не следовало забывать это.

— У меня есть очень большая и очень тяжелая для императора просьба. Она потребует от него широты кругозора и некоего насилия над собой, над канонами и над Сенатом. Моя вторая просьба, зависит от выполнения первой, и если будет высказана, то это не принесет Августу никаких неприятностей.

Иудей умудрился нигде не употребить общепринятую форму обращения «Божественный», но это не оскорбило Октавиана, хотя он и обратил на это внимание. А еще он был заинтригован.

— Я знаю, — продолжал иудей, — что сейчас готовится указ о запрещении в Риме восточных культов. Мы тоже восточный народ и очень серьезно относимся к обрядам. Подобное решение приведет к массовой эмиграции иудеев из Рима, и это плохо отразится на коммерции и финансах.

Иудей замолчал, давая Августу время для размышлений. Август вызвал вольноотпущенника Келада и предупредил, что назначенные встречи переносятся на час. Затем, повернувшись к Дамасскому, сказал:

— Это совсем не простая просьба, — и улыбнулся.

— Конечно, — ответил иудей, — но это важно и для римлян, и для иудеев.

— Ответь мне: что даст Ироду и иудеям это решение?

Он знал, чего на самом деле хочет Дамасский, но ему хотелось убедиться в правдивости его ответа. Август был хорошим психологом и не сомневался, что сумеет понять истинную цель Дамасского.

— Во-первых, — серьезно и размеренно начал Николай, — нам нужны деньги. Финансы и торговля Александрии, а следовательно, и всего Египта целиком в руках нашего народа; теперь все больше иудеев занимаются этим в Риме.

Август понимал, что каждое слово Дамасского — правда.

— Помимо того, что каждый иудей обязан делать пожертвования на храм, есть еще много других, добровольных пожертвований. Поэтому нам надо много денег. Вторая причина не финансовая, а политическая: иудеи будут свободно приезжать в Рим на долгое время, приобретать тут новые знания и распространять их в Иудее. Ты ведь знаешь, что Иудея — оплот Рима на Востоке. В-третьих, примеру Рима рано или поздно последуют и другие города империи, и мы сможем торговать лучше и больше. В-четвертых, Ироду очень нужна твоя поддержка.

— Ты хорошо изложил все, — сказал Август, подходя совсем близко к Дамасскому. — Но ты требуешь неслыханных привилегий, — и глаза его, серые, чуть выпуклые и блестящие, казалось, превратились в серебряные блюдца.

— Эти привилегии, — возразил иудей, — значительно меньше тех, которые даровал твой отец Иудее: освобождение от податей, военной оккупации и рекрутского набора.

— А что скажет Сенат? — спросил Август.

Сенат сделает то, что ты захочешь.

— Но другие народы возмутятся, если я отдам предпочтение иудеям. Вас и без того не очень жалуют, — продолжал упорствовать Август.

— Это правда. Но любят ли десятки народов, которых покорили римляне, своих хозяев и надсмотрщиков? Никто не любит вышестоящих. А иудеи — народ, избранный самим Богом. За что же нас любить? Что же касается религии, то сейчас в Риме и в провинциях начинают почитать новое божество — Августа. Скоро твои храмы и скульптуры распространятся по всей империи. В наших же моленных домах нет изображений, мы не конкуренты для римских божеств. Зачем же запрещать нашу веру?

Август внимательно выслушал Дамасского и согласился с ним.

— Хорошо, — сказал он, — я сделаю так, как ты просишь. А какая вторая просьба?

— Позволит ли мне император видеться с ним снова и разрешит ли мне составить его жизнеописание?

— Я решу это, когда вернусь, — ответил он. — Ты очень интересный собеседник, и мы еще встретимся.

Через две недели вышло постановление Сената. Оно гласило:

Сенат и римский народ постановляет:

1. В целях возрождения нравственности и старинной религии, а также предотвращения распространения суеверий, чуждых римскому народу, в городе запрещаются египетские и азиатские культы.

2. Всем гадалеям, прорицателям, колдунам, исповедующим египетские и азиатские традиции, под страхом смерти предлагается прекратить свою деятельность, покинуть Рим или найти другой способ вести достойное существование.

3. Все восточные храмы, посвященные Исиде, Серапису и другим богам, отныне будут использоваться только как исторические памятники, без права занятия коммерческой деятельностью.

4. Настоящий запрет касается только города Рима и не распространяется на провинции.

5. Ввиду того, что народ иудейский не только в настоящее время, но и при императоре Юлии Цезаре выказал себя преданным римскому народу, а также ввиду немногочисленности этого народа в Риме разрешить иудеям отправлять свои культы в специальных домах, без права строить храмы и распространять свою веру.

Дамасский был очень горд собой, поскольку никто и не собирался строить иудейские храмы в Риме, на это не было средств, да и синагоги вполне устраивали иудеев. В отношении распространения веры было еще проще: Суший сам занимался этим вопросом.

Август уехал вначале в Галлию, а потом, в 26 г., в Испанию, где близ Нарбона велись тяжелые бои, завершившиеся поражением аквитанов. Римскими войсками руководил Марк Валерий Мессала. Потом на эти события наслоились другие, в частности третья женитьба Ирода, и свидеться все трое: Август, Ирод и Николай Дамасский — смогли лишь тогда, когда Ирод повез сыновей Мариамны на учение в Рим.

Глава 33

Хлеб и зрелища

Еще до смерти Мариамны Ирод начал перестраивать Иерусалим. Он построил театр и огромный амфитеатр, больше антиохийского и лучше украшенный. Но строительство далось ему не легко.

Иудеи, нанимавшиеся на стройки, были никуда не годным человеческим материалом, они были худшими весь начальный период стройки, потому что позволяли себе пялить глаза на что попало и обсуждать распоряжения начальников. Римские и греческие строители удивлялись, смеялись и требовали рабов, хотя бы потому, что рабу непозволительно задавать вопросы.

Индивидуализм иудеев сквозил в каждом их движении, в каждом жесте. Единственное, что они могли делать сообща, — воевать, а еще лучше — идти на смерть. Они были воинством Всеведущего и смерть ради важной цели считали делом естественным — на то была воля Бога. На многочисленных стройках, затеянных Иродом по всей Палестине, все было наоборот: здесь не было видно важной цели, а если она и была, то — худшая из всех возможных. Возводить капища, где будут находиться идолы и мерзость запустения, было запрещено записями на скрижалях, Законом, традициями, укладом — всем тем, что называлось Иудеей и иудейским народом. А в строящихся театрах и цирках полуголые мужчины и женщины будут кривляться рядом со святилищем, и людей, которые, может быть, и виноваты, будут рвать на части дикие звери, а это ужасно и противно Богу.

На стройках работали люди разных национальностей: много египтян — они умели обрабатывать камни, а также римляне, иудеи, арабы, греки. Конечно, среди них было много рабов, купленных и плененных. Постепенно навыками овладевали все, и строительство продолжалось. Иудеи тоже учились этой новой командной игре, и не без успеха. Но давалось им это ой как нелегко...

Ирод построил театр. Он украсил его надписями в честь Октавиана Августа и развесил копии многочисленных трофеев, которые подчеркивали военное могущество Рима. Этим он убивал двух зайцев: во-первых, никто из союзников и вассалов не додумался таким образом прославлять Рим на Востоке; а во-вторых, эти трофеи — знаки великих побед — свидетельствовали, что десятки народов уже покорились Риму, и как бы призывали к этому и другие народы.

Но иудеи в массе своей относились к бытию не так, как Ирод, потому что, хотя он и признал сердцем веру во Всеведущего, кровь его была другая — идумея и аравитянки, и потому он мыслил другими категориями, как все «нормальные» люди. Трофеи не производили на них ни малейшего впечатления, равно как и красота сооружений, не потому, что их эстетическое чувство было приглушено, вовсе нет, но это была другая — греко-римская эстетика, из чуждого мира. Они ходили вокруг трофеев, трогали их руками и возмущались. Трофеи не походили на идолов, но что-то непристойное выпирало из них, скрывалось за их нахальным торжеством. Наконец кто-то высказал это царю. Ирод пригласил наиболее влиятельных иудеев из знатных фамилий, членов Синедриона в театр. Он спросил их вкрадчиво:

— Не менял ли кто-нибудь трофеи? Те ли это трофеи, которые возмущают народ?

— Те, те, — дружно отвечали собравшиеся.

Ирод велел снять трофеи, и когда люди увидели, что за оружием, щитами, знаками отличий нет ничего, кроме голых стен, они начали смеяться, и вскоре смех их стал истерическим; потом нервное напряжение спало, и они, прославляя Ирода, мирно разошлись. Но ненадолго.

Примерно через неделю Ирод устроил гимнастические состязания, а также конкурсы музыки и танцев — это было ново, возмутительно, но не очень противно. Затем были состязания квадриг, и вот это уж была настоящая мерзость. Многим казалось, что кони мчат колесницы в неизвестную даль и финишируют прямо в их душах. И в довершение всего были битвы зверей с преступниками, как это часто происходило в Риме, но звери, казалось, рвали не тела преступников (да и что такое, в конце концов, преступление!), а души иудеев, и кровь преступников пятнала чистоту иудейской веры и морали. И десять самых истовых и соблюдающих чистоту

Закона иудеев составили заговор против Ирода и поклялись священным словом, что погибнут или избавят страну от того, чьим деяниям нет оправдания перед Богом.

Они были схвачены, не сопротивляясь, отдали кинжалы и во всем сознались. Их казнили вместе с семьями. А доносчик был схвачен народом, разорван на части и скормлен псам — так в Иудее поступали только с извергами.

Ирод удивился не только мужеству казненных, но и тому, как народ расправился с доносчиком. Он понимал, что иудеи отождествляли донесшего с ним самим, и велел увеличить свою охрану.

Царь продолжал строить. У него были строители, прошедшие школу Иерусалима. Он разбил их на две бригады, и одна начала перестраивать Самарию, которую он переименовал в Себасту и в которой также воздвиг великий храм, может быть, в благодарность самаритянам за их горячую поддержку. Царь предложил поселиться в Себасте своим ветеранам и приграничным жителям. Многие охотно приняли его предложение, потому что теперь здесь был храм. Но среди новых поселенцев не было иудеев, потому что им противно было жить среди самаритян. А идумеи, галилеяне, парфяне и прочие — так что с них взять? Вторая бригада строила Башню Стратона, которая отныне будет именоваться Кесарией Палестинский. А когда строители освободились, он построил в Галилее Гаву и в Перее — Есевон.

В Себасте с царем случилось несчастье: он тяжело заболел. Никто не мог сказать, что это была за болезнь, может быть, менингит, так как у него были страшные головные боли, особенно в области затылка, он забывался и не узнавал ближних. Весы, на которых лежала его судьба, словно застыли в недоумении, не зная, в какую сторону качнуться. Если бы смертный жребий тогда перевесил, то, может быть, Ирод и не вошел бы в историю как отъявленный злодей. Но жизнь победила, и царь начал выздоравливать.

Пока он болел и шансов выздороветь почти не было, Александра, его теща, направилась в Иерусалим. Она стремилась овладеть стратегическими пунктами — храмом и крепостью в городе, впоследствии получившей название башня Антония. Она уже старая, седая, но властная, с глазами, в которых горело неугасимое пламя, потому что Смерть питала его, ходила среди стражей и военачальников и уговаривала передать власть детям Ирода от Мариамны,

разумеется, и ей. Никто не осмеливался остановить ее, но Ирод был жив, а при жизни царя такие дела не делаются. Ахав — племянник Ирода, бывший одним из младших центурионов, обо всем доложил царю, и тот с превеликим удовольствием велел казнить Александру, ругая себя, что не сделал этого раньше.

В 28 г. до н.э. на Палестину обрушилась страшная засуха, которая бывает один раз в сто лет. Народ связал это горе с деяниями своего царя, который убил их любимую хасмонейскую царицу Мариамну, который наполнил Иерусалим, город Бога, греческими и римскими мерзостями и казнил десять праведников, воспритивившихся этому, который построил храм у неискренних — у самаритян. И весь народ — богатые и бедные, саддукеи и фарисеи — считал, что все его беды от правителя, — ведь в любом деле есть виноватый, а здесь и искать не надо. Вина Ирода ясно видна была по черным следам его деяний.

Поля выгорели, и весеннего урожая не было. Были съедены все запасы зерна, даже и те, которые предназначались для посевов. Но скот резать не решался никто, особенно жертвенные стада, — разве допустимо такое кошунство! Однако от голода начался падеж скота, затем пришла чума, правда, не бубонная, но все равно много людей умерло.

Осенью, когда снова ничего не уродилось¹, ненависть к Ироду достигла апогея. Царя сторонились, словно прокаженного. Разве не после казни Мариамны обрушились все эти напасти на Израиль? Бог всегда был на стороне Хасмонеев. Ну и чего он достиг, казнив ее, красавицу и законную владычицу? Да будут благословенны ее дети!

Царь призвал мудрецов. Они видели, что гнев его велик. Но вины за собой не чувствовали.

Один из них сказал: «Дождливый день более велик, чем воскрешение мертвых, поскольку воскрешение мертвых — праведникам, а дожди — как праведникам, так и нечестивцам»².

Все согласно кивали головами, потому что в этих словах была правда.

¹ Земля и климат Палестины позволяют собирать по два урожая в год.

² Таанит, 6б–7а:б.

А другой задумчиво, глядя куда-то в даль, произнес: «Три ключа в руке святого — благословен он, — которые не вверены посреднику. Вот они: ключ от небес, отворяющий путь дождю, ключ от чрева беременной женщины и ключ от воскрешения мертвых»¹.

И это тоже было верно.

И они еще говорили, что «день дождей столь же велик, как тот день, в который были сотворены небо и земля»².

С этим тоже не поспоришь, ну и что из того — Ирод хотел результатов. Этого же хотела вся Иудея, и потому вся страна молилась. А Ирод с удивлением думал о том, что если он в чем-то и грешен, то неужели молитв и постов всего народа недостаточно, чтобы замолить его грех?

И они дули в шофары и трубили тревогу, и звук этот с плачем, мольбами и поклонами вместо туч низко стелился над землей.

И съели весь скот, даже жертвенный, который есть было нельзя, и пухли от голода, и по стране неслись клятвы, мольбы, просьбы и, наконец, требования. К шофарам присоединились бубны, тимпаны.

И грозный гул стоял над Иудеей:

Благословен, благословен, благословен

Будь, будь, будь.

Дай, дай, дай

Дождя!

Но и это не помогло. Ирод решил действовать. Он велел собрать все ценности во дворце, все драгоценности у семьи и приближенных, сплавил в слитки все золото и серебро, которое смог достать правдами и неправдами, и послал все это в Египет. Ему повезло. Наместником Египта был Петроний, сопровождавший Октавиана и бывший на знаменитом обеде Ирода. Вся Палестина и Аравия сейчас обращались в Египет, где голода не было, и он оставался главной житницей Италии и всего Востока. Петроний принял горячее участие в судьбе щедрого и гостеприимного царя Иудеи и любимца Октавиана. Он не только разрешил приобрести и вывезти хлеб, но и распорядился ускорить эти закупки.

¹ Таанит, 2а:7.

² Таанит, 9б:15.

Приказ наместника и деньги быстро решили проблему. Ирод в эти тяжелые дни в который раз проявил себя блестящим организатором. Вначале хлеб и зерно раздали тем, кто мог о себе позаботиться, затем царь организовал круглосуточную доставку хлеба из пекарен немощным и старикам. Он раздавал хлеб всем: иудеям, идумеям, арабам, сирийцам, потому что во время голода не следует никого обделять куском хлеба. Он не брал денег. Он раздал 800 тысяч аттических медимнов¹ зерна иудеям и 100 тысяч — соседям. Весной 27 г. он разослал по стране 50 тысяч человек с зерном, которые сами производили посев, потому что шли обильные дожди и была пора сеять, а он не мог доверить посевное зерно полуголодному населению. И он заслужил славу и у соседних племен, и у своего народа.

Но что такое слава правителя? Легкому и изменчивому ветерку подобна она. Незаслуженно иногда простирает свою длань, кладет ее на чело малоизвестному и незначительному лицу, а иногда и просто проходимцу — и он становится героем в глазах толпы, и это может быть закреплено на века, а иногда и тысячелетия. Другим же, много сделавшим для своего народа, не везет — они становятся нелюбимыми, изгоями, и такими остаются в истории. Например, Ирод, Тиберий...

¹ Аттический медимн — греческая мера объема, равная 52,5 литра.

Глава 34

Мариамна II

Мариамна I ушла в Вечность, и тот, который стоял над Вечностью, не противился ее уходу. По-видимому, он полагал, что Вечность — лучшая обитель для Мариамны, чем дворец Ирода. Вероятно, Мариамне было известно мнение Всевышнего, поскольку ушла она отрешенно и гордо, как и подобает великой царице. Она ушла не одна. Страстность, бывшая ее подруга, покинула дворец вместе с ней.

Как вполшепота говорил один грек, Мариамна, при жизни возводившая омовение в настоящий культ, после смерти превратившись в тень, обитала на самом берегу Стикса. И хотя она не могла окунуться в него, чтобы измениться (легенда гласила, что тень, окунувшаяся в Стикс, либо приобретет плоть, либо перестанет быть тенью), но могла вдыхать его дурманящую истому и все время пребывать в печали. И еще, когда она появлялась пред Иродом, по крайней мере в первые годы, в руках у нее были цветы — это могли быть асфоделии, как объяснял Ироду все тот же всезнающий грек. Но Ироду казалось, что это еще не распутившиеся магнолии. Они переливались странным желтым и голубым мерцанием и будоражили желание.

С годами Ирод все упорнее старался сохранить в памяти любимый образ, и это ему удавалось. Суший вял его мольбам — воспоминания его были отчетливы. Вначале Мариамна появлялась неожиданно, будто по собственной воле. Потом, когда ему очень хотелось ее увидеть, он пил вино и дремал, и тогда она приходила. Она приходила и после, но почему-то в виде египетской богини Исиды, на голове ее были толстые рога, между которыми вращался мерцающий шар. Из-за этого мерцания лицо Мариамны все время меняло свое выражение, и это мешало Ироду, а еще у нее были большие уши. А когда они уменьшились, у Мариамны не осталось лица —

фигура была ее, и одежда была та же, а голова превращалась в голову кошки, которых так много в Египте. И это наваждение в виде симбиоза любимой женщины с нечистым животным преследовало Ирода до конца жизни.

Он ублажал свою плоть, стремясь найти забвение и покой, но почему-то Суций отказывал ему в этой простой милости. Рабынь и свободных женщин, которых ему доставляли и дарили не только из Иудеи, было достаточно. Одни из них знали толк в любви, другие совсем не знали. Тела их были мягки и податливы. Ирод мял их широкими и жадными движениями, причиняя им боль и исторгая у них стоны. И в эти моменты его утех Мариамна никогда не приходила, она презирала его, и он чувствовал это. Зато очень часто и совершенно не к месту появлялся образ матери, сидевшей во множестве одежд во дворе их дома в Петре и месившей огромный кусок теста. В реальной жизни мать делала небольшие замесы и готовила маленькие и аккуратные лепешки. Но наваждение, наверное, не знало этого, и зачастую тесто росло до невероятных размеров, принимая форму округлостей той, которая в этот момент была под ним.

И почти все эти женщины были тестом, у которых не было души или же она обитала очень далеко и тщательно избегала места совокупления. И конечно же у них, у женщин, были сердца, но сердце каждой из них годилось только для перекачки крови, биение любого из них не могло вступить в резонанс с ритмом сердца Ирода. И поэтому сердце его не знало радости.

Жены, а их у него было еще восемь, приносили ему забвение, а некоторые даже доставляли минуты радости, как и должно было быть.

Не прошло и года со дня смерти Мариамны I, как он женился в третий раз. Он взял себе в подруги самаритянку Малтаку и имел от нее трех детей: Архелая и Антипу, воспитанных в Риме, — неглупых, красивых и очень жестких правителей, впоследствии оспаривавших его наследство; дочь Малтаки, Олимпия вышла замуж за Иосифа, его племянника — сына Ферора. На удивление, этот брак был удачен.

Малтаку, дочь знатного самаритянина, Ирод знал давно. Ирод часто останавливался у них в доме во время наездов в Самарию. Она была влюблена в него еще будучи девочкой. Она сидела у него на коленях, теребила его бороду и на вопрос, за кого она выйдет

замуж, уверенно показала на Ирода. А было ей всего чуть больше трех лет. Она вела свой род от Санбаллата¹ и была разумна.

Нет, конечно, ее любовь не могла растопить сердце Ирода, вернее, тот кусок льда, который охлаждал и перекачивал его горячую кровь, но Малтака любила его и умерла сразу же после смерти мужа.

Самаритяне приняли Закон иудеев, и Тора стала для них священной книгой, но это ничего не изменило в отношениях двух народов, враждующих в течение многих веков. Явная и скрытая враждебность иудеев и к Ироду, и к самаритянам объединила царя и Малтаку в брачный союз, но любви к жене у Ирода не было.

Малтака была такой женой, которая нужна была ему в этот период. Глаза ее, темные, как осенняя ночь, становились еще темнее в минуты близости, и даже если это происходило не ночью, то ночь всегда была в глазах Малтаки; это была ночь, затянутая тучами, на ней не было звезд. Она целовала его бороду, как это положено древним ритуалом, и, в отличие от Мариамны, которая проделывала это с отвращением, или других, безразличных к традиции, ее возбуждала эта процедура. Она целовала и целовала ее, приходя в экстаз, потом переходила к широкой груди Ирода, а затем ниже и ниже. Она возбуждала царя. Секс их был скоротечен и происходил в полном молчании. Они вообще говорили мало, и это было плохо, очень плохо. Потому что Ирод нуждался в словах, которые бы журчали, как весенние ручьи в Галилее. Но Малтака была самаритянка — дочь строгого и сумрачного племени — и говорить много не могла, не умела.

В конце 26 г. Август снаряжает экспедицию для покорения Счастливого Аравии. Флот состоял из 80 военных кораблей и 130 транспортных судов, 10-тысячное египетское войско было ядром этой армады. Обод II — правитель Набатей — посылает в помощь Августу около 300 человек, Ирод, не желая ударить в грязь лицом, присоединяет к экспедиции 500 воинов из своей гвардии и проводников.

Поход начался весной 25 г. и окончился полной неудачей. Можно называть различные причины этого поражения: неумелое командование Гая Элия Галла, предательство набатейского визира

¹ Санбаллат — правитель Самарии времен Артаксеркса I (465—425 г. до н.э.).

Силия, о котором так красочно пишет Страбон и с которым мы еще встретимся, беспомощность лоцманов среди мелей и подводных камней неизвестного Красного моря, болезни и т.д. Это не суть важно для нашего повествования. Ирод продемонстрировал свою лояльность, а гибель сотни или двух человек из гвардии мало его волновала. Но было важно другое. Весь Восток знал, об этом неоднократно свидетельствовал Элий Галл, что без проводников Ирода, постоянно спорящих с Силием, корпус был бы погублен полностью. С Галлом Ирод не встречался, у него были другие интересы, он завершал строительство дворца в Иерусалиме, причем одно крыло он назвал в честь Цезаря, а другое — в честь Марка Агриппы. И весь Восток знал это. И еще он женился в четвертый раз в 24 г. до н.э.

Его женитьба не была похожа на предыдущую, где он пытался совершить невозможное — убежать от самого себя. А поскольку это еще никому не удавалось, то и у Ирода тоже ничего не получилось. Боль от утраты Мариамны I уходила в прошлое, вернее, она из острых приступов, вызывающих спазмы, трансформировалась в постоянное и глухое томление, недовольство, ожидание и еще неизвестно что. Иудеи в Александрии и Иерусалиме свободно и часто перемещались из одного города в другой, и случилось так, что несколько лет назад в Иерусалим переехала семья довольно зажиточного купца Бозта. Сын его Симон, почитавший Закон всего более, вскоре стал священником, но это был его потолок: не принадлежа к иерусалимской знати, нельзя было достичь сколь-нибудь высокого положения в иерархии. Впрочем, он был левит.

Дочь его слыла первой красавицей Иудеи, а Ироду, которому уже стукнуло 48 лет, хотелось того, чего он был лишен всю жизнь. Он хотел тепла и уюта, и еще он хотел эту девушку, которую, по иронии судьбы тоже звали Мариамной. Чем-то неуловимым она напоминала Мариамну I, как любая красивая женщина напоминает другую красивую. Ибо законы гармонии и красоты вечны. Ирод еще хорошо помнил Мариамну I. И эта показалась ему тоже прекрасной, несмотря на то, что глаза у нее были синие, редкие для иудеек. И еще между ними не протекала река крови, широкая и полноводная, которая стекалась ручьями из тех сражений, жертв и казней, которые он совершал, борясь за власть. После битвы при мысе Акции и установления порядка в Риме наступило спокойствие,

пусть временное, и в Иудее. Река крови мелела, превратилась в ручей, а затем и вовсе пересохла.

Но между Иродом и второй Мариамной разлилась другая река — река Времени, с каждым часом она становилась все полноводнее, все шире.

Он годился ей в отцы или даже в деды, поскольку девушек в Иудее выдавали замуж очень рано. Он был желчен и сумрачен, она смешлива, легконога, очень подвижна. Мариамна I была царицей, она родилась царицей, и чувство собственного достоинства было у нее в крови, оно было в каждом ее жесте, в каждой усмешке, в каждой улыбке и фразе. И это очень раздражало Ирода, поскольку в нем самом — полуидумее-полуарабе — не было врожденного царского достоинства.

У Мариамны II не было этой противной царственной чопорности, но она знала, как на нее смотрят мужчины и что она очень красива.

В семье Симона недолго обсуждали сватовство Ирода. А о чем, собственно, было думать? Репутация царя известна. Собраться в несколько часов и бежать из Иерусалима, но куда? В Александрию? Не прошло бы и нескольких часов, как их бы настигли. Остаться в Иерусалиме, отвергнув предложение Ирода, тоже нельзя. И поэтому все много говорили и плакали, а потом Мариамна согласилась. Как-никак она становилась женой правителя Иудеи, почитаемого Римом и соседями. Утром следующего дня Симон сообщил Ироду решение. И, надо отдать должное царю, он это оценил.

На следующий день он сместил первосвященника Иисуса, сына Фавита, и назначил на его место Симона — основателя первосвященнической династии Боэтов. Справедливости ради следует сказать, что Симон был более достоин этой роли, чем его предшественник.

Потом состоялась свадьба. Четвертая свадьба Ирода, не такая, какую наспех свершил он с Мариамной I, и даже отличная от свадьбы с Малтакой, принявшей иудаизм, поскольку Ирод женился только на иудейках, пусть новообращенных, здесь он не видел никакого греха.

Очень быстро назначил он свадьбу. Когда солнце склонялось к закату, Ирод пришел в дом невесты со своими родственниками и друзьями. И много-много музыкантов с арфами, флейтами, цитрами, цимбалами образовали живой коридор, играющий и поющий

удивительно чистые и древние мелодии. Мариамна делала все, что предписывают традиции: она кланялась в пояс отцу и матери, она просила у них прощения за причиненные огорчения, она благодарила за все, что вложено в нее и в ее воспитание, и еще она просила благословения. Ирод побывал уже на трех своих свадьбах и множестве чужих — пребывание на свадьбе царя всегда ценилось в Иудее — и мучительно вспоминал, чего же не хватает на этой свадьбе. И вдруг понял: слез. Мариамна II в ожидании замужества выплакала их все. И никогда потом за всю их совместную жизнь Ирод не видел на ее прекрасном лице ни одной слезинки. Она улыбалась, с подчеркнуто ласковой улыбкой стояла на коленях и ждала, пока родители, возложив руки на ее голову, произнесут благословение Иакова с витиеватыми пожеланиями: благочестием она должна походить на Сарру и должна быть любима мужем и почитаема детьми, как Рахиль.

А потом Симон произнес традиционное: «Дай Бог, чтобы ты больше сюда не вернулась». Ему нетрудно было угадать, что она никогда сюда не вернется, потому что Ирод подарил им роскошную виллу на Масличной горе.

Ирод взял жену за руку и вышел из дома, а поскольку дом находился довольно далеко от его дворца, подали носилки, украшенные миртовыми ветками, и друзья неспешно понесли носилки с Иродом и Мариамной мимо гробницы Давида и Соломона ко дворцу.

Ирод предусмотрительно начал свадьбу чуть раньше положенного, учитывая время шествия. Казалось, весь Иерусалим наблюдал за свадьбой царя с красавицей Мариамной II, чем-то неуловимо похожей на Мариамну I и такую отличную от нее, и сравнивал, а старики и старухи горестно вздыхали и причитали: им было жаль ее, такую молодую и прекрасную. Но у Мариамны I и Мариамны II была одна общая черта — они не нуждались в жалости, ибо прекрасно помнили древнюю фразу: «Жалость всегда прячется за спину злорадства».

Возле гробницы Давида и Соломона зажгли факелы, и дым факелов, казалось, нес с собой запах мирры и бальзама, источаемых алебастровыми сосудами, похожими на белые факелы. Дорога была вымощена орехами, жареными колосьями, и еще на нее лили оливковое масло и дешевое эшкольское вино. Это был длинный путь, и солнце уже село.

Около дворца носилки остановились. Ирод взял Мариамну за руку и встал под хуппу¹. Она была белой и заткана золотом, а с потолка спускались виноградные грозди.

В платье с длинным шлейфом, с наброшенным на плечи пунцовым покрывалом стояла она рядом с Иродом, пока он произносил традиционную формулу: «Заявляю, что ты доверена мне по Закону Моисея и Израиля».

Священник повторил эти слова, и она, уже жена царя, смотрела на него своими синими глазами, и казалось, что любопытство всего мира светится в них. Пели «О, ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе». И она, чуть замешкавшись, тоже отвечала словами Соломона: «Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды его». А Ирод смотрел на ее одеяние из прозрачной индийской ткани, финикийского пурпура, тяжелой роскошной египетской драпировки из золототканой материи, доставленной из Парфии и Армении, — ничего этого не было в его совсем недавнюю и такую далекую свадьбу с Мариамной I.

Ирод держал ее руку — маленькую, изящную, белую, с розовыми ноготками — и с некоторым любопытством, как будто давно ее не видел, рассматривал свою собственную руку, умощенную благовониями, еще не морщинистую.

Теперь уже первосвященник — ее отец — прочел трапезную молитву, и все согласно старшинству разместились за столами. Глашатай объявлял перемену блюд, а Ирод наблюдал за Мариамной. Она отвечала на вопросы гостей, аппетитно ела и улыбалась только уголками губ, а Ирод постепенно терял аппетит. Он, не страшась ни цезарей, ни сражений, знавший десятки женщин, почему-то начал опасаться этой девочки с васильковыми глазами. Интуиция не подвела его.

Когда они остались одни, она сразу же сбросила на пол верхнее одеяние со шлейфом и осталась в нижнем, белоснежном, перехваченном золотым поясом. Потом она сняла корону, не сводя с Ирода любопытствующих глаз. Он тоже раздевался, и ему было отчего-то неловко. Потом он взял ее за руку и повел к низкой кровати. Ему казалось, что темнота ночи не в силах скрыть синеву и любопытство ее глаз. Она, эта девочка, без особого смущения дала ему

¹ Хуппа — специальный свадебный балдахин.

раздвинуть ее колени и помогала ему как могла. По ее ровному дыханию Ирод понял, что она не очень устала, но у нее хватило ума подождать, пока он отдохнет и снова начнет гладить ее грудь. И тогда она нежно сказала, вернее, пропела: «Беги, возлюбленный мой, будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических». Это последняя строка из «Песни песней» Соломона, Ирод знал эти песни. Он взял ее во второй раз, но это было все, на что он был сегодня способен, а потом он уснул, а она, опершись на локоть, долго-долго буравила его своими любопытными голубыми, а может быть, синими или васильковыми глазами.

Он приходил к ней вначале несколько раз в неделю, а потом все реже и реже, потому что она встречала его смехом, который перекатывался, как звук колокольчика, не возражала и не спорила с ним — она поступала так, как он хотел, но до дна высасывала и опустошала его. Она была саламандрой, из другого мира. Она родилась в пламени, и, может быть, это было адово пламя. И при ее рождении адский оркестр разучивал «Песнь песней» и некоторые строки повторял много-много раз. И они смешались у нее с кровью, и не было силы, которая могла бы очистить ее кровь. Она предпочитала проживать на вилле отца, слушая соловьев среди миртовых кустов и масличных деревьев. Она всегда стремилась к лесистым местам, к природе, где могла сбросить свое царское обличье, кататься по траве, гладить мхи и говорить с деревьями.

Соглядатаи ничего плохого не могли сказать про нее. Она не встречалась с мужчинами, историю Мариамны I знали в Иудее все. Она, за исключением торжеств и приемов, не встречалась ни с другими женами, ни с Саломеей, ни с кем. Она жила в другом мире, который был ей более интересен и, главное, более безопасен — вот и всё. Мариамна II родила Ироду сына и любила его, воспитав его превосходным и добрым человеком, чтящим иные ценности, как и она сама. А когда Ирод, как-то, лежа в постели, спросил ее, хочет ли она еще детей, она, прекрасно знакомая с контрацептивами, отрицательно помахала пальчиком и сказала: «А ты попробуй», — и уселась на него верхом. А потом она научилась говорить эту дурацкую фразу: «Чего еще пожелает великий царь?» И, как казалось Ироду, говорила ее всегда не к месту. Ее потребности превосходили возможности Ирода, и ему все чаще чудилось, что колокольчик ее голоса напоминает стук копыта о щит.

А роль этого щита играет он, Ирод. Копье же было злое, с зазубринами.

А когда в 5 г., за год до своей смерти, Ирод раскрыл заговор своего старшего сына от Дорис — Антипатра, то обвинил и Мариамну II в том, что она знала о заговоре, но не предупредила его. Так ли это, мы вряд ли узнаем, но, может быть, это и правда, поскольку Ирод давно уже не приходил к ней, а она была молода и по-прежнему красива.

Ирод лишил ее отца сана первосвященника, а ее самое с сыном прогнал из дворца, вычеркнув их из своего завещания. Но поскольку он не отнял у нее любимую виллу, Мариамна II считала, что легко отделалась. Ходили слухи, что после смерти Ирода она вновь вышла замуж и была счастлива.

После женитьбы на Мариамне II Ирод взял еще несколько жен, и с ними ему было легче, потому что женщины типа Мариамны II встречаются редко.

А сын Мариамны II был очень похож на мать. Он женился на Иродиаде, имел от нее дочь Саломею, а когда Иродиада ушла от него к Антипе, сыну самаритянки Малтаки, он не очень огорчился, потому что женщин, как и соловьев, на свете много.

Глава 35

Саломея

Она была красива — младшая и единственная сестра Ирода. Она уступала по внешним данным на редкость изящно сложенной Мариамне I, и это мучило ее. Она была мужественна и исполнена здравого смысла, за исключением тех случаев, когда над ней властвовали страсть или ярость. И все в ней было чересчур. Голова у нее была большая и красивая, крупнее, чем следовало бы: она ладно покоилась на плечах, но слишком уж гордо, по мнению многих, включая Мариамну и ее мать. Ее красивые покатые плечи были тоже слегка полноваты. Страсти кипели в ней не меньше, чем у ее царственного брата, и многие события в Иудее вершились с ее участием.

Ирод был не только великий злодей и великий реформатор. Еще он был великий кровосмеситель. Кровосмешение — частое явление на Востоке, но то, что затеял Ирод со своими потомками, имеет не так уж много аналогов в истории.

По-видимому, Всеведущий не одобрял кровосмешения, но и не отвергал его, возможно, в этом случае он просто занимался другими неотложными делами, коих у него всегда было великое множество, предоставляя судьбе и генетике вершить свое дело. И они справлялись со своими обязанностями. При кровосмешении, согласно законам генетики, физические недостатки и пороки могут усугубляться и вероятность отклонения от норм в поколениях существенно увеличивается. В потомстве Ирода были и глухие, и бездетные, причем их было много. Но генетика подразумевает и иное. Существует вероятность, что и достоинства физические и интеллектуальные также могут вступать в резонанс, и тогда...

Судьба играла в кости, не спуская глаз с потомков Ирода, и Ирод, казалось, всегда наблюдал за играми судьбы с удовольствием, ему они нравились.

У Мариамны I были две дочери: одну из них, Салампсио, Ирод выдал за своего племянника Фасаила, сына старшего брата — Фасила. Пять детей было у Салампсио, и последняя из них — Киприда, внучка Мариамны I и Ирода. Аристовул, средний сын, женился на Беренике — дочери сестры Ирода — Саломеи, и ее второго мужа Костобара. Береника была почитаема в Риме, и у нее было трое сыновей: Агриппа, Ирод и Аристовул. Внук Ирода и Мариамны I — Агриппа I (сын казненного Аристовула) женился на внучке Ирода и Мариамны I — Киприде, и от этого брака было пятеро детей, один из них, Друз, умер ребенком. Агриппа II наследовал трон отца Агриппы I в Иудее, был великими царем и правил вплоть до ее гибели, а еще было три дочери, красивые, умные и, увы, ветреные. Мариамна вышла замуж за Юлия Архелая, а впоследствии, бросив мужа, — за алебарха Александрийского. Друзилла — за наместника Иудеи Феликса, родила ему сына Агриппу и вместе с сыном погибла при извержении Везувия. Молва гласила, что так Господь покарал Феликса и его семью за арест апостола Павла.

Береника, самая знаменитая из них, вначале вышла замуж за своего дядю Ирода Агриппу II, затем, после его смерти, за Киликийского царя Полемона и потом несколько лет была возлюбленной римского императора Тита. Осанка и походка ее, правнучки Мариамны I и Саломеи и двойной правнучки Ирода, славились на всю Римскую империю, и говорят, что в честь нее было названо созвездие Волосы Береники. А может быть, это просто слухи...

Вернемся в 35 год. Мариамна I и Саломея, несмотря на многомесячное совместное пребывание в Масаде, осажденной парфянами и Антигоном, не нашли общего языка. Лишения только отдалили их друг от друга. Саломея старше Мариамны, и в 16 лет она вышла замуж за Иосифа. У них родился сын Алекс. И в том злощастном 35-м году Ирод, обласканный и успокоенный Антонием (после убийства Аристовула III), возвращается домой живым и даже окрыленным. А через несколько дней велит казнить Иосифа. Виною тому фраза, которую Мариамна I уже несколько дней, словно гольш, катала во рту: «Чего стоит твоя любовь ко мне, если ты приказал Иосифу убить меня?»

Разные точки зрения у Мариамны I и Ирода. В рыцарском мире, в котором живет Мариамна, женщина ценна. Спасать в первую очередь женщин и детей — традиционное поведение иудеев. В мире

Ирода, как, впрочем, и у некоторых других народов, например индийских племен, считается, что «жена не должна пережить мужа».

Ирод взбешен. «Иосиф предал меня из-за любви к моей жене!» — кричит, вернее, рычит он. Слуги, слышат это и в страхе прячутся. Ирод бросается в покои Саломеи, благо они рядом. Сестра поймет брата, она скажет правду: ведь речь идет не только об измене Мариамны, но и о жизни и смерти собственного мужа Иосифа. Как Фемиды, держит Саломея весы, где лежат судьбы Мариамны и Иосифа, но эмоции берут у нее верх над разумом. Гнев Ирода уже достиг апогея, он, как разъяренный бык, ничего не слышит и не видит, роя землю копытом. Только Саломея может ухватиться за кольцо спокойствия в носу разъяренного быка — ее брата, но она упускает этот шанс. Ни в чем сейчас так не нуждается Ирод, как в том, чтобы Саломея обняла его и погладила по голове, как мать в детстве, успокоила, убедила бы, что его подозрения напрасны. Ирод готов был поверить ей. Но этого не происходит. Саломея поджала губы, в душе ее тоже поднимается волна гнева. Она давно ревнует своего мужа к Мариамне и злится за это на них обоих.

— Они, они — заламывает она руки и говорит что-то гневное и несурзное, подливая масла в огонь.

— Казнить, — вопит Ирод и выбегает из комнаты сестры.

Иосифа тут же и казнили. А наутро потрясенная Саломея узнала, что Мариамна, почувствовавшая опасность благодаря своей женской интуиции, нашла нужные слова, чтобы укротить ярость супруга, и всю ночь провела в его постели. В эту ночь, ночь их примирения, она зачала свою старшую дочь. Адонай, видимо, внял ее молитвам и защитил ее, совершенно невиноватую перед мужем. Да и вины Иосифа не было ни в чем. Он не предавал Ирода, а просто поддался чарам Мариамны и проболтался — только и всего.

«Время собирать камни». Ирод идет к Саломее — пострадала от его гнева только она одна. Он боится, что скажет сестра, которая, как и мать, может говорить ему все. За ней право члена его семьи. Однако Саломея приняла его лучше, чем он ожидал. Она не плакала, не билась в истерике, не упрекала брата.

— Почему ты не пощадил моего мужа, как пощадил свою жену? — задает вопрос Саломея, бледная, как снег, но Ирода не пугает ни холодность сестры, ни ее бледность. Ласки Мариамны ему дороже всего на свете.

Иосифа торжественно похоронили.

Через несколько месяцев Саломея приходит к брату по важному делу. Она садится и смотрит на него тяжелым, долгим, немигающим взглядом. Ироду понятно, зачем она пришла. Виноват в ее вдовстве он, ему решать этот вопрос.

У Ирода уже много если и не друзей, то единомышленников. В ходе государственных дел и военных походов сложился определенный круг преданных людей, которые с пониманием и восхищением оценивают его военные таланты и политическую дальновзоркость. Среди них Костобар — идумей знатного происхождения, примкнувший к Ироду незадолго до штурма Иерусалима. Ирод верит ему, насколько он вообще способен доверять. Костобар знатен, что очень важно, отважен и, наконец, он идумей, что лучше, чем иудей. Да и возраст подходящий. Он давно уже должен быть женат. В несколько дней Ирод устраивает эту свадьбу. Ни Саломея, ни Костобар не возражают. Через год у них родилась дочь Береника. Она выросла спокойной, рассудительной, красивой. Ей не было еще 14 лет, когда Ирод отдал ее в жены своему внуку Аристовулу.

Многие в Иудее, а особенно в Идумее считают, что Костобару повезло. Начальник дворцовой стражи стоит очень близко к трону.

У Костобара есть грех. Ирод, захватив Иерусалим, последовал обычаям Рима времен Суллы. Все явные и сочувствующие Антигону были хладнокровно вырезаны, в особенности шла охота на хасмонеев. И Костобар, принадлежащий к касте жрецов, еще недавно служивших идолу Кстозе, отдает непонятный приказ: его стража выпускает за стены Иерусалима знатное семейство Бен-Баба, принадлежащее к хасмонейскому роду. Костобар селит их, трепещущих, напуганных, в одном из маленьких оазисов в Идумее и в течение 10 лет укрывает от глаз и доносчиков Ирода.

В 31 г., за год до смерти Клеопатры, Костобар пишет ей письмо, которое начинается словами: «Великой и прекраснейшей». Он видел Клеопатру лишь однажды, но слово «прекраснейшей» — а Ирод дал почитать перехваченное письмо Саломее — решило его судьбу. В письме шла речь о независимости Идумеи, о том, что было бы хорошо, если б Клеопатра потребовала у Антония эту страну для себя. Идумея не должна находиться под властью иудеев.

В Иудее, с прекрасно поставленным там сыском, нельзя было безнаказанно писать подобные послания. Письмо было перехвачено. Ирод велел схватить Костобара, участь его, казалось, предreshена.

Костобар умно защищается: он лишь хотел свободы для своего народа. На самом деле расчет его другой: прекрасно понимая, что из Египта, охваченного войной с Римом, нельзя управлять Идумеей, он надеется, что Идумея станет его царством.

Ирод даже и разбираться не хочет в причинах поступка Костобара. Губы его начинают хищно подергиваться. Тут к нему приходят мать и Саломея. Мать только смотрит на него, глаза ее умоляют о пощаде. Саломея не теряла времени даром и успела настроить мать. Ирод колеблется, и тут Саломея встает и, подбочась, смотрит на Ирода. Взгляд ее тяжел, как тогда, в день казни ее первого мужа. «Тебе мало Иосифа?» — говорит она. И Ирод машет рукой. Костобар выпущен, но жизнь его превращена в ад. Его не отпускают ни на шаг без сопровождения, даже на охоту, он под надзором. И ему остается только вспоминать те замечательные охотничьи вылазки за дикими ослами, оленями и свиньями — их много в этих местах. В двадцать с небольшим лет очень трудно смириться с лишением свободы, и Костобар льнет к жене: она спасла ему жизнь, она его опора на этом острове, имя которому дворец Ирода, где на протяжении многих лет к нему относятся как к прокаженному.

Только друзья его юности, вместе с ним приехавшие к Ироду из Идумеи, — Лисимах, Гадий и Досифей бросают вызов царю. Они общаются с Костобаром. Они знают, что Ироду доносят об этом, но пренебрегают опасностью. В конце концов они ничего плохого не делают, а только разговаривают, иногда трапезничают с мужем сестры царя. Проходит много лет, и Ирод иногда кивает Костобару, отпускает на его счет короткие ироничные реплики, приглашает с собой в поездки.

Жизнь продолжается. Липкая жара клешнями охватила Иерусалим, и не оставляла его даже ночью, только добавляя в воздух влагу, чтобы осадить на телах пот, особенно если тому способствуют интимные дела. Разомлевший от жары, от скуки, от влажного и горячего тела Саломеи, Костобар рассказывает ей свою тайну.

Вот уже девять лет он «дергает тигра за усы» — хранит страшную тайну от Ирода. После смерти Гиркана II в Иудее не осталось мужских потомков хасмонейского рода, которые могли бы вызвать смуту или претендовать на престол. После занятия Иерусалима Ирод, может быть, и не совсем четко провел грань между живыми

и мертвыми, но уж между живыми и наиболее чтимыми иерусалимскими потомками хасмонеев он воздвиг могучую стену, и смерть помогла ему. Только одна семья, он знает это доподлинно, одна семья чудесным образом исчезла из Иерусалима. Ирод не очень верит в демонов, но, может быть, здесь все же не обошлось без вмешательства сил из иного мира. Прорицатель говорит, что они живы, но он же предсказал и десятки лет жизни Ироду, поэтому царь не очень беспокоился об их исчезновении.

Костобар рассказал Саломее про эту семью, и услышанное ужаснуло Саломею. Она, как и ее брат, — ярые поклонники Единого Сущего. Даже враги никогда не могли поставить Ироду в упрек отступление от канонов веры, если не считать его жестокости. Но жестокость не отменяет веры. Она существует сама по себе, и люди, признают ее и боятся.

Саломея всматривается в молодое, но какое-то угасшее лицо мужа, напоминающее сухую траву на берегу Мертвого моря. Страдания и слезы имеют вкус соли, которая наполняет этот глубочайший разлом в земле, словно специально созданный Всемогушим в Иудее для того, чтобы вместить сюда все слезы, все горести избранного им народа, а потому обреченного на вечное страдание, ибо нелегко, а иногда и просто невыносимо нести бремя избранника Божия.

И кажется Саломее, что лицо ее мужа осенено печалью, и печаль эта оставила три чуть заметные борозды на его челе, три борозды, образующие букву «шин» — знак посвященных и обреченных, ибо с этой буквы начинается имя Господне.

Щемящее чувство охватывает Саломею: может, жалость, а может, любовь. Рывком срывает она с себя рубашку из тончайшего шелка и полной, упругой грудью проводит по лицу Костобара. Ее нежный и мягкий сосок касается его губ, и они, словно ленивая и сытая рыба, причмокивают, заглатывая сосок, как наживку. И сосок, словно понимая, что ему надо делать, совершает неспешное движение от одного уголка рта до другого и обратно, твердея и набираясь в пути властной силы. И все существо Костобара мгновенно откликается на это преображение, и он входит в Саломею. Секс их прян, как ладан, и скоротечен. Неудовлетворенной, удивленной и обиженной выглядит Саломея. Приподнявшись на ложе, смотрит она на мужа. Он лежит на постели, руки его закинута за голову, правое колено приподнято, а знак «шин» еще отчетливее

стал виден на его лбу, на который падает луч света, прорвавшийся через шторы. И пылинки совершают в луче света медленный танец, неслышно касаясь лба Костобара, и кажется ей, что снежинки, а не пыль остаются на лице мужа, точно такие же снежинки, какие падали ей на лицо в день первой ее свадьбы.

Костобар поднимается, одевается и уходит. После этого дня Саломея еще больше ластится к нему, а он все больше мрачнеет. Какой-то червь, поселившейся в нем, порожденный влагой и чернотой той ночи, ночи признания, сверлит его одной мыслью: «Ах, зачем я все рассказал ей?»

У Костобара нет оснований не доверять Саломее или сомневаться в ней, но такова уж человеческая натура. Котел, в котором томится Костобар, подогревается не огнем, а временем, и жар, который исторгает из себя время, совсем другой природы, чем пламя. Этот жар прижигает, подобно йоду, и навевает забвение, что является великим лечебным средством, но, в отличие от реального пламени, он двойствен. Горе тому, в чьи жилы проникнет жар времени, ибо только звук раковины, в которую шулки ради любил дуть молочный брат Зевса, сын вскормившей его козы Амалфеи, способен выделять нечто подобное с телом. Исушает кровь, прерывает дыхание этот звук и вызывает нестерпимое желание совершить над собой Нечто. И жар времени делает то же самое.

Костобар, желая спасти последних представителей хасмонейского рода, рассчитывал на то, что в случае поражения Ирода эта семья Бен-Баба придет к власти в Иерусалиме и официально признает независимость Идумеи, о троне которой так мечтал Костобар. Задумано это было еще до того, как Ирод решил выдать за него свою сестру. Возможно, что, будучи уже женатым, Костобар поступил бы по-другому. А в общем-то, это был не трезвый политический расчет, а просто мальчишество. В результате Ирод объявил награду за поимку этой семьи, а план Костобара потерпел крах.

На десятом году совместной жизни с Саломеей для Костобара наступает злосчастный день, который вначале был так хорош, а затем имел очень плохие последствия.

Лисимах пригласил его на мужскую пирушку. Поводом послужил какой-то полузабытый идумейский праздник. Присутствовали все четверо друзей. Они едят мясо ягненка, вымоченное в гранатовом соке и жаренное тут же на костре из веток тамариска и кедра,

они пьют вино из тутовника, изготовленное по старинному рецепту с корицей и кардамоном. Пьют и виноградное вино — эшкольское, благо эта местность рядом. Лисимах поставил шатер в стороне от дороги, прямо на мягкой и сочной траве. В шатре лежат ковры из шкур коз и овец, и эти ковры из шерсти переходят за шатром в ковер из трав и цветов. Костобар млеет, ему кажется, что он далеко-далеко от Иерусалима, дома в Мариссе. Выгнув руки, он катается по ковру и чуть ли не повизгивает от удовольствия. Лисимах велит зажечь благовония. Тягучий запах смолы стиракса¹ смешивается с запахом мирры, легкой дымкой плывет и тает в воздухе.

Тихо зазвучали цитры, и появились четыре танцовщицы, одетые в красное, голубое, зеленое и желтое. Слуги зажгли светильники, пламя колеблется под тихим ветерком и как будто тоже танцует вместе с девушками, звезды, присоединяясь к ним, кажется, водят хоровод вокруг разомлевших мужчин.

— Ты мой гость, и тебе выбирать первому, — слышит Костобар голос Лисимаха.

Девушки танцевали совсем близко. Их волнующиеся и прозрачные костюмы разжигают воображение, подогретое вином и вожделением. Десять лет не было у Костобара другой женщины, кроме Саломеи, и сейчас он жаждал наверстать упущенное. Девушки были красивы и обольстительны, но танцевали плохо — видимо, не танцы их главное призвание. А смесь тутового и виноградного вина привела мужчин в состояние невесомости: ковер из трав и цветов, на котором они лежали, и звезды, как им казалось, поменялись местами, и когда они покачивались среди звезд черного неба, то оттуда еще лучше было любоваться почти нагими танцовщицами.

Танцовщицы часто падали, потому что трудно танцевать не падая, особенно когда хорошо заплатили. И его избранница, одетая в зеленое, тоже упала прямо около светильника, красиво изогнувшись и высоко подняв левую ногу. Костобар увидел ее всю: от маленьких ног до тонких трепещущих рук с длинными пальцами. (Саломея была короткопала.) Руки танцовщицы были похожи на листья пальм, зеленых и грациозных, которых так много в Мариссе.

Он встал, шагнул к своей избраннице, помог ей подняться. Потом взял ее за руку, а другой рукой подхватил кувшин вина. И они ушли в теплую непроглядную ночь.

¹ Стиракс — кустарник, который дает благовонную смолу.

Почему Костобар выбрал именно эту девушку? Он не думал об этом. За него решали его подсознание и вожделение. Может, потому, что в ней было то, чего нет у Саломеи. Она вся какая-то теплая и близкая, не переставая его гладить и ласкать, она щебечет и стонет. Ее легкие стройные ноги двумя белыми лучами светятся в ночи, взлетают и сплетаются над Костобаром, как лебеди. А лоно ее как маленькая змейка, поймавшая крупную саранчу, и сейчас оно совершает частые-частые движения, заглатывая добычу. Маленькие груди ее тверды и уютно помещаются в его ладонях, а ребра пружинят, и Костобар чувствует это, прижимаясь к ней крепко-крепко. И, конечно, она умеет много больше, чем Саломея.

Утром друзья с огромным трудом отрывают Костобара от девушки. К полудню он уже дома, просит вина, много пьет и заваливается спать.

Ирод всегда и все держит под контролем. Соглядатаи его крались, дружной компанией, стараясь не потерять никого из виду, а когда наступила ночь и светильники были видны издали, двое бедуинов, которые видят в ночи, как совы, неслышно подобралась поближе к пирующим. Один из них, завидуя и восхищаясь, провел ночь в нескольких шагах от Костобара и все, чего не увидел, сам домыслил.

Днем Ирод принял бедуинов с докладом или, скорее, доносом. Говорил больше тот, который оказался рядом с Костобаром. У него была душа поэта, и красочен был его рассказ, со множеством ярких деталей. Он так расписал это свидание, что вожделение охватило Ирода, у него стало на редкость хорошее настроение. Костобар и его друзья не замышляли козней против него — это было хорошо, не помышляли о побеге — и это тоже понравилось царю, и еще он предвкушал такую же встречу с танцовщицами, со всеми четверьмя сразу. Его естество так властно вдруг потребовало их, что полы хламиды Ирода заволновались. Ирод, захватив с собой хорошее настроение, пошел к сестре, громко стуча посохом по яркой мозаике пола. По этому стуку домочадцы легко определили веселое настроение царя и не прятались, а, наоборот, высыпали во двор. В минуты хорошего настроения Ирод бывал щедр.

Он пригласил Саломею на обед. Они обедали вдвоем. Ирод с удовольствием описал ей ночное приключение Костобара. Ему это удалось — что-что, а воображение у него было богатое. Но фантазия

Саломеи не многим уступала воображению брата. Взор ее проникал сквозь Ирода и концентрировался далеко за его спиной и дворцом, и в месте его сосредоточия возникал демон, черный и злой. Она впитывает рассказ Ирода, как губка, благодарит сдержанно, одним словом, одними губами и покидает царя.

Молча стоит Саломея над спящим Костобаром, затем, не в силах больше сдерживать муку, исторгает легкий стон и уходит. Ирод, привыкший находить у людей слабые струны, а затем играть на них, и здесь совершенно неосознанно, просто по привычке, поступил так же. Красочно описал он сестре, сколько раз и как долго любил Костобар танцовщицу, и поздравил ее с таким замечательным мужем. У иудеев было табу на подобные темы, но Ирод был из идумеев, ему простительно.

Саломея в бешенстве: десять лет живет она с Костобаром, десять лет проводит она с ним ночи, и никогда не был он с ней так пылок, как с танцовщицей. Чем же она хуже? В последний год она нянчилась с Костобаром больше, чем с Алексом — своим сыном, и оберегала его как могла. У нее никогда не было любовников, она верна мужу и требует от него того же. Она садится за стол и пишет разводное письмо, отправляет его со служанкой, садится и смотрит в одну точку, не моргая. Мысли ее бестолковы и суетны. Затем они несколько упорядочиваются, и Саломея понимает тщетность своего эмоционального порыва. В Иудее женщина не может просить развода. Это привилегия мужчин. Она сидит и ждет, ждет, когда проснется Костобар, чтобы высказать ему все, что она о нем думает.

Солнце уже склонялось к закату, когда Костобар наконец проснулся. Бойкая служанка — любимица Саломеи — оказывается тут как тут и, сверкая белками глаз, скороговоркой выпаливает: «Госпожа ждет господина к себе». Как только он вошел в покои жены, Саломея выливает на него целый ушат упреков в измене. Костобар остолбенел от неожиданности. Если бы гнев Саломеи не был так силен, а голос — так громок, может быть, Костобар и нашел бы подходящие слова для своего оправдания. Если бы он бросился к ее ногам, целовал и просил прощения, то Саломея смягчилась бы. Но такого напора ее он не вынес. Он не находит слов и молчит. А прекрасная танцовщица перед его мысленным взором изгибается в призывном танце, и ноги ее белыми лучами вновь уходят за край земли. Он по-прежнему молчит и только улыбается. Это еще больше

злит Саломею. Все известные ей бранные слова извлекает из своей памяти Саломея, паскудником называет она его, изменником. Ты и Клеопатру называл прекраснейшей — припоминает она ему прежний грех. И, хлопнув дверью, уходит.

Крупные яркие звезды появляются на небе. Саломея ненавидит эти звезды, словно это они, а не танцовщица, совратили ее мужа. Она идет к Ироду и рассказывает ему о тайне Костобара — о семье Бен-Баба, о роли в их побеге Костобара и его друзей. Она знает, что этим подписывает своему мужу смертный приговор, но разум в эти минуты слишком далек от нее.

Ирод серьезно отнесся к ее словам и велел схватить друзей Костобара, а также разыскать хасмонеев. Он давно и забыл о них, власть его крепка и устойчива, но зачем рисковать?

Наутро ему доложили, что Гадий и Досифей во всем сознались и молят о прощении, а Лисимах молчит, понимая, что его уже не спасет никакое признание. Посланный в Идумею отряд через четыре дня возвращается с несчастным семейством. Во дворец их приводят ночью, как велел Ирод. С насмешкой смотрит Ирод на плененных, отлично понимающих, что их ждет. Он велит поставить во дворе виселицы. На вопрос, кто подлежит казни, он отвечает односложно: «Сюрприз». Во второй половине дня при большом стечении народа царь устраивает казнь вначале хасмонеянского семейства, а затем и друзей Костобара. Зять его присутствовал при их казни в качестве зрителя. Когда первое действие этой драмы закончилось, тесть заявил Костобару: «А теперь твоя очередь».

Но насладиться страхом Костобара и его мольбами о прощении Ироду не довелось: Костобар уже при виде хасмонеев понял, что его ждет, а поскольку не был трусом, то спокойно и горделиво проследовал к виселице, и мечтательная улыбка была у него на устах, потому что танцовщица манила его за край земли. Впрочем, мужество Костобара не ухудшило настроения Ирода. Вечером, при свете звезд, на гладком мозаичном полу террасы плясали танцовщицы. И Ирод с каждой из них наслаждался душой и телом на мягком ложе, устланном пушистым ковром. Целую неделю он был счастлив, особенно с той длинноногой, с которой так хорошо было Костобару.

А Саломея вновь осталась вдовой.

Глава 36

СЫНОВЬЯ МАРИАМНЫ I

С 27 по 25 г. до н.э. Октавиан Август бывал в Риме только наездами. Племена северо-западной Испании, Астурии и Кантабрии никак не хотели признавать владычество Рима, и потребовались огромные усилия — военные и дипломатические, а также личное присутствие Августа, — чтобы здесь, на самом западе Римской империи, наконец-то воцарился мир. И теперь он, консул, избираемый ежегодно вопреки законам и духу республики, но победитель и безусловный властитель, вернулся в Рим. Меценат, которого тяготила печать Августа и обязанность принимать решения, был счастлив, пожалуй, более всех, он с удовольствием избавился от своих обременительных гражданских обязанностей и вернулся к неге и удовольствию творчества. И еще он, конечно, известил своего друга Николая Дамасского, что Цезарь вернулся.

Ирод незамедлительно собрался в Рим и прибыл туда в начале осени 25 г. Уже через четыре года или что-то около этого, он не видел Августа, и накопилось множество вопросов, специфических восточных, которые надо было обсудить. И уже настало время дать детям образование — конечно, римское, расширить их кругозор, усовершенствовать те скудные знания латинского языка, которыми они владели.

Ирод отплыл из Кесарии Палестинской. Его сопровождала очень небольшая свита и Николай Дамасский. Сыновья Мариамны были с ними. Чудесное бархатное Средиземное море играло лиловыми, бирюзовыми и зелеными волнами, на которых пузырилась белая пена, придававшая волнам нарядный вид. Море пело ветрами, тихими, ласковыми и порывистыми, и оно было горько-соленым. И мальчики, на чьих губах высыхали брызги моря, находили его более вкусным, чем горький миндаль, обжаренный и покрытый медом.

— Господин мой, — обратился Дамасский к Ироду, — ты знаешь, что роднит иудеев и римлян? Море. И те, и другие — сухопутный народ, но и те, и другие любят море.

Ирод, который в это время тоже пробовал море на вкус, молча согласился с философом. Мальчики слышали слова Дамасского, не всё поняли, но запомнили.

А потом был Рим. Август выслал навстречу им кортеж, потому что император обязан привечать царей дружественных государств, пусть даже вассальных.

Цезарь принял Ирода сразу же, правда ненадолго, он спешил, за три года его отсутствия у него самого накопилось множество проблем. Ирод представил сыновей. И их румяные мордашки с точеными чертами понравились Цезарю. Они были непосредственны, иногда чуть-чуть комплексовали, но смотрели весело и задорно. А глаза у них были огромные, их осеняли длинные пушистые ресницы, такие же черные, как и волосы на их кудрявых головках. У них была величественная осанка, доставшаяся им от матери — незабвенной Мариамны и от самого Ирода. «Они годятся в правители», — подумал Август. Полюбовавшись детьми, он обратился к Дамасскому:

— Тебе так не терпелось увидеть меня, что ты не дождался моего приглашения? — Тон его был ироничен.

— Мне известно, — ответил Дамасский, — что ты, Цезарь, совершил много славных деяний в Испании, и потомки должны знать о них. А для этого мне следует их записать. Затем я и приехал.

Октавиан, который не раз читал записки Юлия Цезаря, был в восторге от их точности и занимательности. При этом он нашел в себе мужество признать, что сам не обладает литературным даром. Однако он согласился, что было бы неплохо записать для истории все, что касается присоединения к Риму западных провинций, совершённого им самим. Поэтому в целом слова, сказанные Дамасским, ему были приятны.

— Лстец, — сказал Август, — а впрочем, кто-то действительно должен рассказать об этих походах.

На секунду чернота неба и яркость звезд астурийских ночей припомнились ему. Когда он выходил из палатки, чтобы послушать крики далекой кукушки или просто прикоснуться к ночи, сказки Дамасского невидимым, но осязаемым полем окружали его, и они

были лучшей защитой от тех мелких пакостей, которые ночью имеет обыкновение насылать Танат¹.

— Хорошо, оставайтесь, — скрипучим и нарочито недовольным голосом сказал он.

Но обмануть Дамасского ему не удалось, тот понимал, что стрела лести на этот раз точно угодила в цель.

Потом Август перебрислся парой фраз с Иродом, назначил время следующей встречи и предложил поселиться в его дворце. Ирод вежливо отказался. Друг его отца первым сделал ему предложение, и, по восточным обычаям, он не мог отказать. Он почти-тельнейше просит извинить его, но он с мальчиками поселился у Азиния Поллиона. Август улыбнулся, но не настаивал. Ирод всегда стремился сохранить независимость.

Азиний Поллион, внук одного из предводителей италиков — Азиния Герия, получивший за победу над далматами триумф в 30 г., в отличие от Августа вовсе не обязан был быть сдержанным. Наоборот, все существо его многогранной натуры сразу же переключилось на Ирода и его детей, и они были заморожены этим маленьким некрасивым человечком, говорящим на всех языках сразу и опекавшим их с поистине царской роскошью, искренне и ненавязчиво. Ирод буквально купался в этой искренности, потому что этим простым человеческим качеством он был обделен, впрочем, это относится вообще к большинству правителей. Поллион составил расписание, по которому, как это принято в Риме для людей с их положением, во второй половине дня, ближе к закату, они будут совершать визиты. Утро они могут посвятить знакомству с городом. Обедать, разумеется, будут у него, потом отдых, и далее они принадлежат Риму.

Каждый день с утра после легкого завтрака совершают они экскурсии по величайшему городу мира, часть пути идут пешком, когда устают, садятся в паланкин. Им все интересно. Они начинают свое знакомство с городом от Палатина, идут мимо Дома Августов, мнут Большой цирк и Большой рынок с его огромнейшим разнообразием товаров, здесь, в особенности в ювелирных лавках, мастерских, в изобилии имеется все то, чего просто не может быть в Иудее. Мраморные скульптуры богов и богинь, нагих и слегка прикрытых

¹ Танат (Танатос) — в греческой мифологии олицетворение смерти.

и поэтому еще более прекрасных, стояли в одиночестве на небольших мраморных пьедесталах либо собирались в группы и совершали танцы, застывшие и неизвестные. И все они были удивительно красивы. Изображения были везде. Они были в бронзе, в электро-не, в коринфской бронзе — очень дорогой, черной с золотым отливом, затаившимся в самой глубине металла и придававшим ему теплоту. Огромное множество картин, камней, амулетов навязчиво предлагалось всем. В особенности группе Ирода, странной и величественной, и по которой сразу же было видно, что они в состоянии покупать. С трудом иудеи отрывались от этой красоты, и долгие годы у них в памяти оставались эти изображения и еще те, которые они видели близ Форума. Там ювелирные лавки были еще богаче, а изображения казались еще бесстыднее, и они слишком часто за-ползали в разум, отвлекая его от благочестивых мыслей, от контак-та с Всевышним. Ибо великий грех в мыслях обратиться к Пред-вечному и в этот момент осознать, что у тебя в голове пляшет какой-то фавн. Страшная сила таится в изображении живого, и тысячу раз был прав Адонай, запретивший избранному народу мешать правду живого с вымыслом. Это удел греков. Потому что ре-альность в сочетании с вымыслом гораздо страшнее и действеннее, чем сама реальность. А потом они двигались в сторону от Рима по прекрасной и известной Аппиевой дороге, возвращались, переходили на Остийскую дорогу и через Авентин двигались к Тибру, к Тор-говой пристани, где тоже продавали все что угодно, в особенности рыбу и продукты моря, и дети, никогда не видевшие крабов, каль-маров, скатов, лангустов, смотрели на шевелящуюся массу, удиви-тельную и пахнущую, и не могли оторваться. На следующий день они перебрались через Тибр по Свайному мосту, но углубились в левобережье недалеко: беднота селлась здесь, и здесь толпились люди, уже теряющие человеческий облик. Ирод велел повернуть обратно, у разбойников, которых он безжалостно уничтожал в Иудее, было гораздо больше одежды, чем у этого сброда. Они хо-дили только в грязных набедренных повязках, а Ирод приехал в Рим не для того, чтобы видеть нищету.

Они прошли Бычий рынок, миновали то место, где в будущем Август воздвинет театр Марцелла, полюбовались театром Помпея и двинулись дальше мимо Марсова поля вдоль Тибра. Они пересек-ли Фламиниеву дорогу в том месте, где в будущем будет стоять

мавзолее Августа, и углубились в сады Помпея, Лукулла, Саллюстия и Мецената. О, какие это были замечательные места! Лебеди плавали величаво, переплетаясь длинными шеями в немыслимо красивом белом изяществе. Огромные страусы пробегали мимо них, и прекрасны были фламинго. Павлины, которых было много и у Ирода, небрежно роняли в траву свои перья, на которых были удивительные узоры, напоминающие глаза антилоп, газелей и серн, которых здесь было множество. Все живое резвилось среди статуй, бассейнов и тенистых деревьев, и самое прекрасное в Риме были сады — так они решили. А потом они дошли до того места, где сходятся Тибуртинская, Пренестинская и Лабикская дороги и, завершив путешествие по периферии Рима, направились домой. Еще один день они походили по центру, у склонов Капитолийского холма, мимо Форума, вначале пошли в сторону храма Божественного Цезаря, Кастора и Поллукса, дошли до Священной дороги, а затем вернулись к храму Юпитера Капитолийского, где насмотрелись на шарлатанов, торгующих чудодейственными снадобьями. А рядом была улица гадалщиков, толкователей и тавматургов¹. Она шумела и агала, а чуть поодаль показывали свое мастерство фокусники, и некоторые исторгали изо рта пламя, чем привели детей в неописуемый восторг.

Это было их самое счастливое время в общении с отцом. Больше Ирод не гулял с ними по Риму, его ждали дела и беседы с Октавианом, а потом ему это все как-то наскучило либо его ждали дела — никто не знает, что происходило. Ирод распростился с ласковым и прекрасным Римом и отплыл в Иудею, похожую на рану, горячую и кровоточащую, — но это была его страна, и он любил ее.

А через две недели в Иерусалим гонец принес страшную весть: Фасаил, его младший сын, носивший имя его любимого старшего брата, заболел и умер неизвестно от какой болезни, но быстро и без мучений. Это было далеко в Риме, и лицо сына, которое Ирод хотел вспомнить в тот день, сразу же превращалось в лицо Мариамны I

У иудеев не было культа рыбы, хотя она и не была для них экзотическим блюдом. Нашествие македонцев, а затем и открытость границ для греков и римлян, любивших рыбу, не изменили

¹ Тавматурги — чудотворцы, переходящие из города в город.

приверженности иудейского народа к растительной пище и мясу. О римлянах можно было сказать нечто противоположное: рыба, продукты моря, как и само море, были культом, обожествляемым и почитаемым. Рыба была на каждом столе — в доме сенатора, всадника, на столе вольноотпущенника и раба. В богатых домах предпочитали барабульку, губана и особенно хищную мурену. По Риму ходили легенды, что во времена Суллы мурен, кстати, давно содержавшихся в садках и бассейнах, кормили или, вернее, прикармливали рабами, впрочем, проверить или опровергнуть эти слухи было невозможно.

Август, отнюдь не стремившийся к отмене рабства, тем не менее все больше склонялся к положению, которое существовало на Востоке, в частности в Иудее, раб — это тоже человек. Ему полагалось есть, спать и отдыхать, и вольноотпущенников, с легкой руки Августа, в Риме становилось все больше и больше. Впоследствии, во времена Калигулы и Нерона, власть вольноотпущенников переходила все мыслимые границы. На то были свои причины. Помимо того, что вольноотпущенник был знаком хозяину в течение многих лет, иногда с детства, зачастую они вместе росли, были и другие причины: вольноотпущенник практически не мог предать, в этом не было смысла. Он не был полноценным жителем Рима, и существовать без патроната ему было сложно. Все императоры разрешали отпускать рабов на волю. Но надо было быть Августом, чтобы понять ценность закона, запрещающего без нужды покушаться на жизнь даже раба.

Азиний Поллион давал обед в честь императора Августа, готовящегося к отъезду в Грецию. Сыновья Ирода — Александр и Аристовул присутствовали здесь. Юноши уже получили приказ отца о возвращении. У них не было в эту пору никаких разногласий с отцом. Три года безоблачного, счастливейшего периода их жизни в Риме подходили к концу. Как губка, они впитывали аристократизм Рима, его дух, демократию, лень, презрение, иерархию, сибаритство и многое другое. Они просто купались в информационном и эстетическом поле самого цивилизованного города древнего мира.

Они были на обеде, они прощались с Римом, предчувствие как бы витало над ними, но это не было четкое представление неизбежного, нет, это была легкая неосознанная тоска. Вилла Поллиона находилась на берегу Адриатического моря, поэтому бассейн был

соединен с морем небольшой протокой, перегороженной сеткой, через которую все время поступала свежая вода.

Вся римская богема была здесь. Император тоже почтил своим присутствием столь любимого им Поллиона.

Гай Вальгий Руф — знаменитый автор элегий — о чем-то шептался с Луцием Варием — трагическим и эпическим поэтом, слушающим больше собеседника, чем себя.

Гай Саллюстий Крисп, отказавшийся от всех гражданских должностей, на протяжении многих лет предлагаемых ему Августом, и предпочитающий щедро сорить деньгами.

Альбий Тибулл — известный поэт с внешностью аристократа, коим он в действительности и был, вел светскую и пустую беседу с Гаем Цильнием Мecenатом, покровителем Горация, Вергилия, действительно любящий всех и всё, кроме гражданских обязанностей.

Облокотившись на роскошную подушку и утопая в ней, отрешенно смотрел на голубизну бассейна Марк Лоллий — с внешностью шута, остроумный и всеми любимый неизвестно за что.

Марк Валерий Мессала Корвин — надушенный и изнеженный полководец, оратор, историк, любитель женщин, сибарит, обладающий еще множеством эпитетов.

Квинтилий Вар из Кремона, умерший через несколько месяцев после этой встречи и горько оплакиваемый Горацием и Вергилием, который в силу своей полной бесталанности к стихам был замечательным слушателем и любим ими обоими. И еще он был отцом того самого знаменитого Квинтилия Вара, который, как было угодно року, словно в память о мимолетной встрече их отца с сыновьями Ирода и Мариамны, впоследствии своим молчанием вынес смертный приговор Антипатру, посодействовавшему смерти братьев.

Вергилий очень внимательно слушал хозяина дома, красочно рассказывающего о походе Элия Галла в Счастливую Аравию. Он хотел включить эпизоды этого похода в свою историю гражданских войн, полагая, что это придаст ей остроту и экзотику, но не вполне понимал, как это лучше сделать.

Гораций, уже изрядно захмелевший и не склонный к излишней веселости, читал:

*Коль он сольется с толпами девушек,
То незнакаца, хоть прозорливого,*

*Введут в великое сомнение
Волны кудрей и черты девичьи!...*

А они смотрели на танцовщиц. Исполняемый ими кордак¹ звал в запретное, в прозрачность их одеяний. Гости не могли оторвать глаз и были слегка раздосадованы, что их вовлекают в разговор. Это была римская богема, она была умна и любопытна. Восток еще не потерял своей магии, а чары Клеопатры – этой великой скандалистки, так безвременно ушедшей, еще витали, если не над всем Римом, то по крайней мере в салонах. В Египте не было и еще тысячелетия не будет фигуры, равной ей, поскольку боги наделили ее сверх меры изяществом и красотой, женственностью, умом и страстностью. И теперь – и это понимал весь Рим – самой колоритной фигурой на Востоке был отец этих мальчиков, чем-то неувовимо напоминающих внебрачных сынов Венеры, красивых до умопомрачения.

Разговор перескакивал с темы на тему, кружился в такт движениям танцовщиц, практически нагих, и разговор этот был тоже прозрачен. Поллион часто поддразнивал юношей, и они привыкли к его манере общения, сдержанной, шутливой и умной. Они обожали этот мир, где гетеры были так прекрасны, а боги холодны, как статуи, а может быть, они и были статуями и их нельзя было воспринимать всерьез. Они сразу и навсегда влюбились в прозрачную ясность этого мира, такого легкого для восприятия, а потому прекрасного. Они обладали даром любить, а это редкий дар. Они поддерживали разговор, говорили практически без акцента. Ответы их были ясны, и лица серьезные. Но иногда, когда стрелы салонного разговора невзначай, потому что никто не хотел их обидеть, задевали Незримого, они замыкались и уходили от ответа. Казалось им, что Незримый немедленно появлялся у них за спинами и отрицательно мотал неизвестно чем, потому что головы у него не было.

Ирод не любил, когда обсуждают его дела, в особенности в чужой стране. Присутствующие чувствовали это и искусно меняли тему разговора. И юноши невольно поддались общему веселью. Их настроение, несколько мрачноватое с утра, постепенно улучшилось.

¹ Гораций. Оды, кн. 2.5.

² Древнегреческий танец с эротическими телодвижениями.

Сочетание ласкового моря, синего-синего неба, превосходного вина и прекрасных женщин быстро вытеснили тоску мальчиков. И она, практически не огрызаясь, быстро свернулась в клубок и убралась в дальние гнезда их подсознания. Ели как всегда много и обильно: фаршированные птицы, устрицы — все было здесь, все, к чему привыкла изнеженная и гурманствующая знать. Кормили мурен: в бассейн летели фиги, сыр, хлеб, остатки рыб и мяса. Мурены черными стрелами сновали в воде, бурлящей, как в морском сражении.

Поллион, возлежащий напротив Августа и уже изрядно выпивший, попросил еще вина. Раб поспешил выполнить повеление, но поскольку не хотел быть задетым остатками снеди, летящей в бассейн, нес кубок на подносе в полусогнутой позе. Гости уже изрядно выпили, часть снеди не долетала до бассейна, и раб поскользнулся на фиге, неловко, неуклюже и упал. Кубок, выточенный из цельного куска очень редкого голубого нефрита, стоящий баснословных денег, разбился.

Раб поднялся и стоял молча, не поднимая головы. Поллион чуть приподнялся на ложе, сел, задумчиво посмотрел на сандалии, и затем, словно принимал важное решение, чуть улыбнулся уголками губ и сказал, словно спеша поднять настроение гостям:

— Бросьте его муренам.

Тишину прервал всплеск воды от движения мурены. Август неспешно поднялся с ложа, хлопнул в ладоши и сказал:

— Раб будет помилован. — Затем добавил: — Я дарую ему свободу.

Потом, как на гладиаторских играх, он поднял вверх большой палец и дал знак. Мгновенно подскочили рабы с паланкином. Садясь в него, Август мрачно приказал:

— Виλλу сровнять с землей.

Каждое слово императора было звонким, как удар кубка о мраморный пол. Все слышали его. Юноши, приподнявшиеся с ложа, но не осмелившиеся вскочить, внимали каждому слову. До последних дней своей жизни будут они вспоминать этот эпизод, так рельефно врезавшийся в их память и такой необычный для Иудеи. Рим гудел несколько дней, обсуждая поступок Августа. Популярность его у плебса, у рабов и вольноотпущенников достигла высот, не снившихся ни одному властителю ни до, ни после него. Поллион, который был стар и мудр, молчал до ухода императора, затем как ни в чем не бывало, отпустил раба и сказал:

— Поскольку эта вилла не угодна Цезарю, я завтра же велю ее снести, а пока продолжим наш пир.

Поллион сдержал слово. Виллы не стало. Сейчас это злосчастное место часто показывают туристам. Август, сделавший такой выгодный для своей популярности шаг, вовсе не хотел досадить Поллиону, он не предавал друзей. Под каким-то благовидным предлогом через некоторое время он подарил ему другую виллу, краше разрушенной, но этот урок дипломатии не стал известен сыновьям Ирода. В 21 г. до н. э. они вернулись в Иудею. В Кесарии Палестинской они сошли с корабля. Александру было уже 16, а Аристовулу 15 лет. Оба в совершенстве владели латынью, они впитали в себя все, чем привлекает мир культура Рима. И еще они красивы, правда, для греческих пропорций им чуть-чуть недоставало роста, но это не самое главное. Зато их лица очень привлекательны и царственны. Они уродились в мать — красивейшую женщину Иудеи.

Глава 37

Агриппа Великий

В последнюю поездку в Рим Ирод встречался с Агриппой, и их беседа проходила в отсутствие детей — это была мужская встреча. Римский полководец и сподвижник Августа — Марк Випсаний Агриппа имел крестьянскую внешность, был неродовит, коммуникабелен, талантлив, любопытен, честолюбив и страстен. Все эти совместимые и несовместимые качества удивительно ладно умещались в одном человеке и дружили между собой, дополняя друг друга и увеличивая привлекательность многогранной натуры их хозяина. Ирод тоже жил страстями, но его страсти обитали на маятнике, раскачиваемом между добром и злом, и им нравилось помогать маятнику. Но только страсти, независимо от того, дружат они или нет, управляют миром. Страсти этих двух таких разных людей понравились друг другу, а следовательно, нашли язык и носители этих страстей.

Они сразу заговорили про их давнюю замечательную встречу в Птолемаиде. Ирод устраивал прием, и тогда они едва успели переброситься парой слов. Теперь, в Риме, времени было много, они могли наговориться. Разговор начал Агриппа. Он хлопнул себя руками по коленям, качнулся и, улыбаясь, стал вспоминать детали пиршества Ирода.

— Вкус маринованного мяса я помню до сих пор, — мечтательно произнес он.

Говорили они много — о женщинах, о Египте, о строительстве, Агриппа потащил его смотреть термы. И хотя Ирод их уже видел еще в первый приезд, он изобразил восторг и сыграл роль хорошо. Потом они обедали у Агриппы. И Ирод еще больше расположил его к себе, заговорив о пирамидах, вернее, об их строительстве.

В какой-то момент беседы Ирод вдруг сказал:

— Мне хочется перестроить Иерусалимский храм, и существует одна проблема, которую я не могу решить сам. Позволительно ли

будет мне просить совета у такого выдающегося инженера и архитектора, как Марк Агриппа?

Эти слова, сказанные речитативом, произвели огромное впечатление на Агриппу. По своему положению второго лица в Римской империи он стоял выше Ирода, и не его почтительность понравилась ему, дело было вовсе не в этом. Цари домогались у него чего угодно: милости, привилегий, — но никто не просил у него инженерных советов. А ему очень хотелось, чтоб его почитали именно как хорошего инженера, признание своих военных заслуг он уже получил.

— Я буду рад дать любой совет великому Иудейскому царю, — в тон Ироду отвечает он, и у него получается очень неплохо.

— Я хочу перестроить храм в Иерусалиме, — говорит Ирод. — Он должен быть достоин Всевышнего, я просто обязан возродить славу храма Соломона. Тот храм, который сейчас в Иерусалиме, был отстроен много лет назад вернувшимися из Вавилона нищими людьми в нищей стране. Мы отдаем им дань уважения, но заслуживаем лучшего. Мы хотим как можно полнее воспроизвести идеи царя Соломона в камне, и тут возникает проблема: камни, которые необходимо поместить в основание, должны быть во много раз больше тех, что уложены в египетских пирамидах. Мы не умеем их передвигать, у нас нет такого количества рабов, мы не знаем, как их совместить. Нужны современные инженерные решения и твой совет.

Только глаза в этот момент выражают восторг Агриппы, восторг инженера. Он берет яблоко и кладет его на стол.

— Надо придать камням округлую форму, — он катит яблоко по столу, — и не обязательно строго округлую. Берет нож и разрезает яблоко пополам. — А когда камни будут доставлены на место, надо обработать их и совместить, — и он смыкает обе половинки яблока. — Инженеры на месте решат, как лучше обрабатывать камень.

Ирод сидит и долго смотрит на яблоко. Агриппа не прерывает его. Наконец, встряхнувшись от наваждения, — может быть, громада храма уже стояла перед его глазами — Ирод говорит:

— Какая простая и гениальная идея.

Мало кто одной фразой доставлял Агриппе столько удовольствия.

В 25 г. Август решает выдать замуж свою единственную дочь Юлию. Она весела, красива и чуть-чуть полновата, напоминая

формами свою мать Скрибонию. В мужа ей предназначен Марцелл, сын Октавии, сестры ее отца Октавиана Августа. Брак двоюродных брата и сестры предназначен для основания династии. Юлия не любит этого худого, нескладного подростка. Вокруг нее много настоящих мужчин, но никто не оспаривает решения Августа. Недоволен один Агриппа. Этот брак автоматически отодвигает его со второго поста в империи на третье, а после того как у Марцелла и Юлии родятся дети, он вообще уйдет в небытие — ведь он неродовит. И он уезжает в Митилену, где чувствует себя свободно и независимо. И вообще он презирает этого хлыща Марцелла. Через много лет подобным же образом поступит Тиберий, уйдя в добровольное затворничество на Родосе.

Ирод, узнав, что Агриппа находится здесь, на Востоке, немедленно едет к нему. Он приглашает его в Иудею и, получив согласие Агриппы, уезжает: надо готовиться к визиту. Поездка в Иудею значительно снижает горечь, вызванную решением Августа, вкус которой постоянно ощущает Агриппа. Умом он осознаёт правоту императора: Юлии пора замуж, и любой зять все равно бы оттеснил Агриппу на третий план, хотя и Агриппа зять императора: он женат на его племяннице Марцелле. Но честолюбие не хочет подчиняться голосу рассудка. Агриппа знает все свои достоинства: он первый и единственный из римлян получил лазоревое знамя, он стратег, флотоводец, талантливый инженер, он, он, он... Да, он не родовит, но это не такой уж большой грех. Ирод ведь тоже не родовит. И он любит Ирода как простолюдин простолюдина за то, что всем, чего он достиг, он обязан только самому себе.

Ирод отвечает ему взаимностью. Никого из мужчин, за исключением членов семьи, не любил Ирод так, как Агриппу. Он показывает ему Себасту, мраморную, капитальную и строгую, в духе самаритян, а также Кесарию Палестинскую, белую-белую восточную, ажурную и невесомую, словно подвешенную между небом и землей. Он водит его по новым крепостям — Александриону, Иродиону и Гиркании и с удовольствием принимает похвалы. Иногда вдруг Агриппа мрачнеет и сумрачно подолгу смотрит в одну точку, взгляд его тяжел, и в нем пляшут отсветы того безумия, которое сведет его в могилу в канун пятидесятилетия. Ирод кладет ему руку на плечо и спрашивает просто, с интонациями, которые не дают усомниться в его участии:

— Что с тобой, друг мой?

И Агриппа, тронутый этим участием, — а ему очень нужен друг — не совсем связно рассказывает Ироду о событиях в Риме. Ирод, много выстрадавший за свою жизнь, понимает душевное состояние Агриппы, но он не настолько глуп, чтобы критиковать решение Августа.

— На перстне у Соломона было написано «Все проходит», — говорит Ирод, — пройдет и это. Я знаю, что гложет тебя — это неопределенность. Хочешь узнать свое будущее? Поедем со мной завтра, это недалеко.

— Какие-нибудь шарлатаны? — пренебрежительно спрашивает Агриппа.

— Нет, ессеи. Заодно я узнаю, что ждет и меня. А сегодня пируем.

О способностях к волховству ессеев давно ходят легенды и, хотя римляне не верят или делают вид, что не верят в предсказания, многие из них ходят за Тибр, в жалкие кварталы иудеев, и слухи ползут по Риму...

Агриппа верит Ироду. Он пьет понравившуюся ему мульду, тувовое вино — в этот день он отказывается от виноградного вина, ему хочется чего-то необыкновенного. Ирод устраивает ему звездный вечер, такой же, как был у Костобара, о котором так красочно докладывал бедуин. И вновь Агриппа ест мясо, маринованное в удивительных специях, и ноги изгибающихся танцовщиц, кажется, достают до звезд, и где-то далеко ритмично и приглушенно звучит барабан, а рядом жалобно поет свирель, и иногда слышны звонкие перебивы колокольчика.

Около полуночи Агриппа просыпается в шатре. Стоит уже глубокая осень, и потому холодно, но пламя костра такое же жаркое, как и ласки танцовщицы, а барабаны выбивают ритм, вызывая дрожь и желание...

Когда солнце пробило туманную пелену рассвета, Агриппа вышел из шатра. К нему подбежал негритенок и, тараща огромные глаза, повел его к палатке, где Ирод велел приготовить завтрак.

— Слегка перекусим, — говорит Ирод, — потому что ессеи не терпят обжорства.

Они направляются на юго-восток, по дороге, обрамленной зеленью, в хорошем настроении. Поселений им встречается много. Дорога была не близкой, и Агриппу интересовало все — страна была чужая и странная.

— Объясни мне, — попросил Агриппа, когда они сели обедать, — зачем иудеи просеивают пищевую соль?

Он утром видел за этим занятием жителей одной деревни уже неподалеку от Мертвого моря и долго наблюдал за ними.

— У нас к соли предъявляются особые требования: она должна быть определенного размера, не слишком мелкой, пыль вообще использовать нельзя. Когда мы готовим блюда из мяса, то учитываем, что кровь любит соль, она впитывает ее и растворяет в себе, соль придает ей силы, и она не хочет покидать мяса, а Закон не велит нам есть мясо с кровью, потому что кровь — это жизнь, а отнимать чужую жизнь не велит Сущий.

Так говорил Ирод, он был печален и задумчив, он видел реки крови и иногда удивлялся Сущему.

— Соль не должна быть и слишком крупной, потому что тогда она покинет мясо. А несоленое мясо невкусно, а человек должен жить и есть с удовольствием. Это тоже велит Закон.

Наконец они видят серо-зеленую гладь Мертвого моря. Скучны и безжизненны его берега, пропахшие странным запахом соли и смерти.

Редкая растительность все же имеется в долине Энгадди, где находится главный монастырь ессеев, мало похожий на крепость. Поселение ессеев близ монастыря удивило Агриппу. Оно показалось ему лишенным жизни, правда, птицы пели. В белое одевались и египетские жрецы, но одежда ессеев была еще белее, словно покрыта соляным налетом. Ессеи были отрешены от суеты мира. Они безжизненно, безразлично спросили:

— Кто вы?

Они получили ответ:

— Ирод, царь Иудеи.

Им открыли ворота селенья, а потом и монастыря и не задавали вопросов. Их провели к верховному наставнику, Учителю, наследовавшему титул, которому не было имени, потому что Учитель Праведности был давно мертв и никто не мог заменить его.

Их встретили тепло и радушно. Ирод всегда поддерживал общину деньгами. Кормили обильно и вкусно, но только растительной пищей. По окончании трапезы их подвели к окну. Агриппа не мог насмотреться: внизу, на зеркале моря, очень похожем по цвету на оловянную посуду, столь распространенную в Риме, лежало

множество коричневых тел различных оттенков. Руки и ноги их были раскинуты, и оловянное море баюкало их.

— В этом море нельзя утонуть, — сказал Ирод, — такое есть только в Иудее.

Агриппа заинтересовался, и они спустились вниз. Люди уже вышли из воды и смывали соль у источника.

Агриппа разделся и полез в воду. Он был белокож, и его предупредили, что с белой кожей нельзя долго быть в такой соленой воде. Он полежал на море несколько минут и вернулся, смыл соль. Кожа зудела, и Агриппа радостно смеялся, словно совершил еще одно великое деяние. Собственно, так оно и было, потому что он узнал нечто новое. Поднявшись в монастырь, Агриппа с Иродом увидели странное зрелище: ессеи, лежащие на камнях, нагретых солнцем, вдруг на какой-то миг приподнялись вверх, словно увлекаемые теплым воздухом, и зависли. Это было очень странно и необъяснимо. Ведь люди летать не могут.

Ирод рассказал Агриппе о Менахеме. Когда Ирод был маленьким и в школе получал удары палками за нерадивость, то как-то встретил человека, одетого в белое. Тот помнил мальчика пальцем, и когда тот подошел, сказал:

— Ты будешь царем Иудеи.

Ирод, которого уже тогда отличала смелость и рассудительность, возразил:

— Я не из царского рода, мои родители — простые люди. Ты, верно, шутишь надо мной?

На что этот странный и еще не очень старый человек слегка ударил его по спине и сказал:

— Иди, мальчик, ты будешь править, и притом счастливо, ибо Предвечный так решил.

После решения римского Сената о назначении Ирода царем Иудеи он послал в монастырь крупную сумму, а Менахема почитал как друга, ибо в деньгах и милости Ирода тот не нуждался.

И вот Менахем стоял перед ними, он был уже стар, и одежда не скрывала его худобы. После приветствий он сказал:

— Гостей присылает к нам Предвечный, и мы всегда им рады. Я знаю, о чем вы хотите спросить меня. Я скажу вначале тебе, Высокий гость из Рима, а затем тебе, царь. Но вы не будете задавать мне других вопросов, потому что Сущий не открыл мне большего. Договорились?

Оба кивнули.

Старик мягко и бесшумно, как большой богомол, приблизился к Агриппе, положил ему руку на голову и сказал:

— В ближайшие четыре года в жизни твоей произойдут большие перемены. И ты всегда останешься тем, кто ты есть.

Потом он подошел к Ироду, тоже положил ему руку на голову и произнес:

— Ты будешь царствовать еще не меньше двадцати лет.

И пока Агриппа и Ирод молча обдумывали сказанное, он поклонился и исчез.

Ирод подарил монастырю талант, еще талант — Агриппа, и они уехали в Иерусалим. Ирод был весел всю дорогу, Агриппа задумчив, но теперь в его раздумьях не было печали, потому что в словах ессея была надежда. Они приехали в Иерусалим, где отмечали Новый год. Город праздновал, и праздничное настроение охватило всех, и крики восторга, которыми жители встречали Агриппу, были естественны, вернее, почти естественны, поскольку в толпе были люди Ирода, которые манипулировали настроением толпы, ничего не имеющей против того, чтобы приветствовать Агриппу. Восторженная встреча смела остатки задумчивости с лица гостя, он принес жертву Всевышнему, и жертва была благосклонно принята не только Всевышним, но и народом, который Агриппа велел угощать за свой счет. И крики восторга усилились. Ему нравилась какая-то наивность и непосредственность толпы, ликующей и благодарящей.

Близилась зима, море штормило, да и не мог Агриппа все время проводить в Иудее. Ирод щедро одарил его и свиту. И гости отбыли.

Наступила весна. Агриппа собирался в далекий поход на Босфор, и Ирод вдруг понял, что ему просто необходимо быть рядом с Агриппой. Это было наитие, или интуиция, или веление свыше.

Агриппа зимовал в Ионии, готовил флот. Ирод знал примерную дату его выступления и отплыл к нему из Птолемаиды. У него было только три корабля. Он миновал Родос и Кос, надеясь у Лесбоса встретиться с Агриппой, но северный ветер дул не переставая восемь дней. Он не смог войти в гавань Лесбоса и остановился у Хиоса. Архитектура города, величественная, ажурная, частично пострадавшая во время войны с Митридатом, ему очень понравилась,

и он с развитым чувством прекрасного, чувством, которое по своей мощи уступало у Ирода только ненависти к предательству, дал городу денег на реставрацию сооружений.

В Митилену Ирод прибыл с опозданием, поплыл за Агриппой в Византий и более чем вдвое сократил разрыв между флотом Агриппы и своими кораблями. Он гордился своими людьми, но был прав лишь отчасти: Агриппа просто не очень спешил.

Около Синопы Агриппа, угрюмо следящий за серебристой рябью моря, увидел флотилию Ирода. Вначале он был удивлен, поскольку это был сюрприз Иудейского царя, а затем несказанно обрадован. В этом его походе не было никакой военной необходимости, Агриппа бежал от самого себя и не очень успешно. Он горячо обнял Ирода, сверкавшего белками глаз, чернобородого, обаятельного, веселого и деятельного. Ирод велел поднимать на борт корабля провизию для блюд, столь полюбившихся Агриппе, а сопровождающий его Николай Дамасский рассказывал им про аргонавтов, и они слушали его с удовольствием. Агриппа не отпустил их, и весь поход они провели вместе на его корабле. И были счастливы, потому что каждый получил, что хотел. Дамасский — новые знания о неведомых землях, Ирод — бесценные познания в строительстве и архитектуре, Агриппа — спутников и интересных собеседников. Они стали друзьями. А поход завершился без особого блеска, впрочем, какое это имело значение. Главное — они были счастливы.

Назад они поплыли через Илион, Хиос, Эфес и Самос, и Агриппа, который старался отключиться от воспоминаний о замужестве Юлии, вникал во все просьбы и был настроен к просителям более чем благодушно. Ирод легко находил язык со всеми, кроме иудеев, и здесь он преуспел. Он помирил Агриппу с илионцами, на которых Агриппа гневался еще со времен войны с Секстом Помпеем, погасил долг хиосцев перед Римом и удостоился чести избрания почетным гражданином Хиоса. Он мирил и радовался. Бешеная энергетика царя, выражавшаяся в дружелюбии, шлейфом охватывала всех, кто встречался им на пути, и вести хорошие, что было редкостью, падали, словно осенние листья, на Средиземноморье.

Конечным пунктом их плавания была Иония. Огромная толпа иудеев, прибывших со всех ионийских городов, встречала их. Слухи о необычайной доброте Агриппы и его дружбе с Иродом летели, подобно стрижам, и, конечно, опережали флотилию. Иудеи не были

бы тем народом, которым они были, если б не сумели воспользоваться благоприятным моментом.

Сущность спора была банальна. Долгие годы вместе селились иудеи и греки в этих местах и вполне ладили, но городские власти, состоящие сплошь из греков, препятствовали отправке денег в Иерусалим. Утечка денег была весьма значительной, и городские власти можно было понять. Но можно было понять и иудеев. Рим даровал им право жить по собственным законам, и они только выполняли волю Рима.

Агриппа вершил суд, а Николай, сладкозвучный, как итакиец, произнес речь в защиту иудейских ценностей. Он вспомнил и Антипатра, и Цезаря Юлия, и Цезаря Августа, и почтение к Предвечному.

Формальная сторона безусловно была на стороне иудеев, и Агриппа вынес свой вердикт, достойный того, чтоб его процитировать: «Иудеи, как, впрочем, и другие народы, могут спокойно жить в пределах империи по своим собственным установлениям, если это не умаляет власти римлян».

Это был замечательный вердикт для иудеев, и Ирод относил это к промыслу Предвечного. Ведь это он приказал Ироду снарядить флотилию и помог ему в этом благом деле. Прецедент создан, и деньги широкими потоками из множества городов империи теперь текут в Иерусалим. Это был великий знак. И никто в Иудее, если он, конечно, в здравом рассудке, не решится пренебречь волей Предвечного.

Потом они расстались. Ирод спешил домой, Агриппа не удерживал его. Он понимал, как много сделал для него Ирод. Дело было даже не в том, что он на много месяцев покинул свое беспокойное царство. Он стоял с ним на одной колеснице плечом к плечу и прикрывал его своим щитом, когда он, Агриппа, противостоял приступам тоски, и кто знает, выстоял ли бы он, если б рядом не было Ирода — его друга? А теперь, когда тоска спряталась в своем убежище, мир стал спокоен и обычен. Агриппа чувствовал себя в этом мире вполне уверенно. У него тоже накопилось множество дел, и он умно и решительно действовал на Востоке. Через полгода совершенно внезапно юный Марцелл умер. Агриппа усмотрел в этом волю богов. Август немедленно вызвал его в Рим.

Они всегда понимали друг друга и никогда не лгали один другому. И когда Агриппа, возлежащий напротив Октавиана, сказал:

«Я хочу Юлию», — Август понял, что тот не лжет. Ему было лестно, что Агриппа хочет его дочь. И еще он понял, что совершил глупость, отдав Юлию Марцеллу, и что боги наказали его за это. Теперь у него появился шанс исправить ошибку.

Агриппе действительно нравилась Юлия: она была весела, беззаботна, раскрепощена, что-то было в ней дьявольское, она была похожа на яблоко с червоточиной, но ясно было, что это спелое яблоко. Жена его, Марцелла, была слишком пресной, слишком правильной, что ли, и слишком похожей на свою мать Октавию Старшую. Агриппа иногда, обнимая жену, как холодную статую, хорошо понимал Антония, и ему виделась Клеопатра, о которой так много и красочно рассказывал Ирод. И он по-хорошему завидовал своему другу. А Юлия сейчас была похожа и на Клеопатру, и на Мариамну, воспоминания о которой всегда исторгали из груди Ирода стон. И еще: она, Юлия, тоже хотела его, Агриппу. Она честно сказала об этом Августу и добавила: «Я хочу почувствовать в постели мужчину, а не того хлюпика, которого ты мне выбрал», — брезгливо передернув плечиком.

Август более не колебался. Было решено, что Агриппа вновь поедет на Восток, дел там было невпроворот. И нужно было соблюсти приличия перед народом и провести переговоры с Октавией Старшей о разводе ее дочери с Агриппой. В том же 23 г. Агриппа вновь уезжает в Митилену, а возвращается в Рим в 21 г. С ним едет сын Ирода Антипатр, которого тот поручил заботам Агриппы. Он устраивает Антипатра, которому уже около 30 лет, в Риме и забывает о нем. Его же самого ждет женитьба на Юлии.

В их первую брачную ночь страсть Юлии парила над их ложем и поднималась, кажется, к небу. Когда Агриппа проснулся после первой любви и чуть прикоснулся к жене, то она сразу же потянулась к нему, и сквозь сумрак рассвета он увидел ее счастливые глаза. Смех ее, звонкий и веселый, вызвал у него улыбку, и он вспомнил ту ночь, и колокольчик, и то блаженство, которое испытал в далекой Иудее. А затем пред ним явилось лицо ессея, мудрое и понимающее. И Агриппа понял, что предсказание было верным: он не переживет Августа, а останется тем, кто он есть, — Агриппой и вторым лицом в империи до самой смерти.

Глава 38

Гробница Давида и Соломона

Ирод гордился собой. Того, чего достиг он дружбой с Агриппой, совершенно искренней, не добивался ни один правитель Иудеи. Он научился строить, понимать людей, казнить и мирить. Теперь деньги от богатых и богатеющих малоазийских общин полноводной рекой текут в Иудею. Ирод подсчитал, что он без всяких усилий удвоит, а может быть, и утроит доход Иудеи.

Да будет благословенно правление Агриппы и Августа тоже. Рим был разумен, с ним можно было водить дружбу. И он решился. Решение это зрело у него давно. Это было то решение, которого он внутренне опасался, но отступить не мог, ибо не его воля была уйти и спрятаться в глубины своего «Я», потому что те места, где он мог спрятаться, были поделены между демоном и Мариамной, которые, как ни странно, вполне ладили между собой.

Он собрал народ в канун Нового 23 года и сказал:

— Слушай Адонай: Господь Бог наш един есть. Решил я один, и народ твой не повинен в моей гордыне. Сейчас и только сейчас должны мы перестроить святилище твое. И сделать так, чтобы весь мир узнал о доме твоём и гордился им.

И пока ошеломленный народ с трудом переваривал, о каком новом святотатстве идет речь, Ирод дал слово первосвященнику. Его новоявленный тесть начал говорить, и Ирод удивлялся, как складно у него получалось. Тихим и проникновенным голосом, являющимся полным контрастом речи Ирода, он вернул всех в древность.

— Много лет назад двенадцать колен начали свой исход из вавилонского плена. По десять отрядов было в каждом колене, и Господь наш, да славим мы имя его во веки веков, устами пророков утвердил Завет свой и объявил своему народу, что в каждом отряде должно быть ровно 354 человека, что равно числу дней в году¹,

¹ В году древних евреев было 354 дня.

чтобы помнили они о прегрешениях своих каждый день и весь год. И в пути он призвал из каждого отряда по одному человеку, дабы спросить у них, понял ли и осознал ли заблудший народ глубину своего падения. В Израиль вернулось 42 360 человек¹, и мы чтим их память. Они, усталые и измученные, начали на пепелище храма Соломонова строить Второй храм и построили его, а начали они строить его 27 раз по два священных числа назад². Мы чтим их труд и много лет благодарим Господа за то, что даровал он нам возвращение и прощение. Но сейчас стена храма дала трещину, и нам надо принять непростое решение. Если мы решим строить, то надо прервать богослужения. Дабы не осквернить святилище, левиты будут надзирать за всем. И да исполнится Воля Божия.

Это была хорошая речь.

Потом говорил старейший раввин, древний и сухой, но речь его была вполне внятной. Он напомнил о всех красотах Соломонова храма, о том, какая это завидная доля — строить новый дом Господень, вспомнив слова пророка: «А вам самим время жить в домах ваших украшенных, тогда как дом сей в запустении? Посему ныне так говорит Господь Саваоф: обратите сердце ваше на пути ваши»³. И еще: «Мое серебро и мое золото, — говорит Господь Саваоф. — Слава сего последнего храма будет больше, нежели прежнего, — говорит Господь Саваоф, — и на месте сем я дам мир, — говорит Господь Саваоф»⁴.

И еще он напомнил слова Баба-Бен-Буты — председателя Синедриона, сказавшего Ироду перед своей смертью: «Ты погасил свет мира, зажги его построением храма»⁵.

— Господь ждет вашего решения, — закончил раввин.

Его подхватили на руки и унесли: речь отняла у него много сил. Толпа гудела, на то она и толпа, впрочем, гудела вполне благожелательно.

Потом Ирод дал слово своему финансисту Птолемию Дамасскому, и тот привел совсем иное обоснование, понятное и действенное.

¹ Достоверная цифра.

² Т.е. 7 и 12. Строительство Второго храма началось в 537 г. до н.э.

³ Аггей, 1:4—6.

⁴ Аггей, 2:8,9.

⁵ Babha Bath, b. 3,2, seqq.

— Мужи, великие мужи Израиля и жены, — начал он льстивую речь, но это нравилось. — Разве ж не сам Господь руками Соломона воздвиг себе жилище? И слава о доме его гремела по всему миру, и тысячи людей даже из самых дальних стран посещали Израиль и разносили славу его по всему миру, а царица Савская разве не прибыла, движимая любопытством своим, в Землю обетованную за многие сотни километров? А теперь если и посещают Израиль, то отнюдь не из желания побывать в храме, а из коммерческих интересов либо привлеченные благочестием вашим. Стыдно сказать, но синагога в Александрии много краше жилища Господня в Иерусалиме, где он так любит отдыхать. Великий Рим, в лице Августа и Агриппы, — да будут благословенны их имена! — дали народу Израиля огромные привилегии. Та бидрахма¹, которую каждый иудей должен раз в год отчислять на храм, теперь поступает почти беспрепятственно. И только часть этих денег уходит на содержание храма, остальные тратятся на угодные Богу дела и увеличивают благосостояние жителей. Построение нового храма привлечет в Израиль огромное количество паломников, и приношения тоже возрастут.

Толпа взревела. Когда гул стих, к народу во второй раз вышел Ирод. Он говорил мало. И закончил так:

— Потребуется целый год, чтобы подготовиться к этой великой стройке.

Эту речь народ выслушал с удовольствием, потому что появлялось время для раздумий, для советов с мудрецами.

— Я дарую всем в год начала строительства снижение налогов на двадцать пять процентов.

Толпа встретила его слова благосклонно.

— Я предаю воров, осужденных по закону нашему, продавать в рабство за пределы Иудеи, ибо нельзя начинать столь великое дело, не избавившись от этого позорящего нас порока.

Толпа не сразу отреагировала на это странное предложение.

— После обсуждения и окончания праздника Нового года мы выберем достойных и начнем подготовку к этому грандиозному строительству.

И царь распустил собрание.

¹ Двойная драхма.

Иудея шумела. Самое удивительное, что у Ирода появились наконец сторонники. Одним понравилось снижение налогов, ну это кому не понравится? В удалении воров из Иудеи, в принципе, тоже не было ничего плохого, но вот форма... продать их в рабство? Это тоже было странно. Другим понравилась сама идея грандиозного строительства.

И два мудреца — Шамай и Галлель — тоже на сей раз сошлись во мнении, что строить новый храм надо. Все это быстро распространилось по Иудее, обсуждалось в каждом доме, селении, на базаре — везде. Мнения, однако, были разные.

Конечно, воровать нехорошо. Но что поделаешь, раз такова грешная природа избранного народа, не говоря уж об иноверцах. Ведь и у вора, как любого грешника, должен быть шанс к исправлению, а то... продать в рабство!

Четырехкратно должен вор возместить ущерб и раскаяться перед Господом в грехе своем, а иначе потерпевший может продать его в рабство на шесть лет, но только иудеям и на родной земле, ибо ведь сказано в писании: «Если кто из народа земли согрешит по ошибке и сделает что-нибудь против заповедей Господних, чего не надлежало делать, и виновен будет, то когда узнан будет им грех...»¹. А где же осознавать грех свой, как не на земле отцов? Или Ирод думает, что, трудясь где-то на иноверцев в рабстве, можно думать об искуплении? А на седьмой год надлежало освободить его от рабства независимо от того, осознал он грех свой или нет. Ведь если он грешен до глубины души своей, то пусть Сущий сам решает, что с ним делать. А люди не помогут тем, кому не дана радость искупления.

Шамай и Галлель говорили с народом, и все их слушали и кивали головой.

— Ай-ай-ай... Как чудовищно и бессердечно — иудеям продавать иудеев же иноверцам. Едва грешник покинет Израиль, как скверна обступит его со всех сторон. И почва там нечиста, и еда, и даже ветер, и проданный изначально обречен на гибель, и это только за одну кражу. Ай-ай-ай...

Но Ирод был тверд, и воровать почти перестали. Это случилось сразу же после того, как он продал в рабство нескольких известных

¹ Левит, 4:27, 28.

негодяев. И их почти не жалели или жалели, но не вслух, и не очень... и еще боялись...

Незадолго до Нового года Ирод ходил вокруг храма взад и вперед. Видения великой стройки мелькали в его воображении. Весь план столь грандиозного проекта высветился у него в мозгу. Недоставало камня и мрамора. Их надо было заказать в Тире, в других малоазийских городах, потому что греки любили мрамор и умели его обрабатывать, они делали это на протяжении веков и достигли высокого совершенства.

Конечно, эта была здравая мысль. А для этого нужны деньги. Где же их взять? Царь испытывал страх перед святотатством, которое ему надлежало совершить. Но он знал, что это решение мудрое, ведь сказано же: «Начало мудрости — страх Господень»¹. Он решился проникнуть в гробницу. Впервые после нечестивца Красса², ограбившего храм, он должен был совершить столь большой грех. Но он не боялся, ибо поклялся, что все найденное в гробнице пойдет на строительство храма. «Блажен, кому отпущены беззакония и чьи грехи покрыты! Блажен человек, которому Господь не вменит греха и в чьем духе нет лукавства!»³

Была предновогодняя ночь, и не было на небе ни луны, ни звезд. Ирод спешил, потому что хотел завершить плохое дело в этом, старом году. А хорошее дело — строительство храма — начать уже в новом: негоже приступать к столь важной задаче с изъятыми не слишком праведно деньгами. А год прошел, и грехи старые Господь простит, как уже бывало неоднократно. Тучи стелились над головами так низко, что казалось, будто их можно задеть факелами. А головы эти принадлежали тем, кого Ирод включил в группу по изъятию сокровищ из гробницы.

Наконец они выступили! Вместе с Иродом — Самаралла, финикиец. Вот уж у кого не было страха перед предками другого народа. И еще он любил золото. И еще ему было интересно. И пошел Ахав — его племянник, идумей, бесконечно ему преданный. И семеро рабов с корзинами для сокровищ, и двое оруженосцев. Все они,

¹ Книга Притчей Соломоновых, 1:7.

² Свидетельство Флавия о покушении Гиркана на сокровища Давида, скорее всего, ошибочно.

³ Псалтырь, 31:1.2.

естественно, были не иудеи. Взять в компанию хотя бы одного иудея — означало подвергнуть дело огромному риску, потому что утром весь город бы знал... В своих покоях Ирод загодя велел приготовить место, куда можно было положить то, что Всепонимающий позволит им унести из гробницы.

Гробница находилась недалеко. Она была из неотесанного камня, невзрачная, неприметная, по форме напоминающая глаз, прикрытый каменным веком. В самом низу была дверь из толстого кедра с тусклыми бронзовыми запорами. Она была завалена камнями и не охранялась. Всем и так было понятно, что грозит проникшему в усыпальницу. Рабы отодвинули камни, и они вошли. Двигались осторожно. Предание гласило, что жена Соломона, та самая, которая съездила самой любимой и самой знатной и была дочерью фараона, пригласила из Египта строителей, и они создали систему защиты этой гробницы, такую же, как в пирамидах. Наверное, это был только слух, чтобы отвлечь любителей поживиться. Но вряд ли в этом был очень большой смысл, потому что все в Иудее знали, как Сущий относится к осквернителям...

Они втиснулись в маленькое помещение и покашливали от пыли и затхлого запаха. Их было двенадцать, им было тесно, и они все стояли, столпившись перед лазом, который вел в гробницу. В пещерке этой практически ничего не было. В углу лишь стояло несколько ваз грубой работы, древних, тяжелых, пустых. Пол был усеян черепками, свидетельствующими, что, несмотря на запреты, любопытствующие либо вороватые проникали сюда.

Ирод левой рукой оперся о стену, в правой держал посох — не тот, с которым он ходил по дворцу, а другой, походный, из черного дерева, окованный бронзой, тяжелый. Вдруг, он почувствовал, что стена откликнулась на его прикосновение: камень чуть-чуть то ли дрогнул, то ли скрипнул. Ирод издал приглушенный гортанный звук. Растолкал спутников, стоящих рядом, — они сжались, сгрудились в другом конце пещеры. А он посохом начал наносить удары по стене, там, где камень ответил ему. Стена поддавалась со второго или третьего удара. Она была всего в ладонь толщиной. Послышался звонкий стук камня, ударившегося в металл. И в эти секунды все поняли, что Ироду дано знамение. Сущий хотел этого. Ирод со спутниками вышел из пещеры. За полчаса рабы расширили отверстие, свалив в угол камень стены.

Ирод, задевая одеждами края отверстия, с трудом проник в хранилище, чуть большее, чем первая пещерка. Там стояли вазы, простые, широкогорлые, ларцы, кожаные бурдюки, истлевшие от времени, две огромные меноры¹, наверное из храма Соломона. Несомненно, здесь была часть легендарных сокровищ, спрятанных во время вавилонского нашествия. Ирод велел выносить все из хранилища. Но еще час ушел на расширение отверстия, потому что некоторые вазы и кувшины удавалось поднять только двоим. Под присмотром Ахава ушла первая партия. Они вернулись быстро и привели еще рабов. Уже светало, когда унесли последние вещи. Ирод стоял перед входом в усыпальницу, где покоился прах древних. Он дал знак, и оруженосцы проникли в склеп. Тут же послышался звук падения тяжелого камня и крики, полные смертного ужаса, а потом языки пламени вырвались из гробницы. Все прижались к стенам пещеры, но пламя быстро исчезло. И они благодарили Господа за два его знамения, ибо он четко дал понять им сегодня, что дозволено, а что нет.

Завалив вход камнями, все ушли. Вернувшись во дворец, Ирод стал внимательно осматривать сокровища и примерно оценивать их. Ирод и Иосиф с Птолемеем, присоединившиеся к нему, вначале удивились, а потом поняли, почему в сокровищнице не было монет. Древние, направляясь в полон, предпочли, наверное, забрать их с собой, потому что золотые и серебряные монеты везде имеют хождение. Но что было удивительно и не позволяло до конца понять логику древних — это то, что драгоценных камней в ларцах было много. Может быть, эти камни принадлежали Соломону, богатому и любвеобильному, и взять их не решились...

На следующий день по городу все же поползли слухи, но Ирода они не затрагивали. Он получил за сокровища до 4 тысяч талантов. Наступал праздник Нового года, и народу было чем заняться. Да и осуждать Ирода было бы себе дороже.

Уже много лет спустя Ирод украсил вход в гробницу памятником из белого иерусалимского камня. Это была его благодарность Незримому за его знамения.

¹ Семисвечник.

Глава 39

Храм Ирода

Ирод стоял у храма. В последнее время он часто останавливался перед ним, обходил его со всех сторон, как некогда стены Иерусалима, иногда щупал стены руками. Многочисленные посетители с любопытством смотрели на Ирода, его свиту, охрану. К концу 24 г. до н.э. Ирод приходил в храм почти ежедневно. Храм манил и притягивал его странной, неведомой мощью, нет, вовсе не мощью и не высотой стен. Дух Яхве, вернее, сам Незримый, иногда посещал это место. Ни золота, ни серебра не было нужно ему. Ничего. Одно-го он придерживался неукоснительно — соблюдения Завета, написанного на скрижалях, но поскольку они канули в вечность, Незримый довольствовался одним ковчегом, стоящим в пустой и запертой комнате. Эту пустоту ценил Незримый, но она не произвела никакого впечатления на Помпея, проникшего в храм. Его интересовали легендарные сокровища времен Соломона, а он встретил лишь Ничто, столь почитаемое этим странным народом.

Вначале по Иерусалиму, а затем и по всей Иудее поползли слухи. Мысли Ирода еще не приобрели четкого очертания, и он никому не говорил о своих планах, которых еще и не было. Но слухи множились подобно саранче и столь же бесцеремонно расползались по стране. Каким-то образом они сформировались в единственную четкую фразу: «Безжалостный хочет разрушить храм».

О Адонай! Неужели не в силах твоих предотвратить великое кощунство? Град Давидов был разрушен халдеями 19 июня 587 г. до н.э., а 15 августа кедровый дворец был предан огню. Но разве не постигла Навуходоносора кара за его злодеяния? В синагогах еще не произносили проклятия, но страна закипала. Естественно, Ироду донесли. Дальше ждать было бессмысленно, да и не к чему. Он велел рано утром созвать Синедрион, объявил о своем решении и в течение часа отправил глашатаев во все концы Иудеи.

Да, храм будет разрушен, но на месте его будет возведен новый, достойный Яхве, достойный своего времени. Правда, это будет, если Сущий благословит это деяние.

Ирод, побывавший в Риме и ошеломленный его великолепием, с горечью сравнивал с ним города своей страны. Обыкновенная римская вилла была много богаче и лучше убрана, чем большинство его дворцов или крепостей. Вечно воюющая со своим окружением Иудея не выдерживала никакого сравнения с Римом. Убожество архитектуры заметно даже в столице — в Иерусалиме, в храме, и терпеть это далее было нельзя. Ирод помнил, что Рим со времен Суллы, с мятежа Спартака не вел серьезных войн на своей территории, да и последний мятеж нанес незначительный урон. Столетия строек дали свой результат в Риме, столетия войн — свой в Иудее. Поэтому решение Ирода о возведении нового храма было закономерным.

Никто не знал в точности, каким было жилище Божие в исполнении царя Соломона. Ведь дерево — материал для вечности непригодный. Второй храм, освященный Зерубабелем 12 марта 515 г. до н.э., безусловно, был шагом вперед в сравнении с Первым — этот был уже из камня и дерева, но, как утверждали некоторые книжники, он был суррогатом Соломонова храма. Ироду было плевать на казуистическую сущность дискуссии фарисеев. Он знал, что храм уступает любому захудалому римскому дворцу.

И его тщеславие, похожее на фантастическое длинномордое и длиннозубое чудовище, услышав его решение, начало свое шествие перед храмом, выбивая на барабанах слышимую одним Иродом дикую языческую мелодию, впрочем очень ритмичную.

А потом, когда он проник в гробницу, у него уже не было сомнений в своем предназначении. Разве Господь не дал ему в руки эти сокровища? Разве не наложил он печать молчания на уста народа своего, склонного обсуждать всё и вся? Конечно, слухи о посещении храма, словно рябь от брошенного в воду камня, ходили по Иудее. Но они утонули в трясине, и об этом событии вроде бы забыли.

В этом было знамение. Ирод собрал Синедрион и объявил свое решение: «Яхве возжелал это». И он рассказывает о посещении гробницы Давида и Соломона. Яхве сам дал нам средства, достаточные для возведения дома Господня.

Затем царь обратился с речью к народу:

– Согреждане! Говорить обо всем, что сделано мною во время моего царствования, я теперь считаю излишним; впрочем, все это я сделал не столько для собственной славы, сколько в видах вашей же личной безопасности. И вот, после того как я не забывал о вас во многих различных и крайних бедствиях и при сооружении разных построек думал менее о себе, чем о вашем благе, я полагаю, что мне при помощи и по желанию Предвечного удалось довести вас до такого цветущего благосостояния, которого раньше не достигал народ иудейский.

Поэтому мне кажется теперь лишним говорить здесь вам, да вы это и сами прекрасно знаете, о том, что я сделал для страны, сколько городов мы воздвигли в стране и во вновь присоединенных к ней владениях, чем отличнейшим образом мы сами возвысились; здесь я хочу указать лишь на то, сколь поднимет наше благочестие и прославит нас то сооружение, приступить к которому я теперь имею в виду. Этот храм построили в честь Всесильного Бога наши отцы по возвращении из Вавилона; но ему недостает целых шестидесяти локтей в высоту, чтобы сравняться с древним Соломоновым храмом. Но пусть никто не вздумает при этом случае обвинять предков наших в недостатке благочестия. Они сами имели в виду соорудить его в должных размерах, но меры были тут предписаны им Киром и Дарием Гистаспам, которым и потомкам которых были подвластны наши предки, равно как впоследствии они были подчинены македонцам. Поэтому они не имели возможности построить храм такой высоты, какой бы требовали его прототип и их собственное благочестие. А так как я теперь, по милости Божьей, правлю (самостоятельно), наслаждаюсь полным миром, у меня много денег и большие доходы, а главным образом, так как к нам расположены и дружелюбны римляне, эти владыки всего, как говорится, мира, то я попытаюсь исправить ошибку прежних времен, объясняющуюся стесненным положением зависимых людей, и воздам Пред-

вечному дань благочестия за все те благодеяния, которыми он осыпал меня во время этого моего царствования¹. В семь лет окончил он (Соломон) строение². И столько же лет строился Второй храм³. Я даю слово, что если мы начнем сегодня и милость Яхве будет с нами, мы освятим храм через год.

Все кричали, плясали, прыгали и приветствовали царя. Это был триумф Ирода, потому что для иудеев, как и для многих других восточных народов, склонных к созерцанию, самое трудное в жизни — это процесс принятия решения, а действовать, когда решение принято, — это несложно, совсем несложно. И кроме того, какая же высокая энергия бушевала в народе, не давая ни ему, ни его соседям жить спокойно! Она, эта энергия, распирала их души, часто заставляя их направляться неизвестно куда и делать неизвестно что. Ироду выпала редкая удача несколькими словами обуздать их энергию и направить ее в созидательное русло.

Кучковались сомневающиеся, они стояли мрачные, не решаясь воззвать к Господу среди всеобщего ликования. Они не верили в энтузиазм и боялись, что если Ирод разрушит храм и не построит новый, то они вообще останутся ни с чем. Поэтому они тихо говорили: «Не может быть дома Израиля без дома Господня». Конечно, они имели право на сомнение.

Ирод в первый раз порадовался за себя, вернее, за свое решение жениться на Мариамне II — ведь теперь весь Синедрион поддержал его. И в этом, несомненно, была заслуга его тестя-первосвященника. Он тонко чувствовал ситуацию и долго говорил с мудрецами. Его подержал Галлель, сказав: «Строй дом Господа так же, как строил бы для самого себя, но в тысячу раз лучше». И Шамаи-младший добавил: «Не пристало вкладывать в строительство всю жизнь, иначе кто же будет радоваться в храме Божьем». Его тесть Симон, как бы прислушиваясь к голосу свыше, торжественно

¹ Флавий И. Иудейские древности, 15:11.1.

² 3-я Царств, 2:35.

³ Строительство Второго храма началось весной 537 г. и, вероятно, в 536 г. прервалось, затем оно возобновилось в конце лета 520 г. и 12 марта 515 г., в первый день Пасхи, состоялось его торжественное освящение.

произнес в заключение традиционную фразу: «Да будешь ты записан в Книгу Жизни и скреплен печатью в хорошем году». И потом они выступили перед народом. Впрочем, это было уже после того, как Ирод покинул храм. Ему надо было спешить, потому что народ Израиля не мог долго обходиться без храма, и он не мог спешить, потому что в таком сложном деле спешка недопустима.

Ирод создал штаб во главе с первосвященником и двенадцатью священниками первой череды. Он положил им щедрое жалование, и они сами отобрали тысячу священнослужителей, которых послали на стажировку в разные концы страны, где проводились стройки по указанию царя. Им объяснили всю значимость их задачи. Им затем предстояло строить чертог Божий, и они прониклись важностью своего предназначения. Царь велел приготовить тысячу особо прочных телег для перевозки камней. Их делали мастера, изготавливающие боевые колесницы. Некоторые из них были огромные, со множеством колес в рост человека — они внушали уважение.

Ирод выбрал тысячу человек из тех, которые уже имели опыт строителей, и поставил их десятниками, чтобы каждый из них руководил многими. А отдельная группа, в которую входили приглашенные из других стран — египтяне и римляне, чертили и рисовали. На это ушло полгода. Царь заказал в других странах такой кедр, который подходил для стройки. В Иудее его не было.

В Иудейских горах спешно расширялись старые каменоломни и открывались новые, и в Иудее впервые с начала правления Ирода повысился спрос на рабов, так как, несмотря на высокую плату, было не очень много желающих тесать камень. Мраморные плиты для отделки Ирод заказал в Греции, где мрамор был особенно благороден, заказал его много и платил щедро, получив все сполна и вовремя.

Другая группа строителей начала готовить площадку для работ, разбирая разные постройки на территории старого храма. Некоторые иудеи были не в силах вынести это зрелище: им казалось, что каждый камень, отнятый у храма, — это их собственная капля крови, и они царапали лица и причитали. Ирод был готов к этому и велел схватить особо ярых причитальщиков. Их привели к нему, и он со зловещей усмешкой, от которой кровь стыла в жилах, спросил:

— Вам так жаль храм, что вы сделаете все, чтобы его не разрушали?

Одни кивали головой, глаза других увлажнялись.

— Ну так вы можете послужить храму, — продолжал Ирод. — Идите работать в каменоломню. Сейчас очень нужен камень для храма. А потом я отпущу тех, кто останется жив, — добавил он чуть тише.

Решение его было чудовищно. Мыслимо ли подобное — хватать людей на улицах и обращать их в рабов! Одни молчали ошарашенные, другие голосили и причитали, оплакивая себя. Ирод не хотел омрачать строительство и сказал:

— Я даю вам три дня для свидания с родными и близкими. Вы можете предоставить вместо себя раба либо внести выкуп, достаточный, чтобы купить сильного раба.

К вечеру следующего дня выкупили всех. Но никто больше не плакал прилюдно — ведь слухи быстро распространяются в Иудее.

На Пасху 23 г. толпы паломников заполнили святой город. Им было предложено внести дополнительный налог на строительство. Вносили, куда денешься.

А когда истек день седьмой, царь велел ломать цитадель. Народу было много, каждый знал, что делать. Через несколько недель площадка была девственно чиста. Зевак прибавилось. Они глазели издали, но не издавали ни звука, сдерживая рвущиеся из груди горестные стоны. Шпионов Ирода было едва ли меньше, чем праздношатающихся.

В мае уже начали поступать фундаментные блоки. Камень Иудейских гор не годился для них, в нем не было необходимой твердости. Движение колесниц, сопровождаемых солдатами, было торжественным и молчаливым. Они везли огромные белые глыбы: 25 локтей в длину, 12 — в ширину и 8 — в высоту. Никогда ранее такие громадные камни не перемещались по Иудее. Они блестели на солнце, как только что выпавший снег, они были торжественны, как одеяние первосвященника. Теперь в Иудее почти не осталось сомневающихся. Глыбы камня скреплялись железными скобами, а промежутки заливались свинцом. Для Иудеи, где неотесанный камень составлял основустроек, это было новшеством.

Ирод приходил на стройку каждый день — он хотел угодить Сущему. Ведь сам Сущий выбрал его для воплощения своего замысла. Что из того, что он иудеи, человек иной крови. Это люди придумали, что кровь может быть «чистой» и «нечистой». А Сущий

так не считал, он в равной мере хорошо относится ко всем, кто его почитает. Да и о какой чистоте может идти речь, когда Ревекка — прародительница избранного народа, жена Исаака — была дочерью Вафуила Армянина! Но за долгие века эти два народа совсем забыли о своем кровном родстве.

Ирод часто приходил на стройку и проводил там много времени, иногда оказывал даже какую-то помощь, стараясь не мешать левитам. Те, зачастую бестолковые в мирских делах, здесь работали сплоченно и дружно, понимая всю важность задачи. Ирод же, строя храм, надеялся кроме всего, на некоторую поблажку Сущего: уж больно много у царя было грехов.

Конфликты возникали. Без них было невозможно. Приходили жаловаться священники первой очереди: они якобы лучше других слышали волю Сущего. Они кричали, перебивая друг друга и сверкая черными выразительными глазами:

— При Соломоне камни обтесывались только в каменоломне, чтобы стука ни молота, ни тесала, ни другого железного орудия не было слышно в храме при строении его. А ты почему позволяешь шум в храме?

Они забывали в пылу спора про субординацию, а царь прощал им все выходки, потому что эти эмоции шли не от зла, а от сердца. Терпеливо, как детям, объяснял он им идею Агриппы — некоторые камни лучше обтесывать прямо на строительной площадке, а не в каменоломне. Да, он понимает, что нарушает покой Сущего, но надеется, что Сущий будет снисходителен, ведь, в конце концов, храм-то строят ему самому. А когда строят, всегда приходится терпеть всякие неудобства. Разве они этого не знают?

Улыбка у царя была хитрая, скорбная и демоническая. И левиты уходили, воздевая руки к небу и шля на его голову проклятия. Но они были иудеи, и через несколько минут, выплеснув эмоции, уже спешили на стройплощадку. Как же, разве Яхве мог обойтись без них! Около 800 человек возводили внешние стены храма. Больше просто не умещалось на площадке. Работали они сменами по шесть часов, потому что это была очень тяжелая работа. Когда опускалась ночь, зажигались светильники. Полтора года днем не было дождей. Сущий помогал строителям как мог.

Старый храм Соломона был невелик: 27 метров в длину, 9 — в ширину и 13,5 — в высоту (половина длины). Ирод же затеял по тем временам огромную стройку.

Новый храм должен был быть вдвое выше творения Соломона и достигать 27 метров. В плане он имел трапезиевидную форму в отличие от строго прямоугольного Первого храма, но тут ничего нельзя было сделать. Форма храмового холма позволяла поставить на нем именно такое здание.

Для устройства основной платформы кое-где пришлось возводить террасы. Южный край платформы, там, где был главный вход, получился приподнятым над землей на 30—40 сантиметров. Ирод выровнял платформу на горе Мориа, и площадь ее составила 14 гектаров. И в отличие от храма Соломона — аккуратного, прямоугольного, на редкость пропорционального — он хотел, чтоб его храм был еще и крепостью. Ирод на собственном опыте узнал, что цари нуждаются в крепостях. А кто сказал, что и дом Сущего не нуждается в прочных стенах? Восточная стена служила естественным продолжением плато, поднимающегося над долиной Кедрона. Южная и юго-западная тоже возвышались над пропастями, а потому храм получился трапезиевидным. И все восемь лет, пока он строился, Ирода грызли сомнения. «Может быть, не стоило нарушать пропорции храма?»

К середине 23 г. стало ясно, что постройка со всеми башнями, которые он задумал, затянется на долгие годы, а народ уже провел одну Пасху в старом, полуразрушенном храме, и не было необходимости расплывать свои силы. Работа на внешних стенах шла своим чередом, а левиты продолжали строить сам храм. К этому времени на стройку были доставлены все 162 колонны, красный и желтый нубийский мрамор, черный и белый мрамор, а также колонны и детали орнаментов из Коринфа, а другие материалы продолжали подвозить.

Белый камень для святая святых поступал только из иерусалимских каменоломен. В нем не было прозрачности и благородной глубины мрамора, но он был прочнее и был «чист», насколько вообще чист может быть камень. Но этот вопрос не обсуждался, ибо вся Иудея понимала, что камни для дома Незримого должны быть только иерусалимскими, вырублены иудеями, а сама скиния сложена левитами. Этого требовали традиции.

Левиты быстро сложили куб, сторона которого составляла 20 локтей. В него вела небольшая дверь. И в нем ничего не было. Но то, что святая святых уже построена, вызвало в народе великий

отклик и энтузиазм. Прибыла делегация от иудеев Вавилона. Они спрашивали, чем могут они помочь храму. Они сделали пожертвования, размера их никто не знал. Они были искусны в ремеслах и взялись изготавливать занавес, который предназначался для отделения внутреннего помещения от внешнего. Занавес был 50 локтей в длину и 16 — в ширину. Ткали его почти целый год. Он стал символом вселенной, и в чудном хороводе на нем сплелись четыре стихии: багряница — огонь, янтарь — земля, лазурь — воздух, пурпур — море. А небо было голубое — хотя и без знаков Зодиака. Сущий не допускал изображений в своем доме.

Из Вавилона прибыли ювелиры со всем инструментом. Здесь же они отлили огромную золотую менору, ибо лучи каждой свечи должны напоминать нам о планетах и приближать к вечности. Двенадцать столов из белого полированного мрамора было подготовлено для хлебов, потому что это тоже священное число, оно равно количеству знаков Зодиака. И тринадцать курильниц для различных благовоний было установлено, так как все знали, что хотя двенадцать — число священное, но не надо еще забывать о Боге.

Ирод дал срок, и к концу 23 г. все необходимое для освящения было готово. А людей не надо было подгонять. Они работали с тем же иступлением, с каким почти через сто лет будут умирать, защищая город и храм.

Поступил пентеликонский мрамор — крупнозернистый, белый-белый, он блистал, как снег высоко в горах, и зеваки в восхищении цокали языком. Его еще никогда не завозили в Иудею — это была диковинка. Из него решено было делать купола.

Ювелирам все время находилась работа, и они перевезли сюда семьи, решив остаться в Иерусалиме. Они долго размышляли над новым заказом Ирода и чесали в затылках, пока царь не пришел и, взглянув на них, не прошипел: «Не позже конца кислева¹». Стукнул посохом, повернулся и ушел. И они сделали за несколько месяцев гигантскую виноградную лозу из чистого золота, в которой каждая гроздь была ростом с человека. После гибели Иерусалима она была увезена в Рим. Потом они делали тонкие золоченые шпичи длиной примерно в локоть, чтобы не давать птицам садиться на кровлю. И эти шпичи тоже стали элементом архитектуры и сразу вписались в

¹ Середины декабря.

ансамбль. А когда ювелиры закончили все необходимое для храма, то получили заказ на жертвенные ножи и всякие мелочи...

Александрия тоже не осталась в стороне. Алебарх Александр, прадед того самого Тиберия, который был прокуратором Иудеи, этнархом Египта и вторым лицом после Тита в римской армии, разрушившей храм, долго выбирал приношение и советовался с Иродом. Он подарил золотые и серебряные листы для восьми ворот, ведущих в храм, а каждые ворота состояли из двух дверей по 30 локтей высотой и 15 — шириной. А для девярых, главных, Никаноровых ворот он прислал бесценную коринфскую бронзу, рожденную в огне при пожаре Коринфа и так больше и не воспроизведенную. Коричневый цвет с золотистым отливом имела она и никогда не ржавела. А двери были огромные — 50 локтей в высоту и 47 — в ширину, и никто не брался оценить этот дар. И даже глаза Ирода блеснули от удовольствия.

После дара алебарха Ирод вдруг стал задумываться и решил изменить первоначальный проект. Это надо было решать уже сейчас, так как стены возводились очень быстро. Царь попросил созвать Синедрион в своем дворце. Другого подходящего помещения в Иерусалиме не было. Он произнес только одну фразу: «Давайте сделаем поверх мрамора облицовку золотом».

Ирода можно было понять: он был идумей и часто бывал в Идумее. А в его стране, еще недавно языческой, к золоту относились не так, как в Иудее. Женщины носили многочисленные браслеты и перстни, толстые и дорогие, — это символизировало богатство, а еще они любили ожерелья, цепочки из монет или кусочков желтого металла.

Иудеи любили золото вряд ли меньше своих братьев, но у них было больше вкуса и избыток украшений претил им. А тут шла речь далеко не о пустяках, а о доме Сущего. И все они представили себе храм, похожий на огромную глыбу золота. И неизвестно тогда, кого больше будет почитать и без того заблудший народ — Сущего или храм. И у всех членов Синедриона на языке вертелась одна фраза: «...сделал из них тельца и обделал его резцом»¹.

Первосвященник Симон уловил их настроение, поднялся и произнес:

¹ Исход, 32:4.

– Моисей сказал: «Что сделал тебе народ сей, что ты ввел его в грех великий?»¹. Великий царь, мы строим храм на века, и мы не можем ошибиться, ибо ошибка может означать либо гнев Господень, либо он просто откажется посещать жилище свое, что еще хуже. Меньше всего дом сей должен быть похож на тельца. Он должен олицетворять красоту и богатство, и мы видим, что нам это удается, но храм – еще и символ Иудеи, и каждый иудей и неиудей должен понимать, что Иудея переменчива, ибо Господь любит разнообразие. Иначе чем объяснить обилие тварей на земле?

Весь Синедрион был согласен с первосвященником, Ироду тоже пришлось согласиться.

Архитекторы сидели на солнце, всматриваясь в мир отрешенным взором: они должны были смотреть в будущее, они должны были увидеть храм в его полном великолепии из глыб мрамора разного цвета, и им предстояло отыскать то единственное сочетание красок, которое позволило бы храму в зависимости от положения солнца казаться то грозным, то улыбочивым, то спокойным. Потому что каков Господь, таково и его обиталище. Они понимали, что у них нет права на ошибку. И добавили аквамаринный мрамор, и черный, и желтый, из которых была создана мозаика пола, и нашли наилучшие ракурсы для лучей света. О храме позже было так записано: «Из каких материалов Ирод выстроил это здание? Раав говорил – из алебаstra и мрамора, некоторые говорят – из алебаstra, стигтия² и мрамора. Ирод думал все покрыть золотом, но раввины посоветовали оставить как есть, потому что так храм был похож на волны морские»³.

Когда фронтон здания, который имел в высоту и ширину по 100 локтей, был поднят, Ирод успокоился. Он видел, что заднюю часть здания с двумя крылами достроить к сроку не успеют, но это было непринципиально: храм можно было освящать как только водрузят купол.

В конце декабря 22 г. святая святых начали убирать и мыть. Затем туда был внесен грубый древний камень, находившийся еще в Первом храме. Когда-то на нем стоял ковчег со скрижалями. Но

¹ Исход, 32:21.

² Наиболее вероятно, что это стеатит – мыльный камень.

³ Siccah, fol V: 1–2.

и то, и другое исчезло после вавилонского нашествия. Впрочем, ходила легенда, что Господь просто сделал скрижали и ковчег незримыми, а посему камень непременно должен быть в храме. Он должен стоять здесь и по другой причине: как же иначе знать, где находится «пуп земли», — только по «камню основания». Внесли жертвенник, завесу из шерсти, белую и непрозрачную — такой она и должна быть, чтобы не отвлекать Господа. Началось освоение других помещений. Установили огромные медные чаны и особый аппарат для наполнения водой «медного моря». Священнослужители осматривали ризницы, которые им предстояло занять в недалеком будущем.

Каждый день поступали приношения от городов, где жили иудеи, от отдельных лиц, а потом стали делать подарки и другие города, до них тоже докатился слух о фантастическом свершении царя Иудеи, да и никто не хотел портить отношения с Незримым — вдруг он действительно существует? Железная воля Ирода восторжествовала и здесь. Храм достраивался еще шесть лет, а весь комплекс был готов незадолго до разрушения, но освящение было назначено на день годовщины утверждения Ирода царем, и оно состоялось.

Первого шевата¹ подготовили двенадцать хлебов, внесли тринадцать трав для курений, они были добыты из моря, привезены из необитаемых земель, другие же культурно возделывались — они указывали на то, что все исходит от Бога и принадлежит ему. Репетировали. А на следующий день началась церемония.

Вначале, как и положено, шли левиты, они трубили в серебряные трубы вправо и влево, вверх и вниз и во все стороны света, они несли в мир весть: «У Незримого появилось новое обиталище».

Потом было шествие, и в виде исключения первосвященник был в облачении, которое надевал один раз в году — на День всепрощения. На голове его была диадема, на которой было имя Сущего — Яхве. Все одеяние было гиацинтово-голубым и обшито кистями, а на кистях висели золотые колокольчики с гранатами и яблоками. Одеяние скреплялось на груди повязкой, повторяющей цвета и узоры завесы храма, таким же было наплечье, но на нем было еще золотое шитье. А еще одеяние скреплялось двумя застежками: на одной на огромных сардониксах были вырезаны имена колен

¹ Шеват — январь—февраль.

Израилевых; на другой, где камни были поменьше, имя каждого колена было выгравировано на отдельном камне: сердолике, топазе, смарагде, карбункуле, ясписе, сапфире, агате, аметисте, янгаре, ониксе, берилле и хризолите. Он шествовал в окружении священников, левитов, и они пели и славили Господа, а Ироду в этот праздник досталось меньше чествований, чем обычно, но он не очень расстроился.

Храм был освящен, но народу меньше не становилось. Все понимали важность происходящего и гордились собой. Священники провозгласили: «Мир подобен глазу: белок его есть океан, черная его часть есть земля, зрачок есть Иерусалим, изображение внутри зрачка есть святилище»¹.

Десятки тысяч людей в едином порыве кричали: «Осанна!»

Так Ирод увековечил себя в Иудее. Он почувствовал свое единение с Сушим, с этим народом, который он презирал и любил одновременно. А иудеи и иноземцы разнесли по миру великую весть: родился новый храм, храм Ирода.

Ирод выполнил свое Предназначение, первое из предсказанных ему: он стал на шаг ближе к Сушему — такой храм стоил многого. Царь Соломон, коего чтили все народы, до которых могли доплыть корабли или добрести караваны, этот человек, написавший на перстне своем фразу «Все проходит», первым заслужил признание Всевышнего, и он послал ему знамение, правда, сокрытое для нас временем.

Второй, как ни странно, был человек, отвергаемый окружающими народами, желчный и сухой книжник Зерубабель. Но и при нем храм был освящен, и тоже с ведома Сушего. Большой косяк свободолюбивых птиц — белых журавлей вначале пролетел над ним, разрезая небо клином, а затем грянул знак в виде дуновения ветра, легкого, сладкого и убаюкивающего, а когда исчез, все, растерянные и счастливые, поняли, что они благословенны.

Но теперь что-то было не так.

На камень рассеянных² взобрался некий чудака и стал плакать и бить себя в грудь, и никто так и не понял, что он утерял. А на следующий день у камня зацвел желтый цветок, означающий утрату.

¹ Цит. по кн. Фаррар Ф.В. Ироды. СПб.: Шпиль, 1998. С. 87.

² Высокий камень в Иерусалиме, с которого объявляли о находках и потерях.

А стая журавлей была какой-то усеченной. За вожаком с одной стороны клина летело тринадцать журавлей, с другой — семь. И посвященные легко произвели несложные вычисления: они умножили семь на тринадцать и прибавили единицу. «Девяносто два», — тихо прошептал один из них, и другие кивнули головами. Столько лет предстояло стоять новому храму. Но это знали только посвященные...

Глава 40

Женитьба сыновей

В 21 г. до н.э. Ирод предпринимает поездку в Рим. Он поздравляет своего друга Агриппу с женитьбой, привозит ему дорогие подарки. И ему надо забрать домой Александра и Аристовула. Образование их завершено.

Сыновья степенно встречают отца: не бросаются ему на шею, а только целуют в бороду — осторожно, с почтением. Грозен и строг Ирод. Склоняются они перед отцом, ждут его слов, потом рассказывают сами.

В Риме уже наслышаны о завершении грандиозной стройки. Август прекрасно понимает, что новый храм сплачивает население, отвлекая его от экономических неурядиц. Кто строит храм, тот не собирается воевать. А что касается религиозных воззрений, то Юпитер Капитолийский — настоящий демократ, особенно за пределами Рима. Неспешно они ведут беседу, сыновья рассказывают об Августе, своей жизни в Риме, о войне, друзьях, о Поллионе. Говорят они превосходно. Риторика римлян в сочетании со страстностью иудеев дает результаты. Ирод внимательно слушает, запоминает. Яркая речь и впечатлительность мальчиков на очень долгий срок откладываются в его памяти, но совершенно в другой интерпретации. Поллион его друг. Друг давнишний и верный. Ему по душе поступки и Августа, и Поллиона. И еще ему нравятся его сыновья. Он желает их женить, тем более, что невесты давно выбраны.

На встрече принцев в Иерусалиме было немногочленно. Странной кажется им Иудея после четырехлетнего отсутствия. Здесь все другое — не голубое и зеленое, как в Италии, а черное, полосатое, золотое, и цвета яркие, контрастные. Там — торжество природы и света, здесь — ощущение предназначенности, и еще бросается в глаза бедность в сравнении с Римом. Но это только до тех пор, пока юноши не увидели храм, отстроенный их отцом. Конечно, он не

такой громадный, как дом Юпитера Капитолийского, но этот храм, удивительно сочетающий в себе белизну камня с теплотой дерева, прекрасен: он нравится иудеям, понравится и Предвечному. Они выражают свой восторг отцу, и Ирод, прекрасно понимающий, что такое искренность, растроган. Скоро их свадьба, она состоится здесь, в новом храме.

Хрупкая, царственная, чем-то одновременно похожая и на Мариамну I, и на эльфа, стояла Глафира, покачиваясь из стороны в сторону, точно утренний цветок, улыбающийся ветру. Улыбка ее была лучезарной, она всем сердцем тянулась к старшему сыну Мариамны I, и Александр почувствовал, что они предназначены друг другу.

Чуть-чуть грузноватая, но с великолепно очерченным профилем и гордо вскинутой головой, перед Аристовулом, вторым сыном Мариамны I, стояла Береника, дочь Саломеи; он, ее двоюродный брат, должен стать теперь ей мужем. Она жадно вдыхала воздух, словно флюиды этого юноши, почти мальчика, заполняли пространство между ними, и она стремилась поглотить, ошутить, осязать их. Береника тоже почувствовала, что влюблена. В последующем распри этих женщин стали одной из причин гибели братьев.

Нельзя сказать, что дворец Ирода, в особенности двор, отличались замечательной акустикой. Многочисленные веранды, причудливая восточная пышность с разнообразными пристройками не способствовали отражению звука. Однако двор как бы считал нужным доносить присутствие Ирода до самых отдаленных уголков дворца.

Его посох, подаренный Николаем Дамаским и пришедший в Египет неизвестно откуда, был знаменит на всем Востоке. Сделанный из черного как ночь эбенового и красного как кровь дерева, со слоновой костью и инкрустациями из золота и серебра, посох производил неизгладимое впечатление. Это был царский дар, и Ирод оценил его. Ему приходилось часто менять наконечники — бронза не выдерживала его яростного стука: иногда за несколько дней Ирод разбивал посох до такой степени, что твердое, как металл, эбеновое дерево плющилось, и тогда звук от ударов посоха о мрамор становился тихим. Казалось, боязнь расстаться с любимой игрушкой притупляла или вообще останавливала ярость Ирода. С налитыми кровью или, наоборот, спрятавшимися вглубь лица глазами,

он бросал посох слуге и отправлялся в опочивальню. Через какое-то время все повторялось.

Посох с новым наконечником выбивал из мрамора, за тем исключением, когда лопались плиты, чистый и короткий звук, как бы воплощающий ярость, и эхо разносило его, предвещая выход Ирода. Двор быстро пустел.

Царю шел шестьдесят четвертый год. Тоска по Мариамне уже не так часто мучит Ирода, он уже в деталях и не помнит ее, вечно молодую и непокоренную. Но по ночам, когда он призывает на ложе одну из своих жен, он долго всматривается в обнаженное тело, свернувшееся в клубок либо призывно раскинувшееся. Иногда это продолжается долгие минуты, и только когда лунный свет выхватывает из этих тел знакомый или, наоборот, забытый за тридцать лет ракурс, Ирод берет их грубо и молча.

Тоска уснула, но ее дочери, подобно детям Ехидны, все время устраивают игры в прятки с душой Ирода, и ей, душе, не всегда удается спрятаться. Дети Тоски — Пустота и Подозрительность — вот основные спутники постаревшего властителя. Царь одинок. На старости лет это страшно.

Дети его — Александр и Аристовул, вернее, их семьи живут рядом, их помещения — направо от опочивальни царя. Братья росли вместе, вместе воспитывались в Риме, в один час взяли себе жен. И, как это часто бывало в семье Иродов, именно размолвка их жен послужила если не основной причиной, то очень существенным поводом их гибели. Когда они начали свой жизненный путь, их кровати стояли рядом, а в 8 г. до н.э. так же рядом будут стоять их виселицы.

Ирод, опустошенный и истерзанный, часто посещает сыновей, и практически не было случая, чтобы он ушел нераздраженным. Формально ему не в чем упрекнуть Александра и Аристовула. Они воспитывались при дворе Августа и в полной мере впитали в себя аристократизм и властность греческой и римской культуры, знания и прагматизм Рима. Оба счастливы в браке. У них дети — много. Молодые семьи часто навещают друзья — тогда везде слышится смех.

Когда Ирод входит, обе семьи оказывают ему должные почести, а как же иначе, смех стихает, но плавная и витиеватая беседа не прекращается. Сыновьям не откажешь в хороших манерах. Все улыбаются, смотрят на правителя, но взгляды проходят сквозь

Ирода, несколько на нем не задерживаясь, фразы и жесты также минуют его. Он — только тень, тень прошлого.

Нельзя сказать, что он им не интересен. Просто он человек другого мира, другой сущности, и грань, разделяющая мироощущение отца и сыновей, установилась раз и навсегда. Произошло это сразу после свадеб. Они заимели своих женщин, они почувствовали силу и мужество. Наверное, основной причиной этой холодности явилась священная для них память о матери, ибо с точки зрения иудейских законов Ирод совершил что-то совершенно невообразимое. Сыновья были с отцом одной крови, но отстояли от него дальше, чем его покойные братья, Саломея, Мариамна. Близкие Ироду по духу Антоний, Агриппа и Дамасский были гораздо ближе ему. Разговоры с ними были всегда интересны, их присутствие делало мир лучше и приятнее. Но все это не относилось к его детям. Ситуацию с ними можно было бы обозначить двумя словами: «чужой» и «чужие».

Кровь вместе с желчью растекалась по жилам Ирода. Сейчас трудно судить, был ли он в полном сознании в период этой трагедии. Вероятно, подобно другим деспотам, был, как сейчас говорят, в трезвом уме и здравой памяти. Однако он уже давно не контролировал себя. Маниакальная подозрительность, одиночество, страх — все эти чувства уничтожили контрольные механизмы его сознания, и принятие им тех или иных решений уже не подчинялось ни логике, ни рассудку. Весы, на которых лежали жизнь и смерть жителей Иудеи, в том числе и близких Ирода, находились уже не в руках справедливой Фемиды, а тончайшей нитью рока были связаны с гаснущим сознанием Ирода, и отклонение их в ту или иную сторону зависело теперь только от каприза судьбы, от случая. Он хотел почитания, он жаждал быть кумиром.

Из десяти заповедей, записанных на скрижалях, «Не сотвори себе кумира» была самой странной и поэтому пугающей. Предвечный, Адонай, Яхве поднимал планку перед избранным народом на очень большую высоту. Как бы иногда хотелось, подобно другим народам, видеть перед собой нечто зримое, воплощенное в дереве, камне, либо металле, либо отображенное каким-либо иным образом, к примеру на холсте или бумаге. Но нет. Незримый потому и был незримым, что не мог быть воплощен, и в этом была великая логика. Другие народы, другие цивилизации пытались по мере

культурного взросления отыскать альтернативу грубому фетишу. Через несколько веков у греков появился Аргус, воплощающий звездную сферу, а у монголов через тысячелетия — выдающийся символ «Великое Синее Небо», еще через века Незримого начали отождествлять с природой, и это течение в том или ином виде получило широкое распространение. Но была огромная разница во всемогуществе природы, действующей слепо, методом перебора миллиардов и миллиардов вариантов и подчиняющейся принципам великой целесообразности, с логикой Незримого, причем логикой, существенно отличающейся от человеческой и доступной только ему одному ведомым законам, но в отличие от природы владеющего концепцией добра и зла.

И еще одну вещь сделал Незримый: он ничего не декларировал на авось. Он в полной мере привил своему народу склонность к Сомнению, а там, где присутствуют Сомнение и Знание, нет места кумирам.

А дети царя Ирода целиком находились под влиянием воспоминаний о своей матери. Если б можно было разделить их кровь, то доля крови Ирода в их жилах была бы бесконечно мала. Они принадлежали Мариамне. Они Знали и Сомневались...

Глава 41

ОДИНОЧЕСТВО

Ирод отстроил храм, великолепный, — об этом твердил весь Восток, весь мир. Количество паломников, просто посетителей увеличилось многократно. Иерусалим стал чище, быстро застраивался. Вроде бы все хорошо. Однако Ирод был недоволен. А дело в том, что народ, воспринявший создание нового храма не как деяние царя, а как волю Всеведущего, вообще забыл об Ироде, словно храм и не был его детищем, его болью и страданием. А ведь его творение было лучше, много лучше, чем первый храм Соломона, но о Соломоне пели песни. Уродливое второе строение, которое было сооружено вернувшимися из вавилонского плена иудеями, теперь забыто, и все иудеи благодарили Всевышнего. Ирод, конечно, и не думал ревновать к Сущему, но где же справедливость? А ее не было. Мало того, когда он поднимался на какую-либо из башен, посвященных тем, кого он любил, — Антонию, Мариамне, Гиппику, Фасаилу, его одолевали воспоминания, чаще грустные. Жизнь в Иудее не является удовольствием. А женщины, которые видели его стоящим на башне, исподтишка показывали на него детям, и те смеялись. Этот смех печалил царя. Он женил сыновей, и те, сразу же окунувшись в груди и лона своих жен, ушли от него. Их внутренний мир наполнялся и даже переполнялся иудейскими традициями, бреднями, сказаниями. Казалось, что их мать Мариамна только и делала, что вливала нечто древнее в их души, и, конечно, ей это удавалось, ведь это были ее дети.

Иудея вообще обладала какой-то странной властью обращения. Все яркое и ясное, так ценимое в Риме, во всем мире и даже у египтян и арабов, при близком контакте с Иудеей трансформировалось в нечто грозное, двусмысленное, требовавшее размышлений и пояснений.

Многие его знакомые иудеи, арабы, египтяне и даже греки выпитывали яд этой страны и изменялись: речь их становилась

медленнее, а взгляд — отсутствующим. Нельзя было сказать, что все они являлись приверженцами Сущего, хотя и в таких тоже не было недостатка. В особенности это касалось рабынь: те, становясь вольноотпущенницами, практически все без исключения принимали иудаизм, и никто не мог понять почему.

Идумеи не менее, чем иудеи, боялись изображений, и самаритяне противились им. Другие предпочитали менять разговор, если говорили о запретном, старались исчезнуть, уйти. Никто не хотел конфликтов с Сущим. И вся Иудея ненавидела гладиаторские бои, они были вопреки скрижалям, вопреки заветам, ибо даже у Сущего не хватало фантазии допустить такое, чтобы человек дрался с человеком в клетке либо на арене и один убивал другого ради развлечения толпы. Это было настолько ужасно, что не поддавалось описанию. Традиции и устои эллинизма проникали в Иудею, как и в другие провинции или соседние страны. Везде они становились доминантными, главенствующими. Всюду устанавливался римский порядок, и даже его любовь, упорядоченная и доступная, нравилась миру. В Иудее же происходило другое: она не противилась и не воевала, она была похожа на трясины, на зыбучие пески. Она поглощала новые веяния, оставаясь равнодушной и одинокой, но не бесстрастной. Практически все, что делал Ирод, воспринималось с раздражением — иногда сильным, иногда легким. А что касается храма, так при чем здесь Ирод? Так хотел Яхве. Разве допустил бы он, чтобы какой-то полуидумеи-полуараб строил его дом без его желания? Он воспользовался им, и хорошо, что Ирод не противился Предвечному, а то бы его ждала страшная кара, непременно. И еще, сознательно или бессознательно, народ предпочитал ему его же сыновей от Мариамны, противопоставляя их царю. Их любили, ибо сказано в Писании: «Не гнушайся идумеянином, ибо он брат твой, не гнушайся египтянином, ибо ты был пришельцем в земле его; дети, которые у них родятся, в третьем поколении могут войти в общество Господне»¹. Они были сыновья иудейки и третьим поколением, а он — нет.

Примерно так мыслили иудеи. Ирод знал, что он «чужой среди своих», и ему от этого было еще горше. Все его жены, за исключением Мариамны II, были покорны. Но та, первая Мариамна осталась

¹ Второзаконие, 23:7–8.

непокоренной, и потому все, кто были после нее, казались ему пресными, как финикийские лепешки: в них не было той страстности и внутреннего огня, которыми с избытком наделен Ирод. И его пламя искало родственный огонь, с которым можно было бы соприкоснуться, но не находило. И тогда он призвал мудреца Шамаи и попросил объяснить его тоску.

— Ты хочешь знать, великий царь, почему тебя не любят в Иудее, почему столь сильное противодействие в этой стране твоим весьма разумным начинаниям, почему ты, снизивший налоги и отстроивший великий храм, так нелюбим и непочитаем? Ты хочешь знать, почему тебя так карает Сущий и почему ты не можешь найти общий язык с женами и детьми? Ведь так?

— Да, — тихо ответил Ирод.

— Слушай и запоминай. Ибо я стар и открою тебе то, до чего не можешь ты дойти своим пытливым умом. Прости меня, государь, у тебя просто нет для этого навыков, подготовки и знаний. Так слушай.

У греков есть очень любимый или миф, притча, сказание — все равно, как его называть, — о Прометее. Это был титан, или полубог, или младший бог, и он противопоставил себя Зевсу, ныне Юпитеру, в сущности, тому же Зевсу, чуть приукрашенному римлянами. Этот Прометей украл у Зевса Огонь и Знания и отдал их людям. И Зевс велел приковать Прометей к пустынной скале, и орел каждый день клевал ему печень. Так длилось веками. Я говорю тебе суть, упуская красоты греков, а у них это хорошо получается.

В этом и есть их сущность: некто должен проявить героизм. Они любят героев, в этом их дух, их сила. Их состязания, сражения, гладиаторские бои, философские диспуты — всё это разновидности героизма. Не так уж важно, сражение ведется или беседа, а важен результат: кто выиграет, кто прав, кто лучший. Греки — героический народ, и Греция — страна героев. Рим, трансформированная и осовремененная Греция, — тоже страна героев. Прометей — герой, неважно, что он украл нечто у самого Бога. Он прославлен на века — и в этом сущность греков.

Они устраивают состязания не ради истины и не ради великой цели, а только для того, чтобы появился новый победитель, ради честолюбия и тщеславия. Им постоянно надо кого-то чествовать: певцов, музыкантов, полководцев, философов. И они от избытка чувств и недостатка чествуемых создали много второстепенных божеств или героев, которых можно превозносить каждый час и призывать каждый миг. Их боги не только не запрещают им это, а, наоборот, они, нуждаются в чествованиях. Это цивилизация чествователей.

Ты не посвящен даже в низшую ступень знания и поэтому понимаешь не много. Слушай же.

У нас все другое. Когда Незримый создал первого из нас, он взял в правую руку частицу огня, своего Божественного огня, и вдохнул ее в первого, и эта частица упала в сердце. И он взял в левую руку толику своей мудрости, у нас это называется знанием, и дунул на руку. И знание слетело с руки и попало в мозг и осталось там навсегда, как и огонь в сердце. И поэтому каждый из нас знает, что он несет в сердце частицу Божественного.

Когда мы слышим хорошую музыку, мы благодарим музыкантов и Сущего за то, что он дал нам это услышать. Когда мы видим прекрасный танец, мы благодарим танцовщицу и Сущего за то, что он дал нам это увидеть. За многое мы благодарим Сущего и даже за то, что он позволил нам грешить, научил нас понимать, что мы грешим, и дал возможность искупления.

Если мы ведем диспут, то только ради того, чтобы узреть истину. Мы находим ее и придаем ей точные очертания. Сегодня это сделает один, завтра – другой. Зачем считать более удачливых? Если мы вступаем в битву, то только для того, чтобы оборонять нечто дорогое для нас, и разве так уж важно, кому повезет больше, кто останется жив, а кто будет мертв?

Мы можем и обязаны уважать учителя, собеседника и друга, но нам нет необходимости состязаться, нашей цивилизации не нужны победители и герои. В каждом из нас есть Божественный огонь и знание, которое Сущий

вложил в нас. Мы равные, великий царь. Мы лишены зависти, мы отмечены, мы выделены Сущим. И мы не хотим доказывать друг другу, что один из нас лучше другого, зачем? Мы должны только Сущему, только ему. Мы должны ему не приношения – это ритуал, красивый символ, и он прощает нам, причём весьма охотно. Если у нас нет агнца, мы можем совершить приношение голубем, если нет голубя – яйцом, если ничего нет – он примет нашу устную благодарность. Он не считает и не запоминает обид. Он учит нас расставаться с частью того, что мы имеем, и ничего более.

Наш долг перед Сущим исчерпывается нашими деяниями, ибо он преследует некую великую цель, не доступную для нас, и, может быть, мы ее никогда не узнаем. Но если мы попытаемся как-то переложить его желания на язык, доступный нашему пониманию, то окажется, что он хочет от нас очень и очень мало: он надеется, что мы станем лучше, но не в борьбе и в состязаниях друг с другом, а потому, что такова наша потребность. И это очень трудно – передать народу эту потребность.

Мы выделяем из своей среды пророков, какими, например, были Моисей или Иеремия. Но им дано было откровение. Сущий почтил их больше, чем других. Нам дорого желание Сущего, и мы обнажаем головы и почитаем их. Мы выделяем мудрецов, например Соломона, потому что он построил Первый храм и его решения были понятны нам, но это всё. Бог запретил нам ложное почитание, что видно из слов его: «Не сотвори себе кумира».

Он не продолжил свою мысль, потому что говорил для разумных, а если б говорил для непонимающих, то наверное сказал бы так: «Не сотвори себе кумира, ибо ты сам кумир».

Сущий простит меня за то, что я взял на себя смелость толковать слова его, но я только сказал то, что есть в душе всякого иудея.

Теперь тебе понятно, почему мы лишены почитания и повиновения? Я знаю, что ты действуешь из лучших побуждений. Ты хочешь сохранить наш мир, наш корабль,

нашу цивилизацию в бушующем элинизированном мире и не знаешь, как это сделать. Может быть, ты и прав. Избрав свой путь, ты отвечаешь только перед самим собой и перед Сущим, но я думаю, что твоя попытка обречена на неудачу. Ведь там, где каждый – кумир, там нет места героям, нет места подвигам. Никто не знает, что нас ждет, и ты не можешь знать, Ирод. Предоставить Сущему решать эту проблему, и, если мы в самом деле избранный народ, он как-нибудь сам найдет выход. Не принимай на себя все грехи и заботы Иудеи, это не под силу человеку.

Шамаи закончил говорить и подошел к столу. Он достал из глубин своего одеяния блестящий волчок и придал ему вращение. А Ирод, чьи глаза были сухи, а сердце плакало, через несколько минут впал в забвение.

Когда царь пришел в себя, то стал вспоминать, о чем говорил Шамаи. Однако слова мудреца были подобны белым облачкам, пушистым и постоянно меняющим форму. Ирод понял, что совсем не нужно запоминать, о чем говорил Шамаи, но зато к нему пришло знание, и это знание было страшным и неприятным. Оно гласило, что Иудея одинока в этом мире, что ее ценности иные и что, скорее всего, она, так упорно отстаивающая их, обречена. И ему было жалко не Иудею, а тех прекрасных городов, которые он отстроил, и храма. И еще ему было жалко себя, потому что он был так же одинок в мире, как и его страна, и он не отделял себя от нее.

Мир, в котором жил Ирод, становился ему все более враждебным. Надвигалась старость, которая редко способствует хорошему самочувствию. Он не мог подолгу находиться в Иерусалиме. Стоило ему подняться на одну из башен, к которым его тянула какая-то неумолимая сила, как он слышал трубные звуки, которые, как сквозь грозу, повторяли знакомые, близкие и ушедшие имена: Гиппик, Мариамна, Антоний, Фасаил...

Одно время царь повадился жить в Иерихоне, где можно было посидеть у прудов, обрамленных лилиями; иногда с небольшой охраной он спускался к зеленому берегу Иордана, ленивого и бесстрастного, бывшего полной противоположностью Ироду. Ему не было дела до Ирода, и это было хорошо. Возле реки летало много стрекоз.

Их большие глаза напомнили ему глаза той, которой давно не было. Огромные, они расправляли свои крылья, усаживаясь на тонких ветках, и бесстрастно обозревали все вокруг. И не подпускали Ирода к себе. Ирод любил наблюдать за мальчишками, старавшимися поймать эти странные создания. От них не было ни вреда, ни пользы. Тогда зачем они вообще нужны? — задавал Ирод вопрос и не находил ответа. Он задавал себе еще и другие вопросы подобные этому, их было тысячи, и на них не было ответа. Иногда он подолгу сидел на берегу, ему хорошо отдыхалось около стрекоз, и дремал. Потом он вдруг просыпался и снова видел перед собой их большие глаза, а в них — глаза Мариамны. Пахло сыростью. Он тяжело поднимался и уходил, и стрекозы равнодушно смотрели ему вслед.

Глава 42

Вражда

Антипатр был скрытен и красноречив. Эта наследственное сочетание семейства Ирода было странным и завораживающим. Возможно, он и уступал в красноречии сыновьям Мариамны, но это в большинстве случаев не имело никакого значения: жизнь — не состязание в ораторском искусстве. Сыновья хасмонеи царя были шумны, говорливы и открыты, похожи на мать. Антипатр, с вечно улыбающимся ртом и холодными черными глазами, исторгал неведомую притягательную силу, в нем было нечто демоническое. Темные как ночь глаза его были похожи на уголья, иногда потухшие, иногда горящие. Но всегда в них присутствовала ненависть.

Причиной тому были долгие годы забвения. После того как Ирод встретил Мариамну, он почти не навещал его мать, а первая же ночь с хасмонеи царя будто наложила табу на тело Дорис. Он вообще не знал и не хотел знать других женщин в первые годы своей любви к Мариамне. Да и потом, когда он другими женщинами начал разбавлять яд, исторгаемый его избранницей, он не навещал мать Антипатра. Она, питаемая ненавистью, однако, не старела, и жила отдельно от мужа: в Себасте либо в Мариссе. Она долго не появлялась при дворе, и это послужило ей на пользу. От природы далеко не глупая, она могла размышлять и учить своего сына. У нее не было кумушек, времени для тряпок и сплетен. Пустыня сменялась великолепными оазисами, ветер — ветерком, который создавали опахала рабынь, холодные ночи — ярким идумейским солнцем. Ей было около тридцати, когда Ирод пришел к ней в последний раз перед десятилетней разлукой, а потом они были вместе уже после смерти той, которая полностью овладела вниманием Ирода. Дорис не могла простить Мариамне эти десять лет. Ирод, слушая ее бесхитростные рассказы, похожие на сказки, быстро успокаивался и даже иногда впадал в дремоту. Она по каплям, как на

сталагмите, наращивала свое влияние на царя. И пещерой, где рос сталагмит, была их спальня, а катализатором — Антипатр. Ирод когда-то гладил голову его, еще мальчика, и он, забывший, что такое отцовская ласка, в эти минуты внутренне съезживался, как волчонок, и губа у него чуть подергивалась. Материнская любовь, источаемая Дорис, не была водопадом, она была пламенем, на котором стоял котелок с ядом. И казалось, что мать и сын только и делали, что незримо перемещались по Иудее, Идумее, Самарии, Галилее, стараясь не уронить, подобрать хоть каплю яда, исторгаемого и роняемого Мариамной. И, надо сказать, им это удавалось. Они перекипятили его, добавили в отвар трав и снадобий и во всеоружии вступили в опасный мир дворца Ирода. И теперь они травили яд бережно и с умом. Дорис полностью доверилась Ироду, она купалась в ласках царя, а сын ее был талантлив, исключительно талантлив, как и подобает настоящему злодею.

Но Александр и Аристовул, по крайней мере в первые годы, были защищены, потому что яд Мариамны и яд Антипатра имели одно название — «ненависть», которая была негасимой.

Антипатр, вернувшийся из Рима, был назначен первым наследником Ирода. Он тоже свободно владел латинским языком, узнал Рим и ждал. Он ждал смерти отца. Если б эта смерть произошла, никаких особых хлопот с сыновьями Мариамны не возникло бы. Мало ли под каким предлогом можно их казнить! Но Ирод был все еще здоров и крепок, а Антипатр старился. Власть, которая была совсем рядом и которая постоянно шептала ему: «Возьми, возьми меня», — была хитрой и чем-то похожей на Глафиру — жену Александра, первую красавицу дворца, манящую и недоступную.

Это ожидание власти и мести еще больше портило характер Антипатра, хотя он продолжал улыбаться губами. Александр и Аристовул чувствовали растущее влияние Антипатра на Ирода, злую силу его чар и ненависти, но ничего не могли сделать, а на первых порах и не хотели. Оба очень любили своих жен, детей, друг друга. Их мать прекрасным образом своим будила в них нежные воспоминания. И тот маленький мирок личных интересов в первые годы после свадьбы служил им хорошей защитой. Но они знали и другое. Народ и армия любили их, потому что говорили они страстно, от сердца, а мать их была иудейка, и очень красива. И они не были бы иудеями, если б могли спокойно переносить, что в покой их

матери, чье тело было так бело и гармонично, вошла другая. Воспоминания всегда были с ними. Любому из них достаточно было нежно и ласково погладить свою руку, чтобы повернуть ключ в той двери, за которой прятались воспоминания, и они, порождения тьмы, возвращались сразу же, словно стояли у этой двери и ждали, когда ключ повернется. И никогда не уходили, пока не убеждались, что братья вдоволь напоены ядом.

Когда Дорис и Антипатр встречались во дворе либо на приемах с сыновьями Мариамны, их взгляды скрещивались и шипели как змеи, а потом возвращались в глазницы, забирались в мозг и начинали играть как на барабанах грозную мелодию: «Если сможем, убьем, когда сможем, убьем». Это громыхание вызывало боль в голове и неадекватные поступки. Здесь все преимущества были на стороне Антипатра и Дорис.

Сыновья Мариамны были из другого — светлого мира. Они не сидели ночами у небольшого костерка, когда песок трется о губы, заменяя поцелуй любимой, а ветер шелестит, как ее сбрасываемое платье. И еще можно слышать песни цикад — и это тоже укрепляет терпение. Ничего этого не знали сыновья Мариамны, потому что между купанием в любви и в песке существует различие.

И они надумали бежать к Архелаю, отцу Глафиры. Умела говорить жена Александра. Словно пела удивительные сказки, в особенности когда голова ее лежала на коленях мужа. И Аристовул, конечно, в меньшей степени, чем Александр, тоже верил сказкам Глафиры. Никто так не умеет петь и рассказывать, как эльфы, на которых она была похожа. Но она не была эльфом и потому слыла тщеславной. Так оно и было. И была проблема в этом квартете: имя ей было Береника — дочь Саломеи. Красива была Береника. Красивей матери. И было у нее два недостатка: она любила одновременно мужа и мать и многое, очень многое рассказывала Саломее.

Тщеславие же Глафиры было соизмеримо с ее красотой, и когда женщины оставались одни, — а так сплошь и рядом происходит в Иудее, — Глафира начинала покачивать своей прелестной маленькой головкой, а шея ее изгибалась все быстрее и быстрее. И тогда она завораживала, как кобра, которых, впрочем, не было в Иудее, и говорила:

— Дарий, сын Гистаспа, был моим предком со стороны матери, а Евмен, верный сподвижник Александра Македонского и первый

царь свободной Каппадокии, — прапрапрадедом со стороны отца. Чувствуете?

Знатность происхождения буквально выпирала из нее и раздражала всех: и Беренику, которая, как и ее мать, и вся семья Ирода, была благочестива и верила в Сущего; и многочисленных жен Ирода, которые все были красивы, но незнатны, или совсем не так знатны. К этой горькой и отвратительной настойке из своей знатности она еще иногда примешивала греческих богов, которых знала плохо, но призывала в свидетели. Она только формально была иудейкой, а больше язычницей. И обо всем докладывали Ироду шпионы и жены. Но Ирод, которому уже было за пятьдесят, любил давать волю рукам. Конечно, это не относилось к Беренике — дочери его сестры, но округлости Глафиры привлекали его и иногда, очень редко, он клал руку ей на бедро и чуть сзади и ниже, и тогда она вздрагивала, как молодая арабская кобыла. И Ирод долго помнил ее вздрагивание.

— Пусть говорит. Женщины всегда говорят глупости, — отвечал царь на их жалобы.

Но когда от неиссякающей уязвленности братья стали всерьез обсуждать детали побега, Аристовул был вынужден поговорить с Береникой. Она в слезах пошла к матери. Она любила мужа, мать, Сущего. Ирод не сделал ей ничего плохого, наоборот, всегда был ласков с ней. Она смягчала его размолвки с Саломеей. Короче, она не хотела уезжать, даже не думала.

Аристовул слишком хорошо знал свою жену, чтобы ожидать от нее другого ответа. Он не знал, что делать, и братья говорили, может быть, слишком долго и слишком громко. На губах их была горечь. Они стремились от нее избавиться и не знали как, потому что за ними был надзор, у них были дети, а Аристовул, ко всему, должен был бросить жену.

Бессилие отравляло пищу, вино, взгляды, которыми они обменивались и которые бросали на окружающих, оно вырывало у них проклятие, слезы и выкрики, оно подавляло инстинкт самосохранения, что было не очень трудно, — они ведь были молоды и воспитывались в Риме Августа, а не в Иудее Ирода.

Царю обо всем доносили. Добавляли, дорисовывали, дофантазировали, искажали. Старались клеветы, которые давно жили при дворе и чутко держали нос по ветру, выполняли будничную работу

шпионов. О чем-то шептались жены Ирода. Саломея и Ферор тоже не были безучастны. Антипатр, чья режиссура во всем этом была безупречна, не занимался хулой братьев. Зачем?

События текли неторопливо, но в нужном русле, они как песчинки, проникающие в любую щель, занимали места в сознании и подсознании Ирода. Он не мог и не хотел противостоять этому психологическому нажиму, поскольку Антипатр прибег к сильнейшему оружию. Информация, которую получал Ирод, была смесью правды с ложью. И, как много веков назад говорил насмешник Мом — изобретатель этого блюда, «не было сил, способных противостоять праведной лжи».

Наступил момент, когда горечь, обида и отчаяние захлестнули Ирода. Он так много дал детям Мариамны I, заботился о них, воспитал их, обучил в Риме, нашел им прекрасных жен — и что он имеет в благодарность? Дети, его сыновья, хотят его гибели. Все это было так, но на другой чаше весов стояла Мариамна в полном расцвете своей красоты — такой запомнили ее сыновья перед казнью. И все аргументы Ирода, высказанные и невысказанные, не имели смысла.

Ирод не знал, что делать, и потащил сыновей в Рим к Августу. И этот гениальный психолог, в меру жестокий — нельзя же править Римской империей будучи добрым, — велел говорить Александру.

Речь молодого человека, эмоциональная и своеобразная, потрясла присутствующих. Александр поднялся и, пунцовый от переживаемого, начал:

— Отец! Расположение твое к нам подтверждается уже всем этим делом; ведь если бы ты замыслил против нас что-нибудь ужасное, ты не привел бы нас к тому, кто (император) является общим спасителем. Тебе, в силу твоей царской и отцовской власти, было вполне возможно расправиться с людьми, тебя обидевшими. Но то, что ты привез нас в Рим и посвящаешь его (императора) во все это дело, служит гарантией нашего спасения. Ведь никто не поведет того убивать, кого имеет в виду, в святилище и храмы. Но наше положение отчаянное: мы не желали бы оставаться далее в живых, если во всех укоренилась уверенность, что мы посягали на такого отца. Еще хуже было

бы, если бы мы предпочли безвинной смерти жизнь, оставаясь в вечном подозрении. Итак, если наше сознание, что мы говорим правду, имеет некоторую силу в глазах твоих, нам доставила бы блаженство возможность одновременно убедить тебя в своей невинности и избежать грозящей нам опасности; но если все-таки клевета удержится на своем месте, то к чему нам это солнце, на которое мы взирали бы запятнанное подозрением?

Конечно, указание на то, что мы стремимся к власти, является достаточно ловким обвинением по отношению к таким молодым людям, как мы, а если к тому еще присоединить упоминание о нашей достойной матери, то этого вполне достаточно, чтобы усугубить первое наше несчастье и довести нас до настоящего горя. Но взгляни на то: не общий ли это случай и не применимо ли подобное обвинение в сходных случаях? Ведь ничто никогда не мешает царю, у которого есть молодые сыновья, мать коих умерла, видеть в них подозрительных лиц, домогающихся престола своего отца. Однако одного только подозрения не довольно, чтобы высказывать столь безбожное обвинение. Пусть кто-либо осмелится сказать нам, что случилось нечто такое, в силу чего при всем легковерии (людей) нечто невероятное стало непреложным. Разве кто-либо смеет обвинять нас в составлении отравы, или совершении заговора среди сверстников, или в подкупе прислуги, или в распространении воззваний против тебя? И все-таки каждое из таких преступлений, даже если оно и не имело места, легко служит предметом клеветы. Правда, отсутствие единоклассника в царской семье является крупным несчастьем, и та власть, которую ты называешь наградой за благочестие, часто вызывает в гнуснейших людях такие надежды, ради которых они готовы не сдерживать своих дурных склонностей. Никто не сможет упрекнуть нас в чем-либо противозаконном. Но как устранить клевету тот, кто не желает слушать? Быть может, мы сказали что-либо лишнее?

Если это так, то во всяком случае это не относилось к тебе, ибо это было бы несправедливо, но относилось к тем,

которые не умачивают ни о чем сказанном. Кто-либо из нас оплакивал свою мать? Да, но мы жаловались не на то, что она умерла, а на то, что и после смерти она подвергается поруганию со стороны недостойных людей. Обвиняемся мы в том, что стремились к власти, которая, как нам известно, в руках отца нашего? Но с какой стати? Если, как это и есть на самом деле, мы пользуемся царским почетом, разве мы стараемся не напрасно? Или если мы им еще не пользуемся, то разве мы не можем впоследствии рассчитывать на него? Или неужели мы стремились захватить власть, уничтожив тебя? Но после такого злодеяния нас не носила бы земля и не держало бы море. Разве благочестие и религиозность всего народа допустили бы, чтобы во главе правления стали отцеубийцы и чтобы такие люди входили в священный храм, тобою же сооруженный?

Далее, наконец! Оставляя в стороне все прочее, разве мог бы, пока жив император, оставаться безнаказанным какой-либо убийца? Сыновья твои не так безбожны и безумны, но, право, они гораздо несчастнее, чем бы следовало для тебя. Если же у тебя нет поводов к обвинениям, если ты не находишь козней, что же укрепляет тебя в уверенности совершения такого страшного преступления? Мать наша умерла. Но ее судьба могла нас не восстановить (против тебя), а лишь сделать более рассудительными. Мы хотели бы еще многое привести в свое оправдание, но у нас нет слов для этого, так как ничего не случилось. Поэтому мы предлагаем всемогущему Цезарю, являющемуся в настоящую минуту судьей между нами, следующий исход: если ты, отец, вновь желаешь относиться к нам без подозрительности и верить нам, то мы готовы оставаться в живых, хотя, конечно, уже не будем по-прежнему счастливы, ибо среди крупных несчастий одно из наиболее тяжелых – быть ложно обвиненным; если же у тебя еще есть какое-либо опасение относительно нас, то спокойно принимай меры к ограждению своей личной безопасности, мы же удовлетворимся признанием своей невиновности: нам жизнь вовсе не

*так дорога, чтобы сохранять ее ценою беспокойства того,
кто даровал нам ее.*

Слезы стояли в глазах не только Августа, но и Агриппы, вообще не склонного к излишней чувствительности. Император встал, подошел к сыновьям Ирода, взял их за руки, подвел к отцу. Август, у которого никогда не было сына, в эти минуты расчувствовался так, как, может быть, очень давно, когда проводил в Греции медовый месяц с Ливией. Он приблизился к Ироду, легким толчком направил их в объятия отца, коротко бросил:

— Помиритесь, — и покинул зал.

Когда он вернулся, Ирод уже достаточно наобнимался и нацеловался с сыновьями. И условия мира были четко сформулированы Августом, не любившим неточностей: «Ироду принадлежит полная и безраздельная власть в Иудее. Он и только он назначает престолонаследников. Все сыновья безоговорочно подчиняются отцу».

Все трое, бывшие здесь, у Августа: Антипатр, Александр и Аристовул, — естественно, согласились с формулировкой правителя Рима.

Потом Антипатр, на лице которого было слишком много улыбок не для Ирода, а для сыноуей Мариамны, проводил их до корабля.

Они покинули Рим и не очень торопились домой: им было хорошо вместе. В последний раз. Они хотели продлить эти часы безмятежного счастья и поэтому экспромтом решили навестить Архелая — отца Глафиры.

Прибыли на Элеузу, маленький островок близ Киликии, — неизвестно, из каких соображений Архелай сделал здесь свою резиденцию.

Гости прошли через почетный караул каппадокийцев, стоявших в две шеренги, широко расставив ноги, с огромными алебардами в руках. Сыновья Ирода ранее не видели такого оружия, видимо, оно куплено у германцев. Воины были обнажены до пояса, и тела их расписаны цветами, для чего были использованы ярчайшие краски Средиземноморья, а художник, который покрывал их росписью, был знаменит, как и весь ритуал встречи гостей у царя клитов¹. Солдаты, стоявшие в карауле, тоже были похожи на большие

¹ Каппадокийцы.

цветочные корзины, переливающиеся на солнце всеми цветами радуги. А в конце этой галереи стоял мальчик, лет 10—11 — сын Архелая и брат Глафиры; он тоже был покрыт росписью и стоял насупившись и наморщив лоб: ему хотелось казаться взрослым. Иудеи, изумленные этой лавиной красок, безмолвно задали вопрос Архелаю.

— Это мой сын, — гордо сказал он и положил руку на головку ребенка, покрытую пышной шевелюрой. — Он настоящий воин, — добавил Архелай. — А теперь порадуй нас боевым кличем.

Ребенок издал какой-то непередаваемый крик, похожий на визг свиньи, нечто похожее на и-и-н-ы-ы-ы, и смотрел на изумленных гостей уже весело.

— Иди играй, — сказал Архелай.

Этот ребенок, его сын, вступивший на престол после смерти отца, и став взрослым, никогда не забывал подлости Тиберия. Незадолго до его смерти он поднимет восстание против римлян и будет храбро противостоять воинам Вителлия.

Гости были удивлены яркостью и красочностью татуировок, которыми ими славились каппадокийцы, и речами Архелая. Он был безусловно умен, он хотел счастья своей дочери, и он, как того требовал этикет, одарил их, конечно же не так щедро, как Ирод. Царство у него было не очень богатое.

Они вернулись в Иерусалим, и царь Ирод произнес речь перед народом. Это была очень достойная речь.

— Император предоставил мне полную власть в государстве и выборе преемника. Стремясь теперь, без ущерба для моих интересов, действовать в духе его начертаний, я назначаю царями этих трех сыновей и молю прежде Бога, а затем вас присоединиться к этому решению. Одному — старшинство, другим — высокое происхождение дают право на престолонаследование, а обширность государства могла бы дать место еще для некоторых. Император помирил их, отец вводит их во власть. Примите же этих моих сыновей, даруйте каждому из них, как повелевает долг и обычай, должное уважение по старшинству; ибо торжество того, который почитается выше своих лет, не может быть так велико, как скорбь другого, возрастом которого пренебрегают.

Кто бы из родственников и друзей ни состоял в свете каждого из них, я всех утвержу, но эти должны ручаться мне за сохранение солидарности между ними; ибо я слишком хорошо знаю, что ссоры и дрязги происходят от злонамеренности окружающих; когда же последние действуют честно, тогда они сохраняют любовь. При этом я объявляю мою волю, чтоб не только мои сыновья, но и начальники моего войска пока еще повиновались исключительно мне, потому что не царство, а только часть царства я передаю моим сыновьям: они будут наслаждаться положением царей, но тяжесть государственных дел будет лежать на мне, хотя я и неохотно ношу ее. Пусть каждый подумает о моих годах, моем образе жизни и благочестии. Я еще не так стар, чтобы на меня уже можно было махнуть рукой, не предаюсь я роскоши, которая губит и молодых людей, а Божество я всегда так чтил, что могу надеяться на самую долговечную жизнь.

Кто с мыслью о моей смерти будет льстить моим сыновьям, тот в интересах же последних будет наказан мною. Ведь не из зависти к ним, выхоленным мною, я урезаю у них излишние почести, а потому, что я знаю, что лесть делает молодых людей надменными и самоуверенными. Если поэтому каждый из их окружающих будет знать, что за честное служение он получит мою личную благодарность, а за сеяние раздора он не будет вознагражден даже тем, к кому будет отнесена его лесть, тогда, я надеюсь, все будут стремиться к одной цели со мною, которая вместе с тем и есть цель моих сыновей. И для этих последних полезно, чтобы я остался их владыкой и в добром согласии с ними. Вы же, мои добрые дети, пожмите прежде всего священный союз природы, сохраняющий любовь даже у животных; помните затем императора, зиждителя нашего мира, и, наконец, меня, вашего родителя, который просит вас там, где он может приказывать, — оставайтесь братьями! Я даю вам царские порфиры и царское содержание и взываю к Богу, чтобы он охранял мое решение до тех пор, пока вы сохраните согласие между собою¹.

¹ Флавий И. Иудейская война, I: 23.5.

А произошло это в 15 либо 14 г. до н.э. Ирод, словно желая сохранить надолго условия этого мира, удалил из Иерусалима причину всех раздоров — себя.

Он завершал строительство Кесарии Палестинской и в 12 г. дал большой праздник в честь Августа. Он пригласил устроителей зрелищ из разных стран и множество гостей. И праздник ничем не уступал римским торжествам, хотя, конечно, ему был присущ восточный колорит. Ирод не испытывал недостатка в средствах. Только подарки Августа и Юлии составили около 500 талантов — огромную сумму.

Потом и на месте древней Кварсабы он построил прекрасный город, который назвал в честь отца Антипатридой, но история вернула ему древнее название. Такая же судьба постигла укрепление или город Кипру, близ Иерихона, посвященный его матери. История, наверное, решила, что уж коли вечность занесла в свои списки имя Ирода, то этого вполне достаточно.

И далее в эти годы, до смерти Марка Агриппы, Ирод жертвовал огромные суммы в Сирии и Элладе для постройки зданий, городов и храмов, для сооружений статуй. Он укреплял на Востоке власть Рима, который знал и любил, и преуспел кое в чем больше римлян. Он понял, как важны порядок и спокойствие, и правил жестко, уверенно. Никто на Востоке так твердо не держал бразды правления, никто так не был предан Риму. Это не было данью Августу, Агриппе, либо раболепием. Это была сама жизнь, которая стучалась в двери. Ирод плохо знал историю Рима. Откуда ему, с трепетом воспринимающему Сущего и прошедшему отрочество и юность за штудированием Талмуда, знать происхождение других народов, — своя великая история стояла рядом и призывно вопила. Но когда он был в плавании с Марком Агриппой, они говорили обо всем, потому что времени было много. И он узнал о проскрипциях Суллы, который устроил в Риме доселе неслыханную эпоху террора. И почему-то почти в то же время в далекой маленькой Иудее террор против своего народа развязал Александр Яннай. И, что более всего странно, оба умерли в почете и славе. Эта странная, ведомая одному Сущему аналогия долгие дни преследовала его в плавании, особенно по вечерам. Ирод постарался забыть о своих думах, когда плавание кончилось, но одна мысль, которую тогда сформулировали они в беседе с Агриппой вечером за бутылкой вина, поразила их

обоих: «Террор является начальной стадией порядка, террор не препятствует славе».

Это не было правилом, и вовсе не годилось для Иудеи, потому что она не терпела иноземного насилия, а потому предпочла погибнуть. Но Ирод не знал, что в формуле есть исключения.

До него дошла весть о смерти Марка Агриппы, безвременной, нелепой, непонятной. У него было очень мало врагов, значительно меньше, чем у Августа. Ему прощали всё за талант, за разносторонность, за умение выпить, за правоту и великодушие. Теперь его не стало, в 50 лет. В таких случаях говорят, что Бог призывает к себе лучших. Иногда и в его окружении появляются вакантные места, но близким не становится легче от этого знания.

Агриппа так много сделал для Ирода, для Иудеи! В период знаменитого суда между иудеями и малоазийскими греками он вынес вердикт в пользу первых и тем самым открыл шлюз, через который огромный поток денег из больших и малых синагог хлынул в Иудею. Он уговорил Цезаря не вводить ценз в Иудее, предоставив Ироду самому собирать подати и распоряжаться деньгами. «Он это сделает лучше нас», — сказал он Августу, и тот согласился с зятем.

Этими двумя решениями Марк Агриппа принес Ироду сотни, тысячи талантов, но это еще не все. Он сказал об Ироде, правда, чуть коряво: «Он великодушен для Иудеи и всех стран, которые ее окружают».

Август запомнил эту фразу, Агриппа произнес ее перед смертью. Все знали, что он умирает. Август все годы хотел, чтобы его считали великодушным и, когда он зачитывал мастерски составленное соболезнование Ирода, основанное на священных текстах, он задумчиво произнес: «Недаром Агриппа считал, что великодушие Ирода вмещает Иудею, Сирию и Египет».

Николай Дамасский, привезший соболезнование, записал так: «Может быть, он и сам бы поехал в Рим отдать долг другу — он искренне любил Агриппу, но дома дела не складывались, он был мрачен и не хотел показывать свое плохое настроение в Риме».

Ирод редко бывал в Иерусалиме, проводя бóльшую часть времени на стройках, на охоте, где угодно. Он стремился убежать от самого себя, а это еще никому не удавалось. Ему исполнилось 60 лет. Когда он возвращался домой, то шел к Дорис. Не потому, что она интересовала его как женщина, — у него было множество

молодых жен и наложниц, но она вспоминала Идумею, тенистые рощи близ Мариссы, и когда она говорила медленно, нараспев, он погружался в забвение, которое находил в стране своего детства — в Идумее, Петре...

Но забвение не было долгим, оно вступало в неведомую Ироду схватку с каким-то демоном, насланным Мариамной, — он это знал точно — и забвению требовались усилия, чтобы одолеть это наваждение, и оно отторгало Ирода.

И тогда Ирод оказывался один на один с реальностью, а это были самые худшие его часы. У него не было друзей. Соратники были, и немало, они переживали с ним тяжесть походов, бывало, что они получали раны в один и тот же день, в один и тот же час с Иродом, но душа Ирода была пуста и закрыта, а бездушных друзей не бывает. С женами обстояло не лучше. Он мог брать их, они трепетали в его объятиях, а потом уходили, словно пропадая в галилейском зимнем тумане. Он вскоре выяснил причину: всему виной была Мариамна I. Она заперла его душу и забрала ключ с собой. Один раз, когда он плывал с Агриппой, она снизошла до него — вернула ему ключ, но только один раз. Теперь, когда он ходил по дворцу, ему казалось, что везде он встречал детей Мариамны, так похожих на нее. Они могли быть приветливы с ним, грустны, враждебны — это ничего не меняло, они были чужие, они были ее дети...

Глава 43

Архелай Каппадокийский

Царь Архелай, вступивший на престол Каппадокии около десяти лет назад до описываемых событий, был относительно молод. Еще слыл мудрецом и на протяжении долгих лет пользовался своей мудростью. И только уже на склоне лет, весной 17 г. н.э., он был предательски обманут Тиберием, еще бóльшим хитрецом и уж конечно гораздо бóльшим негодяем, чем он сам. Тиберий сострепал подложное письмо и, когда Архелай прибыл в Рим, обвинил его перед Сенатом, превратив его царство в провинцию. Здесь же в Риме Архелай и умер.

Страна его была разделена на десять наместничеств. Пять на Тавре — Мелитена, Катаония, Киликия, Тианитида и Гарсавритида; остальные пять у Понта — Лавиансена, Саргаравсена, Саравена, Хаманена и Моримена. Он был богат. Он любил свою дочь.

Едва совершив омовение после дороги, он явился к Ироду. Кругловатый, подвижный, с удивительными глазами, которые делали его одновременно похожим на кота и на грека, хотя он не был ни тем, ни другим, стоял он перед царем Иудеи. Они обменялись взаимными приветствиями, и Архелай сразу же перехватил инициативу:

— В Каппадокии есть большой клан магов, называемых пирефами, — начал он. Этим самым он вмиг ослабил напряжение и заставил себя слушать. Ирод уважал предсказания. — Ежедневно в пирефиях, — продолжал Архелай, — маги держат перед огнем связку прутьев и в течение часа творят заклинания. В святилищах Анаит и Омана происходит то же самое. В час после полудня, когда солнце достигает высшей точки своей великой дуги, — самое время для предсказаний. Я привез своего лучшего мага, пойдем.

Любопытство и легкий трепет овладели Иродом. Забыты все неприятности, коих было великое множество. Он следует за Архелаем.

Во дворе, далее участка, выложенного мозаикой, — у Ирода не хватило средств отделать все внутреннее помещение двора — нашли участок земли. Слуги и рабы Архелая мгновенно поставили походный пирефий — небольшой шатер с отверстием наверху для выхода дыма.

Жрец, одетый в войлочную шапку, концы которой свисали по щекам и закрывали губы¹, торжественно, под ритмичный стук барабана и вой длинных труб, неизвестных в Иудее, прошествовал в шатер. Лица его не было видно. За ним раб внес несколько связок тонких веток для костра. Музыка смолкла.

Минут через пять слуга покинул шатер, а затем из него повалил густой дым. «Как несколько веток могут дать столько дыма?» — подумал Ирод. Из шатра появилась рука и поманила его. Он вошел. Жрец усадил его на низкий круглый стульчик перед костром, пристроился рядом, взял его правую руку в свою левую и начал монотонно что-то бормотать, время от времени бросая в огонь новую ветку.

Рука Ирода лежала в руке жреца, в шатре было жарко и душно, но для человека, выросшего в Петре, это пустяки. Иногда в руке Ирода начиналась отчетливая пульсация, сопровождаемая покалываниями, — ощущение было такое, словно он отсидел эту руку. Так прошло около часа.

— Великий царь, — наконец сказал пиреф, — боги открыли мне не многое. Ты обещаешь, что выслушаешь меня и не будешь задавать вопросов?

Ирод чуть кивнул. Жрец говорил на арамейском с акцентом, искажающим этот одновременно певучий и гортанный язык.

— Ты проживешь долгую жизнь. У тебя будет много внуков, и смерть не придет к тебе раньше, чем ты примешь три важных решения. Это все.

Жрец взял кувшин с водой, стоявший в углу, погасил костер и, поклонившись, вышел из шатра.

Потом Ирод обедал с Архелаем, и настроение у него чуть поднялось. Все-таки приятно сознавать, что умрешь не скоро, хотя предсказатели часто лгут, но почему-то в данном случае Ироду казалось, что жрец из Каппадокии говорит правду.

¹ До настоящего времени у многих народов сохранился этот весьма практичный головной убор.

Они обедали, говоря о разных пустяках, у Архелая был хороший арамейский. Затем каппадокиец ловко перевел разговор на свою дочь. Ирод, не мог не оценить его умения, но кто может запретить отцу осведомляться о здоровье дочери? Он нахмурился. Хорошее настроение, в которое ввел его предсказатель, улетучилось.

— Мой сын и ее муж — мой враг, — сказал Ирод и сделал паузу. Архелай воспользовался этим молчанием. Конечно, он заранее придумал эту фразу. Схватившись правой рукой за бороду, он начал раскачиваться и запричитал:

— Где это мой преступный зять? Где мне найти голову этого отцеубийцы, чтобы собственными руками размозжить ее? И мою дочь я хочу присоединить к ее драгоценному супругу — будь даже она непричастна к его заговору, но одним союзом с таким человеком она уже обесчещена. Я должен только удивляться тому долготерпению, которое ты, несмотря на направленный против тебя заговор, проявляешь по отношению к Александру, все еще находящемуся в живых. Я спешил сюда из Каппадокии в полной уверенности, что найду его уже давно казненным, и имел в виду вместе с тобою судить и мою дочь, которую я ему дал лишь из высокого уважения к тебе и твоему сану. Теперь же мы должны решить участь их обоих, и если ты чересчур уже подчиняешься отцовскому чувству и слишком мягкосердечен для того, чтобы карать сына, восставшего на твою жизнь, так давай обменяемся судебскими обязанностями, и пусть каждый из нас проникнется гневом другого!

Речь была хороша, искусная и умиротворяющая. Внутреннее напряжение стало покидать Ирода, он расслабился и даже почувствовал гордость за свое долготерпение. Архелай уловил этот момент.

— А собственно, в чем его преступление? — спросил он Ирода.

Ирод хлопнул в ладоши. Явился раб.

— Принеси записи Александра, — приказал царь.

Пока раб отсутствовал и во время чтения свитка Архелаем стояла тишина. Четыре одинаковых свитка, четыре экземпляра написал Александр, два из них направив в Рим, третий — Тигию — наместнику Сирии и четвертый — Ироду. Он не содержал ни конкретных фактов, ни обвинений, но гласил следующее:

В двадцатый год великой победы Цезаря¹ мы обсуждали будущее страны нашей. И присутствовали на собрании нашем Ферор, Птолемей, Сапцион², и Созм, и Фаб³, и Элионий⁴, а также Гемелл и Андромах⁵, а также Аристовул и я. Обсуждали мы состояние страны нашей. И беззакония, творившиеся в ней, и несправедливость равно как для народа, так и для приближенных.

Лучшим выходом считаем мы все передачу трона более молодому и более достойному, кого бы не так тяготил груз прожитых лет, как великого царя, красящего волосы. Ферор – лучший кандидат на престол, он покрыл себя славой в боях и не враждовал со своим народом. И Саломея, с которой мы обсуждали это решение следующей ночью, согласилась с ним.

Александр не отрицал свое авторство, словно догадываясь, что о существовании заговора можно легко узнать, пытая кого-нибудь из присутствующих. Превентивная мера была полезна, она не давала воли фантазии, полет которой под пыткой ничем и никем не контролируем, она избавляла от пытки многих людей. И еще она таила в себе некую бессмысленность, называя Саломею в числе ночных собеседниц Александра. Вряд ли испытывал он сексуальное влечение к своей тетке, годившейся ему в матери, грузной, не очень женственной, заведомо не идущей ни в какое сравнение с Глафирой, которую Александр любил сверх меры, но законы Иудеи были плохо приспособлены, чтобы объяснять ночное посещение женщиной мужчины как невинную шутку.

Письмо было составлено вовремя, но оно сослужило Александру плохую службу, ибо оно, как клеймо, прочно закрепилось в душе Ирода, и в те редкие, а может быть, и не очень редкие минуты, когда он оставался наедине со своей душой, он видел горящий знак, на котором как проклятие горело ненавистное ему слово «предательство».

¹ Имеется в виду битва при мысе Акции.

² Должность неизвестна.

³ Управляющий Галилеей.

⁴ Начальник охраны Ирода.

⁵ Воспитатели детей Ирода.

Архелай читал послание, его мозг, изощренный мозг восточного правителя, искал решение, и довольно быстро нашел его.

— У нас нет пока никакого объяснения тому, что могло побудить его к такому возмутительному преступлению в то время, когда он уже пользовался царскими почестями и имел все виды на престолонаследие. Он же не сумасшедший, он прошел хорошую школу в Риме, он понимает, как сладка власть. Здесь должны быть обстоятельства, которые стремятся направить легкомыслие молодости на путь преступления. Не замыслили ли эти люди против юноши, прикрывшись тобой, чтобы отвести подозрение? Давай вместе подумаем и проанализируем.

Речь Архелая, умная и льстивая, вилась вокруг Ирода вьюном, цветы которого плавно и успокаивающе покачивали голубыми головками.

Ирод задумался. Ферор в свое время из-за любви к рабыне отказался от его дочери. Он выдал дочь за Фасаила и простил Ферора. Брат его, как и он сам, жил страстями, но какой-то осадок от действий брата у него остался. Брат его как будто собирался бежать к парфянам или к арабам. Слух этот не получил подтверждения, но сейчас слова Архелая добирались до самых потаенных уголков его памяти, где хранились очень неприятные воспоминания.

Архелай, уловив сумрачность Ирода при упоминании о его брате, жалил и жалил в одно место, создавая из мелкой царапины кровоточащую рану. Не имело значения, что он говорил. В каждой своей фразе он упоминал имя «Ферор», и эта атака была очень действенной. Мысль, что его брат будет лучшим царем, превратилась в огромный маятник, который с обеих сторон тушировал Ирода.

Архелай сумел остановиться вовремя. Под предлогом усталости — а он действительно очень устал с дороги — он удалился в отведенные покои и проспал до следующего вечера, когда при встрече с Иродом, мрачным и злящимся, что, впрочем, было его обычным состоянием, начал невинный рассказ о Каппадокии и о том, каково ему править таким диким народом. И очень вовремя продолжил тему рассказом о парфянских царях из династии Митридатов, которые сплошь и рядом казнили своих родственников.

Ферор почувствовал настроение царя, да и приближенные Архелая поделились слухами. Через несколько дней Ферор,

прекрасно зная импульсивность решений Ирода, пришел просить помощи у Архелая, с которым Ирод проводил теперь всю вторую половину дня. Архелай, прекрасно понимавший душевное состояние Ирода, делал то, что через много веков после него делала Шехерезада ночью: в первой половине дня он придумывал сюжеты, в основу которых непременно брал какую-нибудь жестокость, — чего-чего, а жестокости на Востоке хватало, — а во второй половине дня, обильно сдобривая этот сюжет фантазией, рассказывал его Ироду.

Ферор пришел к Архелая. «У Ирода масса улик», — заявил ему Архелай. Они собраны под пыткой, основаны на доносах шпионов и письме Александра. Он помышлял если не убить, то свергнуть Ирода и занять его место, а чтобы отвести подозрения, вовлек в заговор многих людей. Он должен безоговорочно признать свою вину. Увертки здесь неуместны. Если он обратится с мольбой о прощении, великодушный Ирод, разумеется, простит его. Его своей стороны он сделает все от него зависящее, чтобы получить благополучный исход дела.

Хитрец не обманул Ферора, тем более, что заговора как такового не было. Но за ним был грех: жена — бывшая рабыня, которую Ирод терпеть не мог, и он смирился.

Смирненно стоял он перед Иродом, высокий, согбенный, чтобы не казаться выше царя. Ирод был одет в черное, и молнии, вылетающие из его черных глаз, казалось, разбивались о светлую мозаику пола, разбрасывая в стороны брызги раздражения. Ирод был очень раздражен. Он разразился гневной тирадой, и по мере того, как он выпускал напряжение, Ферор понял, что самое страшное уже позади. Через несколько минут он счел, что время пришло, упал к ногам Ирода, и причитая, взывая к Адонаю, начал возводить на себя напраслину. Да, он из-за любви к жене совершил много злодеяний, он виновен, он безрассуден, он достоин смерти, он отдает себя целиком на суд брата. Ирод отпустил его, сказав, что сообщит решение завтра. Это уже была просто уловка, очередной побег от самого себя. Гнев его вступил в борьбу с покаянием и воспоминаниями, и сила была на стороне последних, но он еще хотел вечером обсудить все со своим новым другом — Архелаем.

За обедом он вкратце пересказал ему покаянную речь брата.

— Я, — сказал Архелай (он загодя придумал новую легенду), — претерпев от моего брата еще бóльшие обиды, внял все-таки голосу природы, заглушающему призывы к мести. В государстве, как и на некоторых телах, образуются вредные наросты, которые нельзя срезать, а необходимо лечить умеренными средствами. Поэтому прости его, — закончил он свою тираду.

Затем Архелай перешел к Александру. Негодование его было так достоверно, и гнев так неподделен, что Ирод поверил и в этот раз. Архелай был великий актер. Как же посмел его зять поддаться уговорам, как посмел он даже в мыслях восстать против такого великодушного и любящего отца, коим является великий царь, сидящий перед ним? Нет, он непременно заберет Глафиру и уедет с ней. Сейчас же он пойдет к ней и объявит ей свою отцовскую волю. Он просит Ирода разрешения покинуть его всего на несколько минут. Ирод сделал чуть заметное успокаивающее движение, которое можно было расценить, как «да будет» или «угомонись», но Архелай сделал вид, что не заметил этого жеста. Или, распаясь, продолжал он, ударяя себя в грудь, пусть великий царь сам определит судьбу его неблагодарной дочери, пусть он сам назначит ей мужа, какого угодно — вольноотпущенника, раба, и это будет достойным наказанием и Глафире, и Александру. Архелай так вошел в роль и так яростно рвал на себе бороду, что, казалось, не останови его Ирод, через минуту у него просто не останется бороды, но он опять переиграл царя. Ирод положил ему руку на плечо и торжественно произнес:

— Мой добрый друг, если ты не расторгнешь брака, я как подарок приму из твоих рук моего сына. У них с Глафирой дети, и Александр так любит жену. Если она останется при нем, то сможет удержать его от дальнейших ошибок, а если ее оторвать от Александра, то это почти наверняка приведет его к отчаянным поступкам; семейные отношения смягчают порывы молодости, — заключил он.

Что-то мямля и как бы нехотя, Архелай уступил. Выждав паузу, он вдруг улыбнулся и сказал:

— Мир дому сему.

Послали за Александром и Глафирой и объявили им свое решение. Почтительно они поцеловали бороду Ирода, а затем Глафира бросилась на шею Архелаю. Александр тоже едва сдерживал слезы. Едва освободившись, Архелай сказал, что теперь Ироду

необходимо побывать в Риме, чтобы объяснить с Цезарем, которому Ирод уже описал свои отношения с сыновьями. Затем последовало пиршество с танцовщицами, которое продолжалось и весь следующий день. Ферор, которому Ирод обещал свое полное прощение, сразу же уехал из Иерусалима.

Архелай, жрец, свига – все были одарены Иродом и его родственниками сверх меры. Только Ирод подарил Архелаю 70 талантов, золотой трон, усыпанный драгоценными камнями, двух евнухов и наложницу Паннахию, красота которой славилась по всему Востоку.

Вместе поехали они в Антиохию, где Ирод примирил Архелая с Титием, римским наместником, это стоило ему двух талантов. Дальше пути их разошлись. Архелай направился домой, а Ирод – в Рим. Это было его последнее посещение Вечного города.

Глава 44

СИЛИЙ

Поход Гая Элия Галла в Счастливую Аравию окончился неудачно. Уцелевшие войска Ирода вернулись в Иудею, и почти в это же время с посольством Обода II в Иерусалим прибыл его визирь Силий в белом тюрбане, роскошно одетый, но даже яркость расшитого золотом халата не могла скрыть его статной и стройной фигуры, глаза его черные, жгучие, напоминающие видом маслины, и губы его тоже были похожи на маслины, только сросшиеся — две сверху и две снизу.

Ирод, до которого конечно же докатились слухи о неблагоприятной роли Силия, соблюдал дистанцию. Он принял посольство более чем прохладно и стал выжидать в надежде получить больше информации. Пребывание Силия в Иерусалиме могло быть и полезным. Если подтвердятся вести из Рима и Египта о предательстве, его можно было просто схватить и отправить римлянам, что в общем-то было весьма кстати. Если слухи окажутся ложными, с Силием можно будет вести переговоры, поскольку между Иудеей и Аравией всегда существовало множество проблем, а Ирод, привыкший к сражениям, предпочитал мир.

Но Силий, умный, хитрый и проницательный, быстро выяснил, кто есть кто во дворце, и стал оказывать знаки внимания Саломее. Будучи чужеземцем, он не мог знать, что в Иудее претендентов на ее руку просто не было. Резкий контраст Силия с ее прежними мужьями был очевиден: те не умели изъясняться так складно, так певуче, и, кроме того, он говорил по-арабски, на языке, который будил у Саломей самые сладостные воспоминания, и он так мило исправлял ее произношение. Короче, она влюбилась по-настоящему первый раз в жизни, она пошла к своему брату и снова, как и много лет назад, стояла перед ним подбоченясь.

— Он хочет жениться на мне, — сказала она.

— Но он араб и моложе тебя, — возразил Ирод.

— Он не шутит, — сказала Саломея, — подождем, он вернется и официально попросит моей руки.

Так оно и случилось. Силий приехал через три месяца и попросил руки Саломеи. Ирод был предельно любезен, — а он умел быть обаятельным, когда хотел, — он завел разговор о походе Галла и слушал араба внимательно. У того были слишком толстые губы, а молва гласит, что нельзя верить человеку с толстыми губами. Такие же губы были у Малка. Ирод вспомнил об этом с легкой досадой.

Но он пригласил Саломею к себе и честно передал ей разговор с Силием и еще сказал, что не возражает против ее замужества при одном условии — Силий примет иудаизм.

— Я с трудом создаю династию, — сказал Ирод, — и мне не нужны лишние волнения в Иудее.

Саломея поняла, что Ирод не изменит своего решения. И согласилась. Силий был приглашен к царю, и Ирод изложил ему условия женитьбы.

— Арабы побьют меня камнями, — сказал Силий. — Еще двести лет назад в Идумее подобное было возможным, тогда ваш Незримый стоял рядом с нашими богами, но те времена прошли и никогда не вернуться.

Он был прав, и они тактично перешли к другим проблемам, представляющим практический интерес.

Силий просил для царя Обода II деньги взаймы и получил их. Птолемей Дамасский и другой Птолемей, визирь Ирода, который заведовал его делами, и Иосиф подготовили документы. Араб подписал их и уехал с деньгами. А перед отъездом он, привыкший брать женщин без счета, переспал и с Саломеей, страстно желавшей его, и не собиравшийся делать тайны из своей небольшой победы. Но это был все же царский двор, а в Иудее не жалуют прелюбодеек. Впрочем, все ждали замужества сестры царя. Тогда все стало бы на свои места.

Силий, теперь уже любовник Саломеи, достиг немногого, и она, староватая, отнюдь не была похожа на гурию, хотя, как могла, как умела, любила Силия. Он прислал отказ от обрезания, потому что до прихода Пророка обычай этот был презираем набатеями. Впрочем, им были чужды и другие странные нравы иудеев. Они были лишены интуиции, некоего божественного огня, и нелюбопытны.

Две тысячи лет они позволяли иудеям, презираемым ими, жить среди них, в особенности когда они бежали от римлян. И общины принимали бежавших. Мужчины, поселившиеся в их стране, носили такие же полосатые халаты, как и те, что носили за сотни лет до них ушедшие из Египта. И им даже дозволялась великая милость — ездить на верблюдах, чего они были лишены позже.

Иудеи жили среди них, но они были граждане второго сорта, и он, знатный сановник, практически управлявший страной, не мог им уподобиться. И он не мог быть обрезанным. Так Саломея осталась одна, правда ненадолго. Вскоре она вышла замуж, и муж ее оказался на удивление порядочным человеком. Она была уже в возрасте и перечить мужу не осмеливалась, и в ней расцвела мудрость.

А Силий больше не показывался в Иудее: до него дошли высказывания Саломеи, обещавшей произвести над ним некую операцию, если он попадет к ней в руки. И был еще другой веский мотив: надо было отдавать деньги Ироду, взятые в долг, а отдавать было нечего, потому что набатеи не отличались склонностью к хозяйственной деятельности. Самое же главное было в том, что Обод II, формальный правитель, болел, и кто-то же должен был вершить власть.

Ирод постоянно напоминал Силию о необходимости возврата долга, и это было неприятно. Сумма была не малой — 500 талантов, и что делать, когда их нет?

И Силий придумал замечательную вещь: он заварил смуту в северо-восточной самой новой провинции Ирода, отнятой Августом у некоего Зенодара и переданной им Ироду. Традиционно в Трахонитиде проживало много арабов, и это упрощало задачу Силия.

Ирод уехал к Августу с сыновьями, и это послужило импульсом для брожений в стране. Вначале был пущен слух, что он то ли погиб, то ли отрешен от власти. Затем в Петре сорок предводителей провинции были приняты Силием. Денег у него не было, но он обещал им свое покровительство, предоставил в качестве опорной базы сильную крепость Раипту и стал ждать развития событий. Они не заставили себя долго ждать. Выкристаллизовалось ядро разбойничьих шаек, которые держали под страхом весь северо-восток царства Ирода, а также Келесирию.

Ирод, вернувшись из Рима, быстро разобрался в происходящем. Он в резких тонах потребовал у Силия возврата долга и прекращения

помощи разбойникам. Силий ответил, что о разбойниках слышит впервые, как, впрочем, и о долге. Эта откровенная ложь взбесила Ирода. Он встречается с недавно назначенным проконсулом Сирии Сатурнином и прокуратором Волумнием, предъявляет им все документы и заручается их поддержкой и одобрением. Они поддерживают политику Августа — «мир империи». Ирод, которому уже за шестьдесят, в последний раз возглавляет поход. Он берет с собой только гвардию, давно скучавшую, — германцев, галлов, иудеев. В течение трех дней совершает семь переходов, не зная усталости. На рассвете атакует крепость и в течение дня берет ее приступом. Собирает окрестных жителей и обещает не наказывать никого, если они сдадут крепость. Разбойники, просто обыватели дивятся жесту Ирода, не свойственному для него, и с энтузиазмом берутся за работу. Через несколько недель на месте крепости была равнина. Отряд арабов под предводительством Накеба, посланного Силием, теряет 25 человек и спасается бегством. Их предводитель убит.

Ирод довольствуется этим, извещает Сатурнина о победе и переселяет в Трахоннитиду около 3 тысяч идумеев, всецело преданных ему. Разбойничья вотчина превращается в мирную провинцию. Между тем Силий, находящийся в Риме, получает подробный отчет о походе Ирода и решается на отчаянный шаг.

Одетый в черное скорбное одеяние, предстает он перед Цезарем, бьет челом и со слезами на глазах — а он изумительный актер — повествует о злодеяниях Ирода: «Он совершил самовольный поход на дружественную Риму Аравию. Он убил 2500 мирных и самых знатных арабов. Убил знатного и богатого Накеба, ограбил его, захватил все богатства в Раипте и уничтожил крепость — форпост Рима против парфян. Он предпринял этот поход без согласия Рима».

Сатурнин, в свое время с блеском замещавший Августа в Риме, был знатен и уверен в себе. Ставить в известность Рим о столь малозначащем событии, как карательная акция нескольких сот человек против разбойников, он не посчитал нужным.

Цезарь задал вопрос свите: «Это верно, что Ирод затеял поход в Аравию?» И получив утвердительный ответ, не стал вдаваться в детали. Он уязвлен, он не ожидал, что кто-то в империи осмелится пренебречь его властью.

Он пишет Ироду всего несколько слов: «Ты был мне друг, теперь ты мой подданный».

Сильий пытается воспользоваться завоеванным расположением Августа. Он посылает доверенных людей в Трахонитиду, и они распространяют слухи об опале Ирода, о его грядущей отставке. Трахонитида бунтует, жизнь идумеев превращается в непрерывные оборонительные бои. Посольство Ирода, которое он посылает в Рим, Август не принимает.

Умирает безвольный царь Обод II, и власть в Аравии захватывает некто Эней, принявший традиционное для арабских правителей имя Арет. Делает это он, естественно, без согласия Рима, у него просто нет на это времени. Позднее он отправляет к Августу посольство, в котором обвиняет Силия в узурпации власти, в прелюбодейнии с женами Обода, в нарушении долговых обязательств. Правда, он не указывает, кому именно Сильий не вернул долг, он еще не знает, какие у него сложатся отношения с Иродом.

Свое посольство Арет снабжает подарком для императора — это золотой венец с драгоценными камнями. Но Август не принимает ни дара, ни посольства. Он не знает, что люди с толстыми губами лживы, а черные глаза-маслины Силия буквально завораживают его, как женщину. И много лет спустя он будет удивляться: «Как же я поверил этому негодяю?!»

Но сейчас Сильий в фаворе.

В Рим прибывает Николай Дамасский, ни в обаянии, ни в красноречии, ни в царедворских хитростях не уступающий Силию, — у него школа Клеопатры и Ирода. А кроме того, он старый знакомый Августа. Разумеется, он получает аудиенцию.

— Будешь рассказывать очередные сказки про благородство Ирода? — ворчливо спрашивает Август и ждет.

Николай Дамасский изображает испуг, очень натурально, и машет руками чуть дольше, чем следовало бы, чтобы Цезарь понял нарочитость жеста.

— Так о чем ты хотел со мной говорить? — задает вопрос Август.

Любопытство, которое он всегда испытывает при встрече с этим маленьким человечком, вновь пробуждается в нем.

— Об изнасиловании римлянок, — гремит голос Дамасского.

Все присутствующие в зале поворачиваются к нему. Он затронул тему, которая находится не то чтобы под запретом. Распутство

римских матрон не является тайной. Но на официальных приемах и торжествах римлянка — хранительница очага, матрона, почтенная мать семейства. Теперь никто не посмеет прервать его речь. Все заинтересованы преамбулой.

— Этот человек, — Дамасский указывает на Силия, — насильвовал и римлянок, и арабских женщин. Присутствующие здесь, — он указывает на послов Арета, — могут подтвердить мои слова. — Те согласно кивают головами. Собственно, они могут подтвердить только события арабского мира, но это не так важно. У Дамасского имеется информация о том, что Силий спит с римлянками, а добровольно они это делают или нет, кого это сейчас волнует?

— Он занимал деньги и никогда не возвращал их, он оклеветал Ирода. — Арабы согласно кивают. Август делает ему знак замолчать и спрашивает вкрадчиво:

— Так может быть, Ирод не повел войско в Аравию, не умертвил две с половиной тысячи человек, не подверг страну разграблению и не увел массу пленных?

— Я объясню, величайший, — говорит Дамасский, — и в его голосе чуткое ухо Августа улавливает некий подвох или подтекст.

Он показывает Августу договор о займе, письмо Сатурнина. И певуче, как некогда ранее повествовал ему о Востоке, певуче, как птица из грез, излагает весь ход событий. Цезарь уже не слушает его. Письмо Сатурнина — самый веский аргумент, свои действия Ирод согласовал с Римом, а детали, к чему они?

— Так сколько же пало арабов? — обращается он к Силию.

Тот не может не понимать, как тонка сейчас нить, на которой подвешена его судьба, он завораживающе смотрит на императора глазами -маслинами и произносит печально:

— Мой повелитель, мы оба были введены в заблуждение.

Слеза ползет у него по щеке, он делает это мастерски. И Август думает про себя: «А все же он удивительный актер и смелый человек». И острое желание немедленно казнить Силия отступает.

— Я верну деньги, — продолжает араб, — немного у меня есть. — Он слегка запинаясь, чтобы Август и окружение поняли, что означает это «немного». — Остальное я соберу.

Август, гнев которого не на Силия, а на себя быстро угас, — нельзя же долго сердиться на божество — решает отправить его в

Аравию к Арету, вопрос о власти над этой страной которого остается открытым. Рим не потерпит самовольного захвата власти.

— С каким достоинством Ирод перенес обиду! Вот настоящий правитель, — говорит он. — Я еще подумаю, может, отдам Аравию ему.

И он распускает собрание.

Может быть, Август и принял бы это роковое решение. На Востоке не было другой такой колоритной фигуры, как Иудейский царь. Но если б это решение состоялось, оно б имело плачевные последствия. Уже тогда, две тысячи лет назад, культуры этих двух народов, словно обиженные черепахи, отвернулись друг от друга и поползли в разные стороны. А тут еще в Рим пришло письмо от Ирода, где он писал о конфликте с сыновьями Мариамны: они предали его, он взял их под стражу и просил направить к нему Николая Дамасского. Август без промедления отпустил философа, бросив на прощание фразу из Горация: «Credat Judaeis Apella»¹.

А вера Цезаря или его неверие уже не могли повлиять на демона царя Ирода, стоявшего за его спиной и барабанившего себя в грудь.

¹ «Пусть верит иудей Апелла», т.е. пусть верит кто угодно, только не я. — Гораций. Сатиры, 1:5.100.

Глава 45

ВИНОВНОСТЬ СЫНОВЕЙ

Изменчива любовь. Мотыльку либо певчей птице подобна она. Порхает мотылек над одним цветком, глядь — уже летит к другому, и цветы не держат на них обиды, потому что такова жизнь. Трелями заливается соловей, затем смолкает неожиданно и снова поет, когда возжелает. Смена настроений или впечатлений питает любовь.

Иное дело ненависть: подобно кобре, бесконечно долго будет смотреть она на жертву, призывно шевеля раздвоенным языком, и будет привораживать жертву до тех пор, пока она перестанет сопротивляться. Адово пламя, которое питает ненависть, существует вне времени. И поэтому ненависть всегда имеет преимущество перед любовью — она постоянна.

Трое евнухов было у Ирода, любимых и очень красивых. Нет, он не занимался мужеложеством. В Иудее это был смертный грех, и за него побивали камнями. Он, всю молодость проведший в сражениях и в любви к Мариамне, в старости нуждался в поклонении и в экзотике. Но Иудея, патриархальная и суровая, мало располагала к ней, и Ирод сам находил себе развлечения. А евнухи были так своеобразны.

Один из них был назначен виночерпием, другой подавал ему пищу и пробовал ее. Третий стал постельничим. С годами они перестали оплакивать себя, а глаза их становились все больше, и в них поселилась мудрость. Ирод любил беседы с ними. И власть их над ним становилась все больше. Их слово могло не только отменить казнь, но и повлиять на гораздо более важное государственное решение. Но евнухи были разумны и, казалось, даже довольны миром, а потому в их глазах была мудрость.

Антипатру не нравились евнухи. В дворце было скучно, и евнухи часто приходили к сыновьям Ирода, в особенности они любили

беседовать с Александром и играть с его детьми. Высок был Александр, выше Ирода, строен и красив. И в уме ему не откажешь. Он хорошо рассказывал о Хасмонеях, о Риме, и когда он рассказывал, его приходили слушать многие. И Глафире тоже нравились евнухи, потому что ей было скучно.

Изощренный ум Антипатра недолго метался в поисках пищи. Ненависть, однажды увидев эту живописную группку в тени смоковниц, подтолкнула Антипатра локтем в бок и велела: действуй!

Один из его клеветов тщательно заучил, что́ надо говорить, и в точности пересказал все Ироду: «Евнухи подкуплены Александром и готовы убить Ирода».

Любой из евнухов имел неограниченный доступ к царю, и Ирод решил, что если б он принимал решение в убийстве самого себя, то не нашел бы лучшего убийцы. Его размышления длились несколько секунд, после чего он позвал стражу. Приказал доставить евнухов и отдать палачу. Один из них спокойно и рассудительно спросил, в чем их вина. «В сговоре против Ирода с его сыновьями», — ответил палач, глядя на них с любопытством. Ему за долгие годы службы никогда не приходилось пытаться евнухов.

Они не отрицали, что общались с Александром и Аристовулом. Об этом знал весь двор. Но козней против Ирода не было, не было, не было. Они повторяли это много раз. И мудрость быстро уступила место страху. Она не переносит жестокости.

Ирод дал команду пытать. Отсутствие определенных частей тела вовсе не мешало палачу. Уж так устроен человек, что на нем есть много мест, пригодных для пыток. И палач начал фантазировать и исследовать. Он только вошел во вкус, как они тут же сознались: они ненавидели боль.

Вначале они — а их пытали вместе для устрашения — сказали, что действительно сыновья, особенно Александр, были предрасположены к ненависти к Ироду. Эта фраза «предрасположены к ненависти» заставила палача на минуту задуматься. Затем он решил получить более внятное признание и раскаленным прутом коснулся тех мест, которых у них уже не было. Голоса у евнухов были как у женщин, и они визжали и говорили быстро, перебивая друг друга. Мудрость вновь вернулась к ним, и они осознали, что их шанс на спасение — говорить в унисон. И говорили:

«Ирод стар, стар, стар и красит волосы. Тем самым он вводит в заблуждение народ Иудеи, которой давно нужен новый царь. И когда к власти придет Александр — а он по праву первородства безусловно первый претендент на престол, — он даст им высшие должности при дворе, да, да, высшие должности...»

При здравом размышлении это утверждение было полным абсурдом. Евнух не может занимать в Иудее большие должности, чем те, на которых они находились.

«Власть не может и не должна перейти к кому-то другому, потому что только он, Александр, — знатного происхождения, и его поддерживают очень многие при дворе и военачальники, да, да, во всех концах Иудеи».

«Нет, нет, нет, к сожалению, имен они не знают».

«Не знаааааают...»

Палачу надоел их визг. Он сказал, Ироду: «Они сказали все, что знают».

И это уже было много. Ирод проявил великодушие: он продал евнухов заезжим восточным купцам за очень хорошую цену и радовался до конца дня. Затем он вновь стал мрачен, впадая в параноидальное состояние, столь популярное у диктаторов.

Соглядатаи шныряли по Иудее, выискивая, вынюхивая, хватая людей по поводу и без повода. А при дворе казнили и пытали. Причем никто не мог подать в отставку. Одного, слишком хитрого, пытающегося под каким-то предлогом покинуть двор, тут же отдали палачу. А Ирод сидел у себя один, грозный, насупившийся, и любил слушать наветы. Он вкушал их как лакомое блюдо, как сказки, они придавали его жизни осмысленность, потому что вновь было с кем драться. Перед ним был враг, который маскировался, правда, очень хитро, и еще предстояло его выявить и схватить.

При дворе быстро уловили желания Ирода и стали доносить. Неизвестно как далеко зашли бы они в этой новой и очень интересной игре, если б Ирод со своей подозрительностью, склонностью к неожиданным поступкам не прекратил ее. Он велел казнить доносчиков тоже. Это было не совсем обычное решение, не свойственное тиранам. Создавалось впечатление, что вспышка маниакальной подозрительности, как неведомая болезнь, пошла на убыль. Он еще несколько дней побыл один, почти не занимаясь государственными

делами, не принимая даже ближайших друзей и советников, не участвуя в ассамблеях.

Потом случился рецидив. При дворе были два старика, пестовавших его с детства, — Гемелл и Андромах. Свою любовь к Ироду они перенесли на его сыновей, а Андромах даже сопровождал их в Рим и жил с ними в Вечном городе все годы их обучения. Ирод не решился причинить им вред. Воспоминания всегда служили ему усадой. Он дал им приличное содержание и отлучил от двора. А затем начал повальную кампанию дознаний и казней всех, кто когда-либо общался с сыновьями Мариамны. Погибло огромное количество народа. Страна была напугана, но не казнями, а неопределенностью: она не понимала, что происходит. Потому что по ложным доносам схватили много невиновных, ранее никогда и не видевших сыновей Ирода.

Допросы дали очень мало, практически ничего. Один из схваченных заявил, что-де готовилось покушение на охоте. Но это были пустые слова. И еще нашли письмо Александра к брату, где он обвинял Ирода в предвзятости к ним, в предоставлении Антипатру области с огромным ежегодным доходом в 200 талантов. Это было правдой — и письмо, и то, что в нем сообщалось.

Он велел посадить в тюрьму Александра и продолжал собирать доказательства. Но хитроумная Глафира, покачивая бедрами, пришла к царю и певуче заявила, что ей необходимо на базар в Иерусалим, ей нужны новые наряды и мази и другие женские вещи, ведь она еще молода. И она улыбнулась улыбкой эльфа. Ирод конечно же не отказал ей. Он дал ей стражу и велел следить за всеми, с кем она общалась. Но Глафира сделала то, что собиралась. Она сообщила отцу.

Удалось схватить еще нескольких молодых людей из окружения братьев. И один из них под пыткой сообщил: «Александр попросил своих римских друзей, чтоб они уговорили Августа пригласить их в Рим: они хотят сообщить императору о заговоре, в котором участвуют Парфянский царь и Ирод. И еще в Аскалоне они спрятали яд».

Нелепость и вздорность этих обвинений была очевидна. Все, чего достиг Ирод, истребив массу народа, можно было сформулировать одной фразой: «Братьям стало опасно оставаться в Иудее, и они хотели бы уехать».

Все это было понятно и так. И не являлось смертным грехом. Поэтому царю Архелаю без особых проблем удалось убедить властителя Иудеи, что Александр невиновен, и освободить его из темницы.

На несколько лет во дворец пришло спокойствие. У братьев рождались дети, красивые, жизнерадостные. Ирод любил внуков, а подозрительность его дремала, как насытившаяся самка леопарда, и мурлыкала.

Антипатр, вернувшийся из Рима, часто уезжал из Иерусалима на юг, в сторону Идумеи. Он давал свободу коню, бродившему между чахлых кустов и трав, пересыпал песок между пальцами и размышлял. Горьки были его думы. Время работало против него. Возраст его уже приближался к пятидесяти. Братья были существенно моложе его. Даже в случае смерти Ирода у него не будет шансов на престол. Иудея отвергнет его, старого идумея, когда выросли уже дети хасмонейской царицы, столь любимой народом. И тогда он решил, что они должны умереть. Но та первая атака, которую он провел много лет назад, научила его многому. Нужны доказательства, чтобы отец поверил в предательство сыновей Мариамны I.

В 9 г. до н.э. в Иудею прибыл знатный лакедемонянин Эврикл. С тех пор как много лет назад Мариамна завела с ним разговор об этом храбром и мужественном народе, который иудеи считали родственным, Ирод испытывал к лакедемонянам какое-то странное мистическое и очень теплое чувство. Но те очень редко приезжали в Иудею.

Эврикл вручил Ироду подарки, получил в ответ другие — Ирод щедро одаривал гостей. Его поселили во дворце, в комнатах, примыкавших к покоям Антипатра. Жизнерадостный, вечно улыбающийся, привыкший поглаживать свою небольшую, аккуратную курчавую бороду, он быстро стал желанным гостем во всех семьях дворца. Он вслух и искренне восхищался Глафирой, но никогда не оставался с ней наедине, тем самым не давая ни малейшего повода к подозрениям, и стал вхож в дом Александра, а поскольку тому надо было выговориться, он рассказал ему историю своей жизни и многое-многое другое.

Антипатр на этот раз действовал уверенно, возможно, у него появился некий опыт, а может быть, он справедливо посчитал, что

это его последний шанс. Без особых трудов он выяснил, что лакедемонянин любит подарки сверх меры: он жаден. Его цель — обогатиться любимым путем. Благо, что Ирод не задал ему вопрос: «А за чем пожаловал ты в Иудею?»

Он стал заходить к Эвриклу вечером в свободное время. Устал тот или нет, не имело ровным счетом никакого значения, — дежурная улыбка гуляла по его лицу, а речь была сладкой и витиеватой.

Антипатр начал делать ему подарки. В глазах гостя появился вопрос. Эврикл понимал, что от него ждут услугу, но не представлял, какую именно. В один из дней Антипатр за бокалом вина сказал:

— Хочу просить тебя об услуге.

— Наконец-то, — тихо вымолвил Эврикл, — а то я уже извелся в ожидании.

Прямота собеседника понравилась Антипатру, и он решился.

— Я доверю тебе тайну. Но, поскольку речь идет о моей жизни, ты обязан исполнить просьбу. В противном случае не уедешь из Иудеи. Речь не об убийстве. Надо будет лишь подтвердить кое-какие сведения. Я хорошо заплачу.

— Согласен, — прошептал лакедемонянин.

Антипатр четко изложил ему, что он должен делать. По тому, с каким интересом Эврикл слушал, как уточнял детали, Антипатр убедился, что перед ним законченный негодяй, с которым очень удобно иметь дело. Они готовились еще несколько недель, а потом Эврикл пошел к Ироду. Он пересказал ему много страстей, тщательно мешая правду с ложью, и пообещал передать письма. Ирод поверил тому, во что хотел верить. Подозрительность его, подобно клубку ниток, стала разматываться под хищными лапами демона, на которых кровь почти не просыхала.

Ирод наградил его 15 талантами — огромной суммой, и ночью лакедемонянин ретировался, оставив Ироду сфабрикованные письма. Он поехал к Архелаю, рассказал ему сказку о том, что примирил Ирода и Александра, тоже получил подарки и исчез. Через несколько месяцев он затеял очередную авантюру у себя на родине, разорился и с позором был изгнан из Лакедемона.

Ирод между тем ужесточил сыск за Александром и Аристовулом. Доносили о каждом их шаге.

Прибыл Эварат с острова Кос, старый знакомый Александра, у него получили информацию. Братья зондировали возможность отъезда.

Ирод велел схватить двух своих бывших телохранителей — Юкунда и Тирана, огромных и ловких. Он отдал их за какую-то малозначашую провинность, после чего они преподавали братьям гимнастику, сопровождали их на охоте. Они долго крепились под пыткой, потом сознались, что в действительности Александр разработал план умерщвления царя во время охоты: после толчка царь должен был свалиться с лошади на их копья. Версия была немного странная, но они обвинили и начальника охоты в том, что он снабдил копьями их и всех приверженцев Александра. И тот подтвердил это. А еще они показали, что в конюшне спрятано золото. И его нашли, правда немного. При объективном расследовании можно было предположить, что это их личное золото, скопленное за годы службы у Ирода. Но детали Ирода не интересовали.

Был схвачен также комендант крепости Александрион на севере, где хранилась царская казна. Он ни в чем не признавался. Но через несколько дней прибыл Иуда, его сын, и привез письмо, которое якобы получил отец. Там было всего несколько строк:

Если мы при Божией помощи совершим все то, что имеем в виду, то мы прибудем к вам. Поэтому согласно обещанному приготовьте все к нашему приему в крепости.

Несколько странным было это письмо. Достаточно было написать последнюю фразу или вообще несколько слов. Но текст полностью устроил Ирода.

Он взял под стражу сыновей, затем их и всех давших показания перевез в Иерихон и собрал народ. Он все делал правильно. Иерусалим не особенно жаловал его, а сыновья Мариамны были там в почете. Иерихон не любил его тоже, но он был патриархален и невежествен. Ирод был хорошим психологом. Антипатр, который был осведомлен о планах царя, заслал в толпу своих людей, но, во-первых, их было немного, а во-вторых, это была лишняя подстраховка. Толпа волновалась и ждала. Вышел Ирод и, модулируя голос, начал говорить о своих сыновьях. Голос был

могучим инструментом, и он играл им, как некогда Клеопатра. Он то становился громовым, то опускался до старческого дребезжания. И гипноз удался. Толпа вначале тихо, а затем с прихлопыванием стала повторять: «Великий царь, великий царь, — а затем она стала шевелиться, как море, и обрела другой голос: — Сме-е-рть, За-а-а-а-кон».

Никогда Ирод не купался в подобном море любви своего народа, тем более что эту любовь питали самые низменные инстинкты: ненависть, глупость, ограниченность и жажда крови. Безразлично чьей. Ей, толпе, нужна была жертва, как топливо для костра.

Их, плененных, жестоко пытаемых и соображающих плохо, вывели на возвышенность и казнили, как положено по вере отцов. Сталкивали вниз, а на грудь бросали большой камень и потом множество мелких.

Толпа насытилась. Отдельные выкрики требовали предать казни Александра и Аристовула. На что Ирод сказал значимо: «Их будут судить по нашим и римским законам». Никто не понял, что это значит. Но кровь уже была пролита, много крови. И они быстро трезвели. Они были иудеи, и им становилось страшно от содеянного, они спешили домой, им надо было отмыться и подумать...

Александр и Аристовул вели себя в высшей степени мужественно, по крайней мере до тех пор, пока они были вместе. Вначале они вообще не понимали, в чем их обвиняют. Для Ирода настолько важной была реакция толпы в Иерихоне, что он вообще забыл об обвинении. Для него и так все было ясно.

Саломея по просьбе Береники посетила арестованных братьев. С ней говорил только Аристовул. Она была его теткой и тещей одновременно, и он имел на это право.

«Разве тебе не угрожает опасность гибели? — спросил он. — Вся Иудея знает, что в надежде на брак с Силием ты сообщаешь ему все тайны двора. Какая необходимость была доносить Ироду о моих разговорах с Береникой?»

Он махнул рукой и отошел в угол камеры. Саломея испугалась. Мало ли что мог наговорить ее зять под пыткой. И она донесла Ироду их разговор с некоторыми купюрами и в своей интерпретации. Она не сомневалась в его вине. Ирод рассвирепел, он приказал заковать их в кандалы и разлучить.

Александр, как старший, перед разлукой должен был приободрить брата, и он сказал ему: «Нам остается только уповать на Бога, потому что надежды больше нет».

Прошло несколько дней. Ирод передал им приказ написать императору о зле, причиненном ими отцу, ему, Ироду. Он пообещал, что передаст письма, и передал. Они были в разных помещениях, но написали практически одно и то же. Их жизнь стала невыносимой, и они надумали бежать. Других умыслов против отца у них не было.

Приехал посланник царя Архелая, Мела, — важный сановник при его дворе. Ирод приказал доставить Александра и велел ему рассказать все.

— Да, мы готовили побег, — признался молодой человек, — и один из маршрутов был к моему тестю Архелаю и оттуда — в Рим.

— Вот видите, — картинно развел Ирод руками. — И Архелай меня предал.

Мела попросил встречи с Глафирой. Ирод не отказал. Птолемей сопровождал его и Александра. Глафира, увидев мужа в оковах, забилась в рыданиях. Мела, который знал ее с детства, как мог успокоил женщину. Александр крепился, но давалось это ему плохо, слезы стояли у него на глазах и мешали видеть Глафиру.

Птолемей спросил:

— Известно ли было тебе, Глафира, о планах мужа?

— Да разве я мог что-то скрывать от жены, которую люблю больше жизни и которая является матерью детей моих? — воскликнул Александр и отвернулся. Он не хотел, чтобы Глафира видела его слезы.

— Ради спасения мужа я готова сознаться во всем, — твердо заявила Глафира. — Клянусь Господом, я не лгу. Мы действительно собирались к моему отцу Архелаю в Каппадокию, а оттуда в Рим. Других замыслов у нас не было.

Птолемей велел увести Александра. Это была его последняя встреча с женой. После казни Александра Ирод вернул ей приданое и отправил к отцу. Она вышла замуж за Ливийского царя, вскоре он умер. Глафира вернулась в Каппадокию, где ее неожиданно навестил Архелай, сын Ирода и Малтаки-самаритянки, ставший главным наследником царя Иудеи. Он предложил ей руку, сказав, что ради нее разведется со своей женой Мариамной. И он сдержал слово, но

их брак был очень недолог. Глафире приснился сон: Александр недоволен ее замужествами и зовет к себе. Через несколько дней она умерла.

Птолемей пересказал Ироду слова Глафиры и от себя добавил, что, по его мнению, она говорит правду.

«Очень хорошо, очень хорошо», — говорили губы Ирода, в то время как он сам был очень и очень далеко отсюда.

«Значит, и сын Архелай тоже предал», — подумал Ирод. К старости ожидание предательства переросло у него в манию.

Префект Волумний и легат Олимп собирались в Рим. Ирод, у которого в это время была размолвка с Августом, просил их вначале посетить Архелая Каппадокийского и выразить ему его, Ирода, неудовольствие, а затем ехать в Рим. Он подкрепил просьбу солидной суммой денег, и римляне сделали все, как он просил. Правда, царь Архелай утверждал, что ему ничего не было известно о планах зятя и дочери, хотя, конечно, если б они прибыли к нему, он бы, вне всякого сомнения, принял их. Слова Архелая повисли в воздухе, римляне не передали их Ироду. Зачем? — ведь он уже заплатил.

Глава 46

Суд над сыновьями

Гней Сатурнин в свое время был проскрибирован, бежал к Помпею, по мирному договору получил личную безопасность и вернулся в Рим. Слава его и предков шествовала перед ним, и сын его, Гней Сентий Сатурнин, в силу своих выдающихся качеств без труда получил консульство в 19 г. до н.э. Тогда же Август отправился в Грецию, где по крайне неудачному стечению обстоятельств его поездка была омрачена смертью Вергилия. Он был наместником Сирии и находился в некоем противостоянии к префекту Волумнию. И эта взаимная их нелюбовь имела роковые последствия.

Гней Сентий Сатурнин слыл выдающимся деятелем империи. Происходя из очень знатного рода, он получил совместно с Августом консульство в эпоху раздоров между Марцеллом и Агриппой. Август в это время отсутствовал, устранивая дела Азии и Востока. В его отсутствие он вел дела со старинной строгостью и объективностью, разоблачал обманы публиканов, наказывал алчность, возвращал в эрарий¹ государственное имущество, в полной мере блюдя интересы Августа.

Сатурнин председательствовал на суде над сыновьями царя Ирода в Берите (Бейрут). В качестве легатов здесь же были трое его сыновей, один из которых в последующем блестяще проявил себя в качестве сподвижника Тиберия в германскую кампанию. Сопредседательствовал Педаний с двумя своими легатами. Здесь же присутствовали Волумний, недавно вернувшийся из Рима, родственники и друзья царя, в том числе Саломея, Ферор, все римские наместники Сирии и Малой Азии.

Не было только Каппадокийского царя Архелая — отца Глафиры, тестя Александра, однажды уже погасившего назревающий скан-

¹ Государственная казна.

дал между Иродом и сыновьями. Ирод полагал, что тот не может быть беспристрастным. Решение Ирода противоречило желанию Августа, прекрасно знавшего Александра и Аристовула и наметившего царя Архелая в число обязательных членов суда, которых было около 150 человек, но Ирод пренебрег мнением императора. Это достаточно симптоматично, ведь только незадолго до этого Николаю Дамасскому удалось погасить довольно длительную размолвку между Августом и Иродом.

Не только вся Иудея и Сирия с напряженным вниманием следили за ходом этого процесса, пожалуй, первого за многовековую историю Иудеи. Египет, Малая Азия, Армения тоже прислали своих представителей, непрестанно толкущихся у огромного и мрачного, увенчанного римскими орлами зала Беритского суда. Ирод предусмотрительно перенес суд в Берит, справедливо полагая, что эмоциональность иудеев и их любовь к сыновьям Мариамны почти наверняка послужат поводом для волнений, а может быть, и кровопролития. Другим подтверждением тщательной подготовки Иродом суда является распоряжение содержать сыновей отдельно друг от друга в сидонской деревушке Платане, недалеко от Берита. Им также, вопреки канонам римского права, запрещено было участвовать в суде. Блестящее красноречие Александра легко могло увлечь собрание в пользу осуждаемых. В то же время в случае крайней необходимости они легко могли быть доставлены в суд.

Седой, властный, сдержанный, с гордо очерченным профилем, Сатурнин открыл суд. Обвинение поддерживал Ирод. «Тишина склепа» — так впоследствии охарактеризовал зал один из наместников. Какое-то мистическое оцепенение охватило людей, взиравших на старика, одетого в черное и пурпур. Все сочли это нехорошим признаком. Обстоятельства, которые привели Ирода к тягчайшим обвинениям своих сыновей, были мало известны присутствующим, хотя так или иначе о раздорах Ирода с детьми знали и в Сирии, и в Малой Азии. Ирод поднялся. Речь его производила странное завораживающее впечатление. Он говорил, не отрывая глаз от того места, где должны были сидеть подсудимые — его дети — и которое сейчас пустовало. И эта пустота была устрашающей. Царь не прибегал к цветистым выражениям. Он разбил обвинение на три части.

В первой он заметил, что многочисленные свидетельства, в том числе и письма Александра, говорят, что дети желали смерти отца.

Кроме четырех писем идентичного содержания, других доказательств не было. Но над римлянами незримо витала тень Цицерона, написавшего: «И право, может ли — бессмертные боги! — кому-нибудь быть полезным отвратительнейшее и омерзительнейшее отцеубийство отечества». Это была всего лишь одна фраза, но она создала фон заседанию.

Затем могучий голос стареющего царя, словно играя на басах, пробежал по залу, отрывая его от печальных мыслей. Царь перешел к конкретным обвинениям.

Иосиф Флавий пишет: «Он был крайне раздражен и выходил из себя, доказывая виновность юношей; при этом он высказал явные признаки своего гнева и необузданной дикости, не давая судьям возможности лично проверять доказательства виновности, но повторяя свое недостойное отца обвинение детей, сам читая их письма, в которых, впрочем, вовсе не упоминалось ни о заговоре, ни о каком другом преступном замысле, но только говорилось об их планах бегства и встречались некоторые крупные резкости по его адресу, вызывавшиеся его собственной враждебностью к детям»¹.

Он обвинял их в поношении его имени, насмешках и оскорблении его личности, и таких фактов он исчислил такое множество, что сама смерть казалась заседающим слишком ничтожным наказанием. Так как никто ему не возражал, то он стал оплакивать самого себя:

— Приговор против сыновей постигнет меня самого, победа над детьми — это горькая победа.

Последнюю фразу Ирод, имевший огромный опыт воздействия на массы, произнес в слезах, тихим голосом. Суд принял его сторону. Вопрос был не в корректности того или иного обвинения, а в их множестве, причем базировались они на письмах обвиняемых.

Допрос сыновей, по его мнению, терял смысл. Возникла пауза. Шептались. Чего же потребует Ирод? Правитель серым, безликим голосом произнес: «Так всякий, кто будет злословить отца своего или мать свою, смерти должен быть предан»². Он произнес требования старого закона: если родители человека выступили против него с обвинением и возлагали руки свои на голову сына, последний

¹ Флавий И. Иудейские древности, 16:11.2.

² Тора, Ваикра: 20, Кдошним: 9. Исход. 21: 1.

обязательно подвергался побитию камнями со стороны всех присутствующих при этом — таков древний обычай Иудей.

— Я мог бы возложить руки на их головы, если б в этом была надобность, — добавил он.

И далее он сказал, что в силу власти, врученной ему императором Августом, он может сам принять решение, однако, он готов выслушать приговор судей.

При последних фразах его ужас, как бы стоявший вне зала заседаний, вошел в суд и занял здесь главенствующее место.

Первым должен был говорить Гней Сатурнин. Это было его право, его обязанность. Он был наместником Сирии, мужественным человеком и хорошим политиком. Речь его заслуживает того, чтобы быть пересказанной полностью.

— Высокий суд, — начал он, — никто не может запретить великому царю Ироду вершить суд в его стране так, как он считает нужным. Никто не может воспрепятствовать тому, чтобы суд проходил по законам Иудей. Я не знаю в точности каноны иудейского суда, но не думаю, что они соблюдены здесь. И это, конечно, не римский суд. Здесь не фигурирует привычная для нас защита и нет обвиняемых. Один наш знаменитый соотечественник говорил: «Мы склоняем людей к нашему мнению тремя путями: или убеждая их, или привлекая, или возбуждая...»¹. Сейчас многие из присутствующих излишне возбуждены страстной речью великого царя. Нам представлен целый ряд свидетельских показаний, устных и письменных, о предполагаемом отцеубийстве. Это тяжелейшее преступление. Но до меня дошли слухи, что подсудимые, по крайней мере один из них, утверждает, что письма подложные². Мы не можем судить, так ли это. Во всяком случае при этой форме суда для меня, римлянина, невозможно решать вопрос о смерти кого бы то ни было, в особенности сыновей, тем более, что трое моих сыновей сидят рядом. Я призываю вас последовать моему примеру.

Это была достойная речь достойного человека. Шел четвертый час заседания. Было изнуряюще душно, тишина зависла в здании.

¹ Цицерон. Об ораторе. 2:77.310.

² Александр постоянно уверял, что писец Диофант подделал его почерк, и все письма — плод коварства Антипатра.

Выступил Волумний. Он был из сословия всадников и не во всем соглашался с Сатурнином, вернее, во многом не соглашался. «Легко быть сенатором и наместником Сирии, происходя из такой фамилии», — думал он и был прав. И правоту его поддерживали очень многие командиры, потому что он был свой, он воевал с ними. А Сатурнин был вовсе не из тех, о ком говорят «душа нараспашку». Он был сух, требовал соблюдения законов и внеслужебное время проводил с сыновьями. Естественно, что ему мыли кости, и он не был популярен.

— Отцеубийство или покушение на отцеубийство — очень тяжкий грех, — начал он. — Конечно, это не римский суд, но уж слишком много доказательств устных и письменных, сделанных разными людьми, представлено нам. Что из того, если, к примеру, одно или два из них будет опровергнуто, остальных вполне достаточно, чтобы признать их виновными. Да и не сидеть же здесь вечно.

Эта простая, чуть грубоватая речь пришлась по сердцу многим, и было жарко. Больше выступающих не было, решили голосовать.

Против высказались Сатурнин, его сыновья, Педаний и два легата. Все остальные легаты, наместники, командиры, родственники царя голосовали за смертную казнь.

Никто, кроме присутствующих в зале, не думал, что Ирод доведет суд до детоубийства. Решение суда, подавляющим большинством голосов признавшее братьев виновными, оставило Сирию безучастной и повергло Иудею в ужас. Царь отправил сыновей в Тир, а сам быстро покинул Берит. Флавий пишет, что он отплыл в Кесарию Палестинскую, чтобы обдумать род казни для юношей. Вряд ли это так. Тир лежал на пути в Кесарию.

Это очень краткое по времени последнее путешествие, которое Ирод провел со своими детьми, имело сложнейший психологический подтекст. Он выиграл суд. Честолюбие его было в полной мере удовлетворено. Рим принял его сторону. Друзей в столице империи у него оставалось не много, пожалуй, только Азиний Поллион. Агриппа умер четыре года назад. Мнение других в малой степени волновало Ирода. Вновь и вновь он задавал себе вопрос: «За что?». Тот незримый иудейский Бог, с которым он постоянно вступал в конфликты, нарушая одну заповедь за другой, выбрал и осуществил странную меру наказания. Сыновья, его сыновья без всякого на то основания отвернулись от него. Горечь, питаемая обидой, разъела его сердце.

Они сидели с Николаем, слушали шум моря, игравшего крупной галькой. Два старика, которым в эти минуты предстояло совершить ту самую роковую ошибку. Ирод вначале рассказал о суде. Николай слушал, молчал.

— А что в Риме? — выдавил из себя Ирод.

«— Их намерения преступны — таково единодушное мнение всех твоих друзей, — сказал Николай, — однако тюрьма — лучшее решение проблемы. Если ты, впрочем, — добавил он, — все-таки решишь казнить их, то сделай это погодя, чтобы не навлечь на себя обвинения, будто бы действовал по внушению гнева, а не рассудка. Если ты, напротив, думаешь помиловать их, то отпусти их, чтобы не вызывать на себя еще большей и окончательно непоправимой беды. Таково мнение и большинства твоих римских друзей»¹.

Бесспорно, эту цитату Флавий заимствовал из трудов Николая Дамасского. Наверное, историк не должен был говорить о казни как об альтернативном варианте, впоследствии в своей обличительной речи против Антипатра Николай Дамасский, как мог, убеждал свою совесть. Наверное, в те холодные февральские дни, когда он готовил свое выступление, лица молодых людей, которых он практически не пытался спасти и которые были благорасположены к нему, не раз вставали перед ним. Может быть, он увещал свою совесть, беседа с ней как с живым существом, уверяя ее в незнании деталей. Это предположение.

Потом, через три года, всем станет понятно, что большая часть документов, которые использовал Ирод, были подложные. Пристрастность Флавия, когда он говорит о детях Мариамны, очевидна. Уместен ли здесь термин «юноши», к которым прибегает Флавий? К моменту суда им уже было около тридцати, и это вполне зрелый возраст, чтобы отвечать за свои поступки. Были ли их действия по отношению к отцу безупречны? На этот вопрос однозначно можно ответить — нет.

Ирод не приказал, просто попросил Николая сопровождать его в Кесарию. Весы Фортуны застыли в ожидании какого-то знамения или события, и, с учетом душевного смятения Ирода, толчок этот мог быть только в одну сторону. Он и произошел.

¹ Флавий И. Иудейские древности, 16:11.3.

Душевное состояние Ирода можно охарактеризовать как тягчайшую депрессию. И она, эта депрессия, как вернейшая подруга, не оставляла его до конца жизни.

У многих, если не у большинства оставшихся в Берите судей, сочувствующих, просто зевак создалось впечатление, что Ирод в раздумье, что возможен благоприятный исход дела. Все знали, что пламя погребального костра, который должен был быть зажжен, чтобы подготовить к встрече с Предвечным забальзамированное в меду тело Мариамны, не было выпущено на свободу. Ирод в последний момент изменил свое решение. Целительная сила меда и бальзамов проиграла схватку со временем. Оно одно имело силу Предвечного, и в который раз с присущим ему постоянством праздновало свою победу. Тело ее стало морщинистым, и на лице стали проступать те невидимые или не осознанные ранее Иродом черты характера, которые в конечном итоге привели ее к гибели. Вначале он приказал сжечь теперь уже чужую Мариамну — он не хотел ее больше видеть, затем передумал и приказал похоронить во дворце в Иерусалиме, чтобы она была рядом.

Это массовое ожидание лучшего исхода было логично и находилось в полном согласии с природой человека. Впрочем, скептиков, в особенности среди членов Синедриона, было достаточно. У них не было никаких возможностей предпринять что-либо против Ирода, но поступки его тщательно анализировались и обсуждались. Одни пытались понять. Другие, зная, что, заняв престол, Ирод стал еще более ревностно исповедовать все законы и, если б не его непомерная жестокость, мог бы считаться вполне правоверным иудеем, сомневались.

Ирод произнес критические слова, они звучали как заклинание. И этим заклинанием Ирод вызвал из небытия нечто темное, являющееся антиподом свету Предвечного. И это темное не могло уйти из этого мира без искупительной жертвы.

Он прибыл в Кесарию, мрачный, во власти печали и иступления.

Тирон, его ветеран, бывший с ним в десятках походов, не выдержал нервного напряжения. С реакцией, свойственной иудеям, он воспринял решение царя как нечто личное. Дети царя выросли на руках Тирона, а его собственный сын был ближайшим другом Александра. Два дня крики его омрачали и без того не веселившуюся

Кесарию. Историк зафиксировал его крики: «Правосудие попорно, правда исчезла, природа извращена!».

Царь приказал привести его к себе. С мужеством безумца Ти-рон обратился к Ироду:

Не будучи, о царь, в состоянии удерживаться долго в таком бедственном положении, я решился рискнуть своей личной безопасностью и позволить себе эту вольность, которая, однако, необходима в твоих же собственных интересах и принесет тебе пользу, если ты только как следует отнесешься к ней. Куда девался твой рассудок, (очевидно) тебя покинувший? Где тот тонкий ум, с помощью которого ты совершил столько великих деяний? Почему тебя покинули друзья твои и близкие тебе люди? Я не в состоянии признать в приближенных твоих искренне преданных тебе друзей, которые спокойно взирают на такое злодеяние, совершаемое в некогда столь счастливой стране. Разве ты сам не хочешь понять, что делается? Неужели ты собираешься умертвить двух юношей, которых родила тебе твоя царственная супруга, юношей, наделенных всякими преимуществами, и на старости лет отдашь в распоряжение сына, который плохо оправдал возлагаемые на него надежды, или в распоряжение родных, которых ты сам уже столько раз приговаривал к смерти? Разве ты не можешь понять, что молчащая чернь все-таки видит совершаемое преступление и преисполняется ненависти к этому бедствию, и что солдаты, особенно же их начальники, питают сострадание к несчастным и вместе с тем ненависть к виновникам всего этого?¹

Только потомок идумея и аравитянки мог придумать такое — так закончил он свою речь. Это была та трагическая ошибка, после которой гнев Ирода покатился с горы, словно снежный ком, увеличиваясь, раздуваясь. Никто после смерти Мариамны не называл его идумеем. На это слово было наложено табу, а тут этот жалкий

¹ Флавий И. Иудейские древности, 16:11.5.

человек глумится над ним. Может быть, он рассчитывает на поддержку своих друзей в армии?

Царь зовет стражу и велит схватить всех, кого назвал Тирон, их окружение и его самого.

И тут на чашу весов рок опускает еще один камень. Невесть откуда возникает Трифон, брадобрей, он просит аудиенции у Ирода, получает ее и, нервно теребя левый рукав одеяния и кряхтя, рассказывает странную историю. Якобы Тирон неоднократно предлагал ему зарезать Ирода во время бритья, тогда он получит богатые подарки от Александра.

Невозможно понять этот поступок брадобрея. Другьями с Тироном они, безусловно, не были, едва знакомы. Да и Тирон лет на двадцать его старше.

Ирод долго и пристально вглядывается в брадобрея, стараясь понять, какую выгоду преследует этот человек. У него нет даже версии.

Если он прав, то почему до сих пор молчал, а может быть, испугался, что Тирон выдаст его под пыткой? Если лжет, то зачем ему эта ложь? Он и так достиг максимума своих возможностей.

Он еще какое-то время буравит Трифона глазами, а потом принимает Соломоново решение: пытать Тирона, его сына и Трифона. Трифон ничего нового не может добавить к своей версии. Тирон — старый воин, измучен пытками, он проклинает Ирода и его потомков до десятого колена, а пытать сильнее его нельзя. Палач доверительно шепчет Ироду, что жизнь в нем еле теплится. Сын Тирона случайно видит отца, ведомого под руки после пытки, и говорит, что во всем сознается при условии, что Ирод даст слово, что больше пытать отца и его не будут.

Ирод дает слово и, кстати, держит его. Ему интересно. Он не понимает, что при сложившихся обстоятельствах в равной мере сын может сказать правду, а может и солгать, измыслить нечто, чтобы спасти себя и отца. Причем последнее даже более вероятно.

Он говорит: «Трифон собирался убить Ирода и делился с ним своим планом». Эта версия и рассказ брадобрея расходятся между собой. Но Ироду вдруг становится очевидной простая истина: все вокруг стремятся убить его, а каким способом и кто именно, так ли это важно.

Он прерывает рассказчика, велит его увести. На следующий день выводит во двор цвет своей армии — около 300 гвардейцев, брадобрея, Тирона и его сына. Он встает на помост, гневно и не очень связно обличает их в едином заговоре прогив него, законного царя.

— А возглавляли заговор Александр и Аристовул, — гремит голос Ирода.

Демон, стоящий за спиной Ирода, тихонько дует ему в затылок, и голос царя приобретает запах крови.

Ирод едет в Себасту и там проявляет «гуманность»: велит казнить сыновей, но не путем побития камнями, как следовало бы поступить по Закону, а повесить их, как и их мать, и похоронить рядом с ней.

Августу доложили и о суде, и о казни сыновей царя Ирода. У него, склонного к мрачному юмору, родилась в ответ фраза, меткая и легкокрылая. Она сразу же вспорхнула и улетела в мир, потому что была удачной, и еще она была горькой, как полынь Иудеи, как ее судьба, как сама Иудея. Фраза эта гласила: «Лучше быть свиньей Ирода, чем его сыном».

Эта фраза была парадоксальной и не имела смысла: у Ирода не было свиньи, а потому он не мог и убить ее.

Ироду об этих словах императора не донесли. Никто не хотел рисковать своей жизнью.

Глава 47

Ферор

В начале 5 г. до н.э. умирал младший брат царя Ирода — Ферор. Рожденный после него и не очень им любимый, он был последней нитью, связывающей Ирода с братством пяти мужчин их семьи, которые были по-настоящему счастливы только в период второго Египетского похода. Царский кортеж выехал утром и за один световой день царь, лишь изредка покидая носилки, чтобы размяться, преодолел около 40 километров, которые отделяли Иерусалим от Вифании Заиорданской — резиденции его брата. Ирод уже не садился в седло. Дух его был могуч, но телесные силы подтачивала одна из самых страшных болезней человечества, и врачи были бессильны.

Царь преодолел Иордан около его впадения в Мертвое море. Это было одно из немногих мест, где зелень растительного мира не боялась зелени соленого раствора, а почти соприкасалась с ней. Чуть менее 2 километров было от резиденции брата до моря и почти столько же — до живительного Иордана.

Ирод никогда не бывал у брата. Ему случалось в молодости, когда многочисленные стычки с соседями были элементом повседневного существования, пересекать эту местность, объезжая море, и она, эта территория не нравилась ему, потому что это странное море и прилегающие земли пахли гнилыми водорослями и отдавали чем-то потусторонним.

Дворец, вернее, жилище Ферора скорее напоминало сарай либо заезжий дом, с крышей покатой и обращенной в сторону Иордана. Он был аккуратен и чист, но ничем не украшен, а вокруг было много зелени: воду сюда отводили по каналам из Иордана, и ее было в достатке.

У Ферора был скромный для правителя доход — около 100 талантов. Провинция Перея в основном была пустыня, не очень густо

населена и подвержена набегам арабов. Ферор находил своим деньгам иное применение, чем архитектурные излишества. У него была молодая жена, и очень любимая им.

Ирод сидел у постели умирающего, и оба они чувствовали присутствие Вечности. Может быть, смерть Ферора ускорила рана, которую он когда-то получил в правый бок: теперь он задыхался и из горла у него шла кровь. Его личный врач — маленький, тощий идумей — только беспомощно смотрел на Ирода и качал головой, а лекарь Ирода, статный и красивый, взглянул на умирающего и в глаза коллеги, и они отошли в сторону. Они даже не подошли к постели. Ирод не воспылил гневом, он верил своему врачу, пользовавшему его много лет и обработавшему десятки его ран. Он прочел приговор в движениях и мимике врачей, тихо о чем-то шептавшихся в конце зала.

Рука брата, сухая, желтая и легкая, протянулась к нему, дотронулась до его руки и опустилась на постель, а средний палец в медленном темпе повторял излюбленное постукивание Ферора. И этот жест умирающего заворожил Ирода и увел в прошлое. В мозгу его с лихорадочной скоростью вращался калейдоскоп, в котором сменялись эпизоды их жизни. Ирод обратил внимание на то, что в некоторых из них Ферора не было. Но затем, когда эпизоды, словно кусочки мозаики, собирались в крупные сцены, Ферор присутствовал и часто бывал веселым. Жизнь его сложилась далеко не такой трудной, как у Ирода, а иногда даже доставляла удовольствие.

Какими-то очень широкими шагами, совершенно несвойственными ей, в сознание вдруг вошла Глафира, потом к ней присоединился Александр и схватил ее за руку, жадно, он всегда был жаден до своей жены, а потом к ним присоединился Ферор, и они закружились в хороводе, веселые и смеющиеся, а в центре их хоровода стоял он, Ирод, с посохом и очень маленький.

Эта картинка напомнила Ироду тот разлом или толчок, после которого Александр начал свой путь к смерти, и вели его сына к ней Глафира и Ферор. Тогда Ферор был очень обозлен на царя, потому что Ирод, который так до смерти и не научился пресекать свои вспышки гнева, отлучил брата от двора. Он выгнал его прилюдно. И был прав: только одержимый или сумасшедший мог отвергнуть Салампсио — их первую дочь с Мариамной I. Но его гнев

на брата был подобен приливу, за которым всегда следует отлив. К тому же Ферор позвал его, он хотел видеть Ирода.

Ферор же вместо благодарности направился к Александру и рассказал ему историю, будто бы Ирод воспылал страстью к Глафире. А когда Александр, бешено вращая белками и сжимая кулаки, явился к отцу за объяснениями, Ферор заявил, что он только передал слова сестры Саломеи.

Ферор, конечно, не должен был говорить это Александру, любовь которого к жене была значительно большей, чем почтение и привязанность к отцу. После рассказа Ферора сыновние чувства исчезли вообще, и Александр начал помышлять только о побеге от Ирода к тестю Архелаю, конечно, вместе с женой и детьми, и более ни о чем думать не мог.

Но доля правды в искаженном и чудовищно преувеличенном рассказе Ферора все же была. И виной этому он — Ирод. Он, как обычно, однажды положил руку на бедро Глафиры и ждал, когда она вскинет свою голову и ноздри ее раздуются, и сама она будет похожа на весеннюю играющую кобылицу, вот-вот готовую заржать. А ткань ее платья была тонка, а ноздри так соблазнительно двигались, и Ирод повел руку не вверх, а вниз — этот жест означал слишком многое, и она выплеснула на Ирода всю горечь из своих огромных глаз, убежала и поделилась своим страхом с дочерью Саломеи. А с кем ей было делиться, не с мужем же?..

Пришла жена Ферора, светловолосая и очень молодо выглядывшая, хотя ей было уже около 35 лет. Она присела у изголовья мужа, как это любят делать египтянки, поджав ноги под себя. Конечно, она смотрела на мужа, как положено, и брала его руку в свои, но время от времени, как испуганная серна, бросала взгляд на Ирода, сидевшего по ту сторону надвигающейся смерти.

С появлением женщины калейдоскоп исчез, и Ирод смотрел на ту, ради которой Ферор некогда пренебрег и его второй дочерью — Кипрой, так похожей на свою мать Мариамну. Он силился понять, чем жена Ферора лучше Мариамны, не Кипры, а именно Мариамны, и не успел — в сознание неожиданно вклинился вопрос, над которым мозг Ирода хотел размышлять больше, чем над другими проблемами: «А была ли девственницей эта бывшая рабыня, когда попала к брату?»

С одной стороны, вряд ли, потому что девушки с такими светлыми волосами очень редки в этих краях, их не довозят девственницами до Иудеи: с другой стороны, брат его все же был тетрархом, а правителям иногда везет. И она, еще будучи рабыней, родила ему сына. И своенравный Ферор ради нее и сына вначале отверг одну дочь Ирода, а затем и другую. А потом проклял его страшной клятвой, сказав: «Клянусь Господом нашим, Всезнающим и Всепонимающим, что только смерть одного из нас позволит нам встретиться».

И вот сейчас он умирал. Рука его медленно, как живое существо, поползла к Ироду, дотронулась до его руки, которая тоже легла на край кровати. Губы его беззвучно, но отчетливо и ясно произнесли: «Шалом».

Он хотел еще что-то сказать, но Сущий лучше знает, что следует и чего не следует говорить в последние минуты, и решил, что достаточно...

Ироду стало вдруг очень легко, так легко ему не было потом уже никогда до конца жизни...

Смерть Ферора примирила Ирода с женой брата. Он оставил ей дом в Перее и содержание, и она не могла поверить этому, а Ироду казалось, что куда бы он ни пошел, он видел ее глаза и светлую копну волос. У него много дел, надо организовать отправку тела брата в Иерусалим. Его следует похоронить именно там, с почестями...

На прощание Ирод немного прошелся с этой странной женщиной по саду. Царь заговорил о фарисеях, год назад отказавшихся от переписи населения, которую Ирод хотел провести в подражание переписи Августа. Они отказались от переписи — и всё. Римский император в таких случаях накладывал на провинившихся штраф, и царь Иудеи поступил так же. Штраф за 6 тысяч человек внесла она — эта хрупкая женщина со светлыми волосами, хотя и понимала, что навлечет на себя гнев Ирода. Но она была смелой, эта бывшая рабыня, ставшая женой царского брата, очень смелой. Ирод не спрашивал о мотивах ее поступка, с годами он стал мудрее. Он похвалил себя за это и криво усмехнулся... И ощутил в себе вожделение, чего с ним давно не бывало. Мысленно поблагодарив жену брата, он расстался с ней, как ему казалось, навсегда. Имя у нее было странное — Ласа.

Когда тело брата, завернутое в белое, клали на носилки в тени мирт, он увидел двух человек, плачущих искренне. Взгляд его скользнул дальше, а мысли были далеко: он думал, как лучше организовать процессию и где должен быть похоронен Ферор.

Спустя некоторое время Ирод велел найти себе светловолосую женщину. Нашли быстро. Но потом выяснилось, что она была больна сифилисом, отчего царь Ирод впоследствии и умер.

Глава 48

Старший сын

Ирод, узнав о болезни светловолосой наложницы, отослал ее. Но неясное предчувствие беды не оставляло его: он был встревожен, угрюм и слаб. События последних дней потребовали от него немалых усилий, а он был уже стар.

Пришли двое, назвались вольноотпущенниками Ферора. Ирод, хотя видел их мельком, по характерным движениям узнал, велел говорить. Один из них начал, но излагал путано и косноязычно. Ирод прервал его, дал знак другому. Он всегда любил ясность в речах. Тот, смуглый, высокий, бородатый, с далекого Востока, говорил четко, значимо, словно метал пращу. Он сказал, что Ферор незадолго до смерти обедал у своей жены, где ему всыпали яд в новое лакомство. Яд был привезен аравитянской, они сами допросили ее, и та созналась, что была дружна с одной из наложниц Силия. Имя Силий действовало на Ирода как горячее масло. Он заерзал от нетерпения, как много лет назад перед охотой, велел созвать тех, которые искусны в операциях подобного рода.

Вольноотпущенники продолжали: «Для покупки яда к аравитянке отправилась теща Ферора и его свояченица».

Ирод насторожился, так как ему вполне искренним показалось горе вдовы брата, той светловолосой женщины, которой он поверил. Поэтому царь велел держать вольноотпущенников под стражей.

Через полчаса отряд его приближенных бросился в Вифанию Заиорданскую. Части людей было велено спешиться и проникнуть в город под видом бедуинов — они согладатаи.

Через день подозреваемых доставили. Они были утомлены, напуганы, и это было хорошо: страх — первый помощник при показаниях.

Их ввели скопом к царю в тронный зал, он смотрел на них: рабынь, вольноотпущенниц и свободнорожденных — на это сборище потных женских тел. И хотя это был совсем другой запах, он

напомнил ему одновременно запах газелей, брошенных в кучу после охоты, по которым ползали мухи, и запах тлена Мариамны. Он оскалился или ухмыльнулся. И многие из женщин уже почувствовали себя мертвыми.

Он спросил их:

— Мой брат мертв, некоторые из вас повинны в его смерти, я дарую прощение тем, кто сознается. Брата не вернешь, но я хочу знать, кому была нужна его смерть.

Все молчали. Ирод снова оскалился:

— Вас будут немножко пытать, — сказал он, — и вы сознаетесь.

Он верил в пытки.

Велел привести женщин. Палач был опытен, с незапамятных времен служил у Ирода, и еще он был стар и не любил пытать женщин, он был богобоязнен, честно, как он считал, зарабатывал себе на хлеб. И еще он был философом и рассуждал примерно так: «Если существуют люди, строящие всяческие козни, то кто-то же должен бороться с этими кознями и дознавать правду».

Ирод знал о философии палача и одобрял ее. Но в стройных построениях «мыслителя» был один пассаж, над которым он бился всю жизнь: он не был уверен, что Сущий одобряет пытки женщин, уж больно противно они визжали, когда до них дотрагивались раскаленным железом, совсем не так, как мужчины.

Размышления позволяли ему существовать в среде иудеев, которые не жаловали палачей, не общались с ними и не любили применять пытки. И он, бритоголовый, могучий, неизвестно какого племени, постепенно осознавал их миропонимание и думал.

К нему приводили женщин, он брал их как игрушечных, переносил на мягкое и широкое ложе, обитое кожей, чтоб удобно было мыть, — он сам его изобрел. Он как будто примерял их к ложу, трепещущих, но молчащих от ужаса. Потом он брал их за щиколотки и рывком растягивал на уровне своей груди, даже не удосуживаясь связать им руки. И они, вися вниз головой и открывая свой срам, обезумевали, и крик застревал у них в горле. Потом он бросал их на живот, двое его помощников садились на женщину, один из них держал ее за руки, и он прижигал им пятку, слегка, на одной ноге. Крики и запах паленого мяса заполняли комнату и легко проникали через тонкую дощатую перегородку, за которой находились женщины, стайкой бросавшиеся к очередной жертве, внесенной помощниками

палача после экзекуции. Он сам входил в комнату и пальцем тыкал в ту, которая была следующей. Он хорошо знал природу людей и силу страха и не понимал происходящего. Они давно должны были начать говорить, а они молчали. Но он был опытен, терпелив и великодушен, он даже уменьшил прижигание, лишь чуть-чуть прикасаясь раскаленным прутком к коже. Они все лежали на циновках и с ужасом ждали его. Прошло уже около часа как последнюю из них принесли в комнату. Он вошел к ним и сказал:

— Я перережу вам сухожилия, и у вас будут ноги и не будет ног, — и он для наглядности поболтал ногой. — Зачем вам такая жизнь, женщины?

Ужас, который уступил место боли, белой пеленой покрыл их лица. Они верили палачу. Молоденькая девственница-рабыня не выдержала первой.

— Я все расскажу, — прошептала она.

Щеки ее стали пунцовыми от прихлынувшей крови и принятого решения. Ее повели, вернее, понесли к Ироду. Боль была сильнее, чем при обычном порезе, но она была рабыня, она привыкла терпеть побои. Ее ввели к Ироду, предусмотрительно усадили на низенький стульчик и оставили одних.

— Говори и не бойся, бедное дитя, — сказал Ирод. Сейчас он испытывал к ней нечто вроде жалости.

— Я прошу Предвечного уготовить для Антипатровой матери такие же мучения, которым подверглись мы, — начала рабыня...

Ирод, которому всё докладывали, понял причину молчания женщин. Он выслушал ее, велел позвать прислужниц и омыть девушку, дать ей новое платье и сандалии, пятку ее смазали специальной мазью, ее накормили, вкусно, и дали вина.

Ирод созвал сановников, нескольких священников, а девушку усадил на скамью у трона. Палач ввел женщин, припадающих на одну ногу, стонавших, грязных, дурно пахнувших. Им было стыдно, они робели в этом великолепии, они тарасили глаза на рабыню и жались друг к дружке.

— Я знаю, что имя Дорис сковало вам уста, — начал Ирод. — Я понимаю, что она зачинщица, и прощаю вас. Даже если вы в чем-то виновны, доля вашей вины меркнет в сравнении с предательством других. Я прошу вас об одном — помочь мне узнать всю правду до конца. Клянусь Суцим, что вы будете в полной безопасности, и я

вознагражу каждую из вас. А эту девушку, которая первой набралась мужества, я объявляю свободной, даю ей дом и доход.

Молодой воин из царской свиты подал руку бывшей рабыне и увел ее в один из покоев, а она, в белом платье, улыбаясь, плыла по залу и не прихрамывала, потому что ее попросили не хромать, а она была рабыня и умела терпеть.

— Так вы поможете мне? — спросил Ирод, добавляя в голос немного металла. — Кто будет говорить, останьтесь, а кто не будет, пожалуйста к нему, — и левый палец его медленно указал на палача.

Многим женщинам показалось, что палец его похож на копьё, и они не хотели быть на него нанизанными.

— Вы будете говорить или нет? — еще раз переспросил Ирод, стукнув посохом.

Все прокричали «да» и повалились ему в ноги. Он велел увести их и привести в порядок, потому что они дурно пахли.

А следующим утром женщины начали говорить. И все это время они жили в роскошных покоях, их хорошо кормили, а потом они всю жизнь вспоминали о своей жизни во дворце Ирода.

Все, что обещал Ирод в отношении женщин, он исполнил. И они выполнили свою часть договора: ничего не таили и вспоминали малейшие нюансы. Ничего странного не было в том, что их слова подтверждали версии Саломеи и Береники, но Ирод отмахивался от слов сестры, отшучивался, но ему некуда было бежать от темных глаз племянницы, огромных, до краев налитых ненавистью.

Взяли Антипатра и клеветра его сына — одного с ним имени, самаритянина. Ирод долго смотрел на него, и ему казалось, что сквозь тонкие черты его лица проступала ухмыляющаяся жаба. Велел пытать его жестоко. Палач, несколько дней назад благодетельственный Иродом и получивший в свой адрес столько добрых слов, сколько он не слышал за всю жизнь, был горд, справедлив и гуманен. Он имел основания так считать, потому что его благодарили иудеи — ведь он не искалечил и не осквернил женщин, и они, покидая дворец, одаренные щедро, благодарили его тоже.

Но сейчас он, как и все во дворце, понимал, что между теми женщинами, невольно ставшими участницами заговора, равного которому, пожалуй, не было, во всяком случае об этом ничего не было в книгах, и самаритянином была немалая дистанция. И раскаленные

пругья — лучшее средство для признания. Палач знал свое дело, и самаритянин сознался.

Схема заговора была проста. Душой заговора были Дорис — его первая жена и Антипатр — его первый сын. Могущество Дорис служило надежным заслоном от доносов. Ирод удивлялся, почему ему не донесли, а потом понял и оставил это безнаказанным. Он был уже слишком стар. А Дорис часто говорила: «Антипатру уже скоро пятьдесят, а он еще не начал править».

Эта мысль глубоко запала ей в голову, потому что вариации ее слышали несколько женщин. Антипатр, его сын, не умел ждать. И это было плохо.

Яд привез из Египта Антифил — один из старых и верных друзей Антипатра. Фейдион, родной брат Дорис, передал этот яд Ферору: он должен был дать его Ироду. Антипатр между тем уехал в Рим и таким образом был абсолютно вне подозрений, он наслаждался жизнью в столице метрополии и ждал сообщения о смерти отца.

В версии не хватало последнего штриха, и Ирод велел привести жену Ферора — Ласу, с непонятным и ласкающим слух именем. Он усадил ее на скамью около трона, сошел с него и сел с ней рядом. Она смотрела на него с пониманием, и в глазах ее не было страха. Слишком долго противостояла она Ироду.

— Я прощу тебя, твою мать и сестру, если ты ничего не утаишь от меня.

— Да, великий царь, — твердо сказала она.

И слова «великий царь», сказанные этой женщиной, доставили ему огромное удовольствие. Ее рассказ лишь уточнил детали и подтвердил то, что Ироду уже было известно.

У Антифила был брат в Египте, маг, врач и заклинатель, и в поездку к брату он взял себе в спутницы ту арабскую женщину, которую выследили вольноотпущенники. Ирода сейчас интересовало не это. Его мучило другое: почему яд, предназначенный ему, попал к его брату?

— О, великий царь, — сказала Ласа, и глаза ее были сухи от воспоминаний, — он тяжело болел последнее время, и ты присылал ему лекарства, лекарей и ласковые слова. Он плакал, — голос ее слегка дрогнул, — и раскаяние душило его, он не хотел больше жить, он сам принял этот яд, он лизнул руку, на которую пролилась одна или две капли. И сказал, что Сущий рассудит. Остальное отдал

мне, — и она протянула ему фигурку крокодила, явно египетскую: крокодил стоял на задних лапах и опирался на хвост, а голова его служила пробкой.

Ирод осторожно открыл пробку-голову и понюхал жидкость, пахнущую чесноком, заткнул, велел унести и спрятать. Ожидающе посмотрел на жену брата.

— И еще, — сказала она, — Мариамна II знала об этом.

Со зла ли сказала это светловолосая или правду, судить трудно, но Ирод посчитал, что она сказала правду, отпустил ее и никогда больше не видел. Но Симона, своего тестя, лишил сана первосвященника, а ее сына вычеркнул из завещания.

Женщины сказали все, что знали. Он велел снарядить в Египет несколько человек, которых должна была проводить подруга Антифила, — она запомнила дом, где жил его брат. Ирод велел записать его показания и привести новые доказательства, хотя и тех, что он имел, было вполне достаточно. А пока, ожидая приезда людей из Египта, он сидел один в прохладе тронного зала и думал, приказав никого не впускать.

В одно утро он велел арестовать всех рабынь и вольноотпущенниц Дорис, всех слуг Антипатра и начал следующий этап следствия — оправдывались самые худшие его подозрения. Он узнал всю технику подлога и клеветы, которую обрушил Антипатр на братьев Александра и Аристовула, он узнал, что все документы, которые представил ему спартанец, почти единоплеменник, были подложными, и к нему пришло наконец полное понимание: его сыновья, казненные им, были невиновны или не совсем виновны, а уж казнить их было совсем ни к чему, и царь сидел насупившись. Они, находившиеся — там, в Вечности, в отличие от Мариамны не издевались над ним, их милые розовые мордашки являлись теперь перед ним, но редко, и улыбались.

«А старый дурень Дамасский виноват не меньше меня», — подумал Ирод, и эта попытка переложить часть своей вины на другого несколько притупила его горечь.

Прибыли посланцы из Египта. Они осторожно развернули материю и положили перед царем крупный лимонно-желтый камень, отливающий перламутром, «камень халдеев¹», — сказали они. И еще

¹ Аурипигмент — минерал мышьяка.

положили на стол несколько мелких красных кристаллов со смолистым блеском, но прозрачных¹, как бы подмигивающих, похожих на глаза шакалов. На стол легли также несколько стеблей и цветков, похожих на римские шлемы. «Египтянин сказал, сведущие узнают», — передали прибывшие.

Ирод велел пригласить Николая Дамасского. Ждали около часа. Едва взглянув на растение, он обрадовался, словно встретил старого друга.

— Греки называют его акон или аконт, что означает ядовитый сок. По преданию, греческий герой Геракл привел в бешенство трехголового пса Цербера, охраняющего вход в царство мертвых. Пес стал испускать слюну, из которой и вырос этот цветок.

— А есть ли от него противоядие? — из любопытства спросил Ирод. Дамасский отрицательно покачал головой.

— А камни?

— Я не знаю про камни, — ответил тот. — Египтяне, халдеи, ессеи — это их знание.

Ирод послал за ессеями и вновь погрузился в размышления. Они прибыли только на следующий день к вечеру, когда уходящее солнце посылало в тронный зал последние лучи. Ироду нравилось прощание солнца, и он любил смотреть на закат.

Вошли двое в белом, с простыми деревянными посохами. Они были средних лет и понравились Ироду. Промелькнула мысль о Менахеме, но тот давно умер. Царь велел принести камни. Ессеи взяли камни в руки, повертели их, положили на стол. Отступили на шаг, левую руку положили на грудь, а правую вместе с посохом вертикально подняли перед собой, образуя символический крест. Через секунду, завершив обряд, они повернулись к Ироду, и первый из них произнес:

— Камни безвредны, из них делают краску, но после специальной обработки — это сильнейший яд.

— А есть ли противоядие? — спросил Ирод.

Ессеи переглянулись.

— Молоко с медом, и то, если яда выпито очень немного, — с некоторым сомнением сказал второй, который был выше ростом, — а так нет.

¹ Реальгар — минерал мышьяка.

— Хорошо, — произнес Ирод, — очень хорошо. У меня еще одна просьба: нельзя ли избавить меня от воспоминаний?

Первый ессей извлек из-под своего белого одеяния отполированную серебряную пластинку, поймал луч солнца.

— Смотри! — резко крикнул он, расправляя над левым плечом собранные в кулак пальцы.

Пока Ирод наблюдал за рукой, тот полоснул светом по его глазам.

Это был гипноз, классический. Когда Ирод вышел из транса, второй ессей почтительно произнес:

— Теперь тебе будет легче. Монастырь пришлет специальное питье для успокоения.

Они отклонялись. Наркотическое питье, которое принесли через пару дней, царь принимал перед сном до конца жизни и первый год спал неплохо.

Привели Дорис. Она вошла, одетая так, как одевались идумен еще во времена Исава: на ней был черный балахон с белой каймой. Она знала, что иудеи не любят черное, а Ирод вообще запретил этот цвет в Иерусалиме. Но она оделась так демонстративно и специально.

Когда она вошла, Ирод понял, что она знает... Трудно было не знать, когда твои приближенные вдруг исчезают без следа и все сразу.

Она стояла перед ним. Балахон скрывал ее тело, но оно давно не занимало Ирода, он смотрел на ее руки, маленькие и морщинистые, — она была очень стара. Он посмотрел ей в глаза и задал вопрос:

— Зачем ты хотела этого? Зачем ты это сделала?

— Мы одного народа, Ирод, — отвечала она, и говорила хорошо, хотя во рту ее уже не хватало многих зубов. — Мы одного народа и не прощаем обид. Ты украл у меня молодость, ты пренебрегал мною, ты лишил своего сына, моего сына, ласки. Разве этого мало?

Он смотрел на нее, думал, что ей сказать, и не находил слов. Он знал, что смерть уже ждала ее за дверью, нетерпеливо дергая за ручку этой двери и пытаясь ее открыть, но в этот раз он не захотел помочь смерти. Она и сама справится. Да и какой прок был в ее смерти? Он знал, что она нисколько не боится ее, как когда-то Мариамна I. И царь отослал ее прочь, а по дворцу и Иерусалиму разнеслась весть, что Дорис занемогла. Он отнял у нее все, кроме гребней и одежды, велел поселить ее в отдаленной комнате и строго

охранять. Он полагал, что, находясь при нём, она не сможет вредить, а кроме того, ему нужен был Антипатр.

Пришло письмо от сына. Антипатр завершил свои дела в Риме и готовился к отъезду домой, вполне естественно, что он осведомлялся о здравии отца. Прошло достаточно времени со времени смерти Ферора и домашнего ареста Дорис. Вполне возможно, что Антипатр уже информирован о происшедшем. Если так, то искажение фактов либо их замалчивание приведет к тому, что сын его останется в Риме и будет максимально вредить ему – такова суровая логика. Ирод собирает советников. И все собравшиеся это понимают.

Было перехвачено письмо Дорис к Антипатру. Оно состояло из нескольких строк: «Все известно, оставайся в Риме, проси милости у императора».

Но кто мог поручиться, что это письмо единственное?

Поэтому письмо, посланное взамен найденного, было сформулировано следующим образом:

Антипатру, престолонаследнику.

Сын мой, здоровье мое слабеет, я плохо чувствую себя в последнее время, и события последних месяцев только ухудшили мое состояние. Неожиданно для всех умер Ферор, и смерть его – большая горе для меня. А сразу после его смерти случилась у меня размолвка с твоей матерью, потому что мы оба были раздражены и устали.

Но думаю, что в ближайшее время, еще до твоего приезда, все забудется, и буду счастлив видеть тебя, мне многое надо тебе успеть рассказать об управлении государством.

Ирод, правитель Иудеи

Письмо настигло Антипатра в Киликии, уже после того, как он получил первое извещение о смерти Ферора. Оно не вызвало у него подозрений, оно было естественным. Ирод и его советники были правы. Келендерис был последним портом в Киликии, откуда корабли отплывали в Кесарию. Он был сыном своего отца, подозрительность никогда не оставляла его, и он велел своим спутникам

походить по порту, по кабачкам, собрать слухи. Вечером они обменялись мнениями.

Один из них сказал, что мать Антипатра в опале, и, может быть, лучше здесь переждать развитие событий, но большинством голосов признали ожидание в Киликии пустой тратой времени. Ведь Ирод сам информировал его о размолвке с Дорис. Надо плыть.

Какой контраст между его проводами и встречей! Сотни людей провожали его в Рим, осыпали благословениями, напутствиями. Но может быть, потому, что Антипатр знал: это не чистосердечные проводы. Деньги отца и великолепная организация — цена им, поэтому встреча, холодная и безлюдная, воспринимается как должное. Только эскорт из германцев Ирода встречает его, и они едут в Иерусалим.

В пурпурной мантии, весь в ожидании, входит он во дворец, и... стража не впускает его спутников.

Предчувствие недоброго охватывает его, но сопровождающий кладет ему руку на плечо и говорит: «Царь ждет».

У Антипатра даже нет времени оценить всю недопустимость этого жеста. Он входит и хочет обнять отца. Ирод отталкивает его и не очень связно бросает ему обвинения. Чаще всего Антипатр слышит слово «отцеубийца».

— Завтра суд, — говорит Ирод. — Я не хочу быть необъективным, я уже однажды был им. — Руки его дрожат. — Я не выступаю в суде. Судьей будет Вар — наместник императора, а ты можешь приглашать кого хочешь на свою защиту и документы предоставь тоже.

Он говорит, как кудахчет, словно рот у него заполнен гримасами. И Антипатр даже не в ужасе — он словно заморожен, он не осознаёт, что происходит. Словно в тумане, в мягком и белом тумане, передвигается он по тронному залу, покидает его и так, на ощупь, бредет по дворцу, пока не достигает спасительных дверей своего дома. Жена, которая в курсе событий, тотчас же посылает за его матерью. Они сидят больше молча, обмениваются малозначащими фразами, едят, пьют. У них нет версий защиты. Но оцепенение постепенно спадает с Антипатра, и он лихорадочно ищет выхода. Когда был суд над его братьями, Сатурнин — предшественник Вара, однозначно высказался в их защиту. Если бы не обилие документов, так искусно сфабрикованных, казнь бы не состоялась. Может

быть, есть шанс попасть на суд к императору? Отец очень плох, об этом свидетельствуют и мать, и жена, а в Риме у него много друзей.

Антипатр, конечно, не знает, что письмо матери к нему перехвачено, он не знает, что Ирод и Николай Дамасский — два старика — сидели на краю бассейна, опустив в него ноги, и долго беседовали. Потом они пошли к гробнице, где были похоронены его казненные братья, но не зашли в нее, а обошли кругом и долго стояли перед ее входом. Он не знает, что Ирод, обняв Николая Дамасского за плечи, сказал: «Мы уже ошиблись один раз, и эта ошибка стоила мне жизни двух сыновей, давай постараемся не ошибиться в этот раз и быть объективными».

Дамасский переживал вряд ли меньше Ирода, потому что его поведение в прошлый раз было пассивным лжесвидетельством. Он молчал, он не боролся, он был двуличен, не употребив все свое влияние, и он знал, что виновен перед Сушим. Он не мог воскресить юношей, но в его силах было вернуть им доброе имя, и он три месяца тщательно и скрупулезно готовил документы, сверяя их и систематизируя, он ездил по стране, добрался до Идумеи и нашел то, о чем мог только мечтать, — он держал в руках несколько клочков кожи и папируса с подписями Птолемея, его самого, Ирода, Александра. Антипатр замечательно подделывал их.

И Антипатр не знал еще кое-каких вещей, а потому выпроводил мать, которая все понимала и ушла быстро: она хотела, чтобы сын забылся. И он рванулся к Александре, своей жене, как только за матерью закрылась дверь, и любил ее как молодую. Она же, дочь Антигона, казненного Антонием по просьбе Ирода, пребывавшая в дремоте между его ласками, мучилась предчувствиями. Один раз ей приснился отец, лицо которого она уже забыла: он был молод, стоял в вооружении около черного коня, говорил с женщиной в красной мантии и смеялся. А на рассвете, когда Антипатр взял ее в последний раз, она была безучастной, как кусок мяса.

Ему не повезло и в другом. Квинтилий Вар, председательствующий на суде, был так же мало похож на Гнея Сатурнина, как, к примеру, римлянин на нумидийца, которыми он до сего времени, т.е. до 6 г. до н.э., успешно управлял, будучи проконсулом Африки. Они, его подопечные, были дики нравом, вертки, лживы, далеки от цивилизации и, что было совсем плохо, очень бедны. Вар, общаясь с ними, не нажил ни гроша, потому что Африка была бедной

провинцией, и еще он огрубел душой и почитал всех неримлян варварами. Он был незнатен, хотя из семьи известной, и вершить суд над сыном Ирода собирался по всей справедливости римлянина. Эта справедливость не помешала ему после смерти Ирода залить кровью Иудею, и конечно же Сущий не простил ему этого. В Германии он бездарно впоследствии погубил три легиона, столько же конных ал и шесть когорт. И только его голова, отрубленная варварами и переправленная Цезарю, напоминала римлянам о вреде гордыни, впрочем недолго. Август велел с почетом предать его голову погребению в родовом склепе. И Рим молчал.

Вар вступил в должность около трех месяцев назад, в первых числах июля, и теперь впервые посетил Иудею и с удовольствием выслушал просьбу Ирода.

Суд начался около полудня. Народу собралось много. Родственники, рабы, вольноотпущенники, которые уже давали показания, немногочисленные римляне. Это больше походило на семейное дело, что не мешало ему иметь привкус крови.

Антипатр, выведенный на середину зала, молил Ирода об одном: не выносить обвинительный приговор.

Ирод вроде бы прислушался к внутреннему голосу и словам сына. Он встал и стал говорить про неблагодарность детей своих. Он говорил, что приговор, который он вынес сыновьям Мариамны, основывался исключительно на донесениях и сообщениях Антипатра, и теперь, когда Антипатр обвиняется в покушении на отцеубийство, выясняется, что его казненные сыновья невинны. Рыдания его заглушили последние слова, Ирод не хотел и не мог продолжать. Он махнул Николаю Дамасскому, позволив увести себя в конец зала, и попросил воды.

Николай Дамасский последовательно и очень обстоятельно начал вести обвинение и предъявлять улики.

Затем Вар дал слово Антипатру. Его пространная речь была хороша. Он заявил, что под пытками можно добиться любого признания, и потребовал суда у императора, «которого так же трудно обмануть, как самого Господа Бога», — закончил он.

А потом обвиняемый царапал себе лицо, плакал и вызвал всеобщее сочувствие и жалость. Ирод заколебался. Но Николай Дамасский был готов к этому. Он начал вызывать свидетелей, и благоприятное впечатление, оставленное Антипатром, померкло.

Закончил Дамасский обвинительной речью.

– Мы, однако, не укоряем теперь тебя в том, что ты не сдержал своего гнева на них, но мы поражены тем, что ты поспешил уподобиться им по преступности. Мы убеждаемся, что все твои начинания в этом смысле вовсе не были направлены к тому, чтобы оградить отца, но ты преследовал цель лишь гибели братьев, дабы своею ненавистью к ним ты мог более уверить всех в своей сыновней преданности и тем получить возможность вернее погубить его самого. Все это ты подтвердил своими поступками.

Ты умертвил своих братьев, доказав их виновность, но не выдал их единомышленников. Этим ты всем доказал, что ты накануне обвинения вошел с ними в сделку, направленную против твоего отца, желая один воспользоваться плодами отцеубийства и из обоих преступлений извлечь удовольствие, вполне достойное твоего характера. Впрочем, явно перед всеми ты выступил в роли преследователя своих братьев, за что тебя все, как и следовало, превозносили высоко. Если же это было не так, то ты являешься еще большим негодяем, так как ты втайне ковал козни против отца своего, не схватив братьев как злоумышленников против него (сам ты не задумался пред таким же преступлением), но ненавидя их как приемников власти, на которую они имели больше прав, чем ты. Кроме того, ты желал после братьев умертвить также и отца своего, чтобы не рискнуть быть изблеченным в ложном обвинении их. Ту смерть, которую ты теперь сам заслужил, ты уготовил несчастному отцу своему, задумав не обыкновенное отцеубийство, но такое, какого до сих пор не знала история.

Ты злоумыслил не только как сын против отца, но поднял руку на своего друга и благодетеля, которому ты помогал в государственных делах и приемником которого ты был объявлен, причем тебе не было возбранено теперь уже пользоваться всеми благами власти; напротив, желания отца твоего и его письменное постановление гарантировали

тебе исполнение всех твоих надежд. Между тем ты в этом деле не имел в виду расположения Ирода, но решил все это по своему личному усмотрению и своей гнусности, желая отнять у отца, который во всем слепо доверял тебе, его часть, причем, однако, ты на словах выставял себя его спасителем. На самом же деле ты искал случая умертвить его и не только довольствовался при этом своей личной испорченностью, но втянул в интриги также и мать свою, посеял смуту в семье относительно своих братьев и даже осмелился называть отца своего разъяренным зверем. Этим ты высказал злобу, которая сильнее злобы всякой змеи. Ведь ты напустил своего яду в душу ближайших родных и благодетелей своих.

Ты втянул в свое дело телохранителей и впутал в свои интриги против старца мужчин и женщин, как будто тебе не было довольно удовлетвориться чувством своей личной ненависти. И теперь, после того как ради тебя подверглись пыткам свободнорожденные и рабы, и после того как мужчины и женщины сознались в существовании заговора, ты явился сюда и спешишь не только отрицать истину, утверждая, что ты вовсе не задумывал умерщвления отца своего, но и восстаешь против принятого относительно тебя решения, против добропорядочности Вара и против всякой справедливости! И вот ты настолько уверен в своем собственном бесстыдстве, что выражаешь сам готовность подвергнуться пытке, чтобы все преданные отцу твоему оказались лжецами, а твоим заявлениям под пыткой была придана вера.

Конечно, ты, Вар, не станешь ограждать царя против дерзких попалзновений его родных, ты не умертвишь того гнусного животного, которое притворяется преданным отцу своему для того лишь, чтобы добиться гибели своих братьев и затем поскорее овладеть самолично престолом, причем оно выказывает всю свою смертельную ненависть к нему. Ведь ты знаешь, что отцеубийство является одинаковым преступлением как против природы, так и против всех жизненных условий, причем исполнение его насколько не отличается от самого замышления его. Тот,

кто за это не наказывает, сам совершает преступление против природы!

Сделали небольшой перерыв, и Вар дал слово Антипатру. Он вел процесс как римлянин и произнес традиционную фразу: «Мое желание и желание отца твоего, Ирода, чтобы ты вышел отсюда оправданным по всем пунктам обвинения».

Но это хорошо для римлян.

Антипатр упал на колени и стал биться головой о пол, повторяя эти движения десятки, сотни тысячи раз и не уставая. При этом он не переставал перечислять свои заслуги и взывал к Сущему, призывая его свидетельствовать в его пользу и явить чудо для спасения.

Такой способ защиты был вполне понятен иудеям, которые требовали перенести суд и отложить приговор. Но Вару, римлянину, все это было смешно и противно. Он несколько раз просил Антипатра перейти к оправданиям по существу и ничего не добился. Тогда он велел принести яд, который, как утверждали все, был предназначен для Ирода. Привели преступника, осужденного на казнь. Вар объяснил, что он должен выпить яд. «Мы не знаем, насколько он действенен, — сказал Вар, — но у тебя появляется шанс: если это не яд или сила его ослабла, ты будешь жить. Согласен?»

Преступник не ответил, взял крокодила без головы, влил содержимое в рот и упал бездыханным.

Вар поднялся с места и распустил собрание. На следующий день он уехал в Антиохию, в свою резиденцию. С его точки зрения, все было ясно.

Ирод распорядился заключить Антипатра в оковы, но предать казни не решился.

¹ Флавий И. Иудейские древности, 17:5.5.

Глава 49

Пророчество Михея

Ирод заточил Антипатра в темницу и испытал некоторое облегчение. Две смертельные болезни¹ клещами сжимали его тело, оставляя слишком мало времени для забвения. Радостей от жизни становилось меньше и меньше. Собрался писать письмо Августу. Должен же он был кому-то поведать о подлостях сына. Писец робко копошился где-то в углу, лишь иногда давая знать о своем существовании. Ирод сидел на троне либо полулежал. Несколько часов он молчал, потом, словно вспоминая о существовании писца, делал ему знак рукой, и тот исчезал. Так повторялось много раз.

Часто Ирод приглашал Николая Дамасского. Тот сидел тоже молча, нахохлившись, не пытаясь завязать разговор. Присутствие его доставляло царю некоторую радость. Они знали друг друга очень давно, и сейчас Ироду передавалось душевное состояние друга. Николай Дамасский считал себя честным и умным. Это сочетание, с точки зрения иудеев, можно было бы назвать философскими бреднями, но название ничего бы не объяснило. Это состояние души, это самокопание было бичом и характерной чертой иудеев. Философ был абсолютно парализован. Он на тончайших весах своей совести взвешивал те или иные свои поступки, касающиеся смерти Александра и Аристовула. Он сам судил себя, он хотел найти не оправдание, нет, — он знал, что его не было. Он надеялся изыскать какие-то смягчающие обстоятельства. И не мог, потому что в этом случае надо было бы признать, что он вовсе не так умен и проницателен, как казалось ему самому и окружающим, а это уже было бы чудовищной нелепостью. И он судил себя строго, как и подобает праведнику. Он совершил только один грех, но грех этот был велик, отражая общую греховность человека, а он не имел права

¹ Предполагают, что у Ирода был рак прямой кишки, отягощенный сифилисом.

подаваться этой провокации, известной каждому посвященному, в том числе и ему самому.

«Он поверил тому, во что хотел верить»¹. Грех его был тяжек, потому что смерть двух молодых людей лежала целиком на нем. Стоило Николаю высказать хотя бы один-два аргумента, чуть-чуть надавить, и Ирод бы никогда не решился. Как мог он, умудренный жизнью, прекрасно ориентирующийся во всех интригах при дворе Клеопатры и Ирода, поддаться на столь гнусную и нелепую провокацию? Он, которого в Риме считали живой легендой, приглашать которого почитали за честь писатели, поэты, философы, сенаторы, — он был настоящий убийца. И тихий стон вырывался из груди Николая. А когда он достигал ушей Ирода, тот успокаивался и слушал более внимательно: ему еще и еще раз хотелось слышать стон философа.

Николай знал, что ему не будет покоя в Иудее, и мечтал поскорее уехать отсюда, ведь помочь Ироду он был не в состоянии. От одной мысли, что Август, которого он уважал, узнает, какой он дурак — ведь он поверил в виновность сыновей Мариамны, — уста его смыкались, и он не мог исторгнуть из себя ничего членораздельного².

Ирод тоже прекрасно понимал, что Александр и Аристовул невиновны, их попросту подставили, но в отличие от философа урызения совести обходили его стороной. Он не хотел чувствовать за собой вины и не чувствовал. Сыновья были горды и надменны, они все равно не простили бы ему смерть матери, и Сущий когда-нибудь, может быть, очень скоро, их рассудит, а сейчас у Ирода были другие дела.

Наступил период дождей, боли усилились. Ирод стал еще раздражительнее, если это только было возможно. Наконец он продиктовал письмо к Августу, краткое и объективное, велел гонцам устно передать все детали о гнусном предательстве Антипатра. Посланцы уехали. На второй день к царю привели раба, который слишком рьяно выпрашивал, где Антипатр? У раба нашли письмо без

¹ Формула греховности ессеев.

² После смерти Ирода Николай Дамасский уехал из Иудеи и до конца жизни жил в Риме.

адресата и подписи: «Рискуя жизнью, посылаю тебе письмо Акмеи. Если его найдут, мне грозит опасность с двух сторон. Будь осторожен, и желаю успеха».

Раб под пыткой сознался, что письмо от Антифила, скрывающегося в Египте. Стали искать основное письмо. Нашли тончайший папирус в складке хитона. Второе письмо, вернее, письма глаголющие:

Акмея – Антипатру.

Письмо Саломеи к Юлии составлено так, как ты просил. Я сняла его копию для Ирода. Оригинал высылаю. Уничтожь его, чтобы не подвергать мою жизнь опасности.

Акмея – Ироду.

Великий царь, направляю тебе копию письма твоей сестры к Юлии. Надеюсь, ты в полной мере оценишь его содержание.

Императрице Юлии.

Великая императрица, мой неудавшийся брак с Силием ушел в прошлое, как и горечь от него. Я уже слишком стара, однако на склоне лет хочу, чтобы ты знала правду. Интересы свои и Иудеи Ирод ставит выше всего. Рим интересуется его в очень малой степени. И не будет мира между ним и Силием – он злопамятен, и не будет мира на Востоке.

Саломея»

Ирод рассвирепел. Он был взбешен и потому, что письмо было подложным, и потому, что оно было составлено очень искусно, и потому, что в общем оно было весьма и весьма правдоподобно, даже правдиво. Не знай он, что оно подложное, неизвестно, что бы он сделал с Саломеей.

Царь не велит наказывать раба, зачем? Раб он и есть раб. Но хочет казнить Антипатра. Жаждет. Тем более, что перед ним, как в молодости, стоит Саломея, бьет себя в грудь и призывает все кары на свою голову, если в письме содержится хоть доля правды. Ирод послал за Антипатром. Обещал простить. Сын молчал. Отец объяснил, что тот все равно изобличен, что грех и вина его слишком велики. Антипатр не проронил ни слова. Ирод просил назвать сообщников. Сын с готовностью взвалил все на Антифила. Это было умно и понятно. Тот находился в Египте, в полной безопасности.

Неизвестно, чем бы кончилась их встреча — пыткой или казнью, если б это было несколько лет назад. Но теперь Ирод быстро уставал, и первая вспышка гнева улетучилась. Велел увести сына.

Ночью боль отпустила его. Вернулась четкость мысли. Неожиданно вспомнилась фраза, которой он закончил речь на суде: «...пусть никто из жаждущих моей крови не избежит кары, если бы даже обвинение охватило всех моих детей кругом»¹. И отчетливо увидел картину события, произошедшего чуть более двух лет назад сразу же после Нового года. Праздник был не очень весел. Семья Ирода еще более отдалилась от него после казни сыновей Мариамны. Но событие было из ряда вон выходящим. Он назначил перепись. По образцу той, которую Август проводил в Галлии, находящейся под самоуправлением. Он провел перепись сам, без давления Октавиана. Он хотел собирать больше налогов, он жаждал порядка. Тогда же возмутились фарисеи, но инцидент быстро был исчерпан. А по Иудее ползли слухи: ждали какого-то мессию из рода Давида.

Тогда Ирод был еще вполне здоров, и мысль о том, что кто-то может оспорить его власть в Иудее, выглядела нелепой. Он только недавно казнил сыновей, в народе уже не роптали, Иудея погрузилась в оцепенение.

Оцепенение стояло в Иудее. Было на удивление спокойно, но все знали, что тишина эта обманчива. Этот тлетворный дух должен был породить что-либо: бунт, покушение или что-то другое. От иудеев всего можно ожидать. Но ничего не происходило. И уже начали думать и верить, что, может быть, и обойдется. Но не обошлось. Ветер или поверье кошачьей лапкой легонько потрогало Иерусалим,

¹ Флавий И. Иудейская война, 1:32.2.

и вмиг закружило, завертело над всей Иудеей своей бессмыслицей: мессия, мессия, мессия, мессия, месси-и-и-я-я.

Оно, это слово, звучало руладами и сияло огненными цветами. Оно, как воронья стая, кружило над страной, высматривая свою добычу, оно стремилось вцепиться в глаза, в его глаза, в глаза Ирода, оно распространяло какую-то непонятную энергию...

Необходимо было положить конец этому наваждению. Это понимали все: он сам, советники, друзья, Синедрион, сыновья. Промедление было пагубно. Но никто толком не понимал, как можно было бороться со словом, которое возникло само по себе, которое было в начале¹.

Он созвал большой совет, который не собирал за все годы своего правления. Он не нашел и в книгах, чтобы подобное собрание было до него. Впрочем, это понятно: иудеи все мудрецы, и их цари сами решали свои проблемы. В отличие от Дамасского Ирод не считал себя мудрецом и не обольщался, но власть нравилась ему, и поэтому он хотел избавиться от этого глупого слова, которое в пестрых нарядах гуляло по Иудее.

Царь созвал Синедрион в полном составе, пригласил со всех концов Иудеи книжников, мудрецов, очень просил прибыть ессе-ев. И они прибыли, сумрачные, одетые в броню внешнего спокойствия.

Собрались в большом тронном зале. Никогда — ни до, ни после этого дня — столь блистательное созвездие умов и имен не собиралось в его дворце. Царь стукнул посохом о пол. И наступила тишина. Он был хозяином, и справедливо было, чтобы он говорил первым.

— Народ мой! — начал царь. — Поверье нелепое и злое, воплощенное в едином слове, веет над Израилем, и холод его ощущает каждый из нас. Я предлагаю, чтобы каждый из вас, каждая группа сформулировала свои мысли о том, что происходит, что чувствуете вы, что знаете.

Потом мы сделаем перерыв, будет трапеза. Вы сможете обменяться мыслями, доводами. И скажете, что будем делать. Даже если Господь в очередной раз обрушит десницу свою на Израиль или на меня лично, я готов слушать вас. Я жду правдивого ответа. И не бойтесь говорить, что думаете. Перед Богом клянусь, что никто не

¹ Пересфразировка Евангелия от Иоанна.

будет наказан, наоборот — каждый уйдет из дома моего с миром и щедро одаренный, потому как я призвал вас, я нуждаюсь в вас, а еще больше нуждается в вас Израиль.

Это была хорошая, полная мужества речь. Ирод вообще был прирожденный оратор. По залу прошло легкое волнение. Все сгруппировались. Члены Синедриона сидели вместе на высоких креслах (они так просили) в левой стороне зала. Они образовывали отдельную коллегую. Ессеев, их было четверо, стояли, опираясь на посохи, по правую руку от трона Ирода. В центре зала сидели и ходили мудрецы.

Потом в центре зала произошло некоторое движение. Мудрецы, почему-то пригибаясь, начали пересаживаться и образовали три отдельные группы от трех до семи человек. Они о чем-то переговаривались вполголоса несколько минут, затем наступила тишина.

— Я вижу, что вы готовы, — сказал Ирод. — Кто начнет первым? Выступил ессей — старый, седой. Он сказал:

— Грядет время пророчества Михея, и будет оно длиться одиннадцать седмиц. Столько отпущено Израилю¹.

— Потом встал первосвященник:

— Со времен Учителя Праведности² не было сказано более справедливых слов. Мы знаем это пророчество, и сейчас действительно его время, но нам не дано знать, когда наступит оно и когда окончится, ибо сказано: «Не пророчествуйте, пророки; не пророчествуйте им, чтобы не постигло вас бесчестие»³.

— Великий царь, — сказал один из мудрецов, после того как первосвященник опустился в кресло, — разве не одна цель у нас? Пусть уважаемые члены Синедриона говорят все, что знают, сейчас не время молчать, ибо опасность велика. Пророчество гласит: «И ты, Вифлеем — Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? Из тебя произойдет мне тот, который должен быть Владыкою в Израиле и которого происхождение из начала, от дней вечных»⁴. Вот чего ждет народ, и мы все знаем это.

¹ Совещание происходило в 7 г. до н.э.

² Учитель Праведности — легендарный руководитель общины ессеев времен Александра Янния.

³ Михей, 2:6.

⁴ Михей, 5:2.

— И мы боимся, — подхватил мудрец из другой группы, — потому что сказал Господь: «Народ же, который был прежде моим, восстал как враг...»¹.

— Это правда, великий царь, — сказал представитель третьей группы мудрецов. — «Встаньте и уходите, ибо страна сия не есть место покоя; за нечистоту она будет разорена, и притом жестоким разорением»². А куда идти народу страны этой? Он нищ.

— Мы знаем это, — печально произнес один из членов Синедриона, — нам ведомы прегрешения наши. «Посему за вас Сион распахан будет как поле, и Иерусалим сделается грудой развалин, и гора Дома сего будет лесистым холмом³. А земля та будет пустынею за вину жителей ее, за плоды деяний их⁴. Но нам трудно или невозможно поверить в то, что мессия примет земной облик, хотя сейчас это, конечно, возможно. «Если бы какой-либо ветреник выдумал ложь и сказал: «Я буду проповедовать тебе о вине и сикере», то он и был бы угодным проповедником для этого народа»⁵.

Мы должны истреблять скверну, в особенности если кто-то назовет себя мессией.

— Это ничего не даст, господин мой, — обращаясь к только что выступавшему, сказал ессей, тот, который говорил первым. «Перед ними пойдет стенорухитель; они сокрушат преграды, войдут сквозь ворота и выйдут ими; и царь их пойдет перед ними, а во главе их Господь»⁶.

— И вы совершите некое деяние, — сказал другой. — «Горе замышляющим беззаконие и на ложах своих придумывающим злодеяния, которые совершают утром на рассвете, потому что есть в руке их сила»⁷.

— «...Тростью будут бить по ланите судью Израилева»⁸, — сказал третий.

¹ Михей, 2:8.

² Михей, 2:10.

³ Михей, 3:12.

⁴ Михей, 7:13.

⁵ Михей, 2:11.

⁶ Михей, 2:13.

⁷ Михей, 2:1. Исус был схвачен ранним утром.

⁸ Михей, 5:1. Евангелия не донесли до нас детали допроса Христа, но подобное вполне возможно.

— «И будет Он судить многие народы и обличит многие племена в отдаленных странах; и перекуют они мечи свои на орала и копья свои — на серпы»¹, — печально произнес четвертый.

Наступила тишина. Ее прервал Ирод.

— Я предлагаю вам насытиться и отдохнуть, а через два часа мы продолжим.

Царь отпустил всех. И они гурьбой, невзирая на звания, с некоторым облегчением и поспешностью покинули тронный зал. Ирод остался один и погрузился в размышления. Хорошо, что все ушли. Они будут свободнее чувствовать себя без него во время трапезы, а у него будет время подумать.

Когда все вернулись, царь спросил:

— Подкрепили ли вы свои силы и в состоянии ли продолжать наш диспут?

Молчание было ему ответом.

— Подвожу итог нашей беседы. Из того, что я понял, следует, что мессия воплотится близ Вифлеема, станет царем Иудеи, и еще — после прихода этого мессии Иудею ждут бедствия. Я, конечно, до этого не доживу, но это мало что меняет. Приход мессии и уничтожение Иудеи как-то взаимосвязаны. Ведь так? А если это так, то долг каждого из вас и мой тоже препятствовать приходу мессии или уничтожить его в зародыше. Ведь вам дорога Иудея? Или я ошибаюсь?

— Великий царь, — сказал председатель Синедриона, сын Галлея. — Не наше дело бороться с промыслом Божьим. И не все так скверно.

— «И будет остаток Иакова среди многих народов как роса от Господа, как ливень на траве, и он не будет зависеть от человека и полагаться на сынов Адамовых. И будет остаток Иакова между народами, среди многих племен, как лев среди зверей лесных, как скимен среди стада овец, который, когда выступит, то попирает и терзает, и никто не спасет от него. Поднимется рука твоя над врагами твоими, и все неприятели твои будут истреблены»².

— Не делай ничего, Ирод, — предупредил один из мудрецов, — не ищи мессию, потому что сказал Господь: «Я неисцелимо поражу тебя опустошением за грехи твои»³.

¹ Михей, 4:3.

² Михей, 5:7–9.

³ Михей, 6:13.

— Ты много хорошего сделал для нас, — произнес предводитель ессеев. — Нам разрешено открыть тебе только это: «А ты, Башня Стада, холм дочери Сиона! К тебе придет и возвратится прежнее владычество...»¹. Живи с миром, царь. И не спрашивай ни о чем нас более, не дано нам сказать тебе более. Написано: «И устыдятся прозорливцы, и посрамлены будут гадатели, и закроют уста свои все они, потому что не будет ответа от Бога»².

Ирод поблагодарил всех и был щедр. Он понял, что иудеи сказали ему все, что могли, но это было даже слишком много.

Царь велел увеличить награду соглядатаям и стал ждать. Через несколько дней донесли, что в страну пришли волхвы. В этом не было ничего необычного: границы между государствами были прозрачны, и путники въезжали и выезжали без каких-либо затруднений. Мало ли гадателей и предсказателей бродило по Иудее. Но это были волхвы, обладающие знанием и определенным весом в обществе. Они были хорошо одеты, держались уверенно и не боялись. Их привели во дворец. Ирод встретил их почтительно. Встал с трона, приветствовал, просил отведать яств, отдохнуть. Волхвы поели фруктов, попросили холодной воды, запили нехитрый обед, без церемоний направились в комнаты, совершили омовение, отдыхали. Велели поднять их, когда солнце сядет.

Вечером гости привели себя в порядок и направились к царю. Они, конечно, знали, о чем он будет их спрашивать.

— Вы знаете мой вопрос, светлейшие? — спросил Ирод.

Волхвы поклонились.

— Что скажете мне?

— Когда две звезды из созвездия семи великих звезд, одна из которых покровительствует Иудее, сольются воедино, на землю придет мессия. Мы должны следовать за этими звездами, и они приведут нас к нему, — сказал один.

— Мы должны отдать ему дары народов наших, — эхом откликнулся другой.

¹ Михей, 4:8. Христос родился в Башне Стада, но Ирод не понял пророчества.

² Михей, 3:7.

— А вы не могли бы взять с собой моих проводников, чтобы потом они и меня проводили на поклон? — спросил Ирод.

— Они не увидят ни звезды, ни нас и не дойдут, — как-то буднично констатировал третий.

— Может быть, вы, светлейшие, известите меня на обратной дороге? — вопрошал Ирод, просто, не вкрадчиво, дружески. Он умел говорить так, когда надо.

Они поклонились, не сказав ни «да», ни «нет».

— Нам пора, — сказал один из них, — сейчас начнут зажигаться звезды, и мы сделаем все, великий царь, что нам будет позволено.

Это были ни к чему не обязывающие слова. Но что было делать, и Ирод отпустил их. Велел наблюдать за ними издали бедуинам, от которых мало что могло укрыться. У царя было предчувствие, что волхвы не придут, и верно. Пришли одни бедуины, пали на колени.

— Встаньте, — чуть насмешливо сказал Ирод. — Что, упустили?

— Нет, великий царь, — ответил один из них.

— Они вышли из Яффских ворот и исчезли из глаз. Мы здесь ни при чем.

— Откуда они шли? — спросил Ирод, словно надеясь по пути волхвов проследить их дальнейший путь.

— Один из них ассириец, другой — халдей, третий — египтянин, — ответил бедуин. — И все они шли в Иерусалим.

Ирод отпустил бедуинов, дал им награду, просил наблюдать и докладывать дальше и послал за есеем, тем, старым, седым.

Через несколько дней тот пришел и не казался усталым.

Ирод встретил его с удовольствием. Трудно было объяснить симпатию, которую он питал к есеям на всем протяжении своей жизни.

— Я не задам, учитель, тех вопросов, о которых ты просил не говорить, — произнес Ирод, — но ответь, если сможешь: приходили трое из дальних стран, они шли к мессии. Почему они все встретились в Иерусалиме?

— Если это твой единственный вопрос, великий царь, мне не составит труда удовлетворить твое любопытство. Сказано: «В день сооружения стен твоих — в этот день отдалится определение. В тот день придут к тебе из Ассирии и городов Египетских, и от Египта до реки Евфрата...»¹ Своей постройкой нового храма ты исполнил некое

¹ Михей, 7:11–12.

предначертание¹. Мессия уже пришел, не ищи пришлых, обличенных Знанием, они уже далеко. И страна успокоится.

Он оказался прав тогда. Страна, словно ребенок, набаловалась и уснула. Слухи исчезли, как будто их и вовсе не было, а если Ирод пытался с кем-то заговорить о мессии, о котором так оживленно спорили и пели несколько дней назад, на него смотрели с недоумением, словно не понимая, о чем речь. И соглядатаи доносили, что осенние работы выполняются рьяно и платятся налоги. Словно некий дурман прошелся по стране, опьянил ее на время и исчез. Самое главное, что случилось тогда, — спокойствие снизошло и на Ирода, и он тоже забыл о происшедшем, чего с ним никогда не было...

¹ От начала постройки Третьего храма до прекращения земной жизни Христа прошло семь седмиц, т.е. 49 лет.

Глава 50

Избиение младенцев

Когда из высших сфер на Иудею снизошло всеобщее упоминание, тогда все ждали некоего мессию. Он пришел и принес с собой одурманивающий сон, благодать. И вот затем уже никто не бунтовал два года. Как это много для Иудеи! Но теперь... благодать вступила в борьбу с болью, и все преимущества оказались на стороне боли, потому что она постоянно подпитывалась двумя болезнями. Боль могуча сама по себе, она сестра смерти, и иногда, когда сестры конфликтовали, боль одерживала верх над смертью. Боль кружилась вокруг Ирода так быстро, что он видел только скрытый туманом мерцающий шлейф ее одеяния. И ему казалось, что именно это мерцание вызывает у него ту адскую боль, которая ломала остатки его разума. Царь страдал телом, а разум его, измученный болью, начал рисовать страшные картины будущего и, словно профессиональный фокусник, извлекал из памяти какие-то покоренные воспоминания о прошлом. События, которыми оперировала боль, были чудовищно гипертрофированы. Часть из них имела под собой реальную основу, других вообще не было. Они существовали только в его воспаленном мозгу. Ирод был уже скорее мертв, чем жив, но боль была очень дружна с Эриниями¹ и вовсе не торопилась отдавать его смерти; она, кажется, развлекалась, наблюдая за муками Ирода, и она, как и Ирод, ни во что не ставила жизнь.

Чудовищные, искаженные картины прошлого все чаще возникали перед ним. Ирод отсылал всех и плакал от боли, от воспоминаний, от жалости к самому себе и еще неизвестно отчего, а иногда впадал в неистовство, становился злобен и мстителен сверх меры, т.е. сверх своего обычного состояния.

¹ Богини мщения в греческой мифологии.

Все чаще царь вспоминал о том мессии, который безусловно родился, потому что в стране было тихо. И ему стало ясно, что вовсе не обязательно захватывать власть путем бунтов, войн или покушений, — достаточно вот так, тихо и незаметно, проникать ему в разум и заставлять его призывать смерть, что было отвратительно как ему самому, так и Сущему. Может быть, это было и не так, но лучшие врачи только разводили руками, молились и призывали молиться его. Проклятый мессия один раз предстал перед ним: он стоял рядом с его сыном, и они держались за руки. Ирод старался разглядеть лицо мессии и не мог этого сделать: то ли вместо лица у него была пустота, то ли он был слишком мал ростом, а опустить глаза Ирод почему-то не мог. В конце концов царь принял еще одно решение, сдобренное кровью, но он принимал уже много таких решений и это, новое, ничего не меняло.

Ирод решил избавиться от мессии, и это было относительно просто: необходимо было убить всех младенцев двухлетнего возраста в этом проклятом городе, в городе Давида². Для рабов и вольноотпущенников могло быть сделано исключение, но это надо оставить на усмотрение того, кто будет воплощать в жизнь его решение.

Иудеи не годились для такого дела. Жизнь детей они ставили превыше всего, и это относилось не только к собственным их детям, но и к детям вообще, поэтому они не годились.

Галаты и германцы, составляющие цвет его гвардии, тоже не годились: одни старились, уходили в отставку, на других нисходил проклятый дух этой страны, и они были как иудеи. Царь постоянно поддерживал численность своей гвардии, приглашая новых германцев и галатов взамен выбывших, но их способность выполнять щекотливые поручения оставалась под вопросом. И тогда он внезапно вспомнил о финикийце Самаралле, так преданно служившем ему. Он, правда, давно умер, но оставался его сын Агон, который несколько раз выполнял поручение царя. Он был достаточно умен, способен, и кровь иудеев или их детей волновала его в очень малой степени. Вернее, не волновала вовсе.

Ирод послал за Агоном. Тот прибыл. Наверное, боли понравилась решение Ирода, и она оставила его ненадолго. Ирод, торопясь, словно знал, что у него мало времени, а может быть, подсознательно стараясь избавиться от мыслей обо всем этом, начал без предисловий:

— Агон, чуть меньше двух лет назад по Иудее бродил слух о пришествии некоего мессии. Потом этот мессия родился, и страна успокоилась.

Финикиец внимательно слушал, чуть склонив голову.

— Я хочу, чтобы этот мессия был мертв.

— У царя есть точное пожелание? — вежливо спросил финикиец.

— Нет, хотя кое-что я знаю. Он должен был родиться в Вифлееме. Ему около двух лет, и он из рода Давида. Самое простое решение — истребить в городе всех младенцев до двух лет. Разумеется, детей рабов и вольноотпущенников можно оставить в живых, так же как детей сирийцев и греков.

Финикиец посмотрел на царя с некоторым сомнением.

— Иудеи мстительны. Они будут искать людей, совершивших подобное, всю жизнь.

— Я стар и скоро умру, — сказал Ирод, — а мир велик и прекрасен. Я дам тебе двадцать пять талантов. И ты исчезнешь. Есть Египет, Рим с его новыми прекрасными провинциями. Там вполне можно жить без всяких волнений.

— Удвойте сумму, — сказал финикиец, — и дайте мне две недели.

— Но это же полугодовой доход небольшой провинции.

Финикиец кивнул.

— Желание царя будет исполнено, и никто ничего не узнает.

— Тебе нужны люди?

Финикиец отрицательно покачал головой.

— Мне нужны деньги, половина обещанной суммы.

Ирод вызвал казначея. Тот выслушал Ирода с удивлением: мыслимо ли отдавать столько денег неизвестно кому и зачем? Однако пошел выполнять распоряжение. Финикиец последовал за ним.

Примерно через три недели до Иерусалима докатилась весть о чудовищном преступлении в Вифлееме. Были вырезаны младенцы в возрасте до двух лет. Вооруженные люди врвались в дома, не грабили, а убивали только мальчиков. Молва раздула слухи. Говорили о многих-многих погибших, потом число сократилось до нескольких десятков, потому что гибли только дети из знатных семей. Все понимали, что это как-то связано с мессией. Но никто не увязывал это преступление с именем Ирода. Ведь если бы царь был против мессии, зачем ему было ждать целых два года? «Здесь что-то другое», — решила молва. Но поскольку никаких доказательств

чего-то другого не было, слухи быстро заглохли. Создавалось впечатление, что все касающееся мессии потонуло в пуховых подушках. Финикиец пришел за деньгами, получил их и исчез.

Боли по-прежнему донимали Ирода. Однажды он даже пытался покончить с собой ножом для фруктов. Такой нож не годился для самоубийства. И вообще это был грех перед Сушим, но Ирод все меньше думал о Сущем, потому что теперь над ним главенствовала боль. Ахав, бывший при нем, перехватил его руку. Уложил в постель, посидел рядом. Вызвал врачей. У тех родилась идея, за которую Ирод ухватился. Ему даже стало легче, когда он поверил врачам. Те утверждали, что путешествие к горячим ключам Каллирою, славящимся на всю Иудею, исцелит его.

Было довольно прохладно, когда кортеж двинулся в путь. Они делали крюк вокруг Мертвого моря, потому что Каллироя лежала на его восточном побережье. Времени у царя было много, и он размышлял. Он не был так наивен, чтобы не понимать, что смерть уже рядом, но могучий дух его был против смерти, ему хотелось жить. Он хорошо себя чувствовал всю дорогу, но горячая ванна из солевой воды, сероводорода, благовоний и масел вызвала у Ирода болевой шок. Он потерял сознание и очнулся только от криков слуг и врачей. Его быстро вытащили, обтерли и умастили. Он понял, что надежды на излечение нет, и велел возвращаться в Иерихон.

По возвращении царь Ирод пригласил сестру Саломею и ее мужа, долго говорил с ними. На следующий день он изменил завещание: Архелая назначил своим преемником — этнархом Иудеи, а Антипе и Филиппу оставил тетрархии.

Глава 51

Смерть

По семь человек с каждой стороны несли позолоченное ложе, и казалось, что лучи солнца, которых было много, падали на это траурное ложе со всех сторон, отражаясь и слепя огромные толпы зевак и радующихся, мешая им запечатлеть образ Ирода. Часто лучи находили многочисленные драгоценные камни, которыми было украшено последнее пристанище царя, и тогда камни подмигивали народу своими красными и зелеными глазами и двумя синими, сапфировыми, неведомо как попавшими к Ироду из жизни.

Тело Ирода, доставленное из Иерихона в Иерусалим, было облечено в багряницу, сверху было наброшено драгоценное пурпурное покрывало, пестрящее узорами, в которые искусно были вплетены яблоки и гранаты. На царя была его любимая диадема, полученная им в качестве свадебного подарка от Гиркана, когда он брал в жены Мариамну I, в правой руке его был скипетр — Ирод редко брал его в руки, предпочитая посох.

Процессия двигалась в полном молчании, мерно и торжественно. Сыновья Ирода, его многочисленные родственники плотной массой окружали ложе царя. Они, любимые и нелюбимые, но почти все боявшиеся его, провожали теперь свой страх, но, казалось, еще не до конца осознали это, и поэтому страх тоже шел вместе с ними, большой и лохматый.

Потом шли телохранители. В начале и по праву выступали фракийцы, необузданные, как сам Ирод, жестокие и искренние в своей скорби. Короткие пурпурные туники, в которые они были одеты, казалось, служили продолжением покрывала Ирода, а два черных пера, венчающих их шлемы, были одновременно похожи и на качающиеся зловещие рога, и на исхудавших ворон, готовых закаркать в любую минуту. Мечи их были коротки, на концах искривлены и напоминали крюки — ни у одного народа не было

подобного оружия. Щиты их были маленькие, четырехугольные и выпуклые, они были гораздо меньше римских и не мешали быстрым перемещениям их обладателей.

За ними шли галлы — белокурые, с нежными белыми лицами, на которые неудачно были наброшены белые маски. Они были вооружены короткими копьями, широкими и остроконечными небольшими щитами, а на шлемах красовались серебряные стилизованные рыбы.

Венчали шествие телохранителей двести германцев, недавно подаренных Ироду Августом. Среди них не было ни одного, чье лицо не было бы покрыто шрамами, — создавалось впечатление, что они сами наносили эти шрамы, чтобы было, чем гордиться. Они все были громадные и несли огромные алебарды — оружие, ранее невиданное на Востоке, копья и мечи их тоже были огромными, а еще они были вооружены ассагаями — метательными копьями с тонким древком.

Потом шли иудейские отряды, созданные и экипированные Иродом по римскому образцу. И каждая когорта была ведома одним из ветеранов, долгие годы сражавшимся рядом с Иродом.

Пятьсот рабов и вольноотпущенников с благовониями, травами и курениями завершали траурную процессию.

Тяжелый пряный запах, казалось, надолго осел и прочно закрепился на всем протяжении этого длинного пути примерно в 8 километров, на котором они сопровождали тело Ирода по Иерусалиму и за воротами его. Затем толпа стала быстро рассасываться, а через три с половиной часа после начала шествия и отряды воинов покинули его. Только телохранители провожали кортеж еще примерно 30 километров до Иродиона, где Ирод и был похоронен.

Вместе с Иродом ушел не только страх — страну покинула некая сдерживающая сила, или идея, которой наряду с предвидением в полной мере обладал Ирод. Уходил в небытие не только великий реформатор. Вместе с ним Иудею покидала идея совмещения двух несовместимых начал. Ирод свел лицом к лицу два мира, две культуры, две эпохи, два духовных начала. Он пытался бороться со временем и в течение одного поколения совершить то, что просто нельзя было сделать. Потребовалось 2 тысячи лет только для того, чтобы

эти миры, по крайней мере, научились понимать друг друга и отказались от принципа, сформулированного великим поэтом¹:

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
и с мест они не сойдут,
пока не предстанет небо с землей
на страшный Господень суд.*

На западе Иудея граничила с Египтом, и уже многие тысячи лет эти абсолютно несопоставимые культуры умудрялись жить, не подрывая духовной основы друг друга. По-видимому, все заключалось в том, что и там в основу духовной деятельности была положена *vita contemplativa*². И та, и другая страна не только не хотели, но даже опасались экспорта своей культуры.

Иное дело греко-римская идея. Эта была новая, молодая формация, активно ищущая славы, удовольствий, творчества, триумфа — словом всего того, что требовалось для *vita activa*³.

Так интровертная цивилизация столкнулась с экстравертной.

Дело было вовсе не в монотеизме. Всерьез на него никто не покушался. Весь сонм римских богов во главе с Юпитером Капитолийским предпочитал скорее улизнуть в первую попавшуюся подворотню, чем вступать в борьбу с иудейским Единым и Незримым. Дело было не в сохранении духовных ценностей. Именно в эпоху Августа на них вообще никто не покушался — это был «золотой век» экспансии иудейских духовных ценностей по всей гигантской Римской империи. Не стоял вопрос и об экономике. Конечно, Иудея платила дань Риму. Но Агриппа II незадолго до разрушения Третьего храма обстоятельно и обоснованно увещевал своих соотечественников: «Одумайтесь, ваша дань в сравнении с Египтом — ничто». Речь Агриппы заслуживает отдельной темы, но это был глас вопиющего в пустыне.

Ирод пытался привить Иудее нечто ей абсолютно чуждое, и подобно тому как живой организм отторгает инородное тело, со смертью Ирода все защитные силы этого сложного организма, каким являлась Иудея, пришли в движение, и началось интенсивное

¹ Р. Киплинг.

² Созерцательная жизнь.

³ Активная жизнь.

отторжение, выгаливание этого нового, чужого мира, чуждой культуры. Сразу же после смерти Ирода последовал первый бунт, а затем, через 70 лет, второй, перешедший в восстание и уничтоживший Иудею.

Этот акт самоуничтожения остался не понятым миром и не был занесен в книгу рекордов Гиннеса. А между тем это было величайшее событие в истории цивилизации. Нельзя сказать, что прагматичные иудеи не понимали пагубность борьбы с Римом. Они понимали это и в тот момент, когда, коленопреклоненные, тысячами стояли на пыльной дороге перед когортами Понтия Пилата и, выгнув шею, молили, или разъясняли, или убирали штандарты с изображениями. Они вовсе не имели ничего против самого Тиберия, политика которого в отношении Иудеи мало чем отличалась от политики Юлия Цезаря и Октавиана. Сам факт шествования изображений по Иудее был ненавистен им, и они предпочитали смерть нарушению запрета.

Через несколько лет сумасшествие Калигулы, возомнившего себя богом, едва не поставило Иудею на грань катастрофы. Страна воспрепятствовала бредовой идее Калигулы установить его статую в храме и почитать его как божество. Только самоотверженность Петрония и смерть Калигулы спасли тогда Иудею.

Но нельзя испытывать судьбу постоянно. В греко-римском мире Иудея была обречена. Где-то там, на востоке, была другая подобная интровертная цивилизация — индийская. И у Александра Македонского хватило широты кругозора, чтобы понять полную бесперспективность покорения Индии.

Но у Индии было огромное преимущество. Страна была велика и находилась слишком далеко на Востоке. Иудея же была здесь, рядом, в самом центре римской экспансии. В отличие от Индии Иудея исповедовала монотеизм, жесткий, бескомпромиссный. На протяжении 2 тысяч лет в горниле жаркого иудейского климата ковалась и отшлифовывалась идея Незримого, Единого и Непреклонного. В сонме египетских, индийских или греческих богов всегда можно найти более или менее симпатичных личностей наряду с их антиподами. В Иудее этого не было. Бог их был Непреклонен и Бескомпромиссен. И это в большей мере относилось к избранному народу, чем к окружающему внешнему миру. Бог ничего и никому не обещал — это было не в его правилах, не брал на себя

никаких обязательств, а уж в том, чтобы взять на себя все грехи мира, как это сделал Христос, не могло быть и речи. Но у него было и огромное преимущество. Везде и всегда он выступал как арбитр, причем совершенно Беспристрастный, Неподкупный и Неошибающийся. Каждый из его народа знал, что поступкам некоего индивида существует адекватная оценка, и только он сам мог вести отсчет своим поступкам и деяниям. Бог был суровым экзаменатором опять же только по отношению к избранному народу и был как всегда прав. И если избранный народ погряз в грехе, из которого не переставал вытаскивать правую ногу, как застревала левая, то что уж и говорить о непосвященных, грешных изначально. К чему было тратить свою энергию. И Непогрешимый предпочитал просто не замечать их.

Экзамены, которые принимал Предвечный у своего народа, с одной стороны, были просты и понятны. Предметы были изложены на скрижалях, другие, как говорится, факультативные, были зафиксированы в Законе, но сдача этих обязательных и необязательных экзаменов доставалась очень дорогой ценой. Ледяная маска бесстрастности, с которой Единый принимал экзамены, иногда оттаивала, и эта цивилизация, возникшая в тающем льде в жаре Иудей, не имела аналогов в мире. Сочетание высочайшего религиозного чувства с патологической страстью к созерцанию, толкованию и философскому осмыслению мира привело к созданию конкурирующих сект и школ ессеев, фарисеев, саддукеев. Но многие вопросы, которым они придавали столь большое значение, в глазах другого, экстравертного, мира просто не имели смысла.

Если отбросить масштабность географического, людского, экономического и военного потенциала, то в духовном смысле столкнулись две разные цивилизации. Пламень атакующего, открытого, ищущего, экстравертного мира натолкнулся на холодную внутреннюю замкнутость Иудей, погруженной в изучение самой себя.

Нельзя сказать, что в Римской империи, поглотившей Грецию и воспитанной на ее философии, не было философских школ. Были, и предостаточно. Однако краски прекрасного внешнего мира были так ярки, что восторженные греки не могли оторваться от их созерцания, и их философия стремилась к познанию этого мира, а выяснять отношения с богами, которые жили и переживали с ними рядом, казалось им просто неуместным.

Иное дело иудеи. Внешний мир людей, не познавших Единого, был просто неинтересен для них. Они были как лорды в английском клубе: мир начинался и кончался его стенами. Нельзя, однако, думать, что все окружающие с восторгом наблюдали за этим элитным и замкнутым клубом.

Еще через 2 тысячи лет после расселения в каком-нибудь украинском местечке местный мудрец мог прочесть некую книгу, на неделю задуматься, а затем позвать — все равно кого — жену, соседа детей (ему необходимо было выговориться). И, опустив очки на нос, если они у него были, левой рукой пощипывать бороду и, подняв указательный палец правой руки к небу, произнести «Зугт Раши»¹.

Но пока он произносил эту фразу и поднимал палец, новая мысль осеняла его и полностью вытесняла первую, и он снова задумывался.

Столкнулись две несовместимые, интуитивно ненавидящие друг друга стихии. Лед и пламень, кошка и собака, интровертная и экстравертная культуры.

Ироду после Александра Янная впервые удалось не только провести подобно Александру Македонскому легионы через Иудею. Пыль, поднятая сандалиями, копытами и колесами его войска, улеглась через несколько минут. Пыль она и есть пыль. С Иродом зачатки греко-римской духовной и материальной сферы начали обосновываться и прививаться в Иудее, но это была прививка на «живое».

Иудея была похожа на девственницу, которую привели в гарем и уже успели ощупать и осмотреть. Она же, забившись в угол, повторяла только одно: «Нечистая, нечистая, нечистая». А главный евнух, в лице которого выступал Ирод, предлагал ей обнажиться, надеть украшения и отдаться. На ее гордое и постоянное «нет» он хладнокровно и настойчиво повторял: «Ну тогда ты погибнешь». Ее ответ был: «Я знаю, но я умру Чистой». Эта аналогия как нельзя лучше характеризует состояние Иудеи, брожение ее умов, иступленность и обреченность. От хасмонейских войн до Маккавейского восстания Иудея осознавала свою обреченность — в этом было ее предназначение. Она подсознательно готовилась к своей гибели.

Она расселила свой народ по всей огромной Римской империи, и она создала синагоги — островки духовности во враждебном и

¹ Говорит Раши (идиш).

далеком мире. И еще она породила христианство. Теперь ей было не так страшно. Она исполняла свое предназначение.

Расселение, пытки, плен, унижение разделили народ на три части.

Первая часть выживших, число которых было очень велико, ассимилировалась, внося в цивилизацию струю интровертности. Они канули в лету, что, впрочем, не мешало их потомкам преследовать других, устоявших.

Вторая часть, их было немного, влилась в христианскую семью. О них, кроме книг Нового завета, ничего не известно. Время поглотило их.

А третья часть на протяжении 2 тысяч лет сохранила свою индивидуальность, свою духовность и возродила свой народ.

Наверное, в этом и было ее предназначение. Реформаторские идеи Александра Янная, Ирода, его потомков были изначально обречены на неудачу, потому что вступали в противоречие с Предназначением, с Роком, со Всемогущим Временем. Потому что 2 тысячи лет борьбы за единобожие, за монотеизм заложили в их генах стойкий стереотип устоев и неприятия. И потребовалось 2 тысячи лет — примерно столько же, сколько создавался духовный уклад, чтобы он был трансформирован, чтобы окружающий экстравертный мир, по крайней мере, частично воспринял его, научился если не воспринимать, то терпимо относиться к их идеям. В свою очередь, они, переступая через самих себя, убедились в том, что нагота не обязательно должна быть постыдным фактором, а изображение значительно обогащает жизнь.

На это ушло 2 тысячи лет.

Феномен Ирода заключается в том, что его деятельность нельзя рассматривать в полутонах. Если принять в основу принцип традиционной патриархальной Иудеи, как это делал Флавий, то Ирод, безусловно, деспот и тиран, если же пытаться понять этого человека, охваченного греко-римскими идеями, он — великий реформатор.

Право каждого принять тот или иной взгляд.

Хронология событий в жизни Ирода Великого

	Год до н.э.
Рождение Ирода	72
Начало правления Гиркана II	70
Рождение Клеопатры	69
Рождение Дорис	68
Взятие Иерусалима Помпеем	63 (осень)
Назначение Авла Габиния наместником Сирии	56
Начало похода Габиния в Египет	55 (начало)
Женитьба на Дорис	55 (конец)
Рождение сына Антипатра	54
Рождение Мариамны I	53
Смерть Птолемея XII Авлета	51 (конец мая)
Начало царствования Клеопатры	51
Сражение близ Александрии	47 (27 марта)
Союз Юлия Цезаря и Гиркана II	47 (окт.—ноябрь)
Поход Ирода с Секстом Цезарем на Иерусалим	47 (конец)
Смерть Антипатра, отца Ирода	46
Смерть Юлия Цезаря	44 (15 марта)
Нашествие парфян на Иудею	40 (весна)
Начало осады Масады	40 (весна)
Первая встреча с Клеопатрой	40 (весна)
Битва близ Перузии	40
Смерть брата Фасаила	40 (осень)
Возвращение Марка Антония в Рим	40 (сентябрь)
Приезд Ирода в Рим	40 (зима)
Назначение Ирода царем Иудеи	39 (конец января)
Прибытие Ирода в Птолемаиду	39 (весна)
Битва при Яффе	39 (лето)
Освобождение Масады	39 (лето)
Встреча Ирода с Силоном, начало войны с разбойниками	38 (январь)

Разгром разбойничьих шаек	38 (конец весны)
Смерть брата Иосифа	38 (конец)
Победа Вентидия над Пакором, смерть Пакора	38 (9 июня)
Начало осады Иерусалима Иродом и Соссием	37 (начало)
Женитьба на Мариамне I	37 (начало)
Падение Иерусалима	37 (начало августа)
Рождение сына Александра	37 (осень)
Казнь Антигона Антонием	37 (осень)
Поход Антония на Парфию	36
Рождение сына Аристовула	36 (конец)
Смерть Аристовула III, брата Мариамны I	35 (осень)
Приезд к Антонию	35 (конец)
Поход Антония в Армению и приезд Клеопатры в Иудею	34
Поездка с Мариамной I к Генисаретскому озеру	32
Поражение близ Каны Галилейской	32
Битва при мысе Акции	31 (2 сентября)
Казнь Гиркана II	30
Прибытие Октавиана в Александрию	30 (1 августа)
Смерть Антония	30
Смерть Клеопатры	30 (август)
Встреча с Октавианом	30 (конец)
Смерть Мариамны I	29 (начало)
Казнь Александры, матери Мариамны I	28
Засуха в Иудее	27
Обожествление Октавиана Августа	27
Приезд в Рим Николая Дамасского	27
Казнь Костобара	26
Начало похода Элия Галла	25 (весна)
Вторая встреча Октавиана Августа с Николаем Дамасским	25
Женитьба на Мариамне II	24
Поездка в Рим с сыновьями Мариамны I	24
Начало строительства храма Ирода	24 (сентябрь) (начало 23 г. по иудейскому летосчислению)
Освящение храма	22 (конец января)
Посещение Марком Агриппой Иудеи	22
Женитьба сыновей Александра и Аристовула	21
Морской поход с Марком Агриппой на Босфор	21 (весна)
Женитьба Марка Агриппы на Юлии	21

Отъезд в Рим старшего сына Антипатра	21
Жалоба Ирода на сыновей Мариамны I	15
Праздник в честь Августа	12
Смерть Марка Агриппы	12
Казнь сыновей Мариамны I	8
Избиение младенцев	5 (осень)
Арест сына Антипатра	5 (конец)
Казнь Антипатра	4 (март)
Смерть Ирода	4 (14–15) марта

Литература

- Агнон Ш.И.* Во цвете лет. М.: Панорама, 1996.
- Аллегро Д.М.* Сокровища медного свитка. М.: Наука, 1967.
- Аннаньель.* Христианство: догмы и ереси. СПб.: Академический проспект, 1997.
- Аппиан.* Гражданские войны. Л., 1935.
- Атлас библейской истории. М.: Российское Библейское Общество, 1995.
- Бадж У.* Египетская религия. Египетская магия. М.: Новый акрополь, 1996.
- Библейские исследования / Сб. статей. Сост. Б. Шварц. М., 1997. Вып. 1.
- Библейская энциклопедия. М.: Российское библейское общество, 1996.
- Библейская энциклопедия. М.: NB-press: Центурион: АПС, 1991. Т.1.
- Библия. М.: Российское библейское общество, 1994.
- Блон Ж.* Великий час океанов: Средиземное море. М.: Мысль, 1982.
- Боттеро Ж.* Рождение Бога. М.: 1998.
- Вавилонский Талмуд. Трактат Таанит. Иерусалим; М., 1998.
- Вестбери Г.* Актея; Последние римляне. М.: Дрофа; Новая книга, 1993.
- Гадаскина И.Д., Толокоцев Н.А.* Яды – вчера и сегодня. Л.: Наука, 1988.
- Гедберг Т.* Иуда; *Корелли. М.* Варрава; *Фарраф Ф.* От тьмы к свету. М.: Новая книга, 1994.
- Гибель Иудей. М.: Новая книга, 1995.
- Годовиков А.А.* Минералогия. М.: Недра, 1983.
- Гораций.* Оды. (Любое издание)
- Даули Т.* Библейский атлас. М.: Российское Библейское Общество, 1995.
- Джованьоли.* Спартак. М.: Молодая гвардия, 1954.
- Деревенский Б.Г.* Иисус Христос в документах истории. СПб.: Алетей, 1998.
- Дубнов С.М.* Краткая история евреев. М.: Сварог, 1996.

- Дюрант В.* Цезарь и Христос. М.: Крон-Пресс, 1995.
- Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне, об александрийской войне, об африканской войне. М.: Л., 1948.
- Зелинский Ф.Ф.* Религия эллинизма. Томск: Водолей, 1996.
- Ильясов Я.* Месть Анахиты. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1984.
- История Древнего Востока: Учебник. М.: Высшая школа, 1979.
- Келлер, Вернер.* Библия как история. М.: Крон-Пресс, 1998.
- Колэй Д.* Кто есть кто в истории евреев: Словарь. М.: Внешсигма, 1995.
- Костолани Деже.* Нерон. М.: Худ. лит., 1997.
- Кравчук А.* Закат Птолемеев. М.: Наука, 1973.
- Ливий Тит.* История Рима от основания города. М.: Наука, 1994. Т.3.
- Лопухин А.П.* Библейская история Ветхого Завета. Монреаль, 1986.
- Лосев А.Ф.* История античной эстетики: Поздний эллинизм. М.: Искусство, 1980.
- Лосев А.Ф.* Эллинистически-римская эстетика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
- Лукиан.* Избранное. М.: Издательство Худ. лит., 1987.
- Маховский Я.* История морского пиратства. М.: Наука, 1972.
- Мень А.* История религии. Т.5. Вестники царства Божия. М.: Слово /Sivo, 1992.
- Моллизен Т.* История Рима: В 4 т. Ростов-н/Д: Феникс, 1997.
- Мордовцев Д.Л.* Ирод. М.: Изд-во МПИ, 1991.
- Палкинстон С.М.* Иудаизм. М.: Фаир-Пресс, 1998.
- Плутарх.* Изб. жизнеописания. Минск: Беларусь, 1995.
- Попов М.* Диктатор; *Гулия Г.* Сулла. М.: Армада, 1998.
- Прус Б.* Фараон. Ташкент: Медицина, 1987.
- Ранович А.Б.* Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М.: Политиздат, 1999.
- Рижский М.И.* Книга Иова. Новосибирск: Наука, 1991.
- Ренан Э.* Жизнь Иисуса. М.: Терра, 1990.
- Ренан Э.* Апостол Павел. М.: Терра, 1991.
- Советь и грехопадение: Святитель Иоанн Златоуст. О предательстве Иуды; *Ф.В. Фаррар.* Ироды. СПб.: Шпиль, 1998.
- Светоний.* Жизнь двенадцати цезарей. М.: Правда, 1988.
- Священное писание в свете духовной науки. М.: Информпресс, 1998.
- Софокл.* Драмы. М.: Наука, 1990.
- Страбон.* География. М.: Ладомир, 1994.
- Тантлевский И.Р.* История и идеология Кумранской общины. СПб., 1994.
- Тацит К.* СПб.: Наука, 1993.
- Тексты Кумрана. СПб., 1996.
- Телушкин И.* Еврейский мир. М.: Еврейский университет, 1992.
- Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового завета. СПб., 1904–1913. Репринтное изд.
- Уильямс Джон.* Август. М.: Армада, 1998.

- Уоллес О.А. Падение Царьграда; Грен Л. Последние дни Иерусалима. М.: Новая книга, 1993.
- Фаррар Ф.В. Жизнь и труды Св. апостола Павла. Киев: Богдана, 1994.
- Федорова. Императорский Рим в лицах. Смоленск: Инга, 1995.
- Ферреро Г. Юлий Цезарь. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996.
- Флавий Носиф. Иудейская война. Орел, 1991.
- Флавий Носиф. Иудейские древности. М.: Ладомир, 1994. Т.1,2.
- Флавий Носиф. О древности иудейского народа; Против Апиона. СПб., 1995.
- Флуцер Д. Иисус, свидетельствующий о себе. Екатеринбург: Урал ЛТД, 1998.
- Хаггард Р. Клеопатра. Баку: Гянджлик, 1990.
- Херинг Э. Служанка фараонов. М.: Наука, 1971.
- Херлбат К., Клейн К. Минералогия по системе Дэна. М.: Недра, 1982.
- Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. М.: Наука, 1991.
- Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1972.
- Цицерон. О старости, о дружбе, об обязанностях М.: Наука, 1975.
- Шифман И.Ш. Набатейское государство и его культура: (Из истории культуры доисламской Аравии). М., 1976.
- Шталь Т. Боги и гиганты. М.: Наука, 1971.
- Шюре Э. Божественная эволюция. М.: РЕФЛ-бук, 1997.
- Шюре Э. Великие посвященные. Репринтное изд. 1914 г.
- Эберс Э.Г. Уарда. М., 1965.
- Эберс Э.Г. Клеопатра. М., 1994.
- Элебрахт П. Трагедия пирамид. М.: Прогресс, 1984.
- Allegro F.M. The Dead sea scrolls. L.; Melborn; Baltimore, 1956.
- Bevan E. A History of Egypt under the Ptolematic Dynasty, L., 1927.
- Essays on the Dead sea scrolls In Memory of E.L. sukernik, ed. by C. Rabin and Y. Jadin, assisted by J. Licht. jerusalem? 1961 (на иврите).
- The Teaching of Buddha, Bakkyo Dendo Kyohai. 1966.

Содержание

От автора	3
<i>Глава 1. Предистория</i>	<i>4</i>
<i>Глава 2. Отец Ирода Великого</i>	<i>18</i>
<i>Глава 3. Помпей Великий</i>	<i>24</i>
<i>Глава 4. Птолемей Авлет</i>	<i>32</i>
<i>Глава 5. Александрийская война</i>	<i>43</i>
<i>Глава 6. Суд Синедриона</i>	<i>52</i>
<i>Глава 7. Смерть Антипатра</i>	<i>63</i>
<i>Глава 8. Смута</i>	<i>71</i>
<i>Глава 9. Парфяне против Ирода</i>	<i>76</i>
<i>Глава 10. Предательство Малка</i>	<i>86</i>
<i>Глава 11. Ирод и Клеопатра</i>	<i>91</i>
<i>Глава 12. Царь Иудей</i>	<i>99</i>
<i>Глава 13. Возвращение Ирода в Иудею</i>	<i>104</i>
<i>Глава 14. Масада</i>	<i>110</i>
<i>Глава 15. Марисса</i>	<i>117</i>
<i>Глава 16. Разбойники</i>	<i>131</i>
<i>Глава 17. Смерть брата Иосифа</i>	<i>136</i>
<i>Глава 18. Мечь</i>	<i>144</i>
<i>Глава 19. Падение Иерусалима</i>	<i>150</i>
<i>Глава 20. Антоний</i>	<i>163</i>
<i>Глава 21. Антоний и Октавиан</i>	<i>178</i>
<i>Глава 22. Мариамна</i>	<i>185</i>
<i>Глава 23. Смерть Аристовула III</i>	<i>197</i>
<i>Глава 24. Мариамна и Клеопатра</i>	<i>206</i>
<i>Глава 25. Воспоминания Клеопатры</i>	<i>217</i>
<i>Глава 26. Танец Мариамны</i>	<i>225</i>
<i>Глава 27. Мечь Клеопатры</i>	<i>231</i>

<i>Глава 28.</i> Ответ Ирода	235
<i>Глава 29.</i> Казнь Гиркана II	244
<i>Глава 30.</i> Смерть Мариамны I	252
<i>Глава 31.</i> Похороны Мариамны I	261
<i>Глава 32.</i> Октавиан Август	265
<i>Глава 33.</i> Хлеб и зрелища	273
<i>Глава 34.</i> Мариамна II	279
<i>Глава 35.</i> Саломея	288
<i>Глава 36.</i> Сыновья Мариамны I	299
<i>Глава 37.</i> Агриппа Великий	309
<i>Глава 38.</i> Гробница Давида и Соломона	319
<i>Глава 39.</i> Храм Ирода	326
<i>Глава 40.</i> Женитьба сыновей	340
<i>Глава 41.</i> Одиночество	345
<i>Глава 42.</i> Вражда	352
<i>Глава 43.</i> Архелай Каппадокийский	365
<i>Глава 44.</i> Силий	373
<i>Глава 45.</i> Виновность сыновей	380
<i>Глава 46.</i> Суд над сыновьями	390
<i>Глава 47.</i> Ферор	400
<i>Глава 48.</i> Старший сын	405
<i>Глава 49.</i> Пророчество Михея	420
<i>Глава 50.</i> Избиение младенцев	431
<i>Глава 51.</i> Смерть	435
Хронология событий в жизни Ирода Великого	442
Литература	444

Случай бродит по истории. Путь его долог. Время от времени к нему присоединяются Мом и Дионис... Только так можно объяснить навешивание ярлыков «великий злодей» или «великий правитель».

Один из величайших полководцев Древнего Рима — Тиберий, своими талантами во многом превосходивший Августа и отнюдь не более жестокий, волей случая и пером Тацита превращен в маразматика со множеством мерзких наклонностей. Иосиф Флавий, через призму ортодоксального национализма описывающий жизнь Ирода, вылепил эту колоритнейшую фигуру из желчи, но даже это не в состоянии умалить деяний, о которых говорят его книги.

Кому-то повезло больше. Клеопатра, которой Ирод противостоял, и безуспешно, на протяжении многих лет, не жалела крови. Она казнила плененного царя Армении: Артавазда II и его семью, повелела умертвить Арсиною, свою сестру, да и ее последний муж, он же сводный брат, расстался с жизнью не без участия супруги. Однако на протяжении веков Клеопатра — любимый образ поэтов, писателей, читателей.

Таких примеров в истории множество.

Эта книга — отнюдь не апологетика Ирода и его деяний. Я просто пытался восприсечь те давние события и понять его поступков.

30632

Ирод Великий Ливан С.

30

06.06.00